К 8с(Чув)
0-75
2248-к

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

ОСНОВОПОЛОЖНИК ЧУВАШСКОЙ СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ВЫПУСК 51

ЧЕБОКСАРЫ — 1971

Национальная библиотека ЧР
k-002248

к 8 с(чув)
0-75
2248-к

Основоположник
чувашской совет-
ской поэзии

1р09к.

2248-к

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

ОСНОВОПОЛОЖНИК ЧУВАШСКОЙ СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ВЫПУСК 51

ЧЕБОКСАРЫ — 1971

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Н. Е. Егоров. Основоположник чувашской советской поэзии . . . 5
Н. С. Дедушкин. Великий поэт чувашского народа 12
М. Я. Сироткин. Основные мотивы творчества Сеспеля 19
А. Е. Алка. Çеçпĕл Мишши 35
Н. С. Павлов. Михаил Сеспель в чувашском литературоведении . . 52
Н. И. Иванов. О стиховой системе М. Сеспеля 73
С. П. Горский. Язык и стиль Михаила Сеспеля 86
Н. П. Петров. Языковое новаторство М. Сеспеля 97
И. Д. Кузнецов. Çеçпĕл Мишши пултарулахĕнчи нациллипе интернационалли 117
Н. И. Иванов. Михаил Сеспель и чувашский комсомол . . . 124
Г. Н. Волков. Педагогические идеи в творческом наследии Сеспеля . 137

Сообщения

Е. В. Владимиров. О некоторых типологических связях творчества М. Сеспеля и поэтов «Кузницы» 145
М. И. Мальцев. Романтизм литературы первых лет Советской власти и М. Сеспель 151
Ю. М. Артемьев. Некоторые элементы революционного романтизма в поэзии М. Сеспеля 163
В. Н. Абашев. Произведения М. Сеспеля на языках народов СССР и зарубежных стран 171
В. Я. Канюков. Некоторые итоги работы над академическим изданием собрания сочинений М. Сеспеля 183
Ф. А. Романова. Драматургический опыт Михаила Сеспеля (наброски его пьесы «Чувашкий поэт») 190
И. И. Одюков. Фольклорные традиции в творчестве М. Сеспеля . . 196
В. А. Долгов. Неизвестные произведения Михаила Сеспеля . . . 206
М. Ф. Чернов. Фразеологизмы в произведениях Сеспеля 214
А. Г. Григорьев. Сеспель Мишши — художник 224
Д. Е. Егоров. Наследие Михаила Сеспеля в патриотическом воспитании подрастающего поколения 235
Н. С. Сидоров. Гуманизм поэта Михаила Сеспеля 239
Ю. С. Гуров. Воинствующий атеизм Сеспеля 245
А. М. Александров. Революция и идейный мир писателя (М. Сеспель и С. Чавайн) 257

Научно-исследовательский институт при Совете Министров Чувашской АССР

ОСНОВОПОЛОЖНИК ЧУВАШСКОЙ СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

Ученые записки

Выпуск 51

Редактор **Н. С. Павлов, А. Е. Горшков**
Техредактор **В. А. Прохорова**
Корректор **А. Т. Тимофеева**

НТ 04117. Сдано в набор 2/VII-1970 г. Подписано к печати 25/11-1971 г. Формат 60×90 1/16. Типографский № 3. Физ. печ. л. 16,5. Учетно-изд. л. 16,51. Заказ № 4081. Тираж 600 экз. Цена 1 руб. 09 коп.

Типография № 1 Управления по печати при Совете Министров Чувашской АССР г. Чебоксары, Володарского 5.

ПРОВЕРЕНО 2010

Национальная библиотека Чувашской Республики

Печатается по постановлению Ученого Совета Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР от 27 апреля 1970 года

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

Вып. 51 УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ 1970

ОСНОВОПОЛОЖНИК ЧУВАШСКОЙ СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

(К 70-летию со дня рождения Михаила Сеспеля)

Н. Е. ЕГОРОВ,
заместитель председателя Совета Министров Чувашской АССР

Недолгим был жизненный и творческий путь Михаила Сеспеля. Лирик, чарующий своими стихами, агитатор, трибун, революционер, государственный и общественный деятель прожил всего неполных 23 года (1899—1922). Но каких! В нем стучал «мильон сердец», он был «сам — мильон, мильона чувашей певец». Поэт пронесся по жизни, как яркая звезда по небосводу, не только оставив неизгладимый след в чувашской советской поэзии, но и заложив ее прочную основу. Это о нем писал народный поэт Чувашии П. П. Хузангай:

Сердце Данко в груди у поэта пылало:
Слову, что спасено от оков,
Верой страстной то сердце расцвет предвещало
В равноправной семье языков.

То, к чему с глубокой верой поэт призывал: «Живущие! Взять перевал!»,— осуществилось. Благодаря Советской власти и ленинской национальной политике Коммунистической партии чувашский народ приобрел свою государственность. В равноправной братской семье советских народов Чувашская АССР превратилась в республику высокоразвитой промышленности и механизированного коллективного многоотраслевого сельского хозяйства. Расцвела ее национальная по форме, социалистическая по содержанию культура. По утрам дети спешат в школу. А по вечерам зажигаются огни многочисленных домов культуры, клубов и библиотек. В Чувашском государственном музыкальном театре зрители слушают оперу или смотрят балетный спектакль. На сценах городских и сельских культурно-просветительных учреждений идет репетиция — десятки тысяч трудящихся в свободное от работы время познают мир прекрасного в кружках художественной самодеятельности. Почтальоны ежедневно разносят по квартирам сотни тысяч газет и журналов. А на книжных прилавках сегодня, как и вчера, появилась новая книга, выпущенная Чувашским книжным издательством. Вот торопливо

шагает группа юношей и девушек — их ждут лаборатории и аудитории двадцати двух средних специальных и трех высших учебных заведений, в том числе Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова. С отрывом от производства в республике учатся без малого 300 тысяч человек. Действует ряд научно-исследовательских учреждений. Плодотворно работает многочисленный отряд творческой интеллигенции...

Жизнь и деятельность Сеспеля была неразрывно связана с жизнью трудового народа. Выходец из бедной крестьянской семьи д. Казаккасы (ныне Сеспель Канашского района), поэт рано лишается отца и познает все, что приходилось на долю тех, кто гнул спину от зари и до зари, не имея порою куска хлеба. Только благодаря настойчивому стремлению к знаниям ему удается окончить Шихазанскую второклассную школу. Здесь он знакомится с произведениями А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Ф. Шиллера, Г. Гейне. Его учеба в Шихазанах совпала с мировой империалистической бойней, принесшей трудовому люду неисчислимые бедствия и страдания. Впечатлительный юноша, выделявшийся среди своих сверстников начитанностью и развитием, в ту пору пишет:

Сколько горя, сколько слез
Им война приносит:
Только сын отца отвез,
Завтра — сына просит...

Поднимается народ
Грозною волною,
Смоет грязный царский род
С черною бедою.
(«Скоро...»)

Великая Октябрьская социалистическая революция застала Сеспеля в Тетюшах, куда он приехал осенью 1917 г. на учебу в учительскую семинарию. Состав обучающихся был весьма разнородным. Здесь, как и повсюду, не раз разгорались горячие диспуты. Политически незрелых семинаристов захлестнула волна бундовских настроений. Не сразу появилась ясность в национальном вопросе и у молодого Сеспеля. Но он был полон стремления понять суть великого революционного переворота и шаг за шагом проникается страстной верой в созидательные силы молодого Советского государства. На события Октября 1917 года молодой поэт откликается лозунговыми стихами:

Развевайся, о знамя Свободы святой,
Развевайся ты гордо над нами!
(«Обездоленных свет в непосильной борьбе...»)

Михаил Сеспель и его товарищи выступают организаторами совета учащихся семинарии и союза молодежи в Тетюшах, ставшего затем ядром уездной комсомольской организации.

...Декабрь 18-го года. Михаил Сеспель — член РКП(б) «...вместе с пролетариатом я почувствовал себя властелином жизни,— записал он позже в дневник.— С тех пор мое сознание ясно. Мысли могучи — я — коммунист!» В начале 1919 года Сеспель едет в Москву на курсы организаторов-пропагандистов при ВЦИК. Здесь он слушает В. И. Ленина, образ которого остался в его сердце на всю жизнь.

Закончив курсы, Сеспель возвращается в Тетюши и активно включается в революционную работу. «Удивительной была его работоспособность,— пишет в своих воспоминаниях член партии с 1918 года, один из первых комсомольцев П. И. Бекшанский,— он был в одно и то же время председателем уездной судебно-следственной комиссии, уездным корреспондентом РОСТА и редактором газеты РОСТА «Плакатный вестник», организатором уездной библиотеки, вел активную партийную работу, выезжал в села, организовывал там партийные и комсомольские ячейки и комитеты бедноты. При всем этом он уделял много времени комсомольской работе. В уездном комитете РКСМ он был заместителем председателя...» При активном участии поэта в октябре 1919 г. при Казанском губкоме РКСМ была организована чувашская секция.

В эти годы Михаил Сеспель много читает и пишет новые стихотворения, которые целиком связаны с новой, советской действительностью, борьбой за утверждение идеалов социализма. Так, в стихотворении «Грядущее» поэт провозглашает:

Рубежи и цепи, бедность и богатство
Сгинут от сиянья солнечного века.
Загорится пламя равенства и братства,
И любви высокой в сердце человека.

Стихотворение «На помощь братьям» — агитационный призыв к самоотверженной защите страны Советов:

Итак, друзья, на помощь фронту!
Мужчины, женщины, юнцы!
И в добрый час — все за работу,
Вперед на фронт, вперед, бойцы!

Июнь 1920 года. По декрету Советского правительства, подписанному В. И. Лениным, создается Чувашская автономная область. Отклик Сеспеля на это выдающееся событие в истории чувашского народа есть в стихотворении «Чувашский язык»:

Навсегда очищен пламенем свободы,
Новый день сияет над моей страной.
Скрылась тьма глухая, пронеслись невзгоды,
Наконец ты волен, наш язык родной!

Сеспель настойчиво просится на работу в Чувашию. И вот он в Чебоксарах. В ноябре 1920 г. на I учредительном съезде Советов Чувашской автономной области он избирается на высокие

государственные должности. В своем дневнике Сеспель пишет: «Членом Исполкома своей области, председателем Революционного Трибунала, деятелем пролетарской юстиции вступаю в 22 год своей жизни. Карьеризма, бесчестности нет в моей натуре. Надеюсь — никогда не замарать звания коммуниста, но пожелаю себе, вступая в 22-ой год,— больше с м е л о с т и з жизни!»

Сеспель всецело отдается государственной и общественной работе. Одновременно он усиленно занимается литературной деятельностью, пишет пламенные стихи, призывая трудящихся удвоить-утроить свои усилия в борьбе за светлое будущее:

О сын чувашский с жарким сердцем!
Откликнись, родину любя.
Подай нам голос, мы заждались.
Не верю я, что нет тебя!..

Грядущий мастер! Ты услышишь
Мой зов — и силу обретешь.
Я верю. Я мечту лелею:
Придешь ты в этот мир, придешь!
(«Сыну чувашскому»)

Хочу я видеть мой народ
Отважным, сильным.
Встань, чуваш!
Глаза на солнце! Рвись вперед!
Пришел он, день желанный наш.
(«Чуваш! Чуваш!..»)

Честный, неподкупный, непримиримый к врагам народа и революции — таким был Михаил Сеспель, деятель пролетарской юстиции. Враждебные элементы добиваются его отстранения от занимаемых постов, обвинив в умышленном поджоге учреждения, где он работал. Дело доходит до ареста. В эти тяжелые дни, полные драматизма, Сеспель писал: «...Бесконечно возмущает меня то, что я явился жертвой самых маленьких обстоятельств... Одного желаю, чтобы достало сил... остаться коммунистом». Впоследствии Сеспель был признан непричастным к этому происшествию.

Лишения, кипучая работа, клевета, заключение под арест — все это не могло не отразиться на состоянии здоровья поэта. Обострилась старая болезнь — туберкулез костей. Будучи тяжело больным, Сеспель работает в переводческо-издательской комиссии Чувашского отдела Наркомнаца, а затем едет на лечение в Нижний Новгород и оттуда — в Крым.

Последние год с лишним жизни поэт провел в Крыму и на Украине. Несколько поправив свое здоровье, Сеспель снова берется за работу и создает ряд замечательных стихотворений, в том числе программную «Пашню Нового Дня»:

Чуваш с могучим сердцем, житель новой эры,
Плечами подпирая неба свод,

Шагнет в простор, одеждой солнечной сверкая;
Обнимет Новый День его с любовью, верой,
И путь, что впереди, цветами уберет
Интернационала радуга живая.

В Евпатории поэт подружился с украинским писателем-самородком Ф. Н. Пакрышнем. В августе 1921 г. он едет в Киев и поступает на учебу в художественную школу. 20 сентября со стальной верой в грядущее он пишет:

О сердце, отважнее бейся
И песню крылатую пой!
Увидим мы, верь и надейся:
Наш край возродится родной.

Я слышу, как гром отдаленный,
Народная сила гудит
И хочет скорее, привольней
Излиться из мощной груди.

Шагайте бодрее и тверже,
Отчизны любимой сыны,
Не можем отстать мы,— не можем!—
От поступи нашей страны.
(«Стальная вера»)

В том же месяце Сеспеля призывают в Красную Армию, но через несколько месяцев он по болезни освобождается от дальнейшей военной службы. «Ничего не знаю о Чебоксарах, каково истинное положение вещей...» — обращается Сеспель в ноябре—декабре 1921 г. с письмом к одному из своих знакомых из Чувашии. Почти в это же время он пишет из Киева Ф. Н. Пакрышню: «...душа моя надломлена ужасом окружающей картины. Вижу на станции голодных с страшными исхудалыми лицами, в лохмотьях — беженцев с Волги».

В начале марта 1922 г. Сеспель едет на Черниговщину в село Волчья Гора к Ф. Н. Пакрышню и остается у него жить. Здесь он поступает на работу в Остерский уездный земельный отдел. Будучи делопроизводителем и инструктором переселенческой комиссии, он много энергии отдает организации помощи голодающим и переселенцам из губерний Поволжья. В этот период он изучает классиков украинской литературы, переводит на чувашский язык произведения из «Кобзаря» Т. Г. Шевченко, пишет оригинальные чувашские стихи.

15 июня 1922 г. поэта не стало.

Советская Украина, ставшая второй родиной Сеспеля, бережно хранит светлую память о славном сыне чувашского народа. В г. Остре Черниговской области, куда останки поэта перенесены в ноябре 1954 г., в его честь воздвигнут памятник-обелиск. Как в тихом городке над Десной, так и во всей Украине нет человека, который не знал бы поэта из далекой Чувашии. Поклониться его праху приходят пионеры и школьники, студенты, пенсионеры — стар и млад. Известный украинский писатель

Герой Советского Союза Ю. О. Збанацкий написал о нем роман «Сеспель».

Именем Сеспеля в его родной республике названы деревня, где он родился, колхоз, школа, библиотеки, улицы. В д. Сеспель и в Шихазанах установлены памятники-бюсты поэта. Имя поэта носит и один из волжских пароходов. В 1967 году учреждены премии им. Михаила Сеспеля, ежегодно присуждаемые Чувашским обкомом ВЛКСМ за лучшие произведения в области литературы и искусства.

Еще при жизни поэта вокруг его творчества шли горячие споры: одни обвиняли его в национализме, в национальной ограниченности, другие называли его пессимистом. Но жизнь внесла полную ясность: Михаил Сеспель вошел в историю литературы народов СССР как поэт новой эпохи, как человек, сердцем принявший Октябрь 1917 года и до конца преданный ему, как собиратель молодых литературных сил из числа трудящейся молодежи, как теоретик, заложивший основы чувашской советской поэзии.

«Революция вдохнула в нашу жизнь новый, животворный дух,— писал он в статье «Стихосложение и правила ударения», опубликованной в газете «Канаш» (Совет) от 17 ноября 1920 г.— Всюду и во всем — Возрождение. Стала развиваться и чувашская поэзия, призванная освещать путь чувашского народа и вдохновлять его... Надо искать новые пути. Следует наметить правильную линию. Нужно создать технику стихосложения». И новая техника стихосложения им была создана на основе глубокого изучения русской литературы и возможностей родного чувашского языка. На смену традиционному чувашскому народно-песенному семисложнику пришла силлабо-тоника, которая открыла еще более широкие перспективы для развития чувашской советской поэзии.

Поэтическая школа Сеспеля — это тесная связь литературы с жизнью, воспевание патриотизма и интернационализма, дружбы народов, свободных от цепей капитализма. Главный герой его произведений — трудовой народ, к служению которому поэт призывал мастеров слова:

Дай поэту силу,— пусть
Он в боях за наше дело
Будет бодрым, будет смелым.
Пусть борьбу, а не покорность,
Славит он, людьми любим;
Пусть отвагу, труд упорный
Солнцем сделает своим;
Пусть поэт и землю пашет,
Рубит лес и сено косит,
Пусть в работе песню сложит,
А на свадьбе — пусть он пляшет,
Пусть смеется, веселится...
(«Морю»)

Произведения Михаила Сеспеля, исполненные пафоса созидания и поэтического мастерства, ныне звучат на 50 языках народов Земли. Трудящиеся Чувашской АССР вновь и вновь произносят слова своего народного поэта Хузангая:

Сеспель с нами! Сгоревший во имя свободы,
Он шагает в строю наших лет,
Он — увидевший радугу братства народов,
Коммунизма воспевший рассвет.

Человек стальной веры, Михаил Сеспель по праву принадлежит к славной когорте самоотверженных борцов за коммунизм

◆

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

Вып. 51 УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ 1970

ВЕЛИКИЙ ПОЭТ ЧУВАШСКОГО НАРОДА

Н. С. ДЕДУШКИН,
кандидат филологических наук

Всего лишь неполных 23 года прожил основоположник чувашской советской литературы поэт-коммунист Михаил Сеспель (Михаил Кузьмич Кузьмин). Он родился 16 ноября 1899 года в деревне Шугурово (ныне Сеспель) Канашского района Чувашской АССР и скончался 15 июня 1922 года в селе Старогородка близ города Остра Черниговской области.

Судьбе было угодно, как писал народный поэт Чувашии П. Хузангай, что великого поэта «породила Земля чувашская и навечно приняла Земля украинская».

В суровые годы Великой Отечественной войны солдаты и офицеры — чуваши, проходя с боями мимо украинского города Остер, останавливались у могилы Сеспеля и клялись мужественно защищать свою родину от немецко-фашистских захватчиков.

«Перед отправлением в путь мы еще раз осмотрели могилу Сеспеля Мишши,— писал в июньские дни 1941 года воин Советской Армии П. Матвеев,— зеленые луга, сады... Мы кладем на могилу поэта венок из полевых цветов и, прощаясь с колхозниками, уходим. Машина мчит нас в сторону фронта. Прощай, Сеспель, наш незабвенный, родной!»

В тяжелые дни боев 1943 г., преследуя врага, был здесь и Педер Хузангай. С каким вдохновением писал он тогда:

Прости: не смог у очага
Тебя я медом помянуть.
На Запад, в сторону врага,
Три выстрела — и снова в путь...

Священна Украина-мать:
Грудь Сеспелю дала она.
Пока земля не спасена,
Мой меч не будет ножен знать!

«Поэт с пылающим сердцем» — так называют в нашем народе Михаила Сеспеля. За свою короткую жизнь он создал

произведения, которые вошли в золотой фонд чувашской литературы.

Сеспель — это подснежник, первый весенний цветок. Такой псевдоним выбрал себе поэт и незадолго до смерти сделал его своей фамилией. Имя его теперь известно не только на родине, в Чувашии, но и далеко за пределами нашей республики, за пределами Советского Союза. Об этом ярко свидетельствует то, что его программное стихотворение «Пашня Нового Дня» переведено на 50 языков народов нашей земли и издано отдельной книгой.

Михаил Сеспель восторженно встретил победу Великого Октября и активно включился в работу по укреплению молодой Советской республики. Вот что он писал в апреле 1918 г. в газете «Тетюшские известия».

И теперь, когда нужен народу наш труд,
За народ мы умрем за голодный,
И спасибо нам скажет оборванный люд
За геройский порыв благородный.

Горемычных защита! Измучась борьбой,
Не опустим главы пред врагами,
Развевайся, о знамя Свободы святой,
Развевайся ты гордо над нами!

Поэт-коммунист был твердо уверен, что будет построено новое общество, в котором «Загорится пламя равенства и братства» (стих. «Грядущее»); он ясно видел, что неодолимо идет, поднимается восход, полный новых светлых красок. И каким вдохновением жил и работал в эти дни Сеспель за светлое будущее трудового народа, видно из его дневниковых записей. «...закончил я 1918 год... вступлением моим в компартию, когда я почувствовал себя таким вольным, сильным, свободным от всех семейных, религиозных и общественных предрассудков, вместе с пролетариатом я почувствовал себя властелином жизни. С тех пор мое сознание ясно. Мысли могучи — я — коммунист!» [1].

В январе 1919 года молодой коммунист Сеспель был послан в Москву на курсы организаторов-пропагандистов при ВЦИКе, где он видел и слышал В. И. Ленина. Образ великого вождя запечатлелся в памяти поэта на всю жизнь. Возвращаясь с курсов, он остановился в родной деревне у матери, которой с восхищением рассказывал:

— Я, мама, только что из Москвы. Там я видел и слушал Ленина. Он очень горячо говорил о революции, о задачах Советской власти. У нас сейчас всюду фронт. Завтра я выезжаю в г. Тетюши. Эх, мама, сколько у нас работы! Мы победим! Так сказал Ленин...

---

[1] Михаил Сеспель. Собр. соч. Чебоксары, 1959, стр. 250.

После окончания курсов уездный комитет партии направляет Сеспеля на работу в уголовно-следственную комиссию. Одновременно с борьбой за укрепление новой, революционной законности он принимает деятельное участие в создании комсомольских организаций в городе и деревне, работает заместителем председателя укома РКСМ, уездным корреспондентом РОСТА, редактором газеты «Плакатный вестник», пишет стихи на русском и чувашском языках, читает их на молодежных вечерах и собраниях.

Весной 1920 года Сеспель принял участие в созыве и проведении в Казани первого Всероссийского съезда чувашских секций и активных работников комсомола. Съезд за подписями председателя В. Дмитриева и М. Кузьмина (Сеспеля) посылает приветственную телеграмму В. И. Ленину. Вот эта телеграмма:

«Москва. Кремль. Ленину.

Первый Всероссийский съезд чувашских секций, ячеек и активных работников РКСМ приветствует Вас, вождя мирового пролетариата, и выражает твердую уверенность в близкой кончине мировой контрреволюции. Чувашская коммунистическая молодежь, как один, готова встать на защиту идей коммунизма и приложить все усилия к тому, чтобы раз навсегда покончить с мировыми хищниками и грабителями» [2].

В этом же году Сеспель выступил в газете «Канаш» с программной статьей о путях развития чувашской советской поэзии. «Революция,— писал он,— вдохнула в нашу жизнь новый, животворный дух. Всюду и во всем — Возрождение. Стала развиваться и чувашская поэзия, призванная освещать путь чувашского народа и вдохновлять его. На страницах газет и журналов появляются все новые и новые стихотворения. Надо искать новые пути. Следует наметить правильную линию. Нужно создать технику стихосложения» [3]. И эту правильную линию поэт-революционер видел в тесной связи литературы с жизнью и борьбой трудящихся, в следовании примеру и творческому опыту великих русских писателей.

На основе глубокого изучения русского стихосложения и богатого устнопоэтического творчества чувашского народа, особенностей его языка Сеспель разработал новые пути развития чувашского стиха. На смену традиционной семисложной силлабики он предложил силлабо-тонику, которая дала огромный размах дальнейшему развитию нашей поэзии.

Летом 1920 года по декрету Советского правительства, подписанному В. И. Лениным, была организована Чувашская автономная область. Михаил Сеспель едет в Чебоксары и работает в первое время в областном комитете комсомола, затем — председателем Революционного трибунала и заведующим областным отделом юстиции. «...деятелем пролетарской юстиции вступаю в

---

[2] Сб. «Ленин и трудящиеся Чувашии». Чебоксары, 1970, стр. 96—97.

[3] Михаил Сеспель. Собр. соч. Чебоксары, 1959, стр. 149.

22 год своей жизни. Карьеризма, бесчестности нет в моей натуре. Надеюсь — никогда не замарать звания коммуниста...» [4].

Честным, неподкупным был он, мужественно боролся с врагами Советской власти, везде и всюду показывал пример преданности интересам трудящихся масс.

Сеспель постоянно находился в гуще революционной борьбы за новый мир, за воплощение в жизнь идей В. И. Ленина. Народ, революция, свобода... Эти слова сами собой входили в жизнь Сеспеля, становились плотью его поэтических творений. В годы работы в Чебоксарах им были созданы такие замечательные стихи, как «Жизнь и смерть», «Родной язык», «Сыну чувашского народа», «Чувашке», «Как умру» и др., он перевел на чувашский язык повести «Казаки» и «Хаджи Мурат» Л. Толстого, поэму «Мцыри» М. Лермонтова. Поэт часто выступал с чтением своих стихов среди молодежи, деятельно готовил к изданию сборник избранных произведений молодых чувашских поэтов.

В стихах этого периода Сеспель часто обращается к родному краю, народу, пишет о его дореволюционной тяжелой жизни, о том, что чувашский народ и его язык ожили после Великого Октября. Он первый из чувашских поэтов ясно и уверенно выразил языком новой, революционной поэзии пробудившееся сознание родного народа и его веру в светлое будущее коммунистического общества. В стихотворении «Чувашский язык» он писал:

Навсегда очищен пламенем свободы,
Новый день сияет над моей страной.
Скрылась тьма глухая, пронеслись невзгоды,
Наконец ты волен, наш язык родной.

Эти слова сейчас высечены на чувашском, украинском и русском языках на памятнике-обелиске, поставленном в г. Остре Украинской ССР.

«Стальной верой» назвал поэт одно из своих стихотворений 1921 года. В нем отразилась поистине стальная, непоколебимая его вера в возрождение забитого, угнетенного при царизме чувашского народа, неисчерпаемый жизнеутверждающий оптимизм. Поэт страстно хотел жить «художественной жизнью, что-либо оставить от своего существования чувашской национальной культуре». В те дни, когда враги революции говорили о вырождении и гибели чувашской нации, Сеспель писал:

Пока — непригляден край милый,
И дремлет чувашский народ.
Пускай, но бурлят уже силы,—
Воскреснет отчизна вот-вот...

[4] Там же, стр. 250.

Пускай еще сердце сжимает
Былого страдания лед,—
Взгляд смелый уже замечает
Зари небывалый восход.

О сердце, отважнее бейся,
И песню крылатую пой!
Увидим мы, верь и надейся:
Наш край возродится родной...

Шагайте бодрее и тверже,
Отчизны любимой сыны,
Не можем отстать мы,— не можем! —
От поступи нашей страны.

Глубокое понимание задач Советской власти, чувство требований времени «биения сердца освобожденного от гнета родного народа всегда двигало вперед, к коммунизму поэзию пламенного поэта-революционера Михаила Сеспеля. И не без основания он в стихотворении «Далеко в поле желтый зной...» с чувством гордости писал о себе:

Во мне стучит мильон сердец.
Я не один. Я сам — мильон,
Мильона чувашей певец.
Мильоном стих мой повторен!

Пораженный тяжкой болезнью — туберкулезом костей, последний год с лишним своей жизни М. Сеспель провел на Украине: лечился в Крыму, учился в Киевской художественной школе, жил и трудился в г. Остре. Здесь он активно участвовал в борьбе за упрочение Советской власти, в организации сбора продовольствия для голодающего населения Поволжья, родной Чувашии, переводил на чувашский язык стихи Тараса Шевченко.

Наряду с этим М. Сеспель создал ряд новых стихотворений: «Чуваш! Чуваш!..», «Пашня Нового Дня», «Гаснет день...» и др., в которых ясно выражены взгляды поэта на новую жизнь, труд и борьбу возрожденного Октябрем народа, высказаны мысли о месте поэта и его творчества в жизни общества, воспета дружба народов. В те суровые годы он писал пророческие стихи о человеке грядущей эры:

Чуваш с могучим сердцем, житель новой эры,
Плечами поднимая неба свод,
Шагнет в простор, одеждой солнечной сверкая,
Обнимет Новый День его с любовью, верой,
И путь, что впереди, цветами уберет
Интернационала радуга живая.

Мечта Сеспеля сбылась во всем, она сбылась и в замечательном полете сына Чувашии Андриана Николаева в космические просторы.

Великий поэт призывал деятелей литературы и искусства всегда быть вместе с народом, жить интересами народа, трудиться вместе с ним. В нем жила огромная жажда увидеть день, когда у родного народа будет много талантливых художников слова, он верил, что

Будет много вечно свежих
Песен и стихов.
И мыслителей великих —
Мудрых книг творцов.

Даст поэтов знаменитых
Милая страна,
И прославится стихами
Чудными она.

Настало такое время. Зазвучали чувашский стих и песня на просторах нашего великого Советского Союза. У чувашского народа есть теперь большой талантливый отряд писателей, композиторов, художников, артистов. Не только «От Чебоксар до Ковалей», как писал Сеспель, но и от Балтики до Цейлона, от Венгрии, Болгарии, Румынии до Вьетнама и Кореи слышатся сегодня их голоса.

Мы чтим Михаила Сеспеля как зачинателя чувашской советской литературы, как одного из активных общественных и государственных деятелей Чувашии в первые годы образования ее автономии. Он и сейчас, как живой, участвует в борьбе за дальнейший расцвет нашей литературы и искусства, в коммунистическом воспитании трудящихся масс. Чувашский обком ВЛКСМ учредил ежегодные премии имени Сеспеля за лучшие произведения литературы и искусства, посвященные мужеству и героизму молодежи республики, раскрывающие богатый духовный мир и высокое морально-политическое качество юных строителей коммунизма.

Именем Сеспеля в нашей республике названы деревня, где родился поэт, колхоз и школа в Канашском районе, библиотека и улица в Чебоксарах. В деревне Сеспеля и в Шихазанах установлены памятники — бюсты поэта. Имя его носит один из пароходов на Волге и один — на Днепре, в Чувашском государственном музыкальном театре готовится к постановке опера о Сеспеле чувашского композитора А. Асламаса.

Нас очень радует, что светлая память о нашем талантливом поэте-коммунисте живет и на украинской земле. Здесь вторым изданием вышла книга стихов Сеспеля, создан художественный фильм по сценарию известного украинского писателя Юрия Збанацкого, автора романа «Сеспель».

Свое слово о Михаиле Сеспеле — верном сыне нашей партии, пламенном певце чувашского народа мне хочется закон-

Национальная библиотека Чувашской Республики
2248-к

чить стихами лауреата чувашского комсомола имени Сеспеля, народного поэта Чувашской АССР Педера Хузангая:

Сердце Данко в груди у поэта пылало:
Слову, что спасено от оков,
Верой страстной то сердце расцвет предвещало
В равноправной семье языков.
Сеспель с нами! Сгоревший во имя свободы,
Он шагает в строю наших лет,
Он — увидевший радугу братства народов,
Коммунизма воспевший рассвет.

◆

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

Вып. 51 УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ 1970

ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ ТВОРЧЕСТВА СЕСПЕЛЯ

М. Я. СИРОТКИН,
доктор филологических наук, профессор

Ярко выраженные новаторские черты лирики Михаила Сеспеля — поэтизация освобожденного труда и нового человека, активное вторжение в народную жизнь, подчинение своего творчества высоким целям революционного воспитания масс и сплочению их сил на борьбу за переустройство жизни на новых, социалистических началах — определили Сеспеля как основоположника чувашской советской поэзии.

Последовательно отстаивая идею развития новой литературы, Сеспель вел упорную работу по собиранию и идейному сплочению молодых литературных сил, настойчиво искал соответствующие новому содержанию литературы изобразительные и выразительные средства. По его почину в чувашской поэзии началось движение за обогащение чувашской поэзии новыми формами стиха, за развитие литературного языка, рассчитанного на его использование в качестве общенационального.

Начатая поэтом-коммунистом литературная реформа имела глубокий общественно-политический, коммунистически партийный смысл. Речь шла о мобилизации сил молодой чувашской советской литературы на борьбу с антинародным влиянием буржуазно-националистической печати и литературы, о преодолении канонизируемых ими старых форм, о творческом развитии положительных традиций дореволюционной литературы, о критическом освоении ее наследства и укреплении связей с литературами братских народов, в первую очередь с русской, словом — о создании новой и по содержанию и по форме литературы, отвечающей насущным духовным запросам и подлинным интересам трудящихся.

Поэзия Сеспеля, развившаяся на основе творческого освоения опыта русской классической и революционно-демократической поэзии, лучших образцов дореволюционной чувашской литературы и массовой революционной поэзии первых лет советской власти, являла собой пример органического сочетания личных чувств с общественными, единства идейного содержания и художественной формы, слитности интересов поэта и

народа, высокого поэтического мастерства, представляя все то лучшее, что дала чувашская советская литература в начальный период своего развития.

* * *

Жизненный и творческий путь Михаила Сеспеля был очень недолог. Поэт прожил неполных 23 года и только четыре из них — в условиях Советской власти. Но эти короткие четыре года были насыщены столь активной общественно-политической и литературно-творческой деятельностью поэта-коммуниста, что они оставили глубокий след в памяти чувашского народа, в истории развития его литературы.

Михаил Кузьмич Кузьмин (Сеспель) [1] родился 4 (16) ноября 1899 года в деревне Шугурове (Казаккасы) Цивильского уезда Казанской губернии (ныне Канашский район Чувашской АССР) в семье крестьянина-бедняка Кузьмы Федорова. Нищета, голод и болезни были неразлучными спутниками детства поэта. Картины горького прошлого чувашских крестьян и их детей не один раз воспроизводились в стихотворениях Сеспеля.

Осенью 1907 года отец отвел восьмилетнего мальчика в начальную школу в соседнем селе Шихазанах в надежде сделать сына грамотным, облегчить ему жизнь.

Мальчику, окончившему весной 1911 года начальную школу, пришлось расстаться с мыслью учиться дальше. Летом того года он лишился отца. Осенью грамотея приняли «из милости» на работу в Шихазанское волостное правление; мать упросила волостного писаря взять сына в ученики — переписывать казенные бумаги. Так кончилось детство.

За три года сидения над бумагами крестьянский подросток вдоволь насмотрелся на плутовские махинации волостных выборных и чиновников, вершителей власти на селе, действовавших вкупе с кулаками-мироедами в совместном походе на крестьянскую бедноту. Чувашское кулачество в те годы выходило на отруба, заводило, закрепило за собой землю. Обстановка обмана, взяток, издевок и насмешек над неграмотными крестьянами, пьяных похождений писарей действовала на впечатлительного М. Кузьмина угнетающе.

В 1914 году разразилась мировая война. Взрыв ложного патриотизма, видимо, охватил и юношу. В августе он на ближайшей железнодорожной станции Шихраны уговорил начальника военно-санитарного поезда, отправлявшегося на Северо-Западный фронт, взять санитаром на этот поезд. Однако, пробыв один рейс, он вернулся домой. Утешительного в своей поездке и работе санитаром он, по всей вероятности, не нашел.

---

[1] Сеспель (чув.) — первоцвет, подснежник.

Осенью того же года М. Кузьмин подал заявление в Шихазанскую второклассную школу.

В этой школе юноша проучился три года, с особым увлечением и интересом изучая русский язык и литературу. Зимой 1916 года учащиеся второклассной школы стали готовить к выпуску рукописный литературный журнал «Звездочка». Редактором журнала дружно избрали М. Кузьмина (Сеспеля).

Среди школьных товарищей Сеспель заметно выделялся своей начитанностью и развитием. О его желании приохотить к книге и своих сокурсников говорит маленький, но весьма характерный факт. В объявлении, приложенном к журналу «Звездочка», он предлагал «любителям чтения из собственной библиотеки: собрания сочинений Горького, Надсона, Мамина-Сибиряка, Сервантеса и др., журнал «Вестник самообразования».

Второклассная учительская школа, в которой учился Сеспель, представляла собой учебное заведение церковно-семинарского типа. Начали открываться эти школы с середины XIX века духовным ведомством для целей прежде всего религиозного воспитания крестьянского населения. Обучение в них было рассчитано на два года. В районах же с нерусским населением они имели трехлетний курс. Общеобразовательная и специальная подготовка во второклассных школах была невысокой и не в состоянии была удовлетворить запросы учащихся. В оторванной от жизни «инородческой» учительской школе условий для развития творческих задатков учащихся было мало. Содержание обучения в ней носило явно выраженный миссионерско-руссификаторский характер. Пользование родным языком осуждалось. Больше того, прививалось пренебрежительное отношение к родному народу, его культуре, устнопоэтическим традициям.

Последний год пребывания Сеспеля в Шихазанской школе был богат событиями. Шла разорительная мировая империалистическая война. Трудовые массы города и деревни нищали. Росло всеобщее недовольство и возмущение порядками в тылу и на фронте. Нарастала революция. Под впечатлением бедствий, вызванных войной, Михаил Сеспель складывает свое первое стихотворение «Скоро»:

На ветру шумит, качаясь,
Горькая осина;
Наступила для чуваш
Черная година.

Сколько горя, сколько слез
Им война приносит:
Только сын отца отвез,
Завтра — сына просит...

Начинающийся поэт вместе со всеми нетерпеливо ждал наступления перемен в народной жизни. Они представали

перед ним в образе грозной бури, которая сметет прогнивший царский строй. Буря скоро грянула. Началась февральская буржуазно-демократическая революция. Весть о ней быстро докатилась до Чувашского края. Всюду проходят манифестации и митинги. Трудовые люди чувашских сел и деревень, шумно выражая радость избавления от царского режима, требуют прекращения грабительской войны, в упор ставят вопрос о земле, предоставлении им прав на свободное приобщение к культуре и просвещению.

Отмена национальных ограничений после Февральской революции вызвала заметное оживление в культурной жизни Чувашского края. Возникают новые школы повышенного типа. Учреждаются различные культурно-просветительные и общеобразовательные курсы, и в частности, учительские семинарии.

Весной 1917 года Сеспель окончил второклассную школу. Встал вопрос: куда идти? Хотелось учиться дальше. Летом юноша прослышал, что в г. Тетюшах на Волге открывается учительская семинария. Он не преминул подать туда заявление. Но открытие семинарии задержалось. В ожидании вызова Михаил, чтобы не тратить попусту время, ходил на занятия в третий класс оконченной им второклассной школы. Наконец извещение пришло, и Михаил Сеспель и несколько его товарищей уехали учиться во вновь открытую учительскую семинарию. Здесь Сеспель встречает весть о победе Октябрьской социалистической революции. События захватывают молодого семинариста. «В захолустном городке на Волге в те годы кипели те же страсти, шла та же борьба мнений и классов, что и по всей стране. В городе жили сосланные царизмом меньшевики и эсеры. Появились первые большевики из числа вернувшихся из армии солдат и матросов. Почти каждый день шли митинги и собрания, на которых горячо обсуждалось будущее России, судьба революции»[2].

Общественные настроения, естественно, переносились и в стены семинарии. Здесь также шла борьба. В ней своей активностью особо выделяются Михаил Сеспель, Павел Бекшанский, Петр Слесарев, Василий Дмитриев, Михаил Каштанов и другие. По их инициативе в семинарии избирается совет учащихся, проводятся диспуты на общественно-политические темы, начинает издаваться стенная газета и рукописный литературный журнал.

Победа социалистической революции вызвала огромный творческий подъем Сеспеля. Литературная деятельность его быстро перерастает рамки стенной газеты и рукописного журнала. Стихи молодого поэта, проникнутые пафосом революции, начинают появляться в «Тетюшских известиях», на страницах

[2] Из воспоминаний друга М. Сеспеля П. И. Бекшанского.

казанской газеты «Знамя революции», центральной чувашской газеты «Канаш». Поэт пишет свои стихи и на русском, и на чувашском языках. На бурные события времени Сеспель отзывается первым своим печатным стихотворением на русском языке «О свобода!», в непритязательных строфах которого сказывалось непримиримое отношение молодого поэта к старому миру, видно было его горячее стремление поднять смысл великих изменений в жизни трудящихся, сквозила крепкая вера в созидательные силы революции. Обращаясь с призывом к трудовой молодежи отдать все силы на борьбу за укрепление Советской власти, поэт писал:

Будет время,— не будут одни утопать
В золотом, полном благами, море,
А другие меж тем под нуждой издыхать,
Надрываясь за хлеб в вечном горе...

И теперь, когда нужен народу наш труд,
За народ мы умрем за голодный...
(«Обездоленных свет...»)

Осенью 1918 г. по заданию Тетюшского уездного комитета партии группа молодых активистов-общественников — В. Плаксин, П. Бекшанский, М. Кузьмин (Сеспель) и другие — организуют при городском народном доме союз молодежи, который потом стал ядром комсомольской организации уезда. В ту же осень среди учащихся семинарии создалась группа сочувствующих партии, которая позже оформилась в ячейку, а в декабре Сеспель был принят в члены партии. Свое вступление в партию он охарактеризовал как начало нового периода своей жизни. «Закончил я 1918 год,— записал в своем дневнике Сеспель,— вступлением в партию, когда я почувствовал себя таким вольным, сильным, свободным от всех семейных, религиозных и общественных предрассудков, вместе с пролетариатом я почувствовал себя властелином жизни. С тех пор мое сознание ясно. Мысли могучи — я — коммунист!» [3]

В январе 1919 г. Сеспель в числе трех коммунистов был послан уездной партийной организацией в Москву на курсы организаторов-пропагандистов при ВЦИКе. Там он видел и слышал В. И. Ленина. Образ великого вождя и человека запечатлелся в памяти поэта на всю жизнь. «В трудные минуты,— говорила знакомая Сеспеля Н. Н. Рубис,— он вспоминал об этом счастливом моменте жизни: «Я видел Ленина!» — восклицал он, и лицо его озарялось непередаваемым блеском глаз» [4].

Вернувшегося после курсов в марте 1919 г. в Тетюши, Сеспеля уездный комитет партии направляет на работу в уголов-

[3] Дневниковая запись М. К. Кузьмина (Сеспель).
[4] Из воспоминаний Н. Н. Рубис.

но-следственную комиссию. Молодой коммунист с головой уходит в новую для него работу, рассматривая ее как одно из звеньев борьбы за укрепление новой, революционной законности. Одновременно он принимает деятельное участие в создании комсомольских ячеек в городе и в деревне. Осенью 1919 года проходит уездный съезд комсомола. Сеспель избирается на нем заместителем председателя укома РКСМ. Много времени он отдает общественно-политической и культурно-просветительной работе среди населения. По инициативе комсомольцев в Тетюшах создается городская, затем и уездная библиотека. Сеспель принимает участие в издании партийной и комсомольской газет, выступает с докладом, руководит кружками политического самообразования.

Редкие часы досуга Сеспель заполняет работой над собой, пишет новые стихотворения. Так были созданы «Век минувший», «Дни придут...», «Грядущее», «Волжская песня», «Дни сева» и, кроме них, ряд других стихотворений на русском языке, которые печатались на страницах газет «Красный маяк», «Плакатный вестник», «Юный клич», издававшихся в Тетюшах.

Стихи его печатались в газете «Канаш» и пользовались большой популярностью в народе. В них читателей привлекал высокий революционный накал, сочетавшийся с большим поэтическим мастерством.

На исходе был 1919 год. Однако пожар гражданской войны не утихал. По призыву партии на фронты гражданской войны стряд за отрядом уходили коммунисты, комсомольцы, добровольцы из трудящейся молодежи. Сеспель также вступил в один из комсомольских отрядов, готовившийся к отправке на Восточный фронт. Но решительный отказ укома партии заставил его отложить это намерение и остаться на прежней работе, тоже во всем подчиненной целям победы революции и выполнению ленинского лозунга: все для фронта — все для победы. Насаждение революционного порядка в городе и деревне, мобилизация трудящихся на оказание помощи фронту, укрепление морально-политического тыла — таково было содержание этой работы.

«Поездки Сеспеля в деревни,— вспоминает П. Бекшанский,— всегда давали хорошие, гораздо лучшие, чем у многих из нас, результаты. Он больше других приводил с собой добровольцев при комплектовании отрядов Красной Армии, больше других собирал продуктов, одежды в фонд помощи фронту»[5]. Эти успехи объяснялись не только его организаторскими способностями, но и умением сказать народу зажигательную речь.

Поэт придавал исключительное значение агитационной работе среди населения, острому по содержанию и проникновенному по форме слову, добиваясь в своих устных и печатных

[5] Из воспоминаний П. И. Бекшанского о Сеспеле.

выступлениях такого языка, который, по его выражению, «как сталь крепчайшего закала, железо мог бы разрубать», такой речи, которая бы зажигала сердца людей «пламенем разящим», озаряла их мысль «молнией сверкающей».

Весной 1920 года Сеспель принял участие в созыве и проведении в Казани I Всероссийского съезда чувашских секций и активных работников комсомола. На съезде он избирается членом президиума и выдвигается в бюро чувашской секции Казанского губернского комитета комсомола. В перерывах между заседаниями съезда Сеспель собирает комсомольских поэтов и писателей, читает им свои стихи, обсуждает вопросы организованного объединения чувашских писателей, проблемы развития родной литературы и литературного языка. В этом же году он выступил в газете «Канаш» с программной статьей о путях развития чувашской советской поэзии. «Революция,— писал он,— вдохнула в нашу жизнь новый, животворный дух. Всюду и во всем — Возрождение. Стала оживать и чувашская поэзия — светоч и вдохновитель чувашского народа. ...Нужно искать и прокладывать новые пути. Следует наметить правильную линию...» И эту правильную линию он видел в тесной связи литературы с жизнью трудящихся, в следовании примеру и творческому опыту русских писателей. «Мы твердо уверены,— заканчивал свою статью Сеспель,— что постепенно, начав с малого, доживем до времени, когда увидим своих Пушкиных и Лермонтовых. Настанет время!» [6]

Начало перехода советской страны от гражданской войны к мирному строительству совпало с исключительно важным историческим событием в жизни чувашского народа — с созданием советской автономии. Летом 1920 года была образована Чувашская автономная область. Предоставление права строить свою национальную советскую государственность было воспринято чувашским народом как признание его суверенности и полноправия, которые он обретал впервые за свою многовековую историю. К строительству новой, советской Чувашии были призваны все культурные силы народа. Призван был и Сеспель. Он переезжает из Тетюш в Чебоксары, центр новой автономии, и работает первое время в областном комитете комсомола. На I учредительном съезде Советов новой области, который состоялся в ноябре, Сеспель был избран членом областного, исполкома и революционного трибунала. Его назначают заведующим отделом юстиции. Отмечая это событие, он записывает в свой дневник:

«...деятелем пролетарской юстиции вступаю в 22 год своей жизни. Карьеризма, бесчестности нет в моей натуре. Надеюсь — никогда не замарать звания коммуниста, но пожe-

---

[6] Стихосложение и правила ударения. Газ. «Канаш», 1920, 17 ноября.

лаю себе, вступая в 22-ой год,— больше смелости в жизни!»

И он с полным сознанием долга и ответственности коммуниста приступает к новой работе.

Напряженная партийно-советская работа Сеспеля сочетается с не менее усиленной литературно-общественной деятельностью. За 1920 и весну 1921 годов он написал стихотворения «Жизнь и смерть», «Родной язык», «Сыну чувашскому», «Чувашке», «Как умру...», «Памяти чувашского поэта Агаха», «Воистину воскрес!», «Тяжелые думы» и другие, перевел повести «Казаки» и «Хаджи Мурат» Л. Толстого, поэму «Мцыри» М. Лермонтова. Поэт часто выступал с чтением своих стихов среди молодежи, деятельно готовил к изданию сборник избранных произведений молодых чувашских писателей. «Я хочу,— писал он одному из своих друзей, комсомольскому поэту Васянке,— включить в этот сборник произведения разных авторов, чтобы он был разнообразного содержания... Настала пора сплочения и объединения людей, занятых работой по развитию чувашской культуры и языка»[7].

Полная молодых сил и творческого горения деятельность Сеспеля, неподкупная честность и прямота его характера оказались не по нутру отдельным недалеким и своекорыстным людям, примазавшимся к руководству советскими органами области. Случившийся в декабре 1920 года во время пребывания Сеспеля в служебной командировке пожар в отделе юстиции был использован ими для обвинения поэта в умышленном поджоге и как предлог для отстранения его от государственной работы.

Дело дошло до ареста. Однако обвинение было столь нелепо, что суд был вынужден впоследствии признать полную непричастность Сеспеля к этому происшествию. В это тяжелое время у него стала быстро развиваться старая болезнь — туберкулез костей. Полубольной поэт перешел на работу в переводческо-издательскую комиссию Чувашского облоно. Но в середине мая он вынужден был слечь в госпиталь в Нижнем Новгороде, а оттуда выехать на санаторное лечение в Крым.

Южное солнце и море постепенно вернули поэту силы. Избавившись от острых приступов болезни, он вновь принимается за работу. За время лечения в Евпатории поэт создал ряд новых стихотворений: «Чуваш! Чуваш!..», «Далеко в поле...», «Пашня Нового Дня», «Гаснет день...», «Тьма» и другие. Самым значительным из крымского цикла его стихотворений является посвящение «Морю», в котором Сеспель дал выразительный образ поэта новой эпохи:

Море, море, он волне
Доверяется твоей...

---

[7] Из писем М. Сеспеля.

Дан поэту силу,— пусть
Он в боях за наше дело
Будет добрым, будет смелым.
Пусть борьбу, а не покорность,
Славит он, людьми любим;
Пусть отвагу, труд упорный
Солнцем сделает своим;
Пусть поэт и землю пашет.
Рубит лес и сено косит,
Пусть в работе песню сложит,
А на свадьбе — пусть он пляшет,
Пусть смеется, веселится...

После лечения в Крыму, в половине августа 1921 года, Сеспель выехал в Киев с намерением поступить в художественную школу. Изобразительное искусство с детства влекло его к себе. Проучился поэт в художественной школе, однако, недолго. Вышла отсрочка, и Сеспеля призвали в армию, назначив в учебную команду Киевского запасного полка связи. Но здесь залеченная в Крыму болезнь возобновилась, и медицинская комиссия освободила Сеспеля от дальнейшей службы в армии. По приглашению украинского поэта Федора Пакрышня, с которым Сеспель крепко сдружился в Крыму, весной 1922 г. он перебирается в село Волчья Гора на Черниговщине. Отдохнув у друга, поэт поступает на работу в Остерский уездный земельный отдел инструктором переселенческой комиссии, принимает активное участие в организации помощи переселенцам из голодающих губерний Поволжья.

С большим вниманием изучал Сеспель классиков украинской литературы. С помощью сведущих и любящих литературу родного народа украинских друзей он перевел на чувашский язык многие произведения из «Кобзаря» Т. Шевченко. Кроме того, поэт много писал на родном языке, надеясь составить сборник избранных стихов и послать его в Чувашию для напечатания, но завершить этот труд не успел.

Вынужденный отрыв от родного края, тяжелая болезнь, неустроенный быт, неудачная любовь, переживания, связанные с разрухой и голодом, вызывают в поэте упадок сил. Удручающее впечатление на Сеспеля произвело массовое стихийное бедствие в Поволжье — неурожай и голод 1921 года. Под впечатлением этих картин и возникли отдельные стихотворения, резко диссонирующие с характерными для творчества поэта оптимистическими мотивами. Мрачный колорит стихотворений «Голодный псалом», «Последний ломоть, последний...», «Отныне» явно был вызван трудностями, испытывавшимися поэтом. Раздвоенность обнаруживается и в стихотворениях «Проложите мост!» и «Маки красные, что там вдали...» Поэт на какое-то время утратил перспективу, и временные невзгоды и затруднения в ходе поступательного движения страны предстали перед ним как симптомы большой катастрофы, которой в действительности не было.

Введение новой экономической политики усилило смятение чувств Сеспеля. Поэт прилагал большие усилия, чтобы перебороть душевный надлом, но не нашел сил.

15 июня 1922 года он покончил с собой. Произошло это в селе Старогородка близ города Остра. Друг Михаила Сеспеля Федор Пакрышень украсил намогильный памятник поэта простыми, искренними словами:

Оця едина могила
Великого поэта сховала.
З ним богато писень нових
Буденна земля втеряла.

* * *

Рост Сеспеля как человека и поэта был стремительным. Литературное ученичество поэта длилось не более года. Он очень скоро сам стал учителем и наставником чувашской литературной молодежи. Причина такого быстрого роста коренилась в своеобразии самой эпохи. То были годы революционной ломки старого и становления нового строя, бурного развития общественной активности трудовых масс, поднятых к новой жизни социалистической революцией. Мотивы и образы произведений поэта объединены одной широкой темой — революция и народ. Социалистическая революция, героика гражданской войны, угнетенное прошлое и светлое будущее трудящихся, старый и новый быт, строительство новой культуры — таков тематический диапазон политической лирики Сеспеля.

Революция воспринимается поэтом как титаническая сила, обновляющая мир и несущая народам неизведанно прекрасную жизнь, при которой

Рубежи и цепи, бедность и богатство
Сгинут от сиянья солнечного века.
Загорится пламя равенства и братства,
И любви высокой в сердце человека.

Постигавший основы литературной грамоты на образцах русской литературы, дававшейся в школе в скудных хрестоматийных отрывках, и потом всю свою короткую жизнь усиленно пополнявший литературные знания путем самообразования, Сеспель, естественно, не был избавлен в своих самостоятельных исканиях от внешнего воздействия и влияния формальной новизны поэзии и «пролеткультовцев» и имажинистов. Не случайно одному из интимно-лирических стихотворений поэта — «Выдуманным глазам» — был предпослан эпиграф: «...Моей несравненной — поэзии имажинизма...».

Одним из основных новаторских мотивов поэзии Сеспеля является мотив созидательного труда. Им пронизано все творче-

ство поэта. Еще в разгар гражданской войны Сеспель мечтал «взамен меча — ковать палицы, окопы в шахты превратить» («На помощь братьям»). Ленинское положение «учиться работать — эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всем ее объеме»[8], ленинская идея обновления культуры труда и коренного изменения взглядов на труд в советском государстве были глубоко осознаны и прочувствованы Сеспелем. Отсюда нетерпимое отношение к косности и патриархальной застойности, к безразличию и лени, ко всему, что мешало и препятствовало подъему созидательной энергии народных масс.

Тема труда в чувашской литературе первых лет советской власти занимала немалое место. Революция освободила людей труда от векового гнета. И, естественно, это огромное событие явилось одной из основных тем чувашской советской литературы. Но во многих поэтических произведениях на первый план выступал не столько мотив утверждения новой, социалистической организации труда, сколько пафос отрицания труда прошлого подневольного. Такой односторонности у Сеспеля нет. Он вдохновенно воспевает труд во имя скорейшего достижения «коммунистического завтра». В этом прежде всего принципиально новое, внесенное Сеспелем в чувашскую советскую литературу начальных лет ее развития.

Наряду с этим одной из важнейших задач чувашской литературы Сеспель считал показ всех отрицательных сторон прошлой жизни трудящихся, чтоб просветить их сознание, вызвать ненависть к старому миру. Вот почему тема критического осуждения прошлого и мотивы старого занимают в творчестве Сеспеля значительное место.

Прошлая жизнь чувашских трудящихся изображалась в стихотворениях Сеспеля во всей мрачности и неприглядности ее красок:

Да, она. Узнаю за чертою черту,
Словно сам в тех столетьях живу.
Приневоленный к кровавому вижу кресту
Я Чувашию, как наяву.
Там, где сердце,— в груди ее рана черна,
Кровь по капле, по капле течет.
Хмурый день подступает, как в бурю волна,
Ветер злобную песню поет...[9]

Смысл всех воспроизводившихся Сеспелем мрачных картин прошлого заключается в том, чтобы показать превосходство нового мира над старым, воспитать любовь и уважение к новому, добытому ценой крови и многолетней борьбы.

Тема прошлого в творчестве Сеспеля не имеет самодовлею-

---

[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 229.
[9] Михаил Сеспель. Собр. соч. Чебоксары, 1959, стр. 113.

щего значения. Она нужна была ему не для эпически спокойного повествования о былом с высоты достигнутого, а служила прямой цели упрочения советского строя. Пафос отрицания старого у поэта всегда сочетается с мотивом страстного утверждения новой жизни. В этом — другая новаторская черта его поэзии.

Мрачному прошлому поэт неизменно противопоставляет картины настоящего и будущего, проникнутые радостными и жизнеутверждающими настроениями:

Дни придут — жизнь наша будет
На земле иной:
Перестанут плакать люди
От недоли злой,
Вспыхнет солнце новой жизни —
Ясное навек![10]

В поэзии Сеспеля ярко и убедительно отразились патриотические мотивы, тема защиты социалистического отечества. Без всякого преувеличения можно сказать, что в чувашской советской литературе именно в творчестве Сеспеля впервые идея советского патриотизма получила широкое звучание. В основе патриотических убеждений и чувств поэта лежит глубокое сознание превосходства завоеванного народом социального строя. Любовь к обновленной родине, к родному краю, к своему народу органически сливается у него с ненавистью к угнетению человека человеком, к эксплуататорским классам, сочетается с воинствующе нетерпимым отношением к маловерам и нытикам, не верившим в могучие созидательные возможности советского народа и государства.

Сеспель любил родину, народ самозабвенно. Он связывал эту любовь с преданностью идеям коммунизма и с героической самоотверженной борьбой за их практическое осуществление. Патриотизм его проявляется и в лирически проникновенном пейзажном стихотворении «В дни сева», и в стихотворении в прозе «Чувашское слово», и в стихотворном обращении к «Сыну чувашскому», и во многих других, разнообразных по форме и содержанию, но единых по идейной целеустремленности произведениях.

Показывая советского человека, поэт рисует его прежде всего как патриота, борца, созидателя. Настоящий советский человек в понимании Сеспеля — это личность, свободная от рабской морали, условностей и предрассудков прошлого, всесторонне развитая, тесно связанная с народом. Поэт не ограничивается декларацией идеала. Он хорошо понимал, что формирование качеств нового человека, воспитание в нем коммунистической морали, нового отношения к правам и обязанностям по отношению к себе и государству являются кровным делом всей совет-

[10] Там же, стр. 49.

ской общественности, советской литературы. И не случайно в стихотворениях Сеспеля часты обращения и призывы:

О наши старцы-мудрецы!
Многострадальные отцы!
Вы расскажите молодым,
Что вынес наш народ, страдая,
И завещайте крепко им
Любить язык родного края...[11]

С особой силой проявляется в поэзии Сеспеля патриотическое отношение к родному языку, к его преобразующей роли в строительстве социалистической культуры чувашского народа. Целый ряд стихотворений поэта посвящен языку, описанию его угнетенного и бесправного положения в прошлом, его значению в настоящем и будущем. Говоря о языке, он говорит одновременно о народе:

Наконец ты волен, наш язык родной!..

Если ни насильем, ни цепями время
Не смогло навеки в прах тебя стереть,
То и в новой жизни наравне со всеми
Языками мира будешь ты звенеть[12].

* * *

По жанровому своеобразию поэзия Сеспеля — гражданская лирическая поэзия. Сеспель — поэт-лирик, трибун-агитатор. Вот, например, его стихотворение «Далеко в поле...», где читаем:

Во мне стучит мильон сердец.
Я не один. Я сам — мильон,
Мильона чувашей певец.
Мильоном стих мой повторен![13]

Лирические герои стихов Сеспеля — освобожденный революцией народ и свободный советский человек — очень часто не расчленяются. Именно в народе находил Сеспель образы положительных героев своей поэзии. Это и сам поэт, не отделяющий себя от народа, это — человек труда: бедняк-чуваш, труженица-чувашка, чувашский юноша, еще носящие в себе груз прошлого, но и освобождающиеся в ходе всенародной борьбы за социализм от капиталистического шлака. Нельзя сказать, что образ лирического героя Сеспеля достиг полноты художественной обрисовки. В нем еще было много элементов плакатности, не хватало реалистической глубины индивидуализации, но действительность и новизна его были очевидны, причем они исходили из самой жизни, тесно были связаны с ней.

[11] Там же, стр. 93.
[12] Там же, стр. 69.
[13] Там же, стр. 111.

Поэзия Сеспеля насыщена романтическими мотивами, но они не оторваны от жизненной основы. Социалистический реализм, говорил М. Горький, показывает жизнь в движении, в нем обобщаются не только настоящее и прошлое, но и будущее. И когда мы сегодня читаем романтически возвышенные строки Сеспеля, живописующие облик человека грядущего, то видим, как в наши дни мечты поэта получили полное воплощение в действительности. Предвидение поэтом побед социализма во всех областях экономической, политической и культурной жизни нашей Родины стали прекрасной реальностью.

Литературное творчество Сеспеля началось со стихов на русском языке. Русская литература и русский язык, наряду с родной речью, устной поэзией и литературой родного народа, оставались для Сеспеля неиссякаемым источником и знаний, и творческого вдохновения, и направляющим началом в поисках новых путей развития чувашской поэзии. В русской литературе и ее богатом опыте прежде всего искал и находил поэт идейную и творческую опору для обоснования новаторских начал в области слова и стиха на родном языке. Сеспель часто обращался к пушкинскому мотиву торжества свободы, показывая реальное осуществление в советскую эпоху надежд великого поэта. В стихотворении «Стальная вера» — своеобразной поэтической перекличке с «Посланием в Сибирь» Пушкина — Сеспель торжественно и уверенно заявил:

Пускай еще сердце сжимает
Былого страдания лед,—
Взгляд смелый уже замечает
Зари небывалый восход.

О сердце, отважнее бейся
И песню крылатую пой!
Увидим мы, верь и надейся:
Наш край возродится родной [14].

С Н. А. Некрасовым Сеспеля роднит общность реалистически проникновенного показа жизни трудовых крестьянских масс в прошлом, страданий народа, непримиримая ненависть к угнетателям. Близок был Сеспелю и поэт-революционер Т. Шевченко. Страстная любовь к родной Украине и неукротимое желание Шевченко видеть свободным свой народ, с особой силой проявившиеся в широко известной «Заповеди», укрепляли в Сеспеле веру в созидательные силы освобожденного революцией чувашского народа.

К вдохновляющему опыту М. Горького Сеспель обращался постоянно. Жизнеутверждающие образы произведений Горького, несокрушимая его вера в человека-борца совпадали с представлением поэта о советской действительности как о жизни, при

[14] Там же, стр. 123.

которой возможно превращение самой дерзновенной мечты в явь. Это органическое слияние реалистического и романтического в поэзии Сеспеля шло прежде всего от глубокого усвоения духа и характера творчества М. Горького. Уже в первых стихотворениях Сеспеля видно по-горьковски романтизированное изображение нового человека. Показательно даже то, что поэт при этом прибегает к тем же эмоционально-речевым средствам, какие характерны для революционно-романтических поэм М. Горького: широкое применение метафор, гипербол, сравнений, необычных эпитетов.

В современной чувашской поэзии прочно утвердились принципы силлабо-тонического и тонического размеров. Стих в ней имеет многозвучание, роднящее его с русским советским стихом. Это — одно из очень серьезных достижений чувашской советской поэзии, начало которой было положено Сеспелем.

* * *

Борьба вокруг творчества наследия Сеспеля с самого начала приняла остро политический характер борьбы вообще за выбор и определение путей развития чувашской литературы. Приверженцы старого еще при жизни поэта обрушились на него с обвинением в нарушении и порче красоты традиционного чувашского стиха, называя введение Сеспелем новых размеров и ритмов насилием над чувашским синтаксисом. Они пророчили, что силлабо-тоника убьет чувашскую поэзию, и всячески отстаивали семисложник. За этими громкими фразами скрывалось стремление задержать развитие чувашской советской поэзии, свернуть ее с пути служения интересам трудящихся на путь буржуазного эстетства, опорочить идею объединения литературных сил на основе активной борьбы за социализм.

Когда эта прямая попытка отвергнуть поэзию Сеспеля не удалась, появились новые скептики, вставшие на путь выискивания идейных слабостей Сеспеля, отрицания каких бы то ни было положительных сторон его поэзии, обвинения поэта в национальной ограниченности и даже пессимизме.

Надлежащую оценку творчество Сеспеля получило в тридцатые годы, когда массовый культурный подъем трудящихся и идейно-политический рост чувашской литературы и литературных кадров позволил очиститься от предвзятых взглядов и ложных концепций.

Правильная оценка литературного наследия Сеспеля дала возможность со всей очевидностью убедиться в большом положительном воздействии его таланта на развитие чувашской советской поэзии. Целый ряд тем и творческих проблем, затронутых Сеспелем, оказался настолько жизненным, что многие из них до сих пор не утратили своей актуальности в чувашской советской литературе. Новаторство Сеспеля, выразившееся во

внесении в чувашскую поэзию новых для нее принципов стихосложения, новых стихотворных ритмов и поэтических их средств, было еще при жизни поэта подхвачено и развито С. Эльгером, Н. Васянкой, затем П. Хузангаем и другими чувашскими советскими поэтами. Последователи Сеспеля пошли дальше. Так, уже в творчестве Н. Васянки, а потом П. Хузангая, С. Шавлы и ряда других наметилась тяга к усвоению и введению в чувашскую поэзию ритмики В. Маяковского. Вместе с широким обращением к силлабо-тонике чувашские поэты в наши дни не отказываются и от народно-песенного стиха, продолжая тем самым традиции М. Федорова и К. Иванова.

Глубина идейного содержания и образов произведений Сеспеля, новизна стихотворных форм и языка его поэзии создали поэту широкую популярность и заслуженное уважение, снискали признание не только чувашского народа, но и читателей братских народов Советского Союза.

Чувашский народ выражает к нему свое отношение проникновенными словами стихотворного посвящения самого поэта:

Пока язык наш жив, горячие сердца
Не могут не любить родимого певца.

◆

ЧĂВАШ АССР МИНИСТРСЕН СОВЕЧĔ ҪУМĔНЧИ
НАУКАПА ТĔПЧЕВ ИНСТИТУЧĔ

51 каларам АСЛАЛĂХ ҪЫРАВĔСЕМ 1970

СЕҪПĔЛ МИШШИ

А. Е. АЛКА,
Чăваш халăх поэчĕ

Çеçпĕл Мишши иртнĕ ĕмĕрĕн юлашки çулĕнче, 1899 çулхи ноябрен 16-мĕшĕнче, чухăн чăваш килйышĕнче сурална. Поэтăн тăван ялĕ — Канаш районне кĕрекен Касаккасси (халĕ Çеçпĕл ялĕ). Вал ялпа унăн тавралăхĕ ытти чăваш ялĕсемпе тавралăхĕсенчен нимĕнпех те уйрăлса тăман: хĕсĕкрех урамсем, лапчăнса ларакан тĕксĕм печек пĕртсем, унта-кунта йăмрасем ӳснĕ, укалча хапхи, унтан тухсан — сурпан пек ансăр ула-чала анасем. Поэт самахĕпе каласан, тĕнче тавра çĕр, яланхи пекех, сарлака та пысăк пулнă, анчах чăваш чухăнĕн çĕрĕ хĕсĕнсе выртна; улпутсен чул çурчĕсем аякран куранна, чăвашăн ватă пӳрчĕ, çĕрнĕрен, тайăнса çĕре путса кĕнĕ. Çакăн çинчен поэтăмар чуна хумхантармалла, витĕмлĕ калана («Иртнĕ самана», 1919).

Пĕрисем пуйни, ыттисем выçса вилес патне çитни мĕнрен, камран, ăçтан килнине халĕ кашни шкул ачи пĕлет темелле. Ун чухне чăваш хресченĕ — сухапуç çынни, ытти нумай-нумай ĕсчен халăх пекех, патшапа улпутсем, капиталистсемпе тĕрлĕрен тӳрешăрасем пуç пулса таракан патшалăхăн йывăр пусмăрĕнче пуранна: тăван çĕре çинче çуралса ӳснĕ çын хыттăн анасем çинче çĕрне-кунне пĕлми, ырми-канми тар юхтарнă, мĕн акса пуçтаркаланине кĕркунне влаçсем хырса кайнă (хырçи-марçи те çавăнтан тухнă пулас), ĕçлекеннисем, вĕсен ачи-пачи выçă юлнă, çĕтĕксатăк çуренĕ. Чухăн чăвашăн ачисене вĕренме майсем пулман.

«Иртнĕ самана» ятлă асăннă сăвăра Çеçпĕл Мишши тата çак тискерлĕхе катартса хăвармасăр иртсе каймасть: ĕçченсем хĕсĕк анисене пула çуллен выçăпа аптăранăран влаçсенчен çĕр ыйтсан е тата куланай тӳлесе татма кĕлетре пĕр пĕрчĕ тыра юлмасан — чухăнсене халăх умĕнче намăслантарса хулăпа хĕненĕ. Çав вăхăтра ялсенче те ĕнтĕ халăх пĕр пек пуранман, çынсем хушшинчи танмарлăх — пуяннисем пуйни, чухăннисем мĕскĕне юлни, тарçа тухни — куç умĕнчех куранса тăна, класс сисĕмлĕхне сивĕчлетнĕ. Поэт каларĕш, пуянсен ĕçкĕсенче пыл-сăра юхнă, алăк патĕнче çĕлĕкне хул хушшине хĕстерсе таракан чухăн чăваша,

ун арамĕ пуян патĕнче ырми-канми ĕçленĕ пулин те, пĕр курка тивмен.

Тарçасене асанна май пире Çеçпĕл Мишшин тепĕр савви аса килсе каять. Вал «Чăваш арамне» сава. Ака унан пуçламашĕ:

Хура-шур анчах курмашкан
Кам çуралса уснĕ?
Çут тĕнчере йывăр хурлах
Кам ытларах туснĕ?

Çут тĕнчере кам телейĕ
Çере уксе юлна?
Авалтанпа кам кунçулĕ
Тарçари пек пулна?

Каман вал? — Кунçулĕ йывăр,
Хурлахла кунçулĕ?
Чăваш арамĕн пулмасар
Каман тата пулĕ?..

Çапла, тĕрĕс те чĕрене ыраттармалла санласа катартна пусмăрлăх çинче тытанса тăна иртнĕ саманана, чăваш халăхĕн йывăр пурнăçне пирĕн кăвар чĕреллĕ, çута асла, аста поэтамăр.

Мĕнле иртнĕ-ши Çеçпĕл Мишшин питĕ кĕске те çав тери хĕрÿллĕ пурнăçĕ? Малтанах каларамăр — тĕнчерен харăна пек хутланса ларна пĕчĕк ял, çĕрĕк улам витнĕ лутра пурт, чухан килйыш. Пахма нимĕн илемĕ те сук çаван пек ялсем, пуртсем, килйышсем чăваш çĕрĕнче ун чухне пинĕ-пинĕпе шутланна. Анчах тасах мар пуртсенчех ыра та ĕçчен çынсем пуранна (ырри те пулна, нуши те витнĕ), унтах талантсем те çуралса усмĕ пултарна — халах хăйĕн çута малашлăхĕ çинчен шухăшлана, лайăххине ĕмĕтленнĕ. Çĕрĕ вĕсен йĕри-тавра куçпа виçейми саралса выртман (ял çумне ял), мантăр пулман (уяр çул килсен, халăха выçа та хăварна), анчах сапах та-ске ху çурална çĕршыв илемсĕр мар: унта — хир-улах, вăрман, юханшыв. Пулас поэт, паллах, таван тавралăхне ачаран юратна.

Вал вăхатра (каллех тахçан иртнĕ ылханла саманана аса илме тивет) чăваш ялĕсенче ачасене вĕрентмелли шкулсем питĕ сайра куранкалана. Чăваш пек «вак» халăхсен ачисем вĕренсе ăс илни патшапа унан тăре-шарисене кирлех пулман. Асла шкул алăкĕнчен шалалла кĕрсе каясси çинчен çапаталла чăваш ачи ĕмĕтленеймен те. Вулама-çырма вĕренкелесен те пырĕччĕ. Чăваш шкулĕсемшĕн чунтан тарăшна И. Н. Ульянов (В. И. Ленин ашшĕ), таван халăхне çутта каларассишĕн хай ĕмĕрне пана И. Я. Яковлев чăвашра тертпе-асаппа уçна шкул алăкĕсем мĕнпур ачасене пĕлÿлĕх керменне яри уçса кĕртеймен-ха. Анчах чăваш халăхĕн те хăйĕн ывăлĕ-хĕрĕсене вĕрентес ĕмĕчĕ-шухăшĕ çулсем иртнĕçемĕн вăйлансах пына. Халăх ĕмĕрех мĕскĕн пуранас, тĕттĕмре тертленес йĕркене пĕтерессишĕн аванса ĕмĕтленнĕ.

Касаккасси ял çынни, пулас поэтан ашшĕ те, ывăлĕ çырма-вулама та пулин пĕлкелетерччĕ, ана-кана амсарттарччĕ тесе,

ӓна, саккӓрти ачана, Шӓхасанти пуçламӓш шкула вӗренме илсе каять. Унтан Мишша (ӓна ялта çапла чӗннӗ) 1911 çулта вӗренсе тухать.

Çав вӓхӓталла килйышра çав тери пысӓк та хӓрушӓ инкек пулса иртнӗ. Пӗр ӗçкӗре тем сӓлтава пула тавлашса кайнӓ, унтан тытӓçса ӳкне чухне Куçма — Мишшан ашшӗ,— хай пурнӓсне сыхласа, тӓванне пуртӓпа вилмелле амантнӓ. Ӓна суд Сӗпӗре ямалла тунӓ. Вӓл вара унтан çуралнӓ ялне тавранайман, мӓшӓрӗпе ачисене урӓх нихçан та курайман. Çак пысӓк инкек Сеспӗл Мишши асне, чӗрине куçӗ хупӓничченех ыраттармалла кӗрсе юлнӓ. Ывӓлӗ ашшӗне манма пултарайман: вӓл ӓна хытӓ юратнӓ. Каярахпа, ашшӗне асӓнса, поэт хайӗн пӗр çырӓвӗнче çакӓн пек çырнӓ:

«...Пӗлесчӗ Сирен эпӗ аттене мӗнле юратнине, унпа хасан та пулин тепре тӗл пуласса ӗненсе черем херуллӗн тапнине пӗлесчӗ! Эпир унпала пулас кунсем çинчен еметленеттӗмӗр, хамӓр чуханлахра пуранна пулин те, малашнехи кунçуламӓр çинчен хаваслан шухашлаттамар... Анчах хӗруллӗ шанчак юлна пулна-ха... Эпӗ вереннӗ çын пулап, эпӗ çын пулӓп ..»

Анчах унччен-ха, вӗреннӗ çын пуличчен, тӓлӓха тӓрса юлнӓскере, килте пурнӓс йӓлтах хӗсӗнсе, юхӓнса ситнине пула, Шӓхасан вулӓсӗн пӗр пӗчӗк çеç канцелярине ӗçе кӗме тивнӗ. Вӓл унта «аслисем» хушнипе хысна хучӗсене çыркаласа ларнӓ. Ун аллине темле хут та лекнӗ; кашни пӗчӗк тӳре-шара хӓйне кура мар тыткаланӓ: пуясшӓн хыпса-çунса, вӓл ахаль те аран-аран, выçӓлла-тутӓлла пурӓнакансене улталама, «чике тӓршшӗ лартма» тӓрӓшнӓ. Çапла вара, йӗри-таврари чухӓнлӓхпа куштанлӓха, ултавпа чӓнлӓха пулас поэт ачаран тенӗ пекех сӓнаса курнӓ, «пурнӓçӓн хӳри пӓрӓнӓçӗ» унӓн асне ачаран кӗрсе юлнӓ. Пурнӓсра кама кураймасӓр тамалли, камсем майлӓ пулмалли унӓн чунӗнче çавӓн чухнех сисӗнмелле палӓра пуçланӓ. Каярах вӓл çавна пӗтӗм пурнӓçӗпе, хастар кӗрешӗвӗпе, хӗрӳллӗ пултарулӓхӗпе кӓтартӗ.

Вӗренӳ тути-масине туякан пулнӓ ӓслӓ ачан пӗлӳлӗх çулӗпе малалла каясси килетех. Михаил Кузьмин, ачалӓх илемӗпе савӓнӓçне курсах кайманскер, 1914 çулта Шӓхасанти второкласнӓй шкула вӗренме кӗрет, вӓл ӓна 1917 çулта çуркунне пӗтерет. Çак шкулта вӗреннӗ чухне ӗнтӗ вӓл, питӗ çамрӓкскер, чи малтанхи хут илемлӗ литературӓпа паллашать. Вырӓс чӗлхипе литературине вӗрентекен Ломоносов хушаматлӓ ырӓ учитель ӓна вырӓс писателӗсен кӗнекисене тупа-тупа парать. Çапла майпа пирӗн пулас поэтӓмӓр Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Кольцов, Никитин сӓввисене вулать. Вулать те, ытараймасӓр, тӗлӗнсех каять: мӗнле илемлӗ те хӓватлӓ иккен çав сӓвӓсем! «Хамӓн çырма хӓтланса пӓхас пулсан?» — çак шухӓш Мишшан пуçне, тен, çавӓн чух пырса кӗме пултарнӓ. Шӓхасанта вӗренекенсем, Ломоносов учитель хавхалантарнипе, «Звездочка» ятлӓ алçыру журналӗ кӓларма тытӓнаççӗ.

Вал вахат питĕ харуша, йывăр вахат пулнă. Пĕрремĕш тĕнче варçи чĕртсе янă хирсенче юн юхна, шама аканнă, фронтсем çывăхĕнчи ялсемпе хуласем çунса кĕл пулнă; кунта, тупа сасси илтĕнмен çĕрте, хирсем аканмасăр юлнă, ĕçхалăхĕ выçа ларнă, хурлăх туснĕ, вилнĕ тăванĕсене асанса куççулĕ такнă. Çав йывăр сулсенче ĕнтĕ çамрăк поэтăн чĕрипе асĕнче малтанхи саввисем сурална. Пирĕн куна вĕсенчен пĕр-иккĕшĕ кана çитнĕ. Пĕрин ячĕ — «Скоро», çамрăк вĕренекен ана вырасла сырнă. Унта çакăн пек йĕркесем пур:

Поднимается народ
Грозною волною.
Смоет грязный царский род
С черною бедою.

Скоро солнце заблестит
Теплою весною.
Поле с хлебом зашумит
Радостью хмельною.

Формăпа илемлĕх тĕлĕшĕнчен пăхсан, ку йĕркесем поэзин ватăм шайне те çитеймеççĕ-ха тейĕпĕр, саввине ĕлĕкхи (калапăр, Никитин пек) поэтсен виçине, санарĕсене кура çырнă, анчах шухăш тĕлĕшĕнчен илсен, сăва пулас поэтăн ун чухнехи хаюлла та хаяр камăлне катартса парать.

Шахасанта Çеçпĕл Мишши ачалахĕ — этемĕн çурхи вахачĕ — ĕсленнĕ. Ачалахĕ унăн, хай калашле, ыттисенни пек иртсе кайман, çиçĕм çиçнĕ евĕр, ялт! хыпнă та сӳннĕ... Малашне ачалăх аса илмелĕх анчах хыçала тарса юлнă. Саванса аса илмелли те пулсах кайман унта. Ак ĕнтĕ çамрăк çын вунултă-вунçиччĕре. Малалла унăн пурнăçĕнче йывăр ĕçпе хĕрӳллĕ кĕрешӳ пуçланмалла, анчах мухтавпа савнăçне туяйĕ-ши, курайĕ-ши вăл?

Вĕренес ĕмĕтпе сунатланнă çамрăка ĕнтĕ нимле йывăрлăх та чарса тăма пултарайман. Çамрăк чух асамлă пĕлӳлĕх туртăмĕ юратуран вайлă, теççĕ. Вăл сухапуç çыннин ачишĕн те çаплах пулнă. Михаил Кузьмин 1917 çулхи сентябрь уйăхĕнче Теччĕри учительсем хатĕрлекен семинарие кайса кĕрет. Кунта вара, Хусанпа Чĕмпĕр хушшинче, сарлака Атăл хĕрринчи сӳллĕ ту çинче ларакан пысăках мар уес хулинче, çамрăк поэтăн революцилле кунçулĕ пуçланса каять.

Унччен-ха, Октябрьти социализмла асла революциччен, февральте Вырăс патшалăхне ĕмĕрсем хушши тытса тăнă патшасен юлашки айван императорне трон çинчен çапса антарнă хыçсан, пĕтĕм халăх саванăçлăн хавхаланнă пулнă. Анчах та саванăçпа хавхалану вăраха пыман: вăл, сивĕ шыва чикнĕ хĕртнĕ тимĕр пек, пăшлатнă та сӳннĕ. Буржуалла вăхатлăх правительство ĕçхалăхне, ирсĕр ултавпа йĕрсĕр суясăр пуçне, нимле ырлăх та пама пултарайман. Фронтра çаплах юнла çапăçусем пынă, хуласенче рабочисем çаплах çăкăрсăр ларнă, ял ĕçченĕсене саплах çĕр улпучĕсемпе çĕрме пуянсем хĕсĕрленĕ. Буржуалла

революци халăхсене ирĕклĕх пама мар, вĕсене тата хытарах пусмăрлама унченхинчен урăхла майсем тупа. Ĕçсыннисем, паллах, çак тискер йĕркесемпе килĕшме пултарайман.

Большевиксем ертсе пынипе хастарран хатĕрленĕ, унтан хаюллăн çĕнтернĕ Октябрьти социализмла асла революци кăна ĕçхалахне, Раççейри мĕнпур халăхсене чăн-чăн ирĕклĕх пана. Ака мĕншĕн ĕнтĕ ĕмĕрех ютсене пуйтарса ĕçре асапланнă, хайсем выçа та правасăр пулнă рабочисемпе ĕç хресченĕсем, вĕсен мал ĕмĕтлĕ маттур ывалĕ-хĕрĕсем Асла Октябре пысăк хаваслăхпа йышăннă. Хайсем çумĕнче Октябрь пăнă хĕрлĕ çунат туйăна çамраксем хушшинче, Теччĕре, пирĕн поэтăмăр — Михаил Кузьмин (пулас Çеçпĕл Мишши) малта тăнă.

Ачаран асап тӳснĕ, терт мĕн тути каланине туйăна хĕрӳ чĕреллĕ Çеçпĕл Мишши (пусмăр ун чĕрине пусарайман, хĕрӳлĕх пăнă темелле) Асла революци вĕрсе кĕртнĕ шухăшсемпе çунатланса, ирĕклĕ çĕнĕ йĕркешĕн, хĕвеллĕ çĕнĕ пурнăçшăн пĕтĕм вăйне хурса хастарран ĕçлеме, кĕрешме тытăнать. Калас пулать, Теччĕри семинарире халах хушшинчи тĕрлĕрен сийсенчи çамраксем вĕреннĕ: чăн-чăн ĕçхалăх ачисемсĕр пуçне, унта ултавçа мăнтăр купсасен, вĕçкĕн мещенсен, ейкеленчĕк титшĕм интеллигентсен хайсене маннăн тытакăн ачисем те йышланах шутланнă. Вĕсем — ашшĕ-амашĕсем те, ывалĕ-хĕрĕсем те,— хайсен ырлăхлă пурнăçĕ кĕскелессине сиссе, Октябрь революцине хирĕç пынă. Революци ташманĕсен тавлашăвне, харкашăвне, халăх хушшинче çĕнĕ пурнăç пуçламашĕ çинчен тĕрлĕрен ирсĕр элек сарнине çĕнтерсе пымалла пулнă. Революцилле çамраксем кивĕ тĕнчене хирĕç кĕрешĕве çĕкленнĕ. Çĕнĕ тĕнчешĕн тăнă маттурсем урамсене хĕрлĕ ялăвсемпе тухаççĕ, революцилле юрасемпе иртеççĕ, вĕсемех хулара çамраксен Союзĕ туса хураççĕ, вăл часах уесри комсомол организацийĕн никĕсĕ пулса тăрать. Çав маттур самраксен йышĕнче — Михаил Кузьмин, Павел Бекшанский, Петр Слесарев, Михаил Каштанов т. ыт. те. Революцилле çамраксем кунсерен вăй илеççĕ, çĕнтерӳ хыççăн çĕнтерӳ туни вĕсене тата ытларах хаваслантарса ярать.

Михаил Кузьмин (Çеçпĕл Мишши) çав çулсенче (тĕрĕссипе каласан, çав уйăхсенче — ун чухне пĕр уйăх пĕр çулталăка ытлараха тăнă) питĕ нумай вулама ĕлкĕрнĕ, хăй те сăвăсем çырнă. «Тетюшские известия» хаçатра пичетленнĕ сăввинче вăл çамраксене çĕнĕ пурнăç тума чĕнсе, çапла хĕрӳллĕн калать:

Будет время — не будут одни утопать
В золотом, полном благами, море,
А другие меж тем под нуждой издыхать,
Надрываясь за хлеб в вечном горе...

И теперь, когда нужен народу наш труд,
За народ мы умрем за голодный.
И спасибо нам скажет оборванный люд
За геройский порыв благородный...

Çамрăк Михаил Кузьмин хавхаланса сăвăсем çырать, вĕре-

нет, çав хушăрах ĕçлет, ĕçлет. Совет влаçĕн малтанхи çулĕсенче (1917—1919 çç.) Теччĕре вăл аçта-аçта ĕçленине шута илни те поэтан хастарлăхне, хаюлăхĕпе пултарулăхне уççăн катартса парать. Вăл Теччĕри РКП(б) укомĕ хушнипе ялтан яла Коммунистсен партийĕпе Совет влаçĕ çинчен докладсем туса çурет, калаçусем ирттерет, çынсене сĕнĕ влаçăн политики çинчен анлантарать. Ана, Михаил Кузьмина, уесри комсомол конференцийĕнче укомол председателĕн заместительне суйлаççĕ, валах, уесри судпа следстви комисси ĕçне туса пыма хушсан, каллех ялсем тăрăх çурет, пайтах кулаксемпе вăра-хурăхсен ирсĕр ĕçĕсене тăра шыв çине каларать, вĕсене совет сучĕ умне таратать.

Çакăн пек куллен-кунхи питĕ йывăр (çĕнни яланах йывăр) ĕçсемсĕр пуçне, Кузьмин ĕçхалăх çамрăкĕсене граждан вăрçи салтакĕсем — хĕрлĕармеецсем — пулма хатĕрлет. Ун чухне граждан вăрçи хĕрсе пынă-ха. Хĕвелтухаçĕнче Колчак, кантăрта Деникин, Крымра Врангель, Çурçĕрте Англипе Америкăран килнĕ интервент-ташмансем, Инçет Хĕвелтухаçĕнче — Япони самурайĕсем. Тĕнчере çĕнĕ самана пуçласа яна Таван çĕршыва пур енчен те харуша ташман хупăрласа илнĕ. Октябрь революцине чĕре хĕрлĕхĕпе саламласа йышăнна çамрăксем — ĕçхалăх ачисем — Совет влаçĕшĕн хăйсен ирĕкĕпе паттăран çапаçма фронта туха-туха кайнă. Теччĕре çаван пек хастар çамрăксене фронта кайма Михаил Кузьмин тарăшса хатĕрленĕ. Вăл хай те çапаçу хирĕсене тухса каясшăн пулнă, анчах ана, сывлахĕ начар пирки, кунта та ĕçĕ нумайăшне пула Хĕрлĕ Çара илмен.

Поэт кашт каярахпа хĕрлĕармеецсем Совет влаçĕшĕн епле паттăран çапаçни çинчен хăйĕн «Пурнăçпа вилĕм» саввинче каласа пана:

Хирте пĕр тĕмеске пĕр-пĕччен...
Тăпри çине пусна вĕлтĕрен.
Вилнĕ çын тăпри вăл, çак тапра,
Ыра çынни вилнĕ варçара.
Ĕç ачи вăл. Çĕнĕ пурнăçа
Сыхласа вăл вилнĕ— çапаçса.
Чухансемшĕн хăйĕн кунçулне,
Çамрак ĕмĕрне вăл хĕрхенмен.
Коммунизм хĕрлĕ ялавне
Чун тухиччен çĕре укермен.

Çакăн пек паранми паттăрсене хатĕрленĕ ун чухнех асла юлташĕсемпе пĕрле Çеçпĕл Мишши те.

Унăн ĕçĕ калама çук нумай пулнă, анчах çав вăхăтрах вулама та, сăва çырма та, библиотекăри драмкружок ĕçне хутшăнма та — пурне те ĕлкĕрнĕ. Пĕр шухăшлатăп та — тĕлĕнетĕп: ăçтан вăл çамрак çын, пирĕн Çеçпĕл Мишши, çаван чухле ĕç тума вăхăт çитернĕ! Чăн-чăн кăвар чĕре!

Теччĕре 1918 çулта Михаил Кузьмич Кузьмина коммунистсен (большевиксен) партийĕн ретне илеççĕ. Коммунист пулса таниш ĕн мĕнле хĕпĕртени çинчен вăл, хай 21 çул тултарнă кун, çапла сырса хунă:

«Прошлая жизнь моя разделяется на 3 периода — 1-ый до 1911 года июня м-ца, протекавшее хотя и в ужасной бедности, но светлое, яркое детство. 2-ой же период — начавшийся жестоким ударом, ужасной драмой в семейной жизни, потерей отца — период мрачный и самый мрачный в моей жизни; полный материального и духовного гнета буржуазного общества — закончил я 1918 год началом третьего периода — вступлением моим в компартию, когда я почувствовал себя таким вольным, сильным, свободным от всех семейных, религиозных и общественных предрассудков, вместе с пролетариатом я почувствовал себя властелином жизни. С тех пор мое сознание ясно. Мысли могучи — я — коммунист!».

В. И. Ленин декречĕпе 1920 çулта, çулла, халахамăр ĕмĕртен емĕре пуранна çĕршывра Чăваш Советла Автономиллĕ облаçне (каярах республикине) туса хуна. Ют халахсен пусмăрне кĕрсе укнĕ хыççан Атал тарахĕнче темиçе ĕмĕр хушши пуранса та хăйĕн ирĕклĕхне туйман-курман халахан халĕ, Октябрь чĕртнĕ çутара, хăйĕн патшалахĕ пулса тăнă. Çак телейлĕ куна чăваш ĕççыннисем асла уяв выранне хурса йышăнна.

Кавак хуппи пĕлĕт тарĕнчен
Чăваш çĕрне çутатса ячĕ,—

тесе хавхаланса çырна ун çинчен Çеçпĕл Мишши. Анчах савăнни-хавхаланни — пĕрре, пĕтĕм пурнăçа çĕнĕлле йĕркелесе ярасси, ăна пур енчен те лайăхлатса пырасси — тепĕр ĕç, йывăр ĕç.

Автономиллĕ облаçăн хуçалахĕпе культурине малашне хаварт аталантарса пыма вĕреннĕ çынсем, Совет влаçне чунтан йышăнна, унăн тăрăшакан çынсем, пултарулла коммунистсем кирлĕ пулнă. Шупашкартан темиçе хутчен те чĕнтернипе (Теччĕрен пирĕн поэта питĕ ярăсшăн пулман), Çеçпĕл Мишши тăван хулана пысăк ĕмĕтсемпе килнĕ.

Теччĕре ĕçленĕ чухне-ха Михаил Кузьминăн ĕмĕре асра юлмалла вăхăт пулнă. Çăваннăн хыççăнах поэт юлташĕсене акă мĕн каласа панă (Юрий Збанацкий хăйĕн «Çеçпĕл» романĕнче ăна тĕрĕс те хумхантармалла катартна):

«Пĕррехинче, карлач уйăхĕнчи пĕр тĕксĕм кун, пĕтĕм тĕнчене хупласа хурас пек чаранми, куç курми юр çуна вăхатра, эпĕ уком общежитине тухсме çук хавасланса чупса пытăм. Мана хĕл мар, çуркунне пек, лапкам-лапкам юр та мар, сывлашра чие çеçкисем вĕçкеленĕ пек туйăнса кайрĕ. Мана тата икĕ çамрăк коммуниста партире ĕçлекенсен курсенче вĕренме Мускава ямалла туна! Революци чĕри тапса таракан, Ленин пуранакан хулана — Мускава каймалла! «Ленина куратăпах! — терĕм хам ашăмра.— Эпĕ ăна тĕлĕкре куратăм, халĕ ĕмĕтĕм çитмеллех».

«Эпĕ Ленина куртăм! Эпĕ Ленина итлерĕм! Ун çинчен каласа пама халĕ те самăхăм çитеймест манăн. Анчах чĕрере çав сехетсем ĕмĕре юлĕç. Эпĕ каялла Чăваш çĕршывĕ тарах таврăнтăм. Чăваш çĕршывĕ... Кунта эпĕ хурлаха кура йуççĕ куççулĕ çатна, асапа пула çурама пĕкнĕ, çаванпа мана ачаран йывăр чир çулахна. Пĕр шухăшласан, çак çĕршыва ĕмĕрех курайми пулма салтавĕ манăн чун туллиех пулнă... Анчах хăм кунçулăн чи йывăр кунĕсенче эпĕ çак çĕршыва юратнă, кунта ыра кун курмасăр ĕмĕрĕсене ирттерекен сынсене юратнă. Эпĕ хайĕн асапĕшĕн, чухăн чавашăн пĕтĕм терчĕшĕн çĕр айапла мар иккенне ăнлантăм.

Эпĕ ун чухне киле вайла та асла çын пулса таврăнтăм. Эпĕ Ленина куртăм. Манпа Ленин калаçрĕ. Мана Ленин вĕрентрĕ...»

Асла Ленин вĕрентĕвĕпе, революци çĕнтерĕвĕпе хăйĕн аслĕпе чунне çĕклентернĕ çамрак коммунист-поэт Шупашкарта таван халăхан ирĕклĕ çĕнĕ пурнăçĕшĕн, унăн телейлĕ пуласлăхĕшĕн, унăн тин кана хунавланма тытăнна çĕнĕ литературине чечеклентерессишĕн пĕтĕм вăйне парса, ырми-канми ĕçленĕ.

Малтанлăха поэт комсомолăн облаçри комитетĕнче ĕçленĕ май чаваш çамракĕсене Ленин вĕрентĕвне, коммунизм çинчен анлантарассишĕн тăрăшать. Унтан ăна Облĕçтавком членне суйлаççĕ, Ревтрибуналăн, юстици пайĕн пуçлăхĕ тăваççĕ. Çаван чухне ĕнтĕ вăл хăй çинчен çапла çырса хунă:

«Членом Исполкома своей области, председателем Революционного Трибунала, деятелем пролетарской юстиции вступаю в 22 год своей жизни. Карьеризма, бесчестности нет в моей натуре. Надеюсь — никогда не замарать звания коммуниста, но пожелаю себе, вступая в 22-ой год — больше смелости в жизни! Обещаю себе встретить и 23-и [день] 4 ноября 1921 года достойным коммунистом».

Кирек хăш ĕçре те, кирек ăçта та — юстици çуртĕнче ĕçлесе ларнă çĕрте-и, ялсенче пулма тивнĕ чухне-и, юлташĕсемпе çĕнĕ литература пирки хĕрсе кайса каласна вăхăтра-и, киленче-и — Сеспĕл Мишши хăйне çирĕп коммунист пек тытнă. Вăл хитре тумланса çуреймен, умран юличчен тутла çисе курайман. Атăл хĕррипе савнисемпе шакăл-шакăл калаçса çуреймен. Вăхăчĕ ун чухне ытла хаяр пулнă. Калас пулать, Шупашкарта вăл сулсенче мещенсем, купсасем, чиновниксем, пупсем, спекулянтсемпе вăрăсем Атăла пĕвелемелĕх те çителĕклĕ пулнă. Чăваш çĕршывĕнче çĕр ĕçĕпе пуранаканнисенчен — пуяннисем, вăтам-мисем. пуринчен ытла чуханнисем. Интеллигенци тенисем, халăха ертсе пыраканнисем те, тĕрлĕ пулнă. Пĕри Совет влаçне чĕрине йышăнать, тепри ăна хирĕç сенĕкпе тарать. Интеллигентсенчен — пĕри апла, тепри капла, виççĕмеше чĕлхипе çĕнишĕн юптарать, ĕсĕпе каялла чуптарать. Кузьмин коммунист икĕпитсене тăсме пултарайман. Ун аллинче ĕнтĕ пысăк власть пулнă. Вăл ташмансене хĕрхенсе тăман, суяпа ултава яланах тăрă шыв сине каларма тăрăшнă, хăй патне кукленеçпе пынă йăпалтисене пусма тарăх хăваласа антарни те пулнă, Совет влаçне хирĕç тăракансене революци саккунĕпе хыта айăплана. Çĕнĕ саманашăн тараканăн çапла пулмалла пулнă та!

Шупашкарăн тусанлă е пылчăклă урамĕсемпе кивĕ атăпа иртсе пыракан хăмăр куçла çыннăн кивĕ шинель айĕнче вут пек хĕрӳ чĕре тапнă. Вăл усала паранман коммунист, хастар ĕсченсĕ. таса чунлă, ырă кăмăллă çамрак çын пулнă. Çакна эпир ăна хăйне аставакан юлташĕсем каласа панинчен, хăй сырса хăварнисенчен, унăн çулăм пек хĕрӳллĕ саввисенчен пĕлетпĕр. Пĕлетпĕр кăна та мар, поэт чăн-чăн çаван пек çын пулнине куç умĕнчи пекех курса тăратпăр.

Анчах, мĕн тейĕн, вырăссем каларĕшле, килиыш чăлахсăр мар. Ун чухне — маларах ун пирки тĕплĕнрех калăрăмăр,—

революци хыççăнах, килĕшăмăр таса пулман-ха. Самахпа революцишĕн таракан, ĕçĕпе ана варттан сиен кӳрекен икĕпитсем те влаçа хуртсем пек яваçма пултарнă. Çаван пек «чăлахсем» ентĕ таса çынна — Çеçпĕл Мишшине курăмми пулнă, унран шикленсе, ана ĕçрен парма шут тытнă, салтав шырана. Салтавĕ тупанна! Михаил Кузьмин (юстици пайĕн пуçлăхĕ) Хусанта командировкăра чухне, юстици çуртĕнче вут-кавар тухать те, çав йывăç çуртран кĕçех камракпа кĕл кана выртса юлать. Çак инкекĕн айапне пĕтĕмпех пуçлăх çине йăвантараççĕ. Юри хай тĕртсе çунтарнă, имĕш! Çеçпĕл Мишшине, хăвартрах партирен каларса, суд туса, тĕрмене хупса та лартаççĕ. 1921 çулхи кĕркунне поэтăн çакăн пек çырса хуни пур: «...Бесконечно возмущает меня то, что я явился жертвой самых маленьких обстоятельств... Я уверен, буду втолкнут в тюрьму. Теперь уж постараются. По-видимому, я кончу очень плохо. Однако желаю, чтобы достало сил среди безмозглых, тупых баранов, среди всех гочений остаться коммунистом. Моя участь теперь решена. Мне в Чувашии, в своей области, житья не будет».

Нимĕн айăпсăррине кура, Çеçпĕле тĕрмерен хăвартах калараççĕ. Эпир йăнăшна! Йăнаша сийĕнчех тӳрлетрĕмĕр! — теме пăхнă унăн ташманĕсем. Çук, вĕсем хайсен йăнăшне юри тӳрлетенçи кана пулнă. Ака поэт ирĕкре ĕнтĕ. Ирĕк — ирĕкех, анчах поэтăн кăмалĕ, кĕрхи кăра çил çапса хуçнă йывăç пек, шартах хуçалать, чунĕ аманать. Çитменнине, ачаранах тертасап кунĕ чирĕ — шăма туберкулĕзĕ — тепĕр хут аталанса каять. Михаил Кузьмина ĕнтĕ партипе совет ĕçне хутшăнтармаççĕ, вăл вăхăтлăха Облоно çумĕнчи куçару комиссине ĕçлеме кĕрет. Нумай та вăхăт иртмест, ылханлă чир аптратса çитернĕрен Чулхулана сывалма тухса кайма тивет. Унтан ана Крыма, Евпатори курортне асатаççĕ.

Çапла иртнĕ Çеçпĕл Мишшин Шупашкарти пурнăçĕ. Кунта чухне, партипе совет ĕçне хастарăн туса пынă хушăрах, куçару комиссийĕнче ĕçленĕ вăхăтра та, поэт таван литературăн пуласлăхĕ çинчен нумай шухăшлана, нумай çырнă. Атăла шанкăртатса юхса кĕрекен Кайбулка ятлă пĕчĕк юханшыв хĕрринче йывăç пӳрт ларнă. Унăн иккĕмĕш хутĕнчи кантăрти пулĕмĕнче поэт çĕрĕ-çĕрĕпе ĕçлесе ларнă, çĕнĕ янравлă сăвăсем шарантарнă. Ун патне час-часах çамрăк юлташĕсем кĕре-кĕре тухнă. Вĕсем сахаллăн пулна-ха, анчах çак çамрăксене поэт литературăн пуласлăхне катартма тăрашнă. Вĕсене çине тăрса вĕрентнĕ вăл, ыра канаш пана. Сăвăсенчен, юлташĕсенчен, таван хуларан таçта инçе уйрăлса кайма поэта çав тери йывăр пулнă.

Çеçпĕл Мишши пултарулăхĕ çинчен хай пуранна вăхăтра, унтан каярахпа та чăваш çыравçисенчен ыра сăмах калакан сахал пулнă. Çĕнĕ саманан çĕнĕ поэтне, вăл чăваш сăввине «паснăшăн» имĕш, тиркенĕ, варçна — ана çĕнни çĕнтерессинчен сехре хăпартнисем, çĕнниче хирĕç пыракансем кураймасăр

тапанна та. Революцие чунтан йышанна, чĕререн парачна хĕрӳллĕ çамрак поэт ютсене паранман, хай ĕмĕтне парахман, пĕр тытна çулĕнчен паранман. Унан Чăваш çĕршывĕнче революци саманишĕн революциллĕ поэзи тумалла пулна.

Çĕнĕ поэзие пуçарса ярса, ана çĕклесе пырас, çĕнтерттерес йывăр еçе пĕччен пултараяс çуккине хастар чунла çамрак поэт лайах анланна. Çаванпа Çеçпĕл Мишши (ун чухне Михаил Кузьмин-ха) хай тавра хай пек хастар çамраксене пĕрлештерме тарашна. Унан 1921 çулта Васанкка Микихверĕ патне яна çыравĕнче ака мĕн вулатпăр эпир: «Эпĕ «Сборник стихотворений» каларма тытăнна. Архип Лукичпе Львов тата ыттисем те ку ĕçе ырларĕç... Анчах «Канаша» пахкаласа тухрам. Ыра сăвăсем, хастаррисем пит те сахал куртăм. Сан сăвăсенчен пуçне хастарла сăвăсем çукпа пĕрех. Юлташăм Васанкка, хăван мĕнпур сăвăсене ярччĕ эс «Сборник» валли. Темен чул тав тăваттăм». Çав çырурах малалла чăваш çырулахĕшĕн çунса калани пур: «Чăваш чĕлхи çухалас патне çитнĕ. Хамăр таван чĕлхене хатарма ушканпа пурте харăс тăмасан, пирĕн наци çĕр çинчен çухаласса кĕтсех тăр». Юлашкинчен поэт хайĕн юлташĕнчен таван чĕлхене чунтан юратакан çамраксем (вĕренекенсем) çинчен пĕлтерме тархасласа ыйтать.

Çеçпĕл Мишши пĕр хайĕн чапешĕн çеç хыпса çунакан поэт пулман. Хевтесĕр сăвăсем ана хурлантарна та, тарахтарна та, поэзири хастарлах вара чунтан савăнтарна. Поэзи — поэзишĕн тенĕ шухăш унан пуçне çаварман. Поэзи ана ĕмĕр-ĕмĕр пусмăрпа асапра пуранна таван халăха, унăн çĕнĕ саманари пĕтĕм культурине çĕклесе яма кирлĕ пулна. Вăл çаванăн пăшăрханна, çунна е вăхăчĕ-вăхăчĕпе хавхаланса. юратура шанăсне çухатман самрак çын пек ырăн ĕмĕтленнĕ.

Анчах ĕмĕтленни кана питĕ сахал-ха. Ĕмĕт çитнине пĕлтерекен чаплă та илемлĕ япалана, уншăн ху чунна парса тарăшмасан, никам та сан умна пырса хурас çук. Çеçпĕл Мишшин пирĕн çĕнĕ поэзин никĕсне хывмалла пулна.

Октябрь революцийĕ вут-çулăмĕнче шăранса тухна çĕнĕ пурнăç, ытти чи кирлĕ нумай-нумай çĕннисĕр пуçне, çĕнĕ поэзи те ыйтна. Ун çинчен пирĕн поэтăмăр питĕ тĕрĕс калана. Вăл калани чăваш поэтикин теорийĕ шайĕнче тарать. «Революци пурнăçа пур енчен те çĕнĕ сывлăш, чĕре сывлăш кĕртрĕ,— тесе сырать Çеçпĕл Мишши.— Пур ĕçре те Чĕрĕлĕх. Чăваш кунçулне çутатмашкăн, çĕнĕ сывлăш вĕрсе кĕртмешкĕн, чăваш поэзи те чĕрĕле пуçларĕ. Хаçатсем çинче, журналсем çинче çĕнĕрен çĕнĕ сăвăсем (стихотворенисем) çапанаççĕ. Ку ĕç пирĕн Чăваш çĕршывĕшĕн çĕнĕ ĕç. Çул шырас пулать. Тĕрĕс çул тупас пулать. Сăвă ĕçин техникине пултарас пулать...»

Шухăшлатăн та халĕ — Çеçпĕл Мишши «тупнинче» тĕлĕнмелли нимех те çук пек туйăнать. Чăваш сăмахĕсенче пусăм (ударени) ăçта-ăçта ӳкнине, çав пусăмсен саккунне эпир ентĕ вĕренсе çитнĕ, сăмаха тĕрĕс вулама-калама, çырма хăнăхнă те-

мелле. Тепĕр тесен, мĕншĕн çав териех кирлĕ пулна-ши поэта самахсенче пусăм хăш сыпăк çине ӳкни?

Революцичченхи пирĕн поэзире çичĕ сыпăкран таракан сăва йĕрки тĕп выран йышăнна. Çав сăвăсенчи самахсенче пусăм юлашки сыпăк çине ӳкнĕ (е ӳкернĕ). Чăваш самахĕсенче (французсенни пек) пусăм яланах кайра, вĕçре, тенĕ. Çеçпĕл Мишши кунта килешмен, мĕншĕн тесен, ун шухăшĕпе, ку вăл тĕрĕс мар, пусăм тĕрлĕ самахра тĕрлĕ çĕре ӳкме пултарать иккен; çитменнине, çичĕ сыпăк сăвăн шухăшне ирĕклĕх пама чăрмантарать. Самахра пусăм юлашки сыпăк çине çеç ӳкет тени терĕс маррине поэт тарăшса катартса парать. Хăшĕ тĕрĕссине пелмешкĕн тĕп чăвашсем калаçнине санамалла; тĕп чăвашсем Шупашкар, Етĕрне, Çĕрпу. Чикме уесĕсенче, тет вăл. Çеçпĕл Мишши калăпне халĕ килĕшсен те, килĕшмесен те пултаратпар. Пĕр енчи чăвашсемпе тепĕр енчи чăвашсем хушшинче ӳлĕмрен чĕлхе уйрăмлăхĕ пулас çукки çинчен каярах поэт хăех калать. Анчах пире, пуринчен ытла çамрăк поэтсене, çака хăвалантарса тăмалла: чăпла поэтăмăр тăван поэзи хăвачĕшĕн, унăн хĕвеллĕ пуласлăхĕшĕн чĕлхемĕре епле иккен санаса тĕпченĕ! Чĕрĕле пуçлана чăваш поэзийĕшĕн вăл çĕнĕ çул тупна-тупнах, сăва ĕçĕн техникине пултармаллипех пултарна.

Çеçпĕл Мишши сăва мĕнле çырмаллине мĕн тери теплĕн катартса пани çинчен каламасан та юрĕ. Çулсерен çитĕнсе пыракан пирĕн çамрăк поэтсем, шкулсенче вĕренекенсем, поэзие юратакансем кашниех поэтăн «Сăва сырассипе ударени правилисем» статйине кирек хăçан та вуласа тухма пултараççĕ. Вăл халĕ те пирĕн учебник выранĕнче. Поэт вăл статьяна ĕç çукран çырман, поэзи çĕнĕ çул çине тухтăр тесе çырна, вара хай самахĕн тĕрĕслĕхне хайĕн вилĕмсĕр саввисемпе катартса пăнă, ăна вăрăм ĕмĕрлĕхе çирĕплетсе хăварнă.

Сăвăсем мĕн çинчен каласа пани, мĕнле шухăшран хăват килни, вĕсен форми, санарлăхĕпе янравлăхĕ — пĕр самахпа каласан, поэтăн чăн-чăн асталăхĕ пĕтĕмпех пурнăçпа çыхăнса тăнă, ун чухнехи пурнăçран килнĕ. Тата кунта çавна асра тытмалла: Çеçпĕл Мишшин пурнăçĕпе кĕрешĕвĕ коммунист пурнăçĕпе кĕрешĕвĕ пулнă, вăл иртнĕ пусмăр саманине пĕтĕм чун-хавалĕпе курăйман, çутă малашлăха та çав халлăх юратнă.

Аса илер-ха поэтăн:

Мĕскĕн юлташам, хăта,
Сухапуç çынни,
Иртсе кайна вăхăта
Аставатăн-и? —

строфапа тытăнса каякан саввине. Иртнине çав тери тарăхса питлет поэт, анчах унпа кăна çырлахмасть, çĕнĕ пурнăç тума, çĕнĕ çурт лартма чĕнет:

Пур чухăнсем тĕнчипе
Вăл çурта тăвар;
Йăлтăр хĕвел çутипе
Таррине тарлар!.

«Пурнăçпа вилĕм» савва та эпир лапкан вуласа тухма пултараймастпăр. Поэт çĕнĕ пурнăçа сыхлана, чухансен кунçулĕшĕн коммунизм ялавне çĕре ӳкермесĕр çапаçна ĕç ачи çинчен юратса каласа парать, вал вахатсар çĕре кĕнишĕн чĕререн хурланать, хайпе перле пире те хуйха ӳкерет:

Эх, таванам, иртнĕ кунçула
Кам таварса парĕ каялла?
Уя ака тумашкан тухсан,
Юрру илтĕнес çук ĕнтĕ сан.
Тек курайман пĕлĕт çутине,
Илтеес çук тари юррине;
Качарт-качарт тыра вырна чух,
Санан аллу çурла тытас çук.

Çак йĕркесенче мĕн чухлĕ пурнăç, мĕн тери асамлă поэзи! Ака аста иккен вал пурнăçран килен таран шухăшпа, чан-чан поэзипе тыткăна илен асталăх!

Çаван пекех тата «Чăваш чĕлхи» сава мĕнле илемлĕ те хăватлă, чуна çĕклентермелле янăраса пырать поэтан! Унăн сулмакла виçине, уçлăха çиçĕм пек касса каякан рифмисене, хĕрӳллĕ танлаштарусемпе эпитетсене, йĕркесем варринче пат! татнă цезурăна сасăсен янравлăхĕпе санар — пурте выранлă, вайлă, хавхалантарулла:

Камалла çершыван камалла чĕлхиçĕм!
Иртнĕ хурлахушан çитĕ ырлăху:
Хĕрлĕ хĕрнĕ хурçа, çунтăракан çиçĕм,
Вĕри вутла çулам эсĕ пулан ху.

Тӳрех калас пулать: поэзипе поэтика тĕлĕшĕнчен çак çуллĕше çитнĕ савăсем чăваш литературинче Çеçпĕлччен пулман. Çеçпĕл Мишши хайĕн кĕске пурнăçĕнче чăваш поэзийĕшĕн çĕнĕрен те çĕнĕ мелсем, меслетсем, аслайсем шырана. Вăл выраç классикĕсенчен нумай вĕренме ĕлкĕрнĕ. Ака унăн А. С. Пушкинăн «Пророк» саввинчи пекех янăракан классикалла таса ямб:

Часрах килсе хаватлах кĕртчĕ
Чăвашăн капăр чĕлхине.
Çунтартăр çуламла, каварла
Чĕлху çынсен чĕрисене.

Çеçпĕл Мишши чăваш чĕлхипе пур майсемпе те, тĕрлĕрен формапа çырма пултармаллине катартса пама тăрашнă. Паттăр çыннăн çирĕп те тĕреклĕ утăмĕ пек, марш пек, чĕрене йыхравлăн çĕклентерсе пырать унăн «Хураç шанчăк» савви. Поэт çамраксене чĕнсе те витерсе калать:

Хастарла, хыт утăмла пулăр,
Çĕршыван хастар ачисем.
Вут кайăклăн вĕçĕр, ан юлăр,
Ан юлăр кунçул уттинчен!

Ака унăнах тата анапест виçи-кĕввипе çырна сулмакла та çав хушăрах камала ашатса яракан саввинчен илнĕ тĕслех:

Çер иртсен — ирхи кун хĕвелтухаçĕнчен
Тĕнчене уяртса, сывлама
Шарçа пек шаратса кĕмĕл саслан килсен,—
Ман юратна çĕршыв вилĕмрен чĕрĕлни,
Вăл асапла хĕрес çумĕнчен çаланни
Пур енчен те савать куçама.

Пирĕн аста поэт совет саманинче мĕнпурĕ те 4—5 çул хушши кана çырма ĕлкĕрнĕ. Анчах çав питĕ кĕске вăхăтрах мĕн чухлĕ çырна, мĕн чухлĕ вĕрентсе хаварна! Поэтан пĕр савви те содержанипе форма тĕлĕшĕнчен ыттисемпе пĕр пек мар. Илĕрха унăн ямб виçи-кĕввипех çырна тепĕр чапларан та чапла саввине. Ана вăл сак строфапа вĕçлет:

Хаватла, çĕн чĕреллĕ çĕн ĕмĕр чавашĕ,
Хулпуççипе кавак пĕлте пернисе,
Кунçул уйне тухса, хĕвел тумтир тумланĕ.
Çĕн Кун ана ыталĕ саванса, ачашшăн;
Умне, çĕн çул çине, çĕн чечексем чĕртсе,
Интернационал кĕперĕ анĕ.

Ку сăва хăй çинчен хăех каласа парать: вăйла хум пек кĕрлесе янракан кĕвĕ, тĕлĕнтерсе яракан санарлăх, ытамла рифмасем ана хăват параççĕ. Кун пек сăвăсене чăн-чăн аста кана çырма пултарать.

Хăй халăхне юратакан, унăн телейĕшĕн çунакан поэт урăх чĕлхепе калаçакан халăхсем çине сивĕ куспа пăхмасть, çичĕ ют выранне хумасть. Сеçпĕл Мишши поэт-коммунист таван халăхĕ ĕлĕкрен чухăнлăхра пуранншĕн çав тери хурланнă, культура кая юлнишĕн пăшăрханнă, çав хушăрах Асла Октябрь ăна та çĕнĕ, ирĕклĕ çул уçса панишĕн чунтан саваннă. Вăл кашни халăханах кунçулĕ çапла пулнине лайăх ăнланнă. Халăхсем пĕр-пĕринпе яланах тусла пуранасса ĕненсе, чăваш çĕрĕ çине те интернационал кĕперĕ анĕ, тенĕ. Ахальтен мар ĕнтĕ пирĕн поэтăн «Çĕнĕ Кун аки» саввине ытти нумай-нумай чĕлхене куçарнă. Поэтăмăр çуралнă 70 çул тултарнă ятпа çак асăнна сăвва Совет Союзĕпе урăх çĕршывсенче пуранакан халăхсен чĕлхине куçарни уйрăм кĕнекепе пичетленсе тухрĕ.

Сеçпĕл Мишшине вăл саввисенче «чăваш» сăмаха нумай хутчен çырнăран, чăваш халăхĕ çинчен нумай шухăшланăран, ун кунçулĕпе культури, чĕлхи пирки пăшăрханнăран-и хăшпĕр сыравçăсем «националист» тесе те айăплама пăхнă. Халĕ çав «националист» поэтăн саввисем пĕтĕм тĕнчипе тенĕ пек янăрасçĕ, ирĕкри халăхсене ирĕке юратма, пусмарти халăхсене ирĕклĕхшĕн кĕрешме чĕнеççĕ.

Поэтăн çĕнĕлĕхне хирĕç пынă çыравçăсем ăна «пессимист» тесе элеклеме те именсе тăман. Вĕсемшĕн пуринчен ытла

«Йывăр шухăшсем» сăва «серепе» пулнă. Вăл сăвва тĕрĕс ăнланас пулать: унта — çута шанчăк хăвартах çитсе килейменнишĕн тарăхни-кулянни, ĕмĕте хăвартрах куç умĕнче курассишĕн çунни. Вăл — хайне кура илемлĕх меслечĕ. Ĕмĕтĕм çитмесен:

Ват асатте çиллĕ тавăл витĕр
Мана масар çине кайса чиктĕр...
Вилтапри вĕлтĕрен тахантăр,
Пуçăм çинче çелен шахартăр,—

тет поэт. Çак сăмахсене вăл ĕмĕчĕ çитессине хытăрах ĕненнерессишĕн, унăн сынсен чĕрине ытларах хускатасшăн калать.

Çеçпĕл Мишшин кĕске ĕмĕрĕ, чăн та, питĕ йывăр пурнăçра иртни пире палла. Тепри пулсан, чирĕ аптратса йăлахтарнине кура, халăх чĕрĕлсе танишĕн хавхаланса çĕнĕ поэзи çулне уçма мар, хайĕн пурнăçне сыхласа хăварас тесе, тен, урах çул çине тăна пулĕччĕ. Ун пеккисем пулман мар. Анчах пирĕн поэт-коммунист найкашман. Тĕлĕнмелле — хай чирĕ çинчен, ăна пула çав тери асапланни çинчен пĕр сăва та çук унăн.

Çĕнĕ самана поэчĕ мĕнле çын пулмаллине Çеçпĕл Мишши «Тинĕсе» ятла программалла саввинче каласа хăварнă:

Чунĕ ун хаюлла пултăр,
Тинĕс вайĕпеле тултăр,
Савтăр паттăрлăх вайне;
Çен куна, çĕн тĕнчене
Юратса çĕнĕ юра хутăр.
Керешу ĕçне-вăйне
Хай чĕрин хĕвелĕ тутăр.
Çĕн поэт ака та тутăр,
Ута çултăр,
Вута çуртăр,
Ĕçлесе çĕн юра хутăр,
Туй пулсан,— ташлатăр, култăр...

Проза чĕлхипе каласан — поэт пурнăç сынни пултăр, халăхпа пĕрле халăхшăн ĕçлесе савăнтăр.

Çеçпĕл Мишшин çакăн пек калани пур: «Ĕлĕк чăвашсем таçта тухса çуремен; вăрмансем хушшинче пураннипе, чукун çул таврашĕ çуккипе аякри чăвашсемпе пĕрлешмен, çаванпа та чăваш пек пĕчĕк халăх хушшинче çаван пек уйрăм тухса кайнă (сăмах чĕлхери уйрăмлăхсем пирки пырать.— *А. А.*). Малашне пĕр-пĕринпе хутăшма аванланса пырать. Пĕр енчи чăвашсем тепĕр енчи чăвашсемпе час-часах курăнса хутăшмалли пулĕ — вара ун чух пĕр енчи чăвашсен чĕлхипе тепĕр утăмри чăваш чĕлхин нимле уйрăм та пулмĕ, пĕр тĕп чăваш чĕлхи пулĕ».

Кунта анатрипе тури чăвашсен чĕлхи уйрăмлăхĕ çинчен калана. Ĕлĕкрех çав уйрăмлăх сисĕнерех пана. Литература чĕлхи пулса кайнаран вара çав чикĕ, çав йăран çухалнăçем çухалнă. Халĕ вăл чикĕ çинчен сăмах пымасть. Çĕнĕ саманара 50 çул ытла пуранатпăр ĕнтĕ. Халĕ Константин Иванова та

(анатри чĕлхепе çырнă поэта), Çеçпĕл Мишшине те (тури чĕлхепе савасене йалтах çĕнĕлле шарантарна поэта) кирек хăш енчи чăвашсем те вĕсем çырнă пек тĕрĕс вулатпăр, тĕрĕс анланатпăр. Эпир вăл тĕлĕшрен телейлĕ: пирĕн — пĕр литература чĕлхи.

Пĕр литература чĕлхишĕн Çеçпĕл Мишши те пĕтĕм пултарулăхĕпе тăрăшнă, поэзие çĕнĕ çул уçса панă...

Çапла, Шупашкартан тухса кайсан, Çеçпĕл Мишши Чулхулара пулать, унтан ăна Мускав урлă Евпатория, Хура тинĕс хĕрринчи «Талласа» санаторине асатаççĕ. Поэт унта çуллахи кунсенче çитсе ӳкнĕ. Çитсе ӳкнĕ тени ку тĕлте чăн самах. Малтан унăн выранпах выртмалла пулнă-ха. Каярахпа ăна врачсен пулăшăвĕ, çĕнĕ тусĕсен ыра камалĕ, кантăр тинĕсĕн уçă сывлăшĕ ура çине тăратнă. Поэт чĕринче çĕнĕрен шанчăк çуралнă, çаваншăн чунтан саванса, вăл ĕнтĕ çĕнĕ савасем шарантарма пуçланă. «Чăваш! Чăваш!..», «Тинĕсе», «Инçе çинçе уйра уяр...», «Çĕн Кун аки», «Катаран каç килсен...» саввисене, тинĕс хумĕ пек сулмакла та янравлă, тинĕс пек таран шухăшлă саввисене, Çеçпĕл Мишши Крымра, Хура тинĕс хĕрринче çырнă.

Вăхăт сисĕнмесĕр иртнĕ, «Талласа» санаторийĕпе, çĕнĕ юлташĕсемпе сывпуллашмалли кун та çитнĕ. 1921 çулхи август уйăхĕнче Çеçпĕл Мишши художество шкулне вĕренме кĕрес шухăшпа (вăл ачаранах картинсем ӳкерме юратнă) Киева çул тытать. Художество шкулне ăна илеççĕ, анчах унта нумай вĕренме май килмест. Çеçпĕл Мишшине Киевра Хĕрлĕ Çара илеççĕ. Вăл хулара таракан запас полкра связист пулать. Анчах, хĕл ларсан, поэт-салтак каллех чирлесе ӳкет те, ăна çар службинчен хатараççĕ.

Ака вăл, казармăран тухса, Киев урамĕнче тарать. Аçталла çул тытмалла ĕнтĕ унăн? Шупашкар инçе, инçе. Поэт унти лару-тăрăва та пĕлсех каймасть. Вара вăхатлăха, Чернигов облаçĕнче пуранакан Федор Пакрышень поэт-юлташĕ патне çитме шут тытать. Вăл унпа Крымра паллашнă пулнă, ун хыççăн пĕр-пĕрин патне çырусем çуретнĕ. Пакрышень Çеçпĕле темиçе хутчен те хăй патне чĕннĕ. Киевран Остер хулине (80 çухрама) хĕлле чирлĕ поэт çуран утса тухать.

Кунта Çеçпĕл Мишши, Пакрышень тусĕ вырнаçтарнипе, Остер уесĕнчи çĕрĕç пайĕнче Атăл тăрăхĕнчи выçăпа аптрана халăхсене пулăшас енĕпе ĕçлет. Хайĕн те пурнаçĕ çăплах питĕ йывăр пулнă-ха унăн. Çеçпĕлĕн Украинари пурнаçне Ю. Збанацкий «Çеçпĕл» романĕнче тĕплĕн катартса панă. Поэт хăй нумай пуранас çуккине сиссех пырать. Юлташĕ лапландарнине хирĕç вăл çапла тавăрать: «Эпĕ — Çеçпĕл. Çав чечек вăрманта юр кайса пĕтнĕ-пĕтмен шăтса тухать те хĕртсе хĕвел пăхма тытăниччен куçран çухалать».

Çуралнă çĕршывран инçетре пуранни, вăл енчен выçлăха пула харуша хыпарсем çитни, тунсăхпа хурлăх, çĕнĕ экономика политикине анлансах çитеймен пирки йывăр шухăша ӳкни,

хайĕн пурнăçе, шăпи анманни, каллех выçлах, каллех ылханла чир — инкек пĕчĕн çуремест, теççĕ — çак салтавсем пирĕн поэтан ĕмĕрне татна. Поэтан камалĕ-шухăшĕ мĕнле пулнине, унăн чун-чĕри мĕнле çуннине «Выç псалом», «Паянтан», «Хĕрлĕ-хĕрлĕ, хĕрлĕ маканьсем...», «Кĕпер хывăр» саввисем хурланмалла катартса параççĕ.

Çеçпĕл Мишши Остер хулипе юнашар ларакан Старогородка ялĕ хĕрринче 1922 çулхи июнĕн 15-мĕш кунĕнче вилсе кайнă.

Пытарсан икĕ кунтан Федор Пакрышень пирĕн поэтан тапри çине палак лартнă. Юман юпа çумне хăма çапса, вăл çапла сырса хăварнă (украинла):

Оця едина могила
Великого поета сховала.
З ним богато песень новых
Буденна земля втеряла
(Çак талах вилтапри
Асла поэта пытарнă.
Унпа нумай çĕн юра
Ĕç тĕнчи çухатнă).

Ыра çын вилет — ят юлать, тенĕ. Халĕ Чăвашра та, Украинара та, ытти таванла республикасенче те Çеçпĕл Мишши ячĕ мухтавла. Пирĕн поэтан саввисем Кавал таран çеç мар, Çĕрпӳ, Чикме, Етĕрне урлă çеç мар, Мускав урлă инçете-инçете янраса кайрĕç.

Çеçпĕл Мишши 1921-мĕш çултах «Эпĕ вилсен...» ятлă сăвă сырнă. Çак хурлăхлăрах та çав хушăрах пысăк ĕмĕтлĕ сăвă çапла пуçланса каять:

Эп вилсен — мана пытартăр
Çулĕ ту тăрне.
Йăмрасем лартса хăварăр
Ман тапра çине.

Ман çинчен пĕтĕм çĕршывăм
Курантăр вара,
Тапрам çинчен курма пултăр
Ват Шупашкара...

Поэтан тапри Шупашкарта мар, Украинăри Остер хулинче. Унăн тапри, вилĕмсĕр çĕнĕ палакĕ халĕ хула сачĕ варринче, çăкасем хушшинче ларать. Палак çинчен чечек çыххи таталмасть. Украина çыннисем пирĕн поэта хăйсен таван поэчĕ вырăнне хурса хисеплеççĕ. Çеçпĕл Мишши асăннă сăвăрах пулас поэтсене хăй патне пырса курма, таван халăхĕ çинчен сăвăсем шарантарма хушса хăварнă. Пирĕн поэтсем, Украинăри юлташĕсемпе пĕрле, унта çулсеренех пулаççĕ, сăвăсем вулаççĕ. Çав сăвăсен янравлăхĕнче ун тапри çинчен пĕтĕм асла çĕршывăмăр курăнать, мĕншĕн тесен халăхсем хушшинче ĕнтĕ тăхçанах ин-

çетлĕх çук. Вĕсем хушшинче Çеçпĕл Мишши хывнă асамат кĕперĕ те уççăн куранса тарать.

Кавар чĕреллĕ Çеçпĕл Мишшин чăваш поэзине çĕнĕ чĕрĕлĕх пана саввисем пире — совет çыннисене — Таван çĕршыва чунтан-чĕререн юратма, ĕçре хастар та хĕрӳллĕ, пурнăçра ыра камалла пулма чĕнеççĕ.

◆

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

Вып. 51 УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ 1970

МИХАИЛ СЕСПЕЛЬ В ЧУВАШСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Н. С. ПАВЛОВ,
кандидат филологических наук, доцент

Роль Сеспеля как основоположника чувашской советской поэзии была определена нашим литературоведением далеко не сразу. Наоборот, в первые годы после его кончины в печати можно было встретить суждения, что созданные им поэтические творения чужды советской современности в идейном отношении и могут привлекать лишь своей художественной формой. К тому же и введенные Сеспелем в чувашскую поэзию формы стиха получали подчас крайне неприязненные оценки, едва ли не переходящие в хулу и брань. Следовательно, во всеуслышание порицались и идейно-тематическая основа, и форма произведений поэта. Были, конечно, и положительные статьи и высказывания о его творчестве.

Очевидна главная причина противоречий и сумятицы в характеристиках наследия Сеспеля. Она определена в труде по истории чувашской советской литературы М. Я. Сироткина:

«Борьба вокруг творческого наследия Сеспеля с самого начала приняла острополитический характер борьбы вообще за выбор и определение путей развития чувашской литературы»[1].

О том, насколько несходными, взаимно исключающими друг друга были характеристики и оценки мировоззрения и творчества Сеспеля в 20-х — начале 30-х гг., легко судить по целому ряду печатных выступлений. Так, только что начавший издаваться журнал «Сунтал» (Наковальня) опубликовал статью «Чăваш самахĕ» (Чувашское слово) Сеспеля, сопроводив её комментариями журналиста Н. Я. Золотова (он писал под псевдонимом Ют; данные комментарии — первая печатная публикация о Сеспеле). Содержание статьи Сеспеля, темпераментно утверждавшего богатую будущность чувашского языка, который «заставит гром грохотать и вызовет молний огонь», чрезвычайно импонирует комментатору, и он называет её «сверкающей искрами, жгучей, как пламя» («вут хĕлхемлĕ, ăша

[1] М. Я. Сироткин. Очерк истории чувашской советской литературы. Чебоксары, 1956, стр. 132.

сунтаракан япала»). Исключительно высоко оценивает Н. Я. Золотов мастерство языка Сеспеля, считая его образцом чувашской литературной речи (он пишет: «Пирĕн пурин те сырма Çеçпĕл Мишшинчен вĕренмелле», т. е. все мы должны учиться писать у Михаила Сеспеля)[2]. Однако буквально в следующем номере «Сунтал» публикует стихотворения Сеспеля «Пурнăçпа вилĕм» (Жизнь и смерть), «Йывăр шухашсем» (Тяжелые думы), «Чăваш чĕлхи» (Чувашский язык) и «Чăваш ачине» (Сыну чувашскому), категорически отмежевываясь от их идейной сущности (правда, журнал разделяет мнение Юта о бесподобном языке произведений Сеспеля). Вот примечание редакции журнала к публикуемым стихотворениям:

«С идеями («шухашсемпе») Михаила Сеспеля редакция не может согласиться. Однако с технической стороны стихи настолько хороши, что это трудно даже выразить. Среди чувашских поэтов очень мало таких, которые писали бы так, как Сеспель. Поэтому мы и публикуем его стихи»[3].

Если объектом полемики вокруг поэтического наследия Сеспеля являлось прежде всего его идейное содержание, то отрицательную роль сыграли здесь прежде всего вульгарные социологи. Нужно взять во внимание, что период 1925—1932 гг. в чувашском литературоведении был отмечен наскоками критиков рапповского толка на творчество большинства известных чувашских писателей (С. Элгера, Г. Тал-Мрзы, С. Фомина, В. Митты, П. Хузангая, В. Краснова-Асли, П. Осипова, Ф. Павлова и др.). Позиции чувашских вульгарных социологов определялись положениями теоретиков РАПП о «диалектико-материалистическом творческом методе», механически переносившими философские категории марксизма в область искусства. Особенно усердно специализировался на огульном охаивании чувашских поэтов и писателей, театральных деятелей и художников Д. Д. Данилов, выискивая у них «нацдемовщину», миссионерскую идеологию и поповщину, внеклассовый подход к искусству и т. д. и т. п. (так, в писаниях Д. Д. Данилова автор баллады «Леший» М. Ф. Федоров выглядит как идеолог «буржуазно-демократического направления», Константин Иванов, оказывается,— «певец... богатой жизни кулацкой верхушки чувашской деревни», П. Н. Осипов — автор пьес, которые «пропагандировали националистические взгляды», художник Ю. Зайцев грешит «явной идеализацией быта кулацко-зажиточной верхушки чувашской дореволюционной деревни» и пр.). Призывы Сеспеля к языковому строительству в Советской Чувашии Д. Д. Данилов трактует так:

---

[2] Журн. «Сунтал», 1924, № 1.
[3] Там же, 1924, № 2—3.

«Не давая чёткого классового освещения причин, приведших чувашский язык к крайнему захирению, Сеспель создает романтический мученический ореол вокруг прошлого и излишне преувеличенное романтическое представление о «боевой силе» чувашского языка... В этом сказалась одна из слабых сторон революционного поэта, ещё не овладевшего пролетарским мировоззрением и много носившего в себе мелкобуржуазного груза, принесённого из деревни, что и привело поэта к трагическому концу...»

Конечно, это происходило, по мнению Д. Д. Данилова, потому, что Сеспель «упускал конкретную обстановку борьбы классов в тогдашнем «сегодня» [4].

Сеспелю приписывались всевозможные грехи и в ряде других статей 20-х — начала 30-х гг. Н. В. Васильев (Шубоссинни) обвинял поэта в «байронизме»:

«Сеспель был настроен более революционно (здесь Н. В. Васильев сравнивает Сеспеля с Г. Тал-Мрзой.— *Н. П.*), но на всех своих произведениях оставил налёт какой-то грусти и одиночества в духе байронизма» [5].

Трудно подыскать другое столь странное (если не сказать большего) сопоставление с социально-художественными категориями прошлого мотивов поэзии Сеспеля. Умонастроение, получившее название байронизма, было распространённым в европейской литературе начала XIX в. и отличалось противоречивостью, как и мировоззрение самого Байрона. С одной стороны, для этого поэта характерны мощный свободолюбивый дух, тираноборство, ненависть к деспотизму, что привлекало к нему таких признанных мастеров мировой литературы, как Пушкин, Лермонтов, Гюго, Гейне, Петефи, Мицкевич и др., с другой — его герои одержимы индивидуализмом и чувством опустошающего одиночества, разочарованием в жизни, стремлением убежать от «презренного света». Именно поэтому Пушкин преодолевает индивидуализм, свойственный Байрону (взять хотя бы пушкинских «Цыган»), а Лермонтов в образе Грушницкого из «Героя нашего времени» разоблачает тех, у кого байронические настроения были лишены критицизма по отношению к социальной несправедливости. Но что общего между слитностью мироощущения Сеспеля с чаяниями и устремлённостью чувашских трудовых масс и байронической отрешённостью от «сумятицы страстей»? Тот «налет какой-то грусти» у Сеспеля, о котором пишет Н. Шубоссинни, не имеет ничего общего с байронизмом, и в нём нет ни грана от настроений людей «в гарольдовом плаще».

Причину «байронизма» Сеспеля Шубоссинни усматривает в том, что «вся чувашская революционная литература рождалась на фоне крестьянско-индивидуалистической идеологии».

---

[4] См. написанный Д. Даниловым раздел «Октябрьская революция и чувашская литература» в кн. «Советская Чувашия», Соцэктиз, 1933, стр. 129—212.

[5] Н. Васильев. За большевизацию чувашской литературы. Журн. «Национальная книга», 1931, № 2, М., Центриздат.

Очень двусмысленно высказывание об идеологическом содержании поэзии Сеспеля Н. Т. Васянки. В редакторском предисловии к сборнику стихов поэта [6] он высоко оценивает его революционную устремлённость («...хĕрӳллĕ поэт... Асла Октябрь тивлетне мухтаканскер», т. е. пламенный поэт..., воспевающий успехи Великого Октября...»), но в то же время обвиняет поэта в «шовинизме» (под шовинизмом Н. Т. Васянка, как ясно из его рассуждений, понимает национализм). Мы читаем:

«Однако никогда не забывавший о борьбе классов, всем своим существом понимавший ее, добровольно вступивший в Красную Армию во время чехословацкого мятежа коммунист (это Сеспель.— *Н. П.*) отождествлял понятия «чувашский язык» и «революция»: распростираясь ниц перед всем чувашским, он скатывался к националистическим мотивам, его пламенное сердце искрилось шовинизмом» [7].

Попутно Н. Т. Васянка подчёркивает увлечение Сеспеля символизмом и имажинизмом, не дав себе труда ознакомиться с их идеологической сущностью, а просто утверждая, что Сеспель «чрезвычайно интересовался русскими имажинистами», «с творчеством символистов... был знаком в пору ранней юности».

В одном из своих примечаний в конце сборника Н. Т. Васянка уверяет, что Сеспель превыше всего ценил форму стиха: «Он (т. е. Сеспель.— *Н. П.*) предлагает изучать прежде всего формы стиха, в первую очередь ценит мастерство стихосложения»,— сказано в примечании. Как видно, Н. Т. Васянка почему-то забыл, что писал Сеспель в своей статье «Сава çырассипе ударени правилисем» (Стихосложение и правила ударения) о назначении чувашской советской поэзии. Сеспель же писал следующее:

«Революция вдохнула в нашу жизнь новый, животворный дух. Всюду и во всем — Возрождение. Стала развиваться и чувашская поэзия, призванная освещать путь чувашского народа и вдохновлять его... Надо искать новые пути. Следует наметить правильную линию. Нужно создать технику стихосложения» [8].

Комментарии здесь совершенно излишни, потому что и без них ясно, что новая техника стихосложения, новые его формы рассматривались поэтом как средство выражения революционного содержания, и просто неловко писать, предав это забвению.

К чести Н. Т. Васянка, он давно понял свои заблуждения в понимании мировоззрения и творчества Сеспеля и отказался от них.

---

[6] Çеçпĕл Мишши. Савăсем. Шупашкар, 1928.
[7] Там же, стр. 5.
[8] Газ. «Канаш», 1920, 17 ноября.

Среди тех чувашских писателей или критиков, которые ещё при жизни Сеспеля видели в нём новатора, поэта очень большой одарённости и замечательного мастера художественного слова, нужно отметить прежде всего С. Ф. Фомина (Хумма Çемене, Чёкеç; 1903—1936). Творчество этого талантливого писателя, наследие которого охватывает все три литературных рода — лирику, прозу и драму,— началось с прославления Октябрьской революции. Его первые стихотворения («Блещет молния, сверкает...», «К солнцу», «Перед приходом весны», «Песня», «Огонёк» и др.) проникнуты радостными призывами, неповторимой в своей свежести романтикой 20-х гг. Это роднит Фомина с Сеспелем и, может быть, в значительной степени объясняет его пристальное внимание ко всему творчеству «подснежника чувашской поэзии». Можно добавить, что в вопросах стихосложения С. Ф. Фомин был довольно искушенным по тем временам ценителем (ему принадлежит одна из статей по чувашскому стиховедению), а это, конечно, тоже способствовало его интересу к поэзии Сеспеля.

Трудом С. Ф. Фомина, в котором анализируется творчество Сеспеля, является статья «М. Кузьмин (Çеçпёл Мишши)»[9]. Неоспоримое достоинство этой статьи в том, что в ней в равной мере затрагиваются и содержание, и форма поэзии Сеспеля. В идейном отношении С. Ф. Фомин сравнивает Сеспеля с одним из любимых поэтов армянского народа Петросом Дуряном (1852—1872) [10], ссылаясь на следующее место работы Валерия Брюсова «Поэзия Армении» (1916):

«Дурян в своих, сравнительно немногочисленных, песнях прокричал миру о своей страстной любви к родному народу... Юноша Дурян остается в истории армянской поэзии, как яркий, огненный штрих; среди других, более спокойных поэтов, он показал, что значит в творчестве «Темперамент», сила непосредственных переживаний, часто не только заменяющих «школу», «технику», но безмерно возвышающихся над ними».

Восторженно отзывается С. Ф. Фомин о поэтическом мастерстве Сеспеля, взяв за образец его стихотворение «Ушкăн-ушкăн шур пĕлĕт иртет...» (так С. Ф. Фомин называет стихотворение поэта «Жизнь и смерть»). «Все предельно ясно,— заключает он, разобрав стихотворение.— Уже взятые нами отрывки убедительно говорят о том, как могуч был талант Сеспеля, с какой силой он, подобно блеску молнии, волновал сердца, убеждал, что и на чувашском языке возможна высо-

---

[9] Хумма Çеменĕ. Пирĕн писательсем, «Канаш», 1923, ноябрĕн 2, 11, 16, 18-мĕшĕсем, 1924, январĕн 4-мĕшĕ.

[10] Петрос Дурян (1852—1872) род. и ум. в Константинополе, жил, больной туберкулезом, в нищете. Автор исторических трагедий, насыщенных пафосом национально-освободительной борьбы («Падение династии Аркашидов», «Черные земли» и др.), проникновенных песен. С. Фомин видит в Сеспеле тот же «огненный штрих», что и Брюсов в Дуряне.

кохудожественная литература, что в этом не может быть ни у кого и никаких сомнений; превосходно выраженное, всё это укрепляет наши надежды, вдохновляет нас».

В конечном счёте С. Ф. Фомин определяет в поэзии Сеспеля три главных начала — это гармония формы и содержания («форма рамкине кӗртме, тӳрех мӗнле тумтир тахантармаллине пӗлет»), новаторство в области художественного мастерства («чаваш поэзине, унăн техникине çӗнӗ сывлаш вӗрсе кӗртет»), любовь к родному языку («таван чӗлхене юратма вӗрентет»). Трудно с этим не согласиться.

При всей своей положительности в условиях начала 30-х гг., статья С. Ф. Фомина не лишена одного существенного методологического недостатка, что обусловлено полной неразработанностью в то время важнейших проблем чувашского литературоведения: оценивая роль Сеспеля в истории чувашской художественной литературы, С. Ф. Фомин явно грешит преувеличением, оставляя в тени в своих сопоставлениях поэта с другими писателями даже Константина Иванова (в угоду этой мысли он начинает выискивать в поэме «Нарспи» различные, по его мнению, недостатки). «Правда, были у нас автор «Нарспи» и Ахах, Тал-Мрза,— рассуждает С.Ф. Фомин,— но Михаил Сеспель превосходит их всех... с ним в один ряд никого поставить невозможно». Утверждать подобное может тот, у кого не хватает чувства историзма. Все же среди первых публикаций о Сеспеле статья С. Ф. Фомина безусловно является лучшей.

В 30-х гг., особенно после развенчания рапповских вульгаризаторов искусства, чувашская литературная критика значительно окрепла и усилила свое влияние. Естественно, что она должна была выразить свое отношение к личности и творчеству Сеспеля. Перед чувашским литературоведением в связи с этим стояли три основные проблемы: изучение биографии поэта, уяснение его мировоззрения, анализ его творчества. С наибольшей остротой выдвигалась вторая из этих проблем. В объективном решении ее большая роль принадлежит историку, критику и публицисту И. Д. Кузнецову. Им опубликованы две статьи о Сеспеле: «Çеçпӗл Мишши пултарулăхӗ тавра» (Вокруг творчества Михаила Сеспеля) [11] и «Хальхи поэзипе истори çинчен (Çеçпӗл Мишши çинчен калаçнă маях)» (О современной поэзии и истории (опять по поводу Сеспеля) [12]. В первой из статей, подчеркнув, что вдохновляющей силой и руководящим ядром в освободительной борьбе были пролетариат и коммунистическая партия, И. Д. Кузнецов определяет Сеспеля как пламенного глашатая их идей:

«Сеспель был одним из тех, кто своим проникновенным словом делал эти идеи достоянием трудящихся масс... В этом суть поэзии Михаила Сеспеля, именно это утверждает его как революционного поэта».

---

[11] Газ. «Канаш», 1930, 6 августа.
[12] Газ. «Канаш», 1930, 7 августа.

Очень убедительна в статье характеристика Сеспеля его же словами из стихотворения «Жизнь и смерть», навеянного поэту раздумьями о жертвах, которые неизбежны в борьбе за народное счастье.

Он за бедных шел в кровавый бой,
Не жалея жизни молодой.
До последнего, пока дышал,
Знамя коммунизма он держал...

В своей содержательной статье И. Д. Кузнецов ставит проблему соотношения формы и содержания в поэзии Сеспеля (здесь он полемизирует с теми, кто видел в Сеспеле лишь искусного версификатора, в частности, видимо, с редакцией журнала «Сунтал»), уясняет оптимистическое содержание его стихов и причины не вяжущихся с этими мотивов уныния в них. С негодованием отмечает он обвинения поэта в национализме, доказывая в противовес этому, что «его творчество — от революции, от страстного стремления приобщить к ней чувашский народ». Всем ходом своих рассуждений в статьях И. Д. Кузнецов подводит к мысли, что Сеспель — основоположник чувашской советской поэзии, первый из ее представителей, сумевший с такой убежденностью и силой воспеть грядущее, ту пору, когда

Кровь за волю павших братьев превратится
В лепестки пунцовой, ароматной розы.

Статьи И. Д. Кузнецова о Сеспеле являются тем рубежом, за которым значение поэта в чувашском литературном процессе начинает определяться в соответствии с исторической правдой.

Для установления истинной роли Сеспеля в истории чувашской советской культуры очень многое сделала общественность братской Украины. Известно, что это началось со знакомства поэта с украинцами Ф. Н. Пакрышнем, Н. И. Тургаиом и С. А. Ивановым в крымском санатории «Талласа» в июне 1921 г. С этого времени в жизни Сеспеля наступает период, который мы по праву называем украинским. О том, как свято чтит память чувашского поэта украинский народ, можно судить по высказыванию о нем Владимира Мельника из Черниговской области, который пишет, что автора стихотворения «Чувашский язык» «знают от мала до велика в тихом городке над Десной (это Остер, где Сеспелю поставлен памятник-обелиск. — *Н. П.*). Он молодым близок по духу мысли, старшее поколение помнит его как активиста по укреплению Советской власти на Черниговщине. Коротка была жизнь Миши, но это была жизнь подлинного коммуниста...»[13]. Широко освещалось и освещается творчество Сеспеля в украинской периодической печати. Писатель Юрий

[13] НА ЧНИИ, отд. V, ед. хр. 169, инв. 1033, лл. 1—2.

Збанацкий написал роман о жизни поэта [14]. Украинская киностудия им. Довженко завершила работу над посвященным ему фильмом. Глубоко знаменательно, что творчество и сам пример его прекрасной, хотя и трагически оборвавшейся жизни давно вышли за пределы простых симпатий человека к человеку. «Нет уже в живых Сеспеля, нет и Федора Пакрышня,— пишет по этому поводу Владимир Мельник.— Но дружба, начатая этими людьми, живет в народах-братьях»[15]. Уже много лет в Киеве работает группа художников, писателей, композиторов, публицистов и литературоведов над созданием уникального труда «Украина в контактах с народами мира». Несколько томов собранных материалов посвящается Чувашии,в частности творчеству Сеспеля, о котором Ю. Збанацкий в своей статье «Пролісок чуваської землі» («Літературна газета» от 16 ноября 1959 г.) пишет, что это «глубоко народный поэт, рожденный революцией, живший для революции», который «в полный голос заявил, что трудящийся чуваш не только вынашивал в своей душе идею свободы».

Начало научной разработки проблем, связанных с творчеством Сеспеля, положил М. Я. Сироткин. Этому предшествовали несколько изданий произведений поэта и ряд статей о его жизни и творчестве, посвященных сорокалетнему и пятидесятилетнему юбилеям со дня его рождения [16]. Среди довольно неоднородного по качеству литературно-критического материала о Сеспеле, опубликованного в это время, можно выделить в первую очередь вступительную статью Я. Г. Ухсая в издании сочинений поэта 1940 г., написанную в форме критико-биографического очерка. В статье живо ощущаются любовь и признательность автора к зачинателю чувашской советской поэзии, привлекает она искренностью выражения чувств. Ее историко-литературное значение определяется, с одной стороны, тем, что она подводит известный итог сказанному чувашскими критиками о Сеспеле, с другой — в ней дается в какой-то степени систематизированный биографический материал о поэте. Хорошим дополнением к нему является опубликованная в том же году журналом «Сунтал» статья украинского писателя М. Хазана «Сеспель Мишши» — о дружбе поэта с Ф. Н. Пакрышнем, отношении к нему народа

---

[14] Юрий Збанацкий. Сеспель. Роман. Видавництво ЦК ЛКСМУ. Київ, 1961.

[15] Подробно о чувашско-украинских литературных связях см. В. Я. Канюков. Литературные связи чувашского и украинского народов. «Ученые записки» НИИ ЯЛИ при Совете Министров ЧАССР. 1955, вып. XII, стр. 122—162.

[16] См.: Çеçпёл Мишши. Савасем. Вступит. статья Я. Ухсая, Чебоксары, 1940, 72 стр.; Çеçпёл Мишши. Хурçа шанчак. Вступит. статья Я. Ухсая. Чебоксары, 1948, 94 стр.; Михаил Сеспель. Стальная вера. Вступит. статья А. Эсхеля. Чебоксары, 1949, 84 стр.; Аркадий Эсхель. Певец возрожденного народа. Газ. «Красная Чувашия», 1947, 11 июня. и т. д.

Украины, об окружавших его людях и т. д. — в переводе на чувашский язык [17].

Первым трудом М. Я. Сироткина о Сеспеле явился критико-биографический очерк «Михаил Сеспель» [18]. Композиционно очерк состоит из четырех частей, в которых рассказывается о жизни поэта на общественном фоне его современности, идейно-художественных источниках его творчества, тематике и мотивах стихов, борьбе вокруг оставленного им литературного наследия. Все это — результат длительного и вдумчивого изучения художественного, документального и иного материала, относящегося к Сеспелю. М. Я. Сироткин впервые ставит в очерке проблему влияния на Сеспеля русской и украинской литературы (таких, например, писателей, как Пушкин, Некрасов, Шевченко), классиков социалистического реализма Горького и Маяковского. Правильно истолковывает автор вопрос об отношении Сеспеля к поэзии русских символистов. Мнение М. Я. Сироткина в этом вопросе сводится к следующему:

«Если кое-кто из исследователей творчества поэта пытается отнести расцвет поэзии Сеспеля за счет следования русским символистам, то такую неверную оценку нужно отвергнуть со всей решительностью. Самое большее, что можем мы допустить,— это перенесение Сеспелем в свою поэзию некоторых формально-поэтических сторон пооктябрьского творчества В. Брюсова и А. Блока, которые в лучших своих произведениях приближались к горьковскому восприятию советской действительности...» (стр. 20—21).

Действительно, Сеспель знал поэзию Брюсова и Блока (можно предполагать, что знакомство с ней относится не только к годам его учения, но и ко времени пребывания в Евпатории в 1921 г.). Но, во-первых, Брюсов и Блок пооктябрьского периода — это уже не широко известные представители русского декаданса 1890-х — начала 900-х гг. Оба они искренне приветствовали Октябрьскую революцию. В конце 10-х — начале 20-х гг. Брюсов пишет такие славящие революцию и народ стихотворения, как «Работа» (1917), «Россия» (1920), «Третья осень» (1917—1920), «Серп и молот» (1921) и т. д. Литературной общественности того времени были хорошо знакомы поэмы Блока «Двенадцать (январь 1918 г.) — первое приветствие русской лиро-эпики Октябрьской революции (в чувашском переводе С. М. Лашмана она появилась несколько позднее), его статья «Интеллигенция и революция» (1918), в которой поэт провозгласил, что нужно все переделать, «чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью». Трудно возбранить симпатии Сеспеля к

---

[17] М. Хазан. Çеспĕл Мишши. Журн. «Сунтал», 1940, № 10.

[18] М. Я. Сироткин. М. К. Сеспель (очерк жизни и творчества). К 50-летию со дня рождения. Чебоксары, 1949.

подобным сторонам поэзии Блока и Брюсова, хотя нельзя и приписывать им определяющее его творчество влияние.

Интересен поставленный М. Я. Сироткиным вопрос о влиянии на Сеспеля «формально-поэтических сторон» стихов Брюсова и Блока. Можно, на наш взгляд, с достаточными основаниями утверждать несомненность этого влияния. Многие произведения, например, Брюсова составили самостоятельный этап в истории русского стихосложения. В частности, Брюсов внес свой вклад в разработку трехсложных размеров силлабо-тоники, строящихся по принципам периодической речи или же без соблюдения этого. Вот пример его «долгого» (пятистопного) анапеста, рисующего четко отграниченное в своей рельефности настроение:

Отступи, как отлив, все дневное, пустое волненье,
Одиночество, стань словно месяц, над часом моим
Слышу тихо грохочут с волной уходящей каменья,
Вижу, алый закатный туман превращается в дым.

Четырехстопный анапест в форме периодов в начальной и заключительной строфах мы видим в прекрасном, являющемся нетленным образцом чувашской поэзии стихотворении Сеспеля «Катаран каç килсен, каçхи кунан мĕлки»... (Гаснет день. И когда сумрак ночи густой...), написанном 16 июня 1922 г. в Евпатории:

Катаран каç килсен, каçхи кунан мелки
Уйсене ыйхапа хупласан,
Йĕркерен-йĕркерен тĕрлĕ шухаш йĕрки
Пуçама пуçтарна пуçласан,—
Ĕлĕкхи ĕмĕрсен ĕмĕлки-кĕлетки
Куçама куранать аякран.

. . . . . .

Çĕр иртсен — ирхи кун хĕвелтухаçĕнчен
Тĕнчене уяртса, сывлăма
Шарçа пек шаратса кĕмĕл саслан килсен,—
Ман юратнă çĕршыв вилĕмрен чĕрĕлни,
Вăл асапла хĕрес çумĕнчен çаланни
Пур енчен те савать куçама.

Анапестом пользовался в отдельных своих переводах Константин Иванов («Парус» Лермонтова), изредка попытки писать им встречаются у Н. В. Шубоссинни (например, в начале перевода «Ветки Палестины» Лермонтова: «Палестина турачĕ, кала мана: Аçта эсĕ ӳссе чиперлентĕн?»), но только Сеспель приступил к поэтической разработке богатой ритмики этой формы силлабо-тоники, и здесь, конечно, сыграла известную роль поэзия русского символизма.

Одной из лучших сторон всех работ М. Я. Сироткина по истории чувашской литературы является анализ предшественничества, т. е. тех традиций, вне которых литературный процесс

вообще немыслим. Не является исключением и очерк о Сеспеле. Автор прослеживает, что дало для становления поэзии Сеспеля творчество Н. И. Полоруссова-Шелеби (1881—1945), М. Ф. Акимова (1884—1914) и особенно Тайра Тимки (1889—1916), которому по праву отводится место зачинателя гражданской лирики в чувашской литературе, создателя первых ее ораторских образцов [19].

Очерк М. Я. Сироткина о Сеспеле лег в основу литературного портрета поэта в приведенном труде ученого по истории чувашской советской литературы. По сравнению с очерком в нем поставлен или детализирован ряд вопросов: о преодолении Сеспелем пороков пролеткультовской поэзии, увлечения космизмом, «межпланетными» образами, о теме созидательного труда в его произведениях, истории признания его как поэта-коммуниста и новатора, влиянии на последующую чувашскую поэзию и т. д.

Много времени и труда отдал изучению жизни и творчества Сеспеля критик В. А. Долгов. Его перу принадлежит статья «Михаил Сеспель», над которой он работал в 50-е гг.[20]. В первом разделе статьи — «Поэт пурнăçĕ» (Жизнь поэта) автор особое внимание уделяет характеристике народности творчества поэта в ее высшем выражении — коммунистической партийности. Второй раздел («Поэт сасси», т. е. Голос поэта) написан по случаю выхода в свет сборника украинских переводов Сеспеля [21] и представляет собой анализ идейного содержания произведений, вошедших в этот сборник. Статья В. А. Долгова несомненно явилась значительным вкладом в популяризацию творчества поэта среди читателей Советской Чувашии. Написана она в хорошем стиле.

Нельзя, конечно, требовать того, чтобы в одной, пусть и обстоятельной, статье содержалась исчерпывающая характеристика эстетических установок какого-либо писателя (тем более писателя, творившего в переходную эпоху и представившего целый этап в литературном процессе своего народа), но все же можно отметить, что отдельные места труда В. А. Долгова раскрывают материал недостаточно полно и ясно. Это, во-первых, относится к тому месту статьи, где говорится об увлечении Сеспеля имажинизмом. Действительно, как, видимо, соглашается В. А. Долгов с ранее высказанными замечаниями по этому по-

---

[19] Об отношении Сеспеля к Тайру Тимки М. Хазан в приведенной выше статье пишет: «Он (т. е. Сеспель.—*Н. П.*) никогда не забывал Тайра Тимки.» М. Хазан приводит слова поэта о Тайре: «Я его очень люблю. Он перевел на чувашский язык международный гимн трудящихся «Интернационал». Чувашский народ с этой песней сражается за свое счастье на фронтах».

[20] См. сб. «Чăваш литературин сан-сапачĕ» (Идеи и образы чувашской литературы), в котором опубликованы статьи В. А. Долгова за ряд лет. Чебоксары, 1963.

[21] Михаил Сеспель. Сталева віра. Пер. с чувашск. Киев, 1952, 76 стр., 5000 экз.

воду, влияние имажинизма на Сеспеля отрицать нельзя. В статье это сопровождается следующим примечанием в сноске:

«Некоторые товарищи, прочитав об этом, стали говорить об оскорблении памяти поэта, стремлении запятнать его. Однако в утверждении, что «в творчестве поэта заметны приемы имажинизма», нет ничего порочащего его. Выявление слабых сторон его творчества не умаляет и не оскорбляет его доброго имени» (стр. 98).

Однако кто из серьезных и добросовестных исследователей творчества Сеспеля смог бы обвинить В. А. Долгова в каком-то кощунстве по отношению к поэту, когда совершенно очевидно, что в поэзии имажинистов его привлекали отнюдь не идейное содержание, не эстетическое любование субъективными переживаниями одинокой, затерянной в городской суматохе личности (лирический герой Сеспеля — в стихах: «Во мне стучит мильон сердец. Я не один. Я сам — мильон»), а лишь пристрастие к поражающей воображение образности. При этом Сеспель был далек от исповедания «образа как такового» и вовсе не считал свои стихотворения «каталогом образов», «организмом, из которого может быть вынут один образ, а вставлено десять», как декларировал это один из крайних («левых») имажинистов В. Шершеневич в своих писаниях наподобие «2×2=5». Нельзя не отметить и того, что во всех своих лучших произведениях Сеспель свободен от вычурности, ненужных «красивостей», о чем свидетельствует хотя бы стихотворение «Морю», которое при следовании credo имажинистских «образоносцев» давало простор упражнениям в их духе. Об этом и нужно было написать, касаясь отношения Сеспеля к поэзии имажинистов. Оправдывать же поэта только тем, что увлечение имажинизмом было его слабостью и что этой слабости в свое время отдал дань А. А. Фадеев, недостаточно.

Во-вторых, в статье В. А. Долгова очень уж вскользь упоминается новаторство Сеспеля. Автор ограничивается одной констатацией того, что Сеспель — зачинатель чувашской советской поэзии, ее основоположник, открывший для нее новые пути» («...чăваш совет поэзине пуçласа янă, унăн никĕсне хывса, унăн çĕнĕ çулне тупнă»). Можно, конечно, объяснять это тем, что статья преследовала цель характеристики идейного содержания поэзии Сеспеля, но всякое литературное новаторство, являясь неотъемлемым элементом художественной культуры вообще, вовсе не представляет собой монополию формы: новаторство — это прежде всего область содержания (достаточно сослаться на роман «Мать» Горького). Мотивировка необходимости новаторских начинаний в чувашской поэзии ясна из статьи Сеспеля «Стихосложение и правила ударения», о чем было сказано выше,

и легко заключить, в какой степени это связано с идейной сущностью его поэзии [22].

Наконец, следовало более продуманно изложить материал о понимании Сеспелем национального вопроса. Как уже сказано, Сеспеля обвиняли в национализме, причем обвинения строились на том, что он «распростирается ниц перед всем чувашским». Беспочвенность этого давно доказана И. Д. Кузнецовым. Немалое подозрение вызывали и рассказ Сеспеля «Варман ачисем» (Дети леса) и наброски его пьесы, получившей название «Чаваш поэчĕ» (Чувашский поэт), где затронута тема русской нации. На первый взгляд совсем нетрудно приписать Сеспелю чувство неприязни к русскому народу, взяв за доказательство эти произведения. Но «Дети леса» — это семинарское, школьное сочинение на свободную тему, написанное в то время, когда Сеспель учился в 1 классе, и нельзя оперировать им всерьез (как нельзя, например, считать провозвестником реалистической простоты поэзии Пушкина стихотворение «Воспоминания в Царском Селе» или рассматривать уничтоженный самим же Некрасовым юношеский сборник «Мечты и звуки» выражением его творческого облика). Что касается набросков пьесы «Чувашский поэт», то уже совершенно невозможно приписать взглядам самого Сеспеля реплику персонажа пьесы Яхрава о том, что его уволили из университета, так как он чуваш и, следовательно, находится не на равном положении с русскими: во-первых, Яхрав — персонаж пьесы, и невозможно доказать, что он выведен типом резонёра, т. е. персонажем, выражающим взгляды и чувства автора, во-вторых, он, рассказывая о притеснителях, имеет в виду чиновников, жандарма и других «прыщей самодержавия» (не оставляет сомнений и то, какое время в пьесе отображается, так как Яхрав говорит: «Неблагонадежным оказался я для царя...»). Можно утверждать, что и «Дети леса», и наброски пьесы «Чувашский поэт» — не более, чем реакция на многовековую русификаторскую политику царизма, считавшего всех «инородцев» достойными фигурировать лишь в списках «подушных единиц» и быть объектом презрения, издевательства и зуботычин. О каком-либо неприятии Сеспелем национальной политики ленинизма и Советской власти не может быть и речи: все свои мечты о расцвете чувашской национальной культуры поэт связывал именно с этой политикой, Октябрьской революцией.

---

[22] В издании «Стихов» Сеспеля 1928 г. приводится (правда, без указания источника) следующее высказывание поэта о том, с чем связаны его поиски новых форм стиха: «Теперь (т. е. после революции — *Н. П.*) нужны новые способы. Надо создавать новые формы. Это — правильный путь, ибо для создания картины прежде всего нужны краски, а для возведения здания — прежде всего требуется кирпич».

В 1959 г. вышло составленное по академическому типу собрание сочинений Сеспеля на русском и чувашском языках [23]. В этом добротном издании содержатся все, какие только удалось разыскать, сочинения поэта, его наброски и заметки, письма, дневниковые записи и документы, а также те произведения, которые приписываются ему. Тщательная работа проведена по комментированию всего материала. Издание положило конец всем кривотолкам в адрес Сеспеля и является настольной книгой в изучении его творчества. Особо нужно отметить большой труд народного поэта Чувашской АССР П. П. Хузангая и Н. Ф. Данилова по переводу произведений поэта на русский язык. К сожалению, тираж книги слишком мал, и приобрести ее сейчас невозможно (интересен следующий факт: режиссер фильма «Сеспель» Савельев жаловался на то, что не имеет этой книги для своей работы, хотя слал просьбы о ней «во все концы»).

До сих пор речь велась главным образом о том, как шли к своему широкому признанию идейное содержание поэзии Сеспеля, вся его деятельность как основоположника чувашской советской поэзии. Большой интерес представляет то, как пробивала себе дорогу новая художественная форма оставленного Сеспелем наследия и какой острой борьбой это сопровождалось.

Полемика вокруг новаторской формы поэзии Сеспеля имела важнейшее принципиальное значение. В сущности, вопрос шел о том, оставаться ли чувашской поэзии на прежнем, дореволюционном художественном уровне, принципы которого сложились еще в Чувашской учительской школе в Симбирске, или открыть ей простор на основе нового. Сторонники первой точки зрения выступили консерваторами, которые вольно или невольно лили воду на мельницу буржуазного национализма, столь ревностно защищавшего все «исконно чувашское», уходившее во времена «золотого века булгарского царства». Главным образом этим объясняется, что в ряде статей, появившихся в чувашской периодике после смерти Сеспеля, неприкрыто порицалась силлабо-тоническая система стихосложения, теоретически обоснованная им и практиковавшаяся в его стихах.

Одним из первых ополчился против силлабо-тоники Н. В. Шубоссинни (он иногда писал под псевдонимом Ли) [24]. Ратуя за сохранение традиционной силлабики, он усердно доказывал, что именно от нее зависит расцвет чувашской поэзии, а о силлабо-тонических стихах (называя их тоническими) писал, что они «могут затащить чувашскую поэзию в болото». Все это пере-

---

[23] Çеçпĕл Мишши. Çырнисен пухăвĕ. Шупашкар, 1959; Михаил Сеспель. Собрание сочинений. Текст подготовил Н. Ф. Данилов. Комментарии составили Н. Ф. Данилов, В. Я. Канюков. Переводы текста: П. П. Хузангай (поэзия), Н. Ф. Данилов (статьи, проза, драматургия и письма). Редактировали М. Я. Сироткин, В. Я. Канюков. Стр. 5—355, 3000 экз.

[24] См. Л и. Чаваш поэзин формисем çинченех. Журн. «Сунтал», 1927, № 10.

межалось в его статьях с весьма нелестными характеристиками сторонников силлабо-тонического стиха в чувашской поэзии.

Конечно, силлабическое стихосложение как для чувашского фольклора, так и для письменной дореволюционной поэзии являлось традиционным, особенно в его семисложной разновидности — «такмак виҫи». Образцы его можно встретить в немалом количестве и сейчас. Однако противники силлабо-тоники, помимо того что они не видели чувашский стих в его поступательном движении, не потрудились уяснить себе большой близости чувашского силлабического стиха метро-ритмике стиха силлабо-тонического. Объясняется эта близость тем, что особенность чувашского фонетического ударения состоит в такой его закрепленности (эта закрепленность удобна для силлабического стиха), когда ударяемые слоги слов все же очень разноместны, что приближает стих к силлабо-тонике. Можно привести примеры того, насколько чувашский народный стих, построенный по принципам силлабики, обнаруживает в себе элементы силлабо-тоники:

Юрлаймн-юрлайми, ай, пымашкан
Пирён хуранташсем начар мар.
(Из народной свадебной песни)

Типĕ калкан таррине вут ҫапса ҫунтарать,
Ҫамрак салтаксем варҫа хатĕрленеҫҫĕ.
(Из старинной солдатской песни)

Как видно, первый стих приведенной свадебной песни — строго выдержанный анапест (⏑ ⏑ –). Первый же стих солдатской песни — дактиль в его идеальной схеме (– ⏑ ⏑).

Глава хулителей чувашской силлабо-тоники Н. Шубоссинни, нимало не понявший ее близости силлабике и важности проблем, поставленных в статье Сеспеля «Стихосложение и правила ударения», буквально попадает впросак, когда начинает приводить примеры непримиримой, по его мнению, противоположности этих стихотворных систем, обнаруживая при этом совершенную неосведомленность в вопросах строения стиха. Так, в приведенной статье он, весело потешаясь, пробует отрицать очевиднейший анапест в поэме П. Хузангая «Двадцать шесть», воображая, что это хорей. Вот по какой схеме он представляет ритмику стиха этой поэмы:

Ҫирĕм улттан вĕсем.
Ҫирĕм улттан...
. . . . . .
Каҫпала эс итле-ха,
Сана...

В вопросе о будущности чувашского стиха правильную позицию занимал Г. И. Кузнецов-Кели (1901—1931). Этот поэт и критик вошел в историю чувашской литературы и литературо-

ведения сборником стихов «Октябрь кĕввисем» (Октябрьские мотивы) и целым рядом литературно-критических и теоретических статей. Часть его работ, помимо того что они устарели, содержит методологические ошибки вульгарно-социологического характера. Однако Кели решительно выступал за утверждение силлабо-тоники, что и вызывало запальчивые нападки со стороны Н. В. Шубоссинни. В 1927 г. Кели выступил перед членами ЧАПП с большим докладом «Поэзин формисем çинчен» (О формах поэзии) [25], один из разделов которого был специально посвящен полемике о путях развития чувашского стихосложения. В этом разделе («Силлабика е тоника», т. е. «Силлабика или тоника») Кели утверждает:

«В отношении благозвучия, дикции (иначе говоря, выразительности декламации стиха), возможностей разнообразия форм чрезвычайно удобна тоника. При чтении тонических стихов они сами подсказывают долготу и кратность слогов. Тем самым тоника восполняет недостатки силлабики».

Кели касается и неприятия силлабо-тоники некоторыми чувашскими поэтами и писателями, еще раз заостряя внимание на ее необходимости:

«Некоторые поэты могут сказать, что традиционная силлабика с ее плавностью «ближе нашим чувашам»... Однако мы не можем двигаться вперед на основе одной лишь силлабики. Ритм жизни изменяется, и поэтому требуются новые формы, искрящиеся огнем обороты, новая техника стиха».

Предвидя споры и возражения против силлабо-тоники, Кели был прав, что ясно из примечания редакции журнала «Сунтал» после приведенной статьи Ли:

«Кружок ЧАПП одобрил доклад Кели. Однако отдельные его положения (это относится к материалу о тонике) он принял только в порядке дискуссии».

В статье «Сăвăсене мĕнле çырмалла» (Как нужно писать стихи) [26] Кели сравнительно детально разбирает фонетическую специфику и основные размеры силлабо-тонического и некоторых метрических стихов, сопровождая это многими примерами. Статьёй, написанной уже в год своей смерти, Кели подводит итог полемики о формах чувашского стихосложения, выступая против недоброжелателей силлабо-тоники [27].

Необходимость реформы чувашского стихосложения горячо поддерживал С. В. Элыгер, практикой своего творчества ее пропагандировал П. П. Хузангай. С самого начала полемики сто-

[25] Журн. «Сунтал», 1927, №№ 9, 10, 1928, № 3.

[26] Там же, 1928, № 10.

[27] К. Кели. Çиллабикапа тоника çинчен тавлашни мĕнле сӳтĕлсе тухрĕ (Творчество методне сутсе явас пирки). «Трактор» альм., 1931, 1-мĕш кĕнеке.

ронником силлабо-тоники выступил Н. Я. Золотов (1898—1967). Правда, в его суждениях по вопросам реформы чувашского стихосложения имеется порядочная доза нигилизма, что вообще было довольно характерно для его отношения к культурному наследию прошлого и зачастую лишало его чувства историзма (весьма скептически Н. Я. Золотов относился, например, к трудам Н. И. Ашмарина, обвиняя его во многих прегрешениях): как и Кели, он не смог овладеть марксистско-ленинской методологией литературоведения, что и приводило его к ошибкам. Доказывая историческую необходимость силлабо-тоники в чувашской поэзии, Н. Я. Золотов вместе с тем забывал об исключительной роли силлабики в ее развитии, давшей Константина Иванова, Тайра Тимки, Н. И. Полоруссова-Шелеби и т. д. — всю дореволюционную чувашскую поэзию. Поэтому он и отводил силлабике место в архиве, снисходительно называя ее «старушкой» (см. его работу по чувашской народной поэзии) [28]. Все же в полемике по стихосложению Н. Я. Золотов несомненно сыграл положительную роль.

Вся история чувашской поэзии в период после Сеспеля свидетельствует о том, насколько поэт был прав в своих новаторских начинаниях и какими смелыми, дерзновенными они были, затрагивая не только область поэтического творчества, но и глубинные процессы развития чувашского литературного языка (не говоря уже о вкладе Сеспеля в чувашскую поэтическую лексику, фонетику, синтаксис).

В связи с этим неизбежно напрашивается мысль, что в изучении жизни, художественной формы стихов и мастерства Сеспеля чувашским литературоведением сделано до сих пор недостаточно. Если в послевоенные годы довольно интенсивно велось изучение чувашской литературы в жанровом отношении (например, изданы монографии по истории драматургии, романа и лиро-эпики), а творчество Константина Иванова, Федора Павлова и Семена Фомина исследовано в кандидатских диссертациях, П. П. Хузангаю и Я. Г. Ухсаю посвящены отдельные книги, то Сеспель пока остается вне этого.

Начать с того, что мы еще не имеем полной научной биографии Сеспеля. Между тем П. С. Слесарев, его современник и друг (ныне пенсионер, проживает в Москве), приводит интересные факты, характеризующие коммунистическую принципиальность поэта из времени его работы в юридических органах. Так, Сеспель всегда тщательно и кропотливо рассматривал обстоятельства каждого порученного ему судебного дела, стремясь оградить от наказания невиновных и справедливо преследуя то, что заслуживает кары. П. С. Слесарев приводит такой случай. Однажды по делу о самосуде было привлечено к ответственности 62 че-

---

[28] См. Н. Я. Золотов. Краткий очерк народной поэзии чуваш. Чăвăш кĕнеки уйрăмĕ. 1928.

ловека. Сеспель, детально ознакомившись с делом, освободил из-под стражи 60 человек. В их числе был один татарин. Очень обрадованный, что не пострадал безвинно, он, не разбираясь в тонкостях правовых порядков и представляя суд по старинке, принес на квартиру Сеспеля немного белой муки. Вспыливший Сеспель отнес татарину муку, пристыдил его и даже пригрозил арестом за взяточничество. Безусловно, этот факт дает многое для понимания социалистического характера гуманизма Сеспеля. Искусствовед А. Г. Григорьев исследовал творчество Сеспеля как многообещающего художника. Склонность поэта к рисованию и живописи объясняет ряд особенностей его поэтической манеры, в частности стремление к предметности словесного образа, соединенной с символикой. Г. Н. Волков изучил наследие Сеспеля с педагогической стороны, что помогает уяснению таких, например, его стихотворений, как «Чăваш арăмне» (Чувашке). Все подобные детали жизни и творчества Сеспеля должны быть рассмотрены в отношении определяющей черты мировоззрения поэта как коммуниста-ленинца.

О стиховой системе Сеспеля, совершившей революцию в метро-ритмике чувашского стиха, намного обогатившей его строфику, специальных работ мы не имеем. Пробел этот очевиден.

Нельзя удовлетворяться и тем, что сделано по изучению языка и стиля Сеспеля, хотя дело здесь обстоит несколько лучше: имеется в виду работа С. П. Горского [29], в которой исследованы лексические, морфологические и синтаксические особенности языка Сеспеля, принципы, которыми он руководствовался в нормализации чувашского ударения, разящегося в современность поэта в низовом и верховом диалектах. Работа С. П. Горского отмечается тщательностью отбора языкового материала произведений Сеспеля, обстоятельностью в его уяснении, четкостью положений и выводов. Тем самым она полезна и интересна для каждого исследователя становления и развития чувашского литературного языка. Если же подойти к ней с литературно-теоретической точки зрения, т. е. абстрагируясь от чисто лингвистической ориентации, которой, естественно, следовал С. П. Горский, то окажется, что на ее основе еще требуется уяснить, как особенности языка Сеспеля превратились в определенную содержательную форму. Можно привести пример, взяв одно из мест работы С. П. Горского. Касаясь синтаксического своеобразия языка Сеспеля, он пишет:

«...крупные изменения (по сравнению с К. Ивановым.—*Н. П.*) мы видим в синтаксисе Сеспеля, в конструкции его предложений. Есть основание заявить, что новаторство Сеспеля заключается не только в области стихосложения, но и в развитии кон-

[29] С. П. Горский. Некоторые особенности языка и стиля Сеспеля. «Ученые записки» НИИ ЯЛИЭ при Совете Министров ЧАССР, 1958. вып. XVIII, стр. 86—105.

струкции предложений и поэтического синтаксиса... У Сеспеля как простые предложения, так и сложные конструкции более распространены и усложнены, чем у его современников и предшественников».

Очевидно, что приводимый автором статьи факт творчества Сеспеля разбирается с чисто лингвистической точки зрения, без отвлечения его от языковой деятельности поэта как таковой. Дело филолога-литературоведа рассмотреть его как факт художественный, т. е. установить, почему Сеспеля не удовлетворяли синтаксические конструкции поэзии прошлого, что дало его новшество, какими поэтическими средствами оно отличается и как все это увязывается с мотивами творчества поэта.

В чувашском литературоведении до сих пор совершенно не затрагивалась звуковая организация поэтического языка Сеспеля (конечно, речь идет не об анализе метро-ритмики его стиха). Между тем исследование ее, на наш взгляд, интересно не только само по себе, но и составило бы существенный вклад в познание национальной специфики чувашской художественной литературы. Дело в том, что чувашский язык исключительно богат разнообразными формами подражательных слов. Н. И. Ашмарин в своем обширном и весьма обстоятельном исследовании о чувашских подражательных словах [30] насчитывает их целых 115 групп (вообще же по его подсчетам в чувашском языке имеется около 20 000 подражательных слов). Н. И. Ашмарин подчеркивает тончайшую выразительность подражаний в чувашском языке. Взяв, например, мимемы (так он называет подражательные образования) *панн — панн,* он поясняет:

«...чувашская мимема панн — обозначает звук, получающийся при разрыве туго натянутой проволоки: хыта карна пралук татапса кайре те, панн! янараса кайрё; а если проволока потоньше, то уже слышится панн: çинçерехи панн! янараса каять. — Если бы звук при разрыве проволоки не сопровождался резонансом, то в первом случае сказали бы «пант», а во втором «пант».

В работе о подражательных словах поволжских народов [31] Н. И. Ашмарин приводит примеры использования обычных и т. н. «отпечаточных» чувашских подражаний в детской речи (к «отпечаточным» словам гортанного, носового, ротового и губного рядов ученый относит особые непроизвольные звуковые образования в языке). При всем этом он убедительно доказывает, что малейшие фонетические изменения в подражательных словах обусловлены изменениями действий, состояний, признаков и т. д.

Богатством своего языка в области подражаний обусловлено широкое использование чувашскими писателями разнообразней-

[30] Н. И. Ашмарин. О морфологических категориях подражаний в чувашском языке. Изд. Академического центра. ТНКП, Казань, 1928, 160 стр.

[31] Н. И. Ашмарин. Подражание в языках Среднего Поволжья. Баку, 1925.

ших звукоподражаний и звукописи. Это относится не только к аллитерированным и ассонансным формам стиха, образцом которого может служить «Нарспи» Иванова, но и к прозе и драматургии. Так, звукопись и звукоподражание мы во множестве встречаем в эскизе «Штрум» (Штурм) С. Ф. Фомина и комедии «Судра» (На суде) Ф. П. Павлова (кстати, на последнюю часто ссылался в своих лекциях о чувашских подражательных словах Н. И. Ашмарин, приводя в качестве примеров реплики Ухтерке и его снохи). Можно думать, что подражательные слова и связанные с ними приемы поэтического языка являются одной из специфических черт чувашской художественной литературы, придающей ей большую художественную выразительность. Примером этого может служить ряд лучших стихотворений Сеспеля, в которых звукопись с замечательным мастерством связывается с предметом изображения (достаточно сослаться на его «Морю», написанное под несомненным влиянием одноименного пушкинского стихотворения, и «Гаснет день...»). Здесь заслуживает внимания даже вопрос о быстро наступавшей художественной зрелости поэта. Если в одном из стихотворений 1919 г. («Ака çинче» — «В дни сева») еще чувствуется некоторая искусственность в аллитерировании стиха (**Кавакçут каваккан кантак витĕр...**), то «**Катаран каç килсен...**» (1921 г.) не может не восхищать естественностью «сквозного» ассонанса и тем, что Сеспелю ни на йоту не изменяет «чувство соразмерности» (выражение Пушкина) в передаче элегического тона стихотворения, завершающегося почти песенным выражением радости освобожденного от рабских пут чувашского народа.

Остаются не изученными или малозатронутыми фольклорные элементы поэзии Сеспеля (пока эта область ограничивается единственным замечанием М. Я. Сироткина в очерке о поэте 1949 г.: «И, наконец, в народной лирике, в богатом образными и лексическими средствами устнопоэтическом народном творчестве черпал Сеспель темы и образы многих своих произведений»), его связи с русской классической и советской литературой и целый ряд других вопросов.

* * *

Вклад Сеспеля в историю чувашской поэзии трудно переоценить. Если основоположником этой поэзии явился старший собрат Сеспеля по перу Константин Иванов, то юноша из Казаккасов близ дореволюционных Шихран, лицо которого так и просится на барельефное изображение типа комсомольца 20-х годов, начал новый, советский этап ее развития. Вся прелесть и историко-литературное значение творений Сеспеля близки и понятны общественности Чувашии, братских народов Советской страны, передовым людям за рубежом. Друг Чувашии писатель-комму-

нист Ангел Тодоров оставил во время своего посещения Украины следующую запись:

«Великое счастье мне выпало увидеть места, где жил и работал великий поэт чувашского народа М. Сеспель. Слава народному певцу свободы, борцу за Советскую власть! Болгарский народ преклоняется перед героическим подвигом и вдохновенным творчеством Сеспеля!»

В канун 70-летия со дня рождения поэта вышла книга перевода его стихотворения «Çĕн Кун аки» (Пашня Нового Дня) на 50 языках. Сбываются слова Сеспеля из его поэтического завещания:

Вы, друзья мои, придите
К насыпи моей;
Надо мною песни спойте,
Песни новых дней.

Ясно, чему это обязывает наше сеспелеведение.

◆

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

Вып. 51 УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ 1970

О СТИХОВОЙ СИСТЕМЕ М. СЕСПЕЛЯ

Н. И. ИВАНОВ,
кандидат филологических наук

Стиховая система М. Сеспеля представляет сложное и своеобразное явление. В ней обнаруживаются все основные качества, которые наличествуют в самых развитых системах стихосложения — метрической, силлабической, тонической и силлабо-тонической. Находясь в общем русле чувашского стихосложения, она выявила в чувашском языке новые особенности и полнее использовала его речевые возможности.

Вопрос о системе чувашского стихосложения исследователями ставится давно. Во всех работах, в которых в той или иной мере затрагивается этот вопрос, отмечаются две основные тенденции, характеризующие внутренний строй чувашского стиха. Это, во-первых, тенденция к уравнению количества слогов в стихотворных строках и, во-вторых, тенденция к правильному чередованию ударных и безударных слогов в них. Так, А. А. Фукс, анализируя чувашские народные песни, указывает на наличие в них «правильных размеров и стоп» [1]. Акад. Ф. Е. Корш находил в чувашских стихах трохаические (хореические) ритмические конфигурации и на этой основе относил их к силлабо-тонической системе стихосложения [2]. Но к какой из четырех названных выше систем подходит чувашское стихосложение? Мы бы сказали, что в чувашских песнях встречаются все формы стихосложения (за исключением метрической системы стихосложения), но ни одна в ее чистом виде. Основная же черта чувашского народного стиха — изосиллабизм. Правда, он имеет сильную тенденцию к тонизации, что приближает его к силлаботонике, однако это приближение не получило законченного вы-

[1] А. А. Фукс. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, 1840, стр. 82.

[2] Ф. Е. Корш. Древнейший народный стих турецких племен. «Записки Восточного отделения русского археологического общества», т. XIX, вып. II—III, СПб, 1909.

ражения, оно проявляется главным образом в неупорядоченности чередования ударных и безударных слогов в стихах. Например:

Ки-ик! ки-ик! хуракаш,
Кӗмӗл çунат хуракаш.
Вашлатан эс, вӗçетӗн,
Тӗнчипеле çуретӗн.

«Ки-ик! ки-ик! лебедь, белый лебедь, ты летаешь высоко, землю видишь далеко».

Стих — семисложный, в каждой строке по два-три ударения, в их расположении нет строгой последовательности (2—4—6, 1—4—6; 3—6; 4—6). Во всем этом явно обнаруживаются качества силлабического стиха. Строка с определенным количеством слогов и относительно свободно чередующимися сильными ударениями является ритмической основой чувашского стиха. Лишь в отдельных случаях чередование ударений подчиняется строгой закономерности [3].

Свое дальнейшее развитие чувашское народное силлабическое стихосложение нашло в письменной поэзии, которая зародилась в 70-ых годах XIX века. Оно находит применение и в практике современной чувашской поэзии и занимает равное положение с другими системами стихосложения, утвердившимися в ней прежде всего благодаря новаторству Сеспеля.

Чувашские силлабические стихи по сравнению с русскими характеризуются большей свободой в количестве слогов и рифме. Нередко семисложные стихи чередуются с шестисложными, восьмисложные — с семисложными, девятисложные — с восьмисложными, десятисложные — с девятисложными и т. д. По способу связи рифмы бывают перекрестные (абаб), смежные (аабб) и кольцевые (абба), а по звуковому составу — мужские, женские, дактилические и гипердактилические. Все это придает чувашскому силлабическому стиху специфическую ритмическую организацию и определяет его подлинно национальное своеобразие, что очень ярко отразилось в стихах М. Федорова и К. Иванова.

Сеспель, преемственно продолжая стиховые традиции М. Федорова и К. Иванова, в начале своего творчества пользуется силлабикой, шлифует и совершенствует ее. Эта работа находит свое отражение прежде всего во внутреннем устройстве стиха, благодаря чему чувашский силлабический стих приобре-

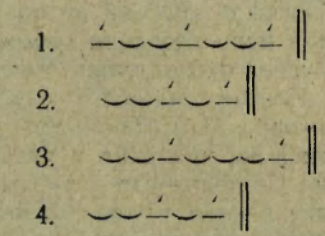
[3] Н. С. Павлов. Зарождение силлабо-тоники в чувашском стихосложении. В кн.: Вопросы чувашского стихосложения и стилистики (на чув. языке). Чебоксары, 1957, стр. 68—71.

тает большую ритмическую отчетливость и интонационную выразительность. Например:

Мĕскĕн юлташăм, хата,
Сухапуç çынни,
Иртсе кайна вăхата
Аставатан-и?

«Сядь со мною, старина! Вспомни-ка, земляк, Как в былые времена Шею гнул бедняк»[1].

Схема:



В этой строфе, взятой из стихотворения «Иртнĕ самана» (Век минувший), семисложные строки чередуются с пятисложными, что сближает их свободными стихами (верлибром), во втором, третьем и четвертом стихах ударения приходят на нечетные слоги (1)—3—5; (1)—3—(5)—7; (1)—3—5), что наблюдается в стихах с хореическим ритмическим строем.

Очень своеобразный и богатый ритмический рисунок имеют другие (девяти- и десятисложные) силлабические стихи Сеспеля. Например:

Ушкан-ушкан шур пĕлĕт иртет... (9)
Талăх хирте каç пулса килет. (9)

«Облака проходят, облака... Сиротлива степь и широка».
(«Пурнăçпа вилĕм» — Жизнь и смерть)

Шупашкартан тухрăм, тăрех утрăм. (10)
Атăл тавайккийĕ çине ухрăм. (10)
Ака куçăм умĕнче чăваш çĕрĕ... (10)
Таван çĕршыв тавра чунăм вĕçрĕ. (10)

«Я вышел из родного Шубашкара И прямо зашагал вдоль крутояра.
Земля чувашская передо мною. За родину встревожен я душою...»
(«Йывăр шухăшсем» — Тяжелые думы).

[1] Здесь и далее русский текст дается в переводе П. П. Хузангая.

Как видно, звучание этих стихов очень близко к силлабо-тоническому, но взятый в них размер до конца не выдерживается, что позволяет рассматривать их как переходную форму от силлабики к силлабо-тонике и тонике.

Сеспель глубоко сознавал необходимость коренного преобразования системы чувашского стихосложения, так как силлабические стихи не могли до конца выявить возможности, которыми располагал чувашский язык. Поэт чувствовал, что заметная подвижность ударения открывала перед чувашской поэзией новые пути для ритмической организации стихотворной речи.

Это было время, когда чувашский литературный язык, имея устойчивые традиции в использовании огромного богатства народной речи, еще не успел окончательно утвердиться на единых принципах ударения. Поэтому вопрос о создании новой техники чувашского стихосложения М. Сеспель поставил в прямую зависимость от нормализации ударения в чувашском языке. «Самое важное,— говорил Сеспель,— это законы ударения... В случае отсутствия в языке единых правил ударения, создание техники стихосложения будет сильно затруднено»[5]. Нет нужды останавливаться на том, какую реформу предлагал Сеспель в области чувашского фонетического ударения: это изложено в его статье «Стихосложение и правила ударения». Отметим лишь, что чувашское ударение он ставил в зависимость от наличия в словах звуков *а, ӑ*.

Ту закономерность, от которой Сеспель отправлялся в реформе чувашского стихосложения, сформулирована им так: «Стих и его строй всецело зависит от ритмичного чередования ударных и безударных слогов»[6]. Это и привело его к введению силлабо-тонической системы в чувашское стихосложение и дальнейшей разработке (после К. В. Иванова) системы тонической.

В своем творчестве М. Сеспель пользовался почти всеми размерами силлабо-тонического стихосложения. Например:

I. Двухсложные размеры.

1. Четырехстопный ямб.

⏑ ´ | ⏑ ´ | ⏑ ´ | ⏑ ´ ||
Кавар чӗрем — пин çын чӗри...

2. Пятистопный ямб.

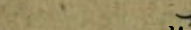
⏑ ´ | ⏑ ´ | ⏑ ´ | ⏑ ´ | ⏑ ´ ||
Кивви çӗтет, çӗрсе çӗтет кивви.
Чӗре кӗтет хӗвеллӗ ӗмӗре...

3. Шестистопный ямб.

⏑ ´ | ⏑ ´ | ⏑ ´ | ⏑ ´ | ⏑⏑ | ⏑ ´ ||
Сывpах, таван поэт... Савву кеввисене,
Сан самахусене никам та манас çук...

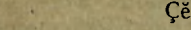
[5] Михаил Сеспель. Собр. соч. Чебоксары, 1959, стр. 148.
[6] Там же, стр. 150.

4. Четырехстопный хорей.



Ман çунатла вутла чунам,
Çĕн çĕре чĕнен чĕре...

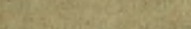
5. Шестистопный хорей.



Чуханлах, пуянлах, уйрамлах йаранĕ
Ирĕкпе çĕнелнĕ пуранăçран тарĕ...

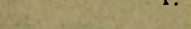
II. Трехсложные размеры.

1. Двух- и трехстопный анапест.



Шаршла каç йывăрри,

Кивĕ çĕр кукарри



Вут хыпса, кĕл пулса вĕçтĕри.

2. Четырех- и трехстопный анапест.

Катаран каç килсен, каçхи кунан мĕлки

Уйсене ыйăхпа хупласан...

3. Трехстопный амфибрахий.

Çĕршывам хаюллан варанĕ,
Тапранĕ кавар кайакла...

Сеспель, создавая систему силлабо-тонического стихосложения на материале чувашского языка, не прекращает свои поиски в области дальнейшего расширения ритмической базы чувашского стиха. В те же силлабо-тонические стихи им вносятся такие ритмические элементы, как пауза, умолчание, переносы и т. д., которые существенно меняют их размеренность и придают им качества приподнято-торжественной (ораторской, призывной) речи. Это особенно сильно заметно в стихотворениях «Чăваш ачине» (Сыну чувашскому), «Чăваш арăмне» (Чувашке), «Чăваш! Чăваш!..» (Чуваш! Чуваш!..»), «Инçе çинçе уйра уяр...» (Далеко в поле желтый зной...).

Стихотворение «Далеко в поле желтый зной...» написано четырехстопным ямбом, но этот размер каждый раз, когда требуется подчеркивание того или иного слова, приобретает другое звучание, как бы «растягиваясь» за счет «стоп-пауз». Так, в первом, девятом и десятом стихах количество стоп доходит до пяти, в пятом, тринадцатом и пятнадцатом стихах — до шести, а в одиннадцатом стихе — до семи.

В этом есть что-то от тонического стиха, а именно: увеличение безударных (или пауз) между ударными слогами. Сомневаться в том, что усилия М. Сеспеля в области чувашского стихосложения были направлены в сторону дальнейшей тони-

зации стихотворной речи, не приходится: в его творчестве имеются стихи, которые трудно поддаются объяснению, если подойти к ним только с точки зрения теории силлабо-тонической системы стихосложения[7]. К ним относятся такие стихотворения, как «Кĕпер хывăр» (Проложите мост) и «Чăн чĕрĕлнĕ! (Воистину воскрес!), в которых отчетливо выявляется другой, отличный от силлабо-тоники принцип организации ритма стиха «Чăн чĕрĕлнĕ!» (Воистину воскрес!) поэт называет «вольными (свободными) стихами», что указывает на их отличие и своеобразие.

Теория стиха вольными (свободными) считает такие, которые имеют неравносложные (в силлабическом стихосложении) или неравностопные (в силлабо-тоническом стихосложении) стихотворные строки. В силлабо-тоническом стихосложении, например, в русском стихосложении, они нередко называются «басенными стихами», что не совсем точно выражает специфику вольных стихов, так как вольные стихи находят применение не только в баснях, но и в других видах художественной литературы (например, комедия «Горе от ума» А. Грибоедова). Стих М. Сеспеля намного отличается от обычного вольного стиха. В нем не только сокращается количество стоп в стихотворных строках, а сами стопы претерпевают сильное изменение: безударные слоги заменяются паузами, что приводит к образованию или «стоп-пауз» или стоп, слагаемыми которых является ударный слог и пауза (в двухсложных размерах), ударный слог, безударный слог и пауза или ударный слог и паузы, безударный слог и паузы, то есть теоретически могут быть стопы: в ямбах и хореях V –́, –́ V; в дактиле –́VV –́⏑V, –́V⏑: в амфибрахии V–́⏑, ⏑–́V, V–́V; в анапесте VV–́, ⏑V–́, V⏑–́ (Знак –́ означает ударный слог, ⏑— безударный слог, V— паузу, равную времени для произношения одного безударного слога). Кроме того, могут иметь место так называемые облегченные стопы различных формаций: ⏑⏑, ⏑V, V⏑, ⏑⏑⏑, V⏑⏑, ⏑V⏑, ⏑⏑V, VVV.

В этом не трудно обнаружить тот принцип организации ритмической речи, который нашел свое ясное и полное выражение

---

[7] На это первый обратил внимание проф. М. Я. Сироткин, который, характеризуя особенности стиховой системы М. Сеспеля, писал: «Сеспель свободно владел и дольником и тоническим стихом. Образцом такого сознательно свободного пользования новыми разнообразными интонационно-ритмическими средствами служат многочисленные примеры, наглядно показывающие настойчивое стремление поэта преодолеть монотонность чувашского семисложника, однообразие его ритмики». См. М. Я. Сироткин. Очерк истории чувашской советской литературы. Чебоксары, 1956, стр. 130.

в творчестве В. Маяковского. Это — система тонического стихосложения.

Тоническая система стихосложения возникла в русской поэзии в начале XX века. В данное время эта система стихосложения перестал быть принадлежностью только русской поэзии. Она не менее успешно используется в поэтическом творчестве многих других народов. Но несмотря на это, тоническому стихосложению буквально не повезло: оно до сих пор не имеет своей единой теории. Правда, во многочисленных статьях и монографиях по теории русского стиха тоническое стихосложение никогда не обходилось без внимания. О нем много писали и немало спорили. При этом высказывались самые различные, а порою прямо противоположные точки зрения. Одни утверждают, что тонический стих основан только «на счете ударений» и его характерная особенность — изотонизм. Эта теория с некоторыми отклонениями выражена в трудах Б. В. Томашевского [8], В. М. Жирмунского [9], Л. И. Тимофеева [10], А. Н. Колмогорова [11] и др. Другие не находят в нем ничего того, что отличало бы его от силлабо-тонического стихосложения, и вовсе отрицают его наличие в русской поэзии. Этот взгляд отразился в работах В. А. Назаренко [12]. Особую позицию занимает М. П. Штокмар, который, признавая существование тонического стихосложения, оторгает от него стихи В. Маяковского и называет его стиховую систему рифменной [13]. Мало того, очень часто стиховая система В. Маяковского рассматривается как слияние тонического и силлабо-тонического стихосложений, что неминуемо приводит к отрицанию ее как целостной и единой системы стихосложения. Тоническое стихосложение, несомненно, преемственно связано с силлабо-тоническим стихосложением. Но эта преемственность заключается не в соединении или сочетании размеров силлабо-тоники или тоники, а в самой основе ритма стиха, что делает эти две системы стихосложения очень схожими и очень разными.

В чем своеобразие тонического стихосложения, каковы ее закономерности? Разобраться в этой сложной проблеме может помочь только В. Маяковский сам, который был не только

---

[8] Б. В. Томашевский. Стилистика и стихосложение. Л., 1954.

[9] В. М. Жирмунский. Введение в метрику. Теория стиха. Л., 1925; Стихосложение Маяковского. «Вопросы языкознания», 1964, № 4.

[10] Л. И. Тимофеев. Из наблюдений над поэтикой Маяковского. О ритме стиха Маяковского. В кн.: Творчество Маяковского. Сб. статей. М., 1952; Основы теории литературы. М., 1963 и др.

[11] А. Н. Колмогоров. К изучению ритмики Маяковского. «Вопросы языкознания», 1963, № 4 и др.

[12] В. Назаренко. Об одном распространенном заблуждении. «Звезда», 1952, № 8. Язык искусства. Л., 1961.

[13] М. П. Штокмар. О стиховой системе Маяковского. В кн.: Творчество Маяковского. Сб. статей. М., 1952.

практиком, но и теоретиком новой системы стихосложения. В его статьях и многочисленных высказываниях о поэзии содержится то, что с полным правом можно назвать основой теории тонического стихосложения. В данном случае это особенно важно понять, так как речь идет о стиховой системе М. Сеспеля, который многое перенял у русских поэтов, работая над совершенствованием техники чувашского стиха. Для нас особо ценное значение имеет статья В. Маяковского «Как делать стихи», которая была создана поэтом в полемике с теми, кто видел единственно возможный путь развития русской поэзии только в силлабо-тоническом стихосложении и канонизировал его размеры.

М. Сеспель, как показывает анализ его стихотворений, работал в том же направлении, что и В. Маяковский. В его стихах выявляются следующие основные законы системы тонического стихосложения:

1) строгая упорядоченность в чередовании ударных и безударных слогов в пределах стихотворной строки или строфы, резкое подчеркивание (акцентирование) ударных слов и выражений;

2) заданность ритма, его непрерывность, то есть «сквозной ритм», который, как правило, находит свое реальное выражение в размерах ямба, хорея, дактиля, амфибрахия и анапеста;

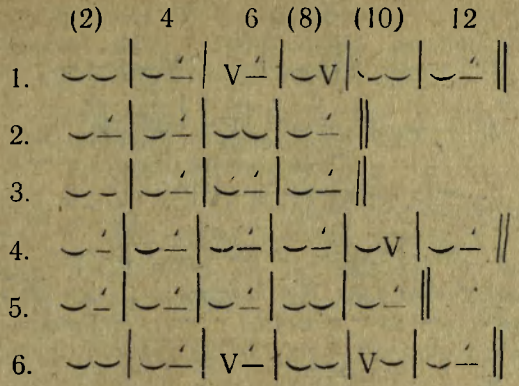
3) широкое использование паузы в роли ритмообразующего элемента. Эти паузы могут появляться в разных местах стихотворной строки и по времени могут равняться (условно) одному, двум и трем и т. д. слогам в зависимости от основного движения ритма в стихе. В двухсложных размерах обычными являются паузы, равные двум слогам, в трехсложных — паузы, равные трем или четырем слогам.

У Сеспеля сохранились единичные произведения, где ритм стиха организуется на основе принципов тонического стихосложения. Но в них особенности этой системы стихосложения и ее возможности на материале чувашского языка отразились с предельной четкостью. Так, например, в стихотворении «Чăн чĕрĕлнĕ!» (Воистину воскрес!), имеющем ямбическую основу, ритм стиха характеризуется следующей внутренней структурой:

Эй ваттисем! Иртнĕ ĕмĕрĕре
Асап чатса ирттернисем!
Мĕн авалтан чаваш чĕлхи
Асап чатни аса килет-и сире?
Сире аса килет-и авалхи?
Шухашлар-ха! Аставар, ваттисем!

«О люди старые, что жизни дни В тяжелых муках провели! Вы помните ль, как был гоним Язык чувашский искони? Припомните, как вместе с ним Вас на страданье обрекли!»

Схема:



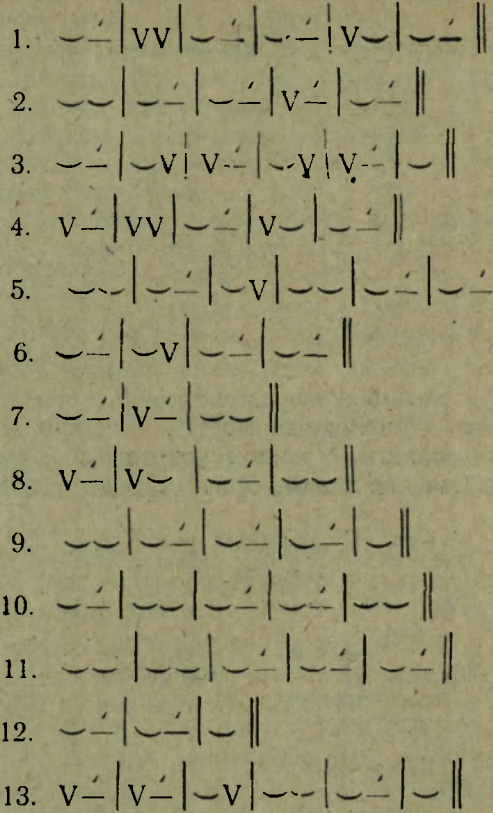
Еще сложнее и своеобразнее ритмический строй стихотворения «Кĕпер хывар» (Проложите мост!), где поэт для обозначения ритма еще явственнее использует паузы и меняет само графическое изображение стихотворных строк, т. е. вводит «лесенку»:

Çулсем... Çулсем çинче вилесем,
Укалчасем панче вил шамсем,
Ах, йывар, йывар, пача...
Эй!
Эсир,
Чĕррисем,
Вилесем урла, шам куписем çинче
Хĕвеллĕ ыран енне
Кĕпер чĕнтĕрлĕр.
Ах!
Кĕпер чĕнтĕрлĕр.
Эпĕ
Халран кайса ӳксессĕн,
Ман урла таптаса каçса кайар,
Тимĕр урарсемпе чĕрем çине
Хаюллан таптăр.
Ах!
Таптăр,
Ĕнсене хуçар.

«Дороги... На дорогах трупы. У околиц — мертвые кости, Ах, тяжко, тяжко, душно... Эй! Вы, живые, Через трупы, по грудам костей. К солнечному завтра Мост резной перекиньте. Ах, Мост перекиньте. Если я упаду, обессилев,— Вы дальше по мне шагайте, Железными ногами смело На сердце мое ступайте. Ах, Ступайте, Мне шею сломайте».

Как и в стихотворении «Чăн чĕрĕлнĕ!» (Воистину воскрес), ямб составляет основу внутреннего устройства этих стихов. Но различные паузы и переносы делают их настолько неуловимыми, что кажется, что стихотворение не имеет устойчивого ритма. Только внимательно прислушиваясь, можно уловить его.

Схема:



Это подлинный тонический стих, «рубленный» ямб, где ритмическая организационность речи достигается именно благодаря паузам. Эти паузы встречаются почти во всех стихотворных строках и подчеркивают их разговорную тональность, что делает стихи особенными и отличными от стихов силлабо-тоники. В нашей схеме в четвертом, восьмом и тринадцатом стихах обозначены паузы в начале стихотворной строки. Это означает, что пауза, которая необходимо следует после стихотворной строки, также участвует в организации ритма и поддерживает взятый для данного произведения размер.

Сеспель — поэт-лирик. В центре его произведений всегда стоит характер лирического героя. Он определяет весь строй стихотворных произведений. Интонация, ритм, звук полностью подчиняются раскрытию тончайших оттенков его внутреннего мира. Поэтому и размеры стиха, используемые Сеспелем, каждый раз звучат по-разному. Даже в одном произведении их ритмическое звучание претерпевает ряд изменений. Это особен-

но хорошо прослеживается в стихотворении «Далеко в поле желтый зной...» Оно начинается в очень спокойном тоне, что подчеркивается всем ритмическим строем стиха:

Инçе çинçе уйра уяр
Карталанса чалтартатать,
Енчен енне çунса чупать...

Далее следует пауза, после которой поэт начинает говорить о своем чувстве, и речь его становится порывистой и взволнованной, что сразу же меняет все звучание стиха: он предельно насыщается паузами, риторическими восклицаниями и вопросами. Задаче возможно лучше передать чувства и переживания (в данном случае — взволнованность) подчиняются строфика и звукопись. Например:

Çук, уяр мар — çут уйра мар —
Ман çамрăк чунла чĕрере
Хĕвел хĕлхемлĕ хĕлĕхсем
Çитмĕл çич чĕлĕхлĕн янраççĕ...
Ман чун вылять? Е сар хĕре
Курса киленчĕç куçамсем,
Е пĕлĕтсем чуна саваççĕ?
Çук, çук...
Çĕршывам чĕрĕлет!

Поэзия Сеспеля очень богата строфическими формами, создание которых для него никогда не было самоцелью. Оно тесно связано с его новаторской деятельностью. Строфа — эта наименьшая единица поэтического произведения, где эмоциональность стихотворной речи чувствуется с наибольшей выразительностью. Разнообразие строфических форм является показателем ритмического богатства поэтических произведений, т. е. чем разнообразнее структура строф, тем различнее ритмическое звучание того или иного стихотворного размера. Сеспель хорошо учитывал это, и поэтому в его произведениях множество различных простых и сложных строф.

Большое значение придавал Сеспель эвфонии стиха. Его стихи насыщены аллитерациями, ассонансами, богатыми рифмами. Однако поэт был ярым противником какой бы то ни было бессодержательной игры в звуки и слова. Работая над звуковой организацией своих стихов, он напряженно искал такие лексические и звуковые средства, которые бы способствовали наилучшему выражению мысли и созданию яркого художественного образа. Вот примеры этого:

1. Катаран каç килсен, каçхи кунан мелки
Уйсене ыйахпа хупласан,
Йĕркерен-йĕркерен тĕрлĕ шухаш йĕрки
Пуçама пуçтарна пуçласан,—
Ĕлĕкхи ĕмĕрсен ĕмĕлки-кĕлетки
Куçама куранать аякран.

«Гаснет день. И когда сумрак ночи пустой Погружает в дремоту поля

И проносятся мысли одна за другой, Сердце острою болью сверля,— Тени прошлых столетий встают передо мной, И родная видна мне земля».

2. Çил-тавал иртсессĕн йалтарка çанталак
Камаллан та ашшан ачашланса канĕ.
Юмахри илемлĕ çут кĕмĕл çурт майла
Çут тĕнче çуталĕ, çĕнелсе лапланĕ.

«Проснется буря: теплой, нежной лаской Наслаждаясь, мирно отдохнет природа. Серебром хоромин из волшебной сказки Мир нам засияет, обновлен свободой».

Эти отрывки взяты из двух стихотворений — «Катаран каç килсен...» (Гаснет день...) и «Пуласси» (Грядущее), написанных на одну и ту же тему — на тему исторической судьбы родного края. Но как различны эти стихи по лексической и звуковой организации. Отрывок первого стихотворения, изображающего беспросветное прошлое чувашского края, насыщен словами и звуками, передающими мрачный колорит той эпохи, в которой протекала тяжелая жизнь чувашского народа, а отрывок второго, показывающего будущее родного края, имеет совершенно другую лексику и такой звуковой строй, который полностью соответствует радостному и светлому чувству.

В стихотворении «Морю» мастерство Сеспеля в звуковой организации стиха выявляется с большей отчетливостью. Там, где поэт изображает бушующее море, добивается полнозвучия каждого звука, слова. Но когда он переходит к выражению своих мыслей, в минуты раздумья перед бушующим морем, как бы оглушается звучание этих звуков. И путем умелого использования звуков он создает совершенно различные картины — море и поэт. В чем же выражается это мастерство? Прежде всего, в умелом использовании созвучных слов. Поэт стремится к тому, чтобы звук в той или иной мере соответствовал характеру образа и помогал лучше раскрыть его. Изображая море, он подбирает такие слова, в которых звуки *у, р, х*, создающие шум прибоя, приобретают абсолютное звучание: *тумлан, хумлан, сулнăксемпе сулан, вутлăн, çутлан, вут-кавăрран, çыран-варăн* и т. д. По одним этим звукам можно представить себе и движение волн, и морской прибой — все море, бушующее и мощью невиданной бьющее о берег. Там, где дается образ задумавшегося поэта, эти звуки, хотя и встречаются, приобретают совершенно иной оттенок. Они или совсем оглушаются, или становятся менее звучными: *вăйла хумла юрăпа, вăйла паттăрлăх, хăват, чунĕ ун хăюлла пултăр, хай чĕрин хĕвелĕ тутăр* и т. д.

Сеспель намного расширил также границы применения конечных созвучий — рифмы. Предшественники М. Сеспеля пользовались лишь узким рядом сочетаний рифм. М. Сеспель создал более сложные формы, не пренебрегая в то же время утвердившимися в чувашской поэзии типами рифм. Наряду с перекрестными, смежными, а также с кольцевыми рифмами, у М. Сеспеля мы находим и такие, которые представляют со-

бою различные сложные формы — триады и миноримы, с богатой и полнозвучной рифмой. Например:

Тинĕс, тинĕс, вайлараххан,	а
Хавартраххан, çамалраххан,	а
Чул пулсан — хаватлараххан,	а
Хыççан, хыççан хум хумла!	б
Эс хаюллан, вайла хумлан	в
Йывар сасла, йывар чуллан,	в
Чулла çырана тулла.	б
Мĕкĕр, ахар, кар-карла,	б
Вайла суламлан, хаюллан,	в
Хыççăн-хыççăн хум парах:	б
Кĕрешу вайне анчах	г
Камаллать ман вутла чунам...	в
Çĕн тĕнче! Эй çĕнĕ кунам,	в
Каялла ан кай, ан чак!	г

Сеспель обладал огромным поэтическим талантом. Немного он жил, и немного осталось от него. Но то, что сохранилось и дошло до нас, дает нам право говорить о нем как о большом мастере слова, прекрасном знатоке чувашского языка и литературного дела.

В своем творчестве, в частности, в технике стихосложения, он продолжил лучшие традиции устной народной поэзии и своих предшественников — Михаила Федорова, Константина Иванова, Тайра Тимки и Николая Шелеби. Следуя опыту русской поэзии, он сумел произвести коренное преобразование чувашского стихосложения и направить его по пути освоения достижений силлабо-тонической и тонической систем стихосложения, которые утверждаются в чувашской поэзии не как отрицание прежней, силлабической системы стихосложения, а на правах дополнительного выявления художественных возможностей чувашского языка. Силлабическая, силлабо-тоническая и тоническая системы стихосложения, бытующие в чувашской поэзии, во всем согласуются с самим строем чувашского языка. Чувашское стихосложение развивалось и развивается в полном соответствии с его законами и обладает несомненными достоинствами, ставящими его в один ряд с системами стихосложения других языков. Его успешному развитию особенно сильно способствовало творчество Михаила Сеспеля, что определяет его выдающееся место в истории чувашской художественной литературы.

◆

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

Вып. 51 УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ 1970

ЯЗЫК И СТИЛЬ МИХАИЛА СЕСПЕЛЯ

С. П. ГОРСКИЙ,
доктор филологических наук, профессор

Талантливейшего юношу, основоположника чувашской советской поэзии Михаила Сеспеля, мы по праву называем «трибуном-агитатором», «поэтом с пламенным сердцем». К сожалению, мы иногда забываем, что он и новатор в области литературного языка, большой мастер художественного слова.

Известно, что в своем литературном творчестве поэт шел непроторенными путями. В 1914—1917 гг. он учился в Шихазанской второклассной школе. Конечно, в то время обучение в ней велось не на чувашском языке, хотя с 1870 г. в начальных классах «инородческих» школ и разрешалось преподавание на родном языке учащихся, но из-за отсутствия учебников и пособий это волей-неволей ограничивалось «букварным периодом». В годы учения в Шихазанской школе Сеспель с помощью учителя русского языка П. А. Ломоносова издавал рукописный журнал «Звездочка» (будущий поэт был редактором журнала). В «Звездочке» нередко встречались стихи Сеспеля, написанные на силлабо-тонической основе. Это было младенческой порой поэта, облюбовавшего звучание силлабо-тоники, а с 1918 г. он, пользуясь ее классическими размерами, вносит богатейший вклад в свою родную поэзию. Издавна укоренившаяся в ней силлабика уступает место новой стихотворной системе.

Происходя из д. Шугурово (чув. Касаккасси) современного Канашского района, Сеспель, строго говоря, в своих стихах придерживался языка тех мест. Однако он, обучаясь по букварям И. Я. Яковлева, хорошо усвоил их языковые нормы, что не могло не сказаться в дальнейшем на его собственном письме. Более всего это чувствуется в использовании им практиковавшихся И. Я. Яковлевым полных форм. Вот несколько примеров:

1) имена сущ-ые, род. пад. с аффиксом:

Пуянсенĕн ĕçкĕре пыл-сăра юхать. У богатых на пирах льется пиво-мед. (Стр. 44)

* Михаил Сеспель. Собр. соч. Чебоксары 1959. Далее будут указываться лишь страницы этого издания.

Атал хумёсенён шавланисене те	Ты прославишь Волги плеск неугомонный,
Хана та устернё ват Шупашкара.	Шубашкар, что нежно вынянчил тебя. (68)
Чавашан асё — хураç пул,	Чувашский ум, сверкай, как сталь,
Пар кас...	Режь лед и камень... (96)

2) Если Сеспель в своей прозе и пользуется краткой формой тв. пад. ед. числа на *-па(-пе)*, то в рифмах его стихов постоянно употребляется полная форма этого падежа на *-пала (-пеле)*:

Иртнё çав самана. Ирёкпе чан телей	Будет время,— когда и лачуги рабов
Чурасен ӳплине те çутатё;	Осенит свет Свободы и счастья,
Хурла, сурёк куна кивё ёмёрпеле	Улетят далеко, в дали мрачных веков
Тавранми аякка кунтан тартё.	Дни тревог, слез и бурь и ненастья. (42)
Асту-ха тата каллах:	Вспомни, как в голодный год
Выçлах пулна кёр	Всем селом вы шли:
Ыйтрар пур халахпала	«Землю дайте нам!..» И вот
Ирёклёхпе çёр.	Дождались земли. (46)

3) Вне задач нормализации литературного языка употребляются и формы деепричастий с аффиксами *-сассан(-сессён)*, *-сан(-сен)*:

Уя ака тумашкан тухсан,	Ты не выйдешь в поле, чтоб опять
Юрру илтёнес çук ёнтё сан...	С песней землю тучную пахать...(64)
Кил терёш тирпейлесессён,	Пусть присмотрит за коровой,
Тата ёне, сурах	Уберется в доме.
Пахса усрама пёлсессён,	Коль ума на это хватит,
Мёне кирлё урах?	Так на что ей кроме? (76)

4) Подобно этому не связаны с задачами нормализации языка формы инфинитива с аффиксами *-машкăн(-мешкён)*, *-ма(-ме)*: встречаются они обе. Например:

Таса Ирёк юрри чёререн янрама,	Задушевные песни Свободы святой
Вёсем сыва пулсассан, парахмё.	Не замолкнут, пока они живы. (40)
Пёлтер мана, таван çёршывам:	Поведай мне, страна родная:
Хăçан катартан халахна	Когда народу явишь ты
Ху чёлхуне хăват кёртмешкён	Того, кто твой язык прославит
Тёнчене килнё ывална?	И былью сделает мечты? (72).

Таким образом, Сеспель ввел в современный чувашский литературный язык как синтетическую, так и аналитическую форму категорий принадлежности — формы низового и верхового наречий.

Поэт принял без изменения многие нормы И. Я. Яковлева: *хир* «поле» (однако встречается и обозначающее то же понятие *уй*), *вёлтёрен, турчăка, инçетрен* и т. д. Вместе с тем он допускает пропуск гласного во многих словах: *курнёç* вм. *куранёç, пурнăç* вм. *пуранăç, ухрăм* вм. *улăхрăм, пёлтсене* вм. *пёлётсене, пёлеп* вм. *пёлетёп* и т. д.

Некоторые явления языка, не зафиксированные в качестве норм во времена И. Я. Яковлева, по почину Сеспеля утвердились впоследствии для различения грамматических категорий: *тăлăхăн, хĕвелĕн* (обозначающий принадлежность род. пад. на вопрос чей?), *талăххан, хĕвеллĕн* (наречия на вопрос как?) и т. д. Однако: *уйăхăн-хĕвелĕн* (на вопрос как?). Этот порядок был утвержден в качестве нормы литературного языка в 1933 г.

Много нового внес Сеспель в чувашский литературный язык советской эпохи. Чувашская литература, которая в дооктябрьский период развивалась применительно к низовому диалекту, после революции во многом восприняла особенности верхового диалекта.

1. Для обогащения чувашской поэзии звучанием силлабо-тоники Сеспель отбросил систему низового ударения И. Я. Яковлева, введя ударение верхового наречия. Это изложено им в опубликованной в газете «Канаш» 17 ноября 1920 г. в статье «Стихосложение и правила ударения».

Практика стихосложения и в народной поэзии, и в литературно-художественных произведениях до Сеспеля основывалась на силлабике. Поэтому введение в чувашскую поэзию силлабо-тоники имело значение, которое трудно переоценить.

При первом взгляде может показаться, что различия в системах низового и верхового ударения не столь уж значительны. Если у низовых чувашей в словах типа *пысăк, лайăх, алăк* ударение ставилось как на первом, так и на втором слогах, то и И. Я. Яковлев и Сеспель предлагали ставить его на первом слоге. Низовую и верховую систему ударений разделяет то, что в словах наподобие *макшă, кăмрăк, тĕлĕк, аслăлăх, ĕçлĕпĕр* у низовых чувашей ударение звучит на последнем слоге, а у верховых — на первом.

Почему же Сеспель считал, что для введения в чувашскую поэзию силлабо-тоники необходимо привести систему ударения в языке своей нации к определенному единству, ориентируясь при этом на верховое ударение?

Силлабические стихи, в которых ударения в печати не обозначались, допускали двоякое чтение текста. Вследствие этого разговорный язык до революции не придерживался норм языка литературного. В советскую же эпоху приспособить звучание силлабо-тоники к системе низового ударения не представлялось возможным, так как каждая стихотворная система строится на соответствующем ей порядке расположения ударений в словах.

Силлабо-тонические стихи пробовал писать еще К. Иванов, однако выйти за пределы системы ударения И. Я. Яковлева он все же не смог. Так, при переводе лермонтовского «Паруса» в слове *шурран* из стиха *«Пĕччен парăс шурран куранать»* он переставляет ударение на второй слог, но подобное ему, видимо, не нравилось, и все его оригинальные стихи — силлабические.

В приведенной выше статье Сеспель впервые в истории литературного языка ставит вопрос о том, что придет время, когда «установится один общий чувашский язык» («пĕр тĕп чăваш чĕлхи пулĕ»). Одним из фактов деятельности Сеспеля в этом направлении является введение новой, единой системы ударения в языке своего народа. В настоящее время она представляет собой норму разговорного и письменного чувашского литературного языка.

Как ясно из сказанного, К. Иванов не пошел против того, что сделал в области языка его учитель И. Я. Яковлев. Не в пример ему поэт советской эпохи Сеспель открыл широкую дорогу новым начинаниям.

2. Стремясь к «одному общему чувашскому языку», Сеспель, наряду с лексическими нормами, установившимися до начала его творческого пути, вводит в литературный язык много вариантов верхового диалекта, которые закрепляются в качестве синонимов: *инçетрен—катаран, хир—уй, çăва—масар* и т. д. Некоторые из этих вариантов, однако, не вошли в литературный язык, фиксируясь только в творчестве самого Сеспеля: *çемçет—капашла, уяр—йăлтара, мелки—ĕмĕлки, кунта—кунтăк, кил-тавраш—кил-терĕш* и т. д.

3. В ряде случаев Сеспель придерживается верхового диалекта в фонетическом составе слов: *ыйăх* вм. *ыйха* (отсюда — *ыйăхларĕ*), *хурăç* вм. *хурçа* и т. п. Однако и в нашу современность многое здесь базируется на нормах И. Я. Яковлева *(хурçа, ыйха, кӳршĕ, тиркĕ* и пр.).

4. В разговорном языке многие слова с конечным глухим согласным принимают двоякий аффикс принадлежности 3-го л.: *-ĕ* и *-и (карчăкĕ—карчăкки, старике—старикки, кĕтесĕ—кĕтесси, çуначĕ—çунатти* и т. д.). Если в современном литературном языке употребителен аффикс *-ĕ*, то все-таки можно встретить и примеры пользования обоими вариантами: *кайăк çуначĕ — арман сунатти, Ленин кĕтесĕ — пӳрт кĕтесси, унăн хутаçĕ — пăрçа хутаççи* и т. д. Сеспель, как и К. Иванов, оставил вполне приемлемые образцы его в своем поэтическом наследии:

Чăваш чĕри! Хăюлăх вучаххи.
Пулса тăр!..

Стань горном, сердце чуваша,
Отваги горном стань... (96)

Каман ниш лĕ чĕри,
Пур ниш ли, халсарри —
Ленчĕрти шапасем пулччĕри.

Все, кто немощен, слаб,
Кто душой — вечно раб,—
Превратятся пускай в дряхлых
жаб. (116)

Одновременно у Сеспеля можно встретить и примеры того, что, оказавшись стилистически невыразительным, так и не вошло в чувашский литературный язык:

Шăршлă каç йывăрри,
Киве çĕр кукарри

Тьма. Мне душно. Невмочь.
Сгинь, тоскливая ночь!

Вут хыпса, кĕл пулса вĕçтĕри.	Все отжившее, с глаз моих прочь! (116)
Çĕнĕ сан йалтарри, Ун кавар çамарри Чĕрере Вут Самах чĕрттĕри.	Пусть желанный восход Дождь лучистый прольет И в душе слово-пламя зажжет. (116)
Çĕнĕ сан каварри, Çен хĕвелĕн ури Пĕр чиксе шатарса илтĕри.	Пусть таких луч пронзит, Пусть их гром поразит И, обуглив, к земле пригвоздит. (116)

5. В словах, различающихся в своем произношении по диалектам, Сеспель часто придерживался верхового диалекта: *кариклатса, эпĕр, çамăр, йаваç* и т. д. По почину Н. И. Ванерке подобные примеры в письме Сеспеля пытались даже обосновать и ввели в правила орфографии в 1926 г., однако они, за исключением слова *эпĕр,* в литературном языке не удержались.

6. Некоторые из слов и сочетаний, являвшихся новшеством самого Сеспеля, употребительны и в современном литературном языке: *чĕрĕлĕх, çур уçа сасă, кĕвĕллĕ* и т. д.

7. Значительное количество слов, в написании которых Сеспель ориентировался на говор своих мест, не стало нормами литературного языка: *таринччен, пĕчик, вĕççĕр-хĕрсĕр, ташлат* и т. д.

Рассмотрим еще один пример:

Çĕршывам чĕрĕлет! Пĕчик пуртсемлĕ ялсенче, Чаваш çĕр урла уйсенче Çен сывлаш чун уçса вĕрет.	Ожила земля моя! В леса, в поля и в каждый лог, В село и в каждую избу Дыханье нового вошло. (110)

Нередко в чувашском языке вместо множественного числа употребляется единственное: *клеткăлла тетрадь (клеткăсемлĕ тетрадь); çамрак улмуççиллĕ сад (çамрак улмуççисемлĕ сад).* Нормой здесь опять-таки должно являться *пĕчĕк пуртлĕ ялсенче.*

8. В написании русских заимствований Сеспель не придерживался орфографии своей современности: *талан, псалом, имажинизм, азбука, француз* и т. д.

Таким образом, Сеспель проложил мост от истории чувашского литературного языка дооктябрьской эпохи к истории языка советской эпохи: если ему казалось подходящим что-либо из старого, то он принимал это, в противном случае он это отбрасывал или изменял; если же он вводил свое, новое, то история или принимала это как достойное, или, несмотря на то, что он являлся признанным мастером языка, отвергала его новшество.

То, что предлагал Сеспель в области языка, не утверждалось официально: оно вводилось постепенно работниками печати, а затем столь же постепенно стало достоянием правил орфографии.

Трудности в новаторских поисках Сеспеля в области языка были обусловлены теми противоречиями, которые коренились в двух системах языка — низовой и верховой: чувашский литературный язык яковлевского периода, иначе говоря, язык низовых чувашей, явился основой силлабики, всего стиля художественной литературы; Сеспель же обогатил то, что сложилось в чувашском литературном языке дооктябрьского периода, элементами верхового диалекта, завершил процесс освоения чувашской поэзией силлабо-тоники, определив ее развитием стиль художественной литературы.

* * *

Сеспель подходил к проблемам стиля художественой литературы по-своему. Стиль художественной литературы должен воздействовать на чувства человека, волновать его созданными писателем образами. Это достигается умелым использованием всего грамматического строя, который в данном случае органически связывается с идейно-тематической основой произведения.

В любом художественном стиле большую роль играет особый специальный фонд — эпитеты, сравнения, метафоры, олицетворения, фразеологизмы и т. д. Однако каждое слово, взятое не в своем основном, а в каком-либо мало употребляющемся значении, может служить элементом художественности, способствуя созданию живой картины действительности:

Ситĕ! Шапар шатакĕнчен	Хватит! Встаньте, выходите
Çут тĕнчене тухар!	Из лачуг спокойно. (78)

Здесь слово *çитĕ* «хватит» не означает, что больше уже не нужно писать о тяжелой жизни чувашской женщины в прошлом: его значение в том, что с такой жизнью необходимо покончить в новое, советское время.

Стихи, произведения прозы и драмы реализуются в художественном стиле и поэтическом языке своими специфическими средствами. Стихи и ритмическая проза приближаются в своем звучании к музыке, поднимают настроение, заставляют любить или, наоборот, ненавидеть.

В художественном стиле, как и в музыке, есть свое звучание, ощущаемое через отдельные слова, синтагмы, фразеологию. Это звучание мы подчас и не замечаем. При этом художественный стиль связан с орфографией и пунктуацией: вполне понятно, неправильно составленные предложения, несоблюдение надлежащей пунктуации мешают нужному восприятию произведения, не вызывают у читающего правильной интонации, одним словом, мешают.

Разобрать все это не представляется возможным, и мы поэтому остановимся лишь на самом главном.

* * *

Для читателя близки и понятны прежде всего те особенности художественного стиля, которые связаны с морфологией. В силу этого разберем сначала некоторые примеры из этой области.

1. Возьмем родительный падеж. Если бы речь о нем шла только как о факте чувашского литературного языка, то мы должны были бы разобрать его формы с аффиксом и без аффикса, рассмотреть его как определенную языковую норму. Другое дело, если речь пойдет об этом падеже, как явлении художественного стиля.

И. Я. Яковлев пользовался преимущественно формой родительного падежа с аффиксом, ее он считал нормой. Однако для К. Иванова и Сеспеля форма родительного падежа с аффиксом служила средством подчеркивания принадлежности, а форму без аффикса они употребляли без специального указания на нее:

Ирĕклĕхшĕн вилнĕ тавансенĕн юнĕ. Кровь за волю павших братьев
Чĕлтĕрти çеçкеллĕ хĕрлĕ чечек пулĕ. превратится
В лепестки пунцовой, ароматной
Таван çĕршыв варманĕсем! розы. (54)
Чечек çеçки таханна улахсем! Отчизны пышные леса,
Чаваш чĕлхи хавачĕ камалне Цветы лугов, полей краса!
Мухтав юрри шавласа янрар. Вы славьте в песнях, не смолкая,
Язык воскреснувшего края. (94)

2. Возьмем употребление утвердительной формы глагола с аффиксом *-ай(-ей)*. До Сеспеля считалось, что эта форма является диалектной, и поэты ею не пользовались; не встречалась она и в народной поэзии. Отрицательная же форма глагола с аффиксом *-ай(-ей)*, например, *килеймерĕ*, считалось литературной нормой, поэтому ею пользовались и на письме, и в разговорном языке; в то же время такие глагольные формы верхового диалекта, как *кайимарăм, килимарăм,* числились диалектными, и в письменной речи ими не пользовались.

Сеспель впервые вводит форму глагола утвердительного с аффиксом в систему элементов художественного стиля. Этой формой он постоянно пользуется для выражения силы и полноты какого-либо действия, характеризуемого говорящим:

Савву кĕвви анчах юлайрĕ çĕр çине. Остались лишь стихи. и в них —
твоя душа. (90)

Ютри çынсем сана аякка А за гробом не шагала мать...
Пытарайна çака шатака. Далеко от них тебе лежать! (64)

Куланайшан ĕнуне Прохрипел глава: Пора!
Кайрĕ вал тытса,— Недоимки, мол,
Ылханайран вĕсене И корову за рога
Пнтĕ хурланса. Со двора увел. (46)

3. Образное выражение полноты и мощи действия при помощи таких форм, как *хастарлан, чун-чĕреллĕн* идет от Сеспеля. До него употребляли формы *хастарла, чун-чĕреллĕ*. Новая форма отличается своей бодростью, приподнятостью, и поэтому она то и дело встречается в современном чувашском литературном языке:

Телейлĕ пурнăçшан тарсамччĕ,
Юлташ, хастарлан ĕçлеме.

Смелей, товарищи и руки
Для лучшей жизни не жалей. (60)

Тарар, туссем, пĕр чун-чĕреллĕн,
Пулеймеç ирĕк çынсене!

Дружней, друзья, набравши духу,
Разбив врага,— свободны мы! (60)

4. В том же значении Сеспель употребляет и другие формы наречий *(вайлараххан, çамăлараххан, хаватлăараххан)*. Этими формами в свое время пользовался и А. Эсхель, однако в произведениях других поэтов она распространения не получила. Вот пример из знаменитого стихотворения «Морю» Сеспеля:

Тинĕс, тинĕс, вайлараххан,
Хавартраххан, çамалраххан,
Чул пулсан — хаватлараххан,
Хыççан, хыççан хум хумла!
Эс хаюллан, вайла хумлан
Йывăр саслан, йывăр чуллан
Чулла çырана тулла.

Море, море, бей сильнее,
Разбивай, кроши каменья,
И напористей, быстрее
Мчи волну ты за волной.
Смело, яростно бросайся,
Беспощаднее вгрызайся
В каменистый берег свой... (108)

Совершенно очевидно, насколько музыкальны и выразительны разобранные формы наречий в художественных произведениях.

* * *

Поэтический синтаксис Сеспеля чрезвычайно богат и разнообразен. Все мысли и устремления поэта связаны с социалистической революцией, событиями гражданской войны, ее «незаметными» героями, со строительством коммунизма на обломках старого мира, с возрождением и развитием культуры и языка родного народа. Тематику своих произведений Сеспель раскрывает в революционно-романтическом стиле. Он верно угадывает контуры грядущего, созидаемого трудом миллионов. Ясно, какую роль в его творчестве играет гимническое воспевание труда.

Во всем этом исключительное значение приобрела столь привлекавшая Сеспеля силлабо-тоника. Известно, что силлабика с ее традиционным семисложником и четырехстишиями мало отвечает широте мысли, пользованию сложными конструкциями предложений. Силлабо-тоническая система, введенная в чувашскую поэзию Сеспелем, позволила ему расширять строфы до двенадцатистиший, а сами стихи строить из двенадцати слогов. Поэтому поэтический синтаксис Сеспеля богат распро-

страненными, многосоставными предложениями. К тому же поэт очень своеобразен в конструкциях предложений, оригинален в типах их связей, что придает им подлинное благозвучие.

1. То, что Сеспель оправдывает свою характеристику как поэта-трибуна с ярко выраженной манерой, творческим обликом лирика, отчетливо чувствуется в его поэтическом синтаксисе. Каждое стихотворение он начинает с призывов к новой жизни и поэтому часто пользуется побудительными предложениями:

а) Пур çамраксем! Çунат хушар! — О юные! Душой воспрянем... (94)
б) Ирĕклĕ кунçул тумашкан — За великую свободу
Тарар пурте харас!.. — Встаньте смело, дружно. (76)

в) Çĕн тĕнче! Эй çĕнĕ кунам, — Здравствуй, новая заря!
Каялла ан кай, ан чак! — Новый мир, не отступай! (108)

г) Кавар чĕре! Кавар чĕлхеллĕ — О сын чувашский с жарким сердцем!
Чаваш ачи, сассуна пар! — Откликнись, родину любя.
Тухсам кунта, сана кĕтеççĕ. — Подай нам голос, мы заждались.
Килсем! Килсем! Эс пур, çук мар. — Не врею я, что нет тебя!

Часрах килсе-хаватлах кĕртчĕ — Приди скорее и наполни
Чавашан капăр чĕлхине. — Звучаньем новым нашу речь,
Çунтартар çуламла, каварла — Чтоб слово пламенем чистейшим
Чĕлху çынсен чĕрисене. — Могло сердца людей зажечь. (72)

д) Эй ваттисем! — О наши старцы-мудрецы!
Эй ват çынсем! — Многострадальные отцы!
Авал чаваш асапла пулнине — Вы расскажите молодым,
Çамраксене каласа парар... — Что вынес наш народ, страдая... (92)

2. Ораторы древней Греции и Рима услаждали слушателей различными формами периодической речи. Первая часть периода в своей структуре представляет собой определенное синтаксическое единство, состоя из однородных членов и предложений. При их произнесении голос, постепенно усиливаясь, достигает своей предельной высоты. Затем следует длительная пауза, а во второй части периода, выражающей основную идею, голос понижается.

Ряд известных писателей сделал периодическую речь достоянием художественного стиля. С исключительным мастерством пользуется периодами Сеспель. Например:

а) Вопросительный период:

Хура-шур анчах курмашкан — Кто со дня рожденья в мире
Кам çуралса уснĕ? — Знал одни печали?
Çут тĕнчере пывăр хурлах — Скорбь, тоска кого на свете
Кам ытларах туснĕ? — Больше всех терзали?

Çут тĕнчере кам телейĕ — Чья, упав на землю где-то
Çĕре уксе юлна? — Затерялась доля?
Авалтанпах кам кунçулĕ — Кто веками был несчастней,
Тарçари пек пулна? — Чем батрак в неволе? (74)

б) Период с выводом:

Тĕнчене тасатрĕ ирĕк вут-каварĕ, — Навсегда очищен пламенем свободы,
Çут тĕнче çуталчĕ, иртрĕ авалхи. — Новый день сияет над моей страной.

Тёттёмё тёп пулчё, машкал иртсе кайрё —	Скрылась тьма глухая, пронеслись невзгоды,
Тин ирёке тухран, тёп чаваш чёлхи!	Наконец ты волен, наш язык родной! (68)

в) Временной период:

Қатаран каç килсен, каçхи кунан мёлки	Гаснет день. И когда сумрак ночи густой
Уйсене ыйхапа хупласан.	Погружает в дремоту поля
Йёркерен-йёркерен тёрлё шухаш йёрки	И проносятся мысли одна за другой.
Пуçама пуçтарна пуçласан.—	Сердце острою болью сверля.—
Елёкхи ёмёрсен ёмёлки-кёлетки	Тени прошлых столетий встают предо мной.
Куçама куранать аякран.	И родная видна мне земля. (112)

3. Часто Сеспель умело использует в целях художественности различные синтаксические категории:

а) Обращение: в ряде случаев оно у него неоднократно повторяется, что усиливает эмоциональное воздействие речи:

Юлташамсем, таххармёш хум —	Товарищи, девятый вал,
Юлашки хум — çапать хаярран!	Последний вал навстречу мчится! (52)
Таванамçам, варансам, варан	Милый брат, стряхнуть бы этот сон!
Çак вахатсар йывар ыйхаран...	Так безвременен и тяжек он. (64)
Чаваш! Чаваш... Чаваш! Чаваш!..	Чуваш! Чуваш!.. Чуваш! Чуваш!..
Çип-çивёч уха йёппилле	В мечтах и в думах, вдаль и ввысь
Пёр чашкарса вёçсе тёлле,—	Стрелой разящею метнись,
Сут тёнчене тёлле — йёпле.	Пронзи веков грядущих кряж. (96)

б) Однородные члены предложения Сеспель часто как бы нанизывает один на другой:

Чунё ун хаюлла пултар,	Дай поэту силу,— пусть
Тинёс вайёпеле тултар.	Он в боях за наше дело
Савтар паттарлах вайне.	Будет бодрым, будет смелым. (108)
Чуханлах, пуянлах, уйрамлах йаранё	Рубежи и цепи, бедность и богатство
Ирёкпе çёнелнё пуранаçран тарё,	Сгинут от сиянья солнечного века.
Чёрере ачашшан çунё, çуламланё	Загорится пламя равенства и братства,
Танташлах, таванлах, юрату каварё.	И любви высокой в сердце человека. (54)

4. Стихи Сеспеля чрезвычайно богаты интонационными средствами. В самой расстановке знаков препинания он в ряде случаев руководствуется не грамматическими принципами:

а) Ситё! Шапар шатакёнчен	Хватит! Встаньте, выходите
Çут тёнчене тухар!	Из лачуг спокойно.
Этем чунне — выльах чунё	Человек — вот ваше званье,
Выранне ан хурăр.	Вы его достойны. (78)
б) Эп вилсен — мана пытарар	Как умру — похороните
Çулё ту тарне.	На горе крутой. (84)

5. Богатство интонации Сеспель достигает и инверсированной речью:

Вилнĕ çын тапри вал, çак тапра,	Человек хороший там зарыт,
Ыра çынни вилнĕ варçара.	Он за дело правое убит. (64)

6. Сеспель использует и целый ряд образных средств языка:

а) метафора:

Çĕн Кун пин-пин каварла	День Новый взял
хураç аллипе...	рукой своей стальной... (104)

б) эпитет:

хытнă уй, сив çăлкуç (затвердевшее поле, прохладный ключ), *ирхи шевле* (утренний луч), *йывăр ыйха* (тяжелый сон), *симĕс курăк* (зеленая трава) и т. д. Все они взяты из народной поэзии. Однако Сеспель обогатил чувашскую поэзию и целым рядом таких эпитетов, которые принадлежат ему: *интернационал кĕперĕ* (интернационала мост), *хураç шанчак* (стальная вера) и др.

в) сравнения:

Ман çамрак чунла чĕрере	Нет, то не зной в высокой ржи:
Хĕвел хĕлхемлĕ хĕлĕхсем	То радость в солнечный зенит
Çитмĕл çич чĕлĕхлĕн янраççĕ:	Рванулась прямо из души
	И, как струна, звенит, звенит... (110)

* * *

Сеспель очень многое сделал для становления и развития языка чувашской социалистической науки. Он — родоначальник чувашского художественного стиля советской эпохи. Ему принадлежит и та заслуга, что он обогатил чувашский литературный язык многим, что было присуще верховому диалекту: это относится не только к отдельным словам, но и к конструкциям предложений.

Если у истоков чувашского литературного языка стояли И. Я. Яковлев и К. В. Иванов, то Сеспель — один из самых видных мастеров чувашского языка советской эпохи. Именно с Сеспеля начинается новый период в чувашском литературном языке и чувашской поэзии. Этим он поставил себе памятник.

◆

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

Вып. 51 УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ 1970

ЯЗЫКОВОЕ НОВАТОРСТВО М. СЕСПЕЛЯ

Н. П. ПЕТРОВ,
кандидат филологических наук

Язык есть устойчивая и характерная черта нации, основа общественной и трудовой деятельности народа. Свободное развитие языка, как неоднократно подчеркивал В. И. Ленин,— залог национальной свободы. Стремление к свободе и национальному равенству, становление национального самосознания всегда связаны с горячим желанием развивать родной язык. Выражая естественную связь национального возрождения народа с процветанием родного языка, Сеспель с гордостью писал:

Навсегда очищен пламенем свободы,
Новый день сияет над моей страной.
Скрылась тьма глухая, пронеслись невзгоды,
Наконец ты волен, наш язык родной!

Велики роль и значение родного языка в социалистическом преобразовании культурно-экономической жизни народа. Поэтому Сеспель с жаром призывал в своих произведениях любить и оберегать родной язык, развивать его дальше, умножая богатство речевых средств.

Зрелая деятельность Сеспеля падает на время революционной ломки старого и становления нового строя, бурного роста общественной активности трудовых масс, зарождения новой, социалистической культуры. В области литературного языка тогда возник целый ряд практических и теоретических вопросов, вокруг которых разгорелись жаркие споры. Они касались орфографии и норм литературного словоупотребления, заимствования и словотворчества — целого комплекса вопросов языкового строительства. Сеспель принимал активное участие в их разрешении. Своей статьей «Стихосложение и правила ударения», опубликованной в 1920 г. в газете «Канаш» и в журнале «Атал юрри», он произвел реформу чувашского литературного ударения. Изучение произведений Сеспеля дает основание утверждать, что в вопросах развития и обогащения литературного языка он придерживался весьма прогрессивных взглядов. Не в пример

некоторым литераторам и языковедам, он не испугался широкого проникновения в чувашский язык иноязычных слов, а, наоборот, заимствование считал одним из необходимых условий развития языка. В то же время большое значение он придавал разумному словотворчеству на базе родного языка и в своей литературной практике последовательно проводил принцип языкового новаторства. Будучи новатором в языке, он сознательно и намеренно употреблял в своей речи такие языковые средства, какие представлялись не существующими в языковой традиции и вводились как нечто совершенно новое в общий запас возможностей языкового выражения. Ведь в каждом языке наряду с общеизвестными словами существуют еще своего рода «потенциальные слова», т. е. слова, которых фактически еще нет, но по существующим в языке словообразовательным моделям они вполне могли бы быть образованы, если бы то вызывалось исторической необходимостью. Введение в языковую практику таких потенциальных слов безусловно являет собой один из видов языкового новаторства.

До Сеспеля в поэтическом словаре такие новообразования, как *хурлăхлăх* «печаль», *нишлĕлĕх* «немощность», *паттарлăх* «геройство», *хаюлах* «смелость», *ачашлăх* «нежность» не встречались, но модели словообразования с помощью аффикса *-лăх (-лĕх)* в языке существовали. Еще на заре развития чувашского литературного языка, когда явилась острая необходимость в новых словах, И. Я. Яковлев и его сотрудники по существующим словообразовательным нормам создали множество новых слов, как, например, *çынлăх* «человечность», *тытканлăх* «плен, пленение», *аванлăх* «доброта, добротность», *вайсарлах* «бессилие, слабость», *асканлăх* «распутство», *курану* «явление», *хăтăлу* «спасение» и др., но эти неологизмы употреблялись в основном в языке переводов церковных книг и за пределы церковно-богослужебного стиля не выходили. В советскую эпоху стилистические границы этих неологизмов расширились, они стали достоянием общелитературного языка. В этом немалая заслуга писателей. Сеспель первый из них стал активно употреблять неологизмы в языке художественных произведений. В его словаре мы находим такие неологизмы, как *пусмăрçа* «угнетатель» (178) [1], *çырулах* «письменность» (80, 86), *калав* «рассказ» (182, 188) и некоторые другие, появившиеся в первые годы Октябрьской революции и употреблявшиеся впервые в языке прессы. Интересен такой факт, свидетельствующий о поисках неологизмов. В 1919 г. журнал «Шурăмпуç» (Заря) литературоведческий термин *рассказ* на чувашский язык перевел как *пурнăç йĕркине самахпа каласа кăтартни*, т. е. словесное изображение бытовых явлений (получается, как видно, весьма многословно!). Но уже в 1920 г.

[1] Примеры взяты из книги: Çеçпел Мишши. Çырнисен пуххи. Шупашкар, 1959. Цифры в скобках указывают страницы данной книги.

появилось новое слово *калав*. Первый раз оно встречается в газете «Канаш» от 11 июля в заметке о Букваре И. Трофимова (в конце заметки вместо фамилии стоит буква Т., вероятно, автором заметки был известный языковед Ф. Тимофеев). Здесь слово *калав* употреблено в значении «рассказ». Почти одновременно, но независимо от газеты «Канаш», это слово употреблялось журналом «Атал юрри» («Волжская песня», 1920, № 1, стр. 21) в статье «Новые слова» (статья подписана псевдонимом Tangerbart, по утверждению члена редколлегии журнала А. И. Иванова, это был Н. И. Ашмарин). Здесь слово *калав* имело иное значение — значение языковедческого термина «глагол». Нам неизвестно, был ли знаком Сеспель с заметкой в газете «Канаш» и статьей в журнале «Атал юрри», но в своей пьесе «Чувашский поэт» он дважды употребляет неологизм *калав* и в обоих случаях со значением «рассказ».

Из других встречающихся в языке Сеспеля неологизмов заслуживают внимания следующие:

хăватлăх «сила, могущество» — в стихотворении «Чувашский язык»:

Йывăр асапран та, тимĕр санчартан та
Эсĕ паранмасар хаталтан пулсан,—
Пулас пурнăçра та çивĕчпе *хăватлăх*
Ют чĕлхесенчен те кая пулмĕ сан (68)

(Если ты (родной язык) непокорно выдержал тяжкие пытки и железные оковы, то и в грядущей жизни по остроте и силе не уступишь другим языкам).

Ср. еще в стихотворении «Сыну чувашскому»:

Часрах килсе *хăватлăх* кĕртчĕ
Чăвашăн капăр чĕлхине (72)

(Приди скорее и дай силу красивому чувашскому языку).

хăюлăх «смелость, отвага» — в стихотворении «Чуваш! Чуваш!..»:

Чăваш чĕри, *хăюлăх* вучăххи
Пулса тар! (96)

(О сердце чуваша! Стань горном отваги).

Ср. еще в стихотворении «Стальная вера»:

Чĕрем, сик хăюллăн, хăвассан
Хăюлăх юрри кĕвĕле... (122)

(О сердце, бейся отважнее, пой веселее песню отваги).

хурлăхлăх «печаль, горе, скорбь» — в стихотворении «Морю»:

Авалхи кунсен ĕречĕ
Ун чунне тапта-тапта,

Ун чунне, чĕри тĕпне
Хурлăхлăх юрри хаварна (106)

(Старый мир, глумясь над его душой, в его душе, в глубине сердца оставил напев печали).

нишлĕлĕх «немощность» — там же:

Саваçан юнне-чунне
Нишлĕлĕхсенчен тасат (106)

(Душу и кровь поэта ты очисти от немощности).

паттăрлăх «геройство» — там же:

Чунĕ ун хаюлла пултăр,
Тинĕс вайĕпеле тултăр,
Савтăр *паттăрлăх* вайне (108)

(Пусть его душа станет смелой, наполнится силой моря, полюбит силу, геройства).

тĕреклĕх «стойкость, мужество» — в стихотворении «Далеко в поле желтый зной...»:

Çĕн сывлаш, вер!
Чăваш çĕрне *тереклĕх* кĕрт! 110)

(О свежий ветер, вей! Дай мужество земле чувашской!)

ачашлах «нежность» — в стихотворении «Проложите мост»:

Вахат — *ачашлах* вăхăч мар (130)

(Время не для нежностей).

уйрамлах «разъединение» — в стихотворении «Грядущее»;
тантăшлăх «равенство» — там же.
тăванлах «братство» — там же:

Чуханлах, пуянлах, уйрамлах йăранĕ
Ирĕкпе çĕнелнĕ пуранаçран тарĕ,
Чĕрере ачашшăн çунĕ, çуламланĕ
Тантăшлăх, тăванлах, юрату каварĕ
(54)

Рубежи и цепи, бедность и богатство
Сгинут от сиянья солнечного века.
Загорится пламя равенства и
братства
И любви высокой в сердце человека.

Путем словосложения Сеспелем образован лингвистический термин *çур-уçă сасăсем* «полугласные»: Пĕр енче *ă*-па *ĕ* сасăсем, сак икĕ сасса *çур-уçă сасăсем* тейĕпĕр... (148) «В одной группе звуки *ă* и *ĕ*, — эти два звука назовем полугласными».

Кроме имен существительных, Сеспелем образован ряд глаголов. Так, с аффиксом *-ла (-ле)* им созданы такие глаголы:

хумла «бросать, бить волнами» от имени существительного *хум* «волна» — в стихотворении «Морю»:

Тинĕс, тинĕс, вайлараххан,
Хавартраххан, çамалраххан,
Чул пулсан — хаватлараххан
Хыççăн, хыççăн хум *хумла!* (106)

Море, море, бей сильнее,
Разбивай, кроши каменья,
И напористей, быстрее
Мчи волну ты за волной.

тытканла «взять в плен, захватить» от имени существительного *тыткан* «плен» — в стихотворении «Волжская песня»:

Пусмарти халахсем,
Пĕр çĕре пуханар,
Улпута йĕрлесе *тытканлар* (56)

Подъяремным вставать,
Собирать свою рать,—
Окружим, уничтожим господ!

капашла «разрыхлять» от звукоподражательного *капăш* — о мягкости, рыхлости — в стихотворении «Пашня Нового Дня».

Çĕн Кун пахать: ун ылтăн аки пуç
Капашласа хуратрĕ хытна уйсене...
(104)

День Новый видит, ясен и могуч,
Как млеет разрыхленная земля.

При помощи аффикса *-лан (-лен)* образованы глаголы:

вутлан «воспламеняться, гореть» от имени существительного *вут* «огонь» — в стихотворении «Чуваш! Чуваш!..»:

Чаваш чĕлхи, чаваш чĕлхи,
Хĕвел каварĕпе *вутлан* (98)

Родной язык, как солнца жар,
Гори и освети огнем.

Ср. еще в стихотворении «Стальная вера»:

Хаюлла куçпа палартатпăр
Çĕн Кун *вутланса* килнине.

Взгляд смелый уже замечает
Зари небывалый восход.

ĕçлĕхсĕрлен «обленииться, бездельничать» от имени прилагательного *ĕçлĕхсĕр* «ленивый, праздный» — в рассказе «Дети леса»:

Пӳртре авланна ывалӗ Сӳхепи *ӗҫлӗхсӗрленсе* выртать... (162)
«В избе лежит обленившийся от безделья женатый сын Сюхеби».

Из неологизмов-прилагательных в языке Сеспеля можно указать на следующие:

йӑлтара «сияющий, лучистый, лучезарный» от образоподражательного слова *йалтар* — о блеске сверкании — в стихотворении «Грядущее»:

Çил-тавал иртсессӗн *йӑлтара* çанталак
Камаллан та лапкан ачашланса канӗ (54)

(Когда пронесется буря, лучезарная погода, наслаждаясь теплой, нежной лаской, отдохнет мирно).

мӗкӗрлеш «зычный, громкий» от глагола *мӗкӗр* «реветь, мычать» — в стихотворении «Морю»:

Вайла *мӗкӗрлеш* саспа
Вайла пӗлтсене силле (106)

(Ты громким, зычным голосом потрясай тяжелые тучи).

çаруранла «босоногий» от словосочетания *çара уран* «босиком» с помощью словообразовательного аффикса *-ла* — в стихотворении «Или! Или! Лима савахвани!..»:

Çаруранла çӗршыв макарать-çке (100)

(Босоногая земля плачет).

Особый интерес представляет здесь образование прилагательных *пӳртсемлӗ* «с избами», *чӳречесемлӗ* «с окнами» и наречия *ыйткалакансемле* «нищенски». Дело в том, что по существующей в словообразовании традиции аффиксы *-ла(-лӗ)* и *-ла (-ле)* присоединяются к именам в форме единственного числа, как, например, *пӳртлӗ, чӳречеллӗ, ыйткалаканла.* Формы *пӳртсемлӗ, чӳречесемлӗ, ыйткалакансемле* в языковой практике не употребительны. Но тем не менее Сеспель формам *пӳртлӗ, чӳречеллӗ, ыйткалаканла* предпочел формы *пӳртсемлӗ, чӳречесемлӗ. ыйткалакансемле;* см. в стихотворении «Далеко в поле желтый зной...»:

Çӗршывам чӗрӗлет!
Пӗчик *пӳртсемлӗ* ялсенче
. . . . . .
Çӗн сывлаш чун уçса вӗрет (110)

(Возрождается моя страна! В деревнях с низенькими избушками веет новый, животворный дух).

В стихотворной речи выбор того или иного слова или формы нередко определяется требованиями ритмической организации стиха. Однако трудно допустить, что неологизмы *пӳртсемлӗ, чӳ-*

речесемлĕ, ыйткалакансемле здесь были употреблены ради ритмики стиха, ибо форма на *-семлĕ* у Сеспеля встречается не только в стихотворной речи, но и в ранней прозе, например, в рассказе «Дети леса»:

Ухиле мучи килкартине çӳллĕ хӳмепе хӳсе çаварна; кил варĕнче пĕчик *чӳречесемлĕ* хура пӳрт ларать... (162) «Жилье деда Ухиле обнесено высоким тыном; посреди двора стоит изба почерному с маленькими оконцами...»

В данном случае формы *пӳртлĕ — пӳртсемлĕ, чӳречеллĕ — чӳречесемле* противопоставлены по числовому признаку. Неологизм *пуртсемлĕ* в сочетании *пĕчик пӳртсемлĕ ялсем* позволил автору рельефно запечатлеть облик старых чувашских деревень, которые состояли сплошь из приземистых маленьких избушек. Если это выражение заменить конструкцией *пĕчик пӳртлĕ ялсем*, то от внимания читателя может ускользнуть то главное, что характерно для старых деревень. Ведь конструкцию *пĕчик пӳртлĕ ялсем* можно толковать как *деревни с маленькой избушкой*, а неологизм *пӳртсемлĕ* устраняет это. Тем же объясняется введение новообразования *чӳречесемлĕ*. Для автора важно было подчеркнуть, что изба деда Ухиле имела несколько окон. Если вместо *пĕчик чӳречесемлĕ* сказать *пĕчик чӳречеллĕ*, то читатель непременно будет понимать это как *изба с маленьким оконцем*. Правда, в данном случае писатель мог сказать... *кил варĕнче темиçе пĕчек чӳречеллĕ хура пӳрт ларать*, но он предпочел более сжатую форму изложения.

Для понимания специфики художественности и образности языка Сеспеля большое значение имеет изучение роли и структуры наречий. Наречия в языке Сеспеля несут особую стилистическую нагрузку. Выступая в роли эпитета или сравнения, они служат созданию картинности и идейно-эмоциональной выразительности языка. Посредством умело подобранных наречий поэт создает конкретно-чувственный образ, воздействующий на различные органы восприятия. Так, в стихотворении «Морю» при помощи качественных наречий *хуп-хуран* «черный», *сип-симĕсĕн* «зеленый», *капăк тумлăн* «пенистой одеждой», *хумлăн* «волнами» и др. поэт вызывает зрительно-слуховое представление, ср.:

Вĕçсĕр-хĕрсĕр тинĕсĕм,
Хуп-хуран, сип-симĕсĕн
Капăк тумлăн, хумлан, хумлан
Çырана çапса, *хаюллан*
Хумла сулнаксемпе сулан,
Хумла капакпа вĕре (106)

(Море бесконечное, черное, зеленое, белой пеной и волнами бейся смело ты о берег, за волною мчи волну, белой пеною бурли).

Необычные по своей морфологической структуре, сеспелевские наречия всегда выделяются от окружающих слов и, привлекая внимание читателей, становятся логическим центром

высказывания. Например, в стихотворении «Голодный псалом» имеются такие строки:

Пĕрене пуртсем — тар тертлĕ пурт-çуртсем
Ыйткалакансемле халран кайса пачланчĕç (126)

Как нищие стоят дома; в стенах
Бревенчатых, пропахших потом, душно.

Здесь привлекает к себе внимание наречие *ыйткалакансемле,* введенное поэтом для усиления зрительного представления картины страшного голода. Как и прилагательные *пурtсемлĕ, чуречесемлĕ,* оно образовано не по традиционной словообразовательной модели. Но с точки зрения грамматики употребление данной формы в какой-то степени можно оправдать стремлением автора согласовать его в числе с подлежащим *пуртсем* «дома» и его приложением *пурт-çуртсем* «жилища»; тем более такое согласование вполне допустимо в синонимичной конструкции с послелогом *пек;* напр., *Ыйткалакансем пек халран кайса пачланчĕç.*

Неологизмом является у Сеспеля наречие *хар-хаярран* «сердито, грозно, зло» (в стихотворении «Морю»). Оно образовано по типу *хуп-хуран, сип-симĕсĕн, шап-шурран,* где префиксальные элементы *хуп-, сип-, шап-* выражают высшую степень концентрации качества.

Новообразованием являются здесь составные наречия *тамак вутлан* «как адский огонь», восходящее к словосочетанию *тамак вучĕ* «адский огонь», *тамак çутлан* «как адское пламя», созданное от словосочетания *тамак çути* «свет адского огня», *çиçĕм çутлан* «как сверкание молнии» — от словосочетания *çиçĕм çути* «сверкание молнии»; см. в стихотворении «Морю»:

Тинĕс, тинĕс вайларах
Хыççан-хыççан хум парах.
Тамак вутлан, тамак çутлан,
Вут-каварлан, *хар-хаярран,*
Тайан-тайан, çыран-варан,
Хутла хумлан сулан-уткан (106)

(Море, море, ты сильнее за волною мчи волну. Бурли, как огнедышащий ад, сверкай, как молния,поднимайся на дыбы, как пламя пожара, реви грозно, бросай сплошным каскадом валы на валы, бейся о крутые берега).

Здесь мы имеем не простые наречия, а метафорические, посредством которых автор сопоставляет два предмета или явления по сходству признаков. Являясь средством художественного изображения, метафоры делают язык образно-выразительным, а иногда — эмоционально насыщенным. При помощи аффиксов *-лăн(-лĕн), -ăн(-ĕн), -ла(-ле)* Сеспель создавал весьма яркие образно-изобразительные средства. По своему семантическому содержанию аффиксы *-лăн(-лĕн), -ăн(-ĕн), -ла(-ле)* синонимичны с послелогом *пек,* но по своему благозвучию последний

явно уступает аффиксам. Поэтому Сеспель, как создатель страстной, эмоционально-возвышенной речи, в своих романтических произведениях предпочтение оказывал аффиксальным формам. В стихотворениях «Морю», «Далеко в поле желтый зной», «Гаснет день...», «Стальная вера», «Пашня Нового Дня» и некоторых других с возвышенно-романтической стилистической окраской широко вводились наречия на *-лан(-лӗн), -ăн(-ӗн), -ла(-лӗ)* ср.: *сер пин çăлтăран çун* «гореть ста тысячами звезд» (104), *кавар çунатлăн вӗç* «летать, как огнекрылая» (108), *хаватла саслан кала* «возвещать мощным голосом» (108), *йывăр чуллăн... çырана тулла* «грузным камнем бейся о берег» (108), *çитмӗл сич челехлен янра* «семьюдесятью семью струнами звени» (110), *хевеллен çун* «гори солнцем» (110), *кӗмӗл саслăн кил* «прийти серебряным звоном» (112), *вут кайăклăн вӗç* «летать огненной птицей» (124), *шур шаллăн пăх* «смотреть, блестя белыми зубами» (128), *кавар кайăкла тапран* «воспрянуть жар-птицею» (122), *каварла чечеклӗн чечекле* «украшать огненными цветами» (124) и др. Все это свидетельствует о том, что поэт для предельно яркого воплощения мыслей и чувств, настроения времени, для контрастного показа картины подневольного прошлого и лучезарного настоящего использовал более эффективные речевые средства. При этом он не довольствовался традиционными художественно-изобразительными средствами и приемами их употребления, а искал новые. Здесь его языковое новаторство переходило в стилистическое.

В творчестве Сеспеля наиболее важным средством создания образной речи нужно считать метафоризацию слов. Общеизвестно, что метафоризация — это область формирования образных средств. Она расширяет смысловой объем слов, порождает у них новые, дополнительные значения или смысловые оттенки.

В чувашском литературном языке почва для метафорического употребления слов была подготовлена еще в начальный период его формирования. В процессе перевода церковно-богослужебной литературы создавалось множество метафорических фразеологизмов, как, например, *çӳлти патшалăх* «царство небесное», *вилем сăнни* «жало смерти», *ырлăх тинӗсӗ* «море благоденствия», *сылăх вăрлахӗ* «семя греха», *пурнăç çăлкуçӗ* «родник жизни», *чăнлăх хевелӗ* «солнце правды», *тӗрӗслӗх хӗвелӗ* «солнце справедливости», *чăнлăх çулӗ* «путь правды», *çăлăнăç çулӗ* «путь спасения», *чăнлăх хавачӗ* «сила правды», *чӗрӗлӗх çалӗ* «родник жизни», *тамăк санчăрӗ* «оковы ада», *канăçлăх çулӗ* «путь спокойствия», *усал шухăшсен çуламӗ* «пламя злых намерений» и т. п.[2] Эти фразеологизмы в большинстве своем оседали в языке церковно-богослужебной литературы и лишь очень немногие

[2] См. нашу статью «Из истории становления прозаических стилей чувашского литературного языка». «Уч. зап.» ЧНИИ, вып. XXVII. Чебоксары, 1964, стр. 146—160

проникали в язык художественной литературы[3]. В целом метафоризация как средство создания образной речи в творчестве писателей получила широкое применение только в советский период. Первый, кто активно стал использовать метафоры в художественном творчестве, был Сеспель. Опираясь на предшествующий опыт метафорического употребления слов в церковно-богослужебной речи, Сеспель значительно расширил круг речевых средств, подвергающихся метафоризации. В метафорическом значении он употреблял имена существительные, имена прилагательные, глаголы, наречия. Сеспелевские приемы метафоризации отличаются смелым, неожиданным объединением в пределах одной фразеологической единицы таких речевых средств, которые с точки зрения логической речи кажутся несовместимыми. Таковы, например, фразеологические сочетания, в которых 1) зависимый компонент представляет собой имя существительное с абстрактным значением, а метафорически употребленный господствующий компонент — имя существительное с конкретным значением; в них синтаксическая связь выражена аффиксом принадлежности: *уйрăмлах йăранĕ* «межа различия» (54), *ирех вут-кăварĕ* «огонь свободы» (68), *хурлах чулĕ* «камень муки» (74), *хаюлах вучаххи* «очаг смелости» (96), *асап саламачĕ* «бич страдания» (100), *самах вучаххи* «горн слова» (116), *кунçул уйĕ* «поле жизни» (104), *уяр ури* «лучи (букв. нога) солнечной погоды» и др.; 2) зависимый компонент, выраженный именем существительным, выступает как метафорический эпитет, господствующий компонент, выраженный также именем существительным, конкретизируется посредством метафоры; синтаксическая связь между ними реализуется только соседством сочетающихся компонентов, без грамматических показателей: *кĕмĕл сывлăм* «серебряная роса» (54), *кăвар чĕре* «огненное сердце» (72), *кăвар чĕлхе* «огненный язык» (72), *кăвар чунсем* «огненные души» (94), *хĕвел тумтир* «солнечная одежда» (104), *шăм выçлăх* «костлявый голод» (126), *вут самах* «огненное слово» (116), *кăвар çăмар* «огненный дождь» (116), *кăвар кайак* «жар-птица» (122); 3) зависимый компонент, выраженный именем прилагательным, выступает как метафорический эпитет: *тăлăх хир* «сиротливое поле» (64, 66), *çулăмлă, кăварлă чĕлхе* «пламенный, огненный язык» (72), *кăварлă ывăç* «огненная горсть» (104), *хĕвеллĕ илем* «солнечная краса» (94), *укаллă, ылтăн-кĕмĕллĕ хĕлхем* «узорчатое, серебряно-золотое пламя» (104), *çунатлă вутлă чун* «огнекрылая душа» (106), *кăварлă юн* «огненная кровь» (110), *хĕвеллĕ ĕмĕр* «солнечный век» (114), *аслатиллĕ сас* «громовой голос» (122) и др.; 4) зависимый компонент, выступающий как метафорический эпитет, выражен составным прилагательным, т. е. прилагательным, образованным из словосочетания: *хĕвел хĕлхемлĕ хĕлĕх* «лучезарная струна» (110), *кĕсле кĕввиллĕ вутлă*

[3] Там же.

юн «как гусли играющая огненная кровь» (110), *тип шăлла выç-лах* «сухозубый полод» (126), *уяр чечеклĕ шанчак (126)*, «светлоцветочная надежда», *выç куçла ыран (128)* «голодноглазое завтра» и др. Сюда же относятся вышеупомянутые *пĕчик пӳрт-семлĕ ялсем* «деревни с маленькими избушками» (110), *пĕчик чӳречесемлĕ хура пӳрт* «изба по-черному с маленькими оконцами» (162); 5) зависимый компонент фразеологического сочетания, выступающий как метафорический эпитет, может быть выражен причастием: *сивĕннĕ чĕре* «застывшее сердце» (80), *чечек çеçки таханна улахсем* «луга, надевшие венок» (94), *сĕр пин çалтарлан çунан чаваш çĕрĕ* «чувашская земля, сверкающая ста тысячами звезд» (104) и др.

Таким образом, Сеспель использовал метафору как одно из средств образного отображения действительности. Являясь средством создания образной речи, метафора в то же время представляет собой один из путей образования новых значений и оттенков. Так, общеизвестное слово *кавар* «горячие угли, жар» в творчестве Сеспеля в процессе метафоризации помимо своего предметно-логического значения получило следующие дополнительные значения: 1) жар, сильная степень тепла;

Чаваш чĕлхи, чаваш чĕлхи
Хĕвел *кавирĕпе* вутлан (98)

(Чувашский язык, чувашский язык, гори жаром солнца).

2) сильное чувство, страстность; пыл, воодушевление, пламя;

Чĕрере ачашшан çунĕ, çуламланĕ
Тантăшлах, таванлах юрату *кавăрĕ* (154)

(В сердце человека нежным пламенем загорятся чувства равенства, братства и любви).

Ср. еще:

Манан чĕрери кавара вĕсем сунтереймĕç «Погасить пламя в моем сердце они не смогут» (182).

3) огненный;

Чун *кавар* çунаглан вĕçтĕр
Кив çĕртен çĕн çул çине (108)

(Пусть душа полетит, как огнекрылая, в новый путь из засиженных мест).

Ср. еще:

Çĕршывăм хаюллан варанĕ,
Тапранĕ *кавар* кайакла... (122)

(Проснется мой край и воспрянет жар-птицею).

4) жаркий, пылкий, страстный, пламенный;

Кавар чĕрем — пин çын чĕри (110)

(Мое пламенное сердце — это сердце тысяч людей).

Ср. еще:

Чаваш чĕлхи пур чух таван поэт ятне
Вĕри, *кавар* чунсем савма парахас çук (90)

(Пока чувашский язык жив, горячие,пламенные сердца не могут не любить родного поэта).

Сказанное о новаторстве Сеспеля не будет полным, если оставить в стороне его поэтический синтаксис. В синтаксисе сеспелевского стиха можно проследить также много нового. Известно, что в языке талантливого писателя всякое новое имеет свою стилистическую мотивировку. Являясь трибуном-агитатором, глашатаем светлого будущего, поэт искал такие лексические средства, употреблял такие синтаксические конструкции, которые способствовали созданию сильной и страстной ораторской речи. Поэтому его стихи насыщены эмоцией, стихотворные строки звучат как афористические изречения. Чем не афористичны, например, следующие строки поэта: *Чăвашăн ăсĕ — хураç пул* (96) «Чувашский ум, сверкай, как сталь»; *Ăспа чул кас та вут калар* (96) «Умом режь камень, высеки огонь»; *Куçна тĕлле хĕвел çине* (96) «Глаза — на солнце, рвись вперед»; *Çип-çивĕч уха йĕппилле çут тĕнчене тĕлле-йĕпле* (96) «Стрелой разящею метнись, простор природы ты штурмуй»; *Çырулахан пулĕ тĕрĕс çулĕ, кĕнеке те пулĕ çĕршыв мулĕ* (80) «Ученье — дорога к правде, книги — богатство родины»; *Вилнисене тĕнче илемĕ кирлĕ мар* (90) «Ушедшим навсегда не до красот мира»; *Ман çунатлă вутлă чунăм, çĕн çĕре чĕнен чĕре кĕрешӳ вайне анчах камаллать çак тĕнчере* (106) «Я душою огнекрылой, сердцем жарким, что зовет в обновленную страну, лишь борьбу могучей силы славлю выше всех красот»; *«Çук-çук» теекен улталанĕ, кам «çук», тет, ун чунĕ — чăлах* (122) «Кто скажет «неправда» — обманет, калека душа у него»; *Хастарлă, хыт утăмлă пулăр, çĕршыван хастар ачисем* (122) «Шагайте бодрее и тверже, отчизны любимой сыны» и многие другие.

Синтаксис Сеспеля изобилует характерными для живого разговорного языка конструкциями, предельно сжатыми предложениями, паузами и интонационными выделениями. Широко представлены у него синтаксические фигуры. Риторические вопросы и восклицания, обращения, повторы, умолчания — постоянные спутники сеспелевского стиха.

Ориентируясь на устную форму речи, Сеспель активно вводил в свой язык элементы диалога. Использование характерных для диалога обращений придает его языку живость, усиливает внимание читателя. Кроме того, оно служит созданию художественного образа. Для примера можно сослаться на стихотворение «Век минувший», которое начинается обращением автора к земляку-хлебопашцу:

Мĕскĕн юлташам, хата,
Сухапуç çынни,
Иртсе кайна вахата
Аставатан-и? (44)

(Бедный мой товарищ, сват, человек сохи, помнишь, как мы жили в прошлом?)

Здесь обращение *Мĕскĕн юлташам* осложнено приложениями *хата* и *сухапуç çынни,* основное назначение которых заключено в том, чтобы вызвать в воображении читателя образ собеседника.

К этому же приему прибегает поэт при необходимости раскрытия или пояснения того, что заключено в обращении, напр.:

Эсĕр тата, *вери чунсем!*
Кăвар чунсем, яшсем, хĕрсем!
Каç-каç урамсене тухса,
Кĕвĕллĕ юрасем хурса,
Таван çĕршыван чĕлхине
Мухтав тума манса кайман-и? (94)

(А вы, горячие сердца! Пламенные парни и девушки! Не позабыли ли, выходя вечерами на хороводы, воздать хвалу родному языку отчизны).

Создавая звонкую и страстную ораторскую речь, Сеспель искусно использовал размеры силлабо-тонического стиха, благодаря чему смысловое содержание произведений получало дополнительную стилистическую окраску. Однако успех сеспелевских стихов объяснить только удачным выбором ритмического размера было бы неверно. Тут нужно учитывать всю совокупность лексико-грамматической структуры стиха. Немаловажную роль играет здесь интонационно-синтаксическая организация языка. «Слагаемых стиля много,— писал Константин Федин.— Трудность овладения ими заключается в том, что они лишены абсолютного существования. Ритм, мелодика, словарь, композиция не живут независимой жизнью, они связаны наподобие шахматных фигур»[4]. Это можно наблюдать и в языке поэзии Сеспеля. В стихотворении «Сыну чувашскому», обращаясь к новой смене чувашских поэтов, Сеспель прибегает к такой лексико-грамматической организации стиха, где каждое слово, каждая фраза, каждая синтаксическая единица способствуют созданию романтически возвышенного стиля, напр.:

Кăвар чĕре! Кăвар чĕлхеллĕ
Чаваш ачи, сассуна пар!
Тухсам кунта. Сана кĕтеççĕ.
Килсем! Килсем! Эс пур,— çук мар (72)

(О жаркое сердце! Сын чувашский с пламенным языком, подай свой голос! Выходи сюда. Тебя заждались. Приди! Приди! Ведь ты есть, неправда, что нет тебя!).

---

[4] К. Федин. Писатель, искусство, время. М., 1957, стр. 338.

Метафорическое употребление слов, риторические обращения и восклицания, дробление потока речи частыми паузами, выделения особой интонацией каждой синтаксической единицы, повторы, энергичная ритмика сделали речь эмоционально окрашенной, страстной и величавой.

В языке Сеспеля определенную стилистическую функцию выполняют повторы. «Повторение,— пишет Вандриес,— есть также один из примеров, вышедших из языка эффективного. Этот прием, будучи применен к языку логическому, превратился в простое грамматическое орудие. Его исходную точку мы видим в волнении, сопровождающем выражение чувства, доведенного до его высшего напряжения» [5].

Возбужденная речь отличается фрагментарностью, иногда алогичностью, повторением отдельных частей высказывания. Она может быть возвышенной, патетической, нервной, умиленной и т. д. Использование в художественном творчестве типичных особенностей возбужденной речи есть своеобразный стилистический прием. Используя повтор как стилистический прием, Сеспель часто превращает отдельные слова и словосочетания, важные в идейно-художественном отношении, в логический центр высказывания и фиксирует внимание читателей на них. Таким образом, основная стилистическая функция повтора — функция усиления, но в зависимости от лексического значения повторяющихся элементов повторы в разных контекстах выполняют разные задачи:

1) придают речи эмоциональность:

Эй, вере, вутла юн!
Эй Çĕн Кун, йалтар Кун,
Кив çĕре çунтарса, çун! *çун! çун*! (118)

(Эй, бурли, огненная кровь! Эй, Новый день, светлый День, сжигая старую землю, гори! гори! гори!).

2) служат созданию зрительно-слухового образа:

Тинĕс, *тинĕс*, вайларах
Хыççан-*хыççан* хум парах (106)

(Море, море, ты быстрее за волною мчи волну).

3) передают длительность или многократность действия:

Эпĕ выртап... *выртăп*... Юлĕ
Вахат каялла... (84)

(Мне лежать... лежать в земле. А время потечет).

---

[5] Ж. Вандриес. Язык. Соцэкгиз. М., 1937, стр. 147.

4) подчеркивают утверждение:

Юлашки чĕл алра, *юлашки чĕл* (128)

(Последний ломоть в руках, последний ломоть).

5) выражают сомнение:

Чаваш тĕнчи çывхарна чух
Чавашан кунĕ йаваш-ши!
Анасла ыйахан аши—
Выранла-ши?.. *Выранла-ши!* (96)

(Когда наступает чувашская эра, может ли быть кроткой душа чуваша? А сон с широкой зевотой уместен ли?.. Уместен ли!)

6) выражают стремительность действия:

Пуранна тарахса,
Çапаçар саванса,
Малалла, *малалла* çул хывар! (56)

Жизнь постылой была,
Но борьба весела,
Так вперед же, смелее вперед!

Функции повторов, использованных Сеспелем, этим не ограничиваются. Перечисление их можно было бы еще продолжить. Но и приведенные здесь примеры достаточно хорошо показывают, какую разнообразную функцию выполняют повторы у Сеспеля.

Большой интерес представляют сеспелевские повторы с точки зрения композиционного оформления. Поэт пользовался разными формами повторов. Многие из них дореволюционная чувашская поэзия совершенно не знала.

Наиболее часто встречающийся повтор у Сеспеля — это простой повтор, при котором повторяемые слова или группы слов следуют друг за другом. Более употребительный случай простого повтора — удвоение слова или группы слов. В некоторых случаях поэт допускает трехкратное и четырехкратное употребление слов, напр.:

Кивĕ кунан шăм алли
Хĕрес çумне çĕршыва паталарĕ;
Тип шалла выçлахан çаварĕпе
Çĕршывама кышлать, кышлать, кышлать (126)

Костлявая рука дней старых, злых
К кресту мой край родимый пригвоздила.
Сухими мертвыми зубами голод
Страну мою грызет, грызет, грызет.

Трехкратное употребление глагола-сказуемого *кышлать* «грызет» выражает силу и длительность действия. А в стихотворении

«Маки красные...» трехкратное употребление слова *хĕрлĕ* «красный» продиктовано стремлением усилить зрительное восприятие образа мака:

Хĕрлĕ-хĕрлĕ, хĕрлĕ маканьсем,
Виҫĕмҫул чечеклĕн чĕрлнисем (134)

(Красные, красные, красные маки, что в позапрошлом году расцвели).

Случай с четырехкратным употреблением:

Чаваш! Чаваш!..
Чаваш! Чаваш!..
Сан ыйхалла уюсене,
Сан лапка камалла, ачаш,
Иаваш-айван ялусене
Савмашкан манан халам ҫук (96)

Чуваш! Чуваш!..
Чуваш! Чуваш!..
Поля сонливые твои,
Деревни в дремле, колеи,
И весь застывший твой пейзаж
Любить не в силах я...

Здесь четырехкратное употребление слова *чаваш* с многоточиями после каждых двух слов служит замедлению темпа речи и тем самым фиксации внимания читателя на них. Благодаря этому слово *чаваш* наполняется глубоким смыслом и становится логическим центром размышления.

Встречается у Сеспеля и кольцевой повтор, или обрамление, при котором элемент, стоящий в начале речевого отрезка, повторяется в конце его, образуя своеобразную рамку, напр.:

Кивви ҫĕтет, ҫĕрсе ҫĕтет *кивви.*
Чĕре кĕтет хĕвеллĕ ĕмĕре (114)

(Старое исчезнет, сгинет и исчезнет старое, сердце жаждет солнечного века).

Юн тумлать, *юн* тумлать — хĕрлĕ *юн* (112)

(Капает кровь, капает кровь — красная кровь).

Для эмфатического выделения важнейшей части высказывания Сеспель использовал так называемый подхват или стих, при котором слово или группа слов, заканчивающих предложение или речевой отрезок, с новой силой повторяется в начале следующего предложения или отрезка речи, напр.:

Хастарла хыт утамла пулар,
Ҫĕршыван хастар ачисем,
Вут кайаклан вĕҫĕр, *ан юлар,*
Ан юлар кунҫул уттинчен (122—124)

(Отважные дети страны, шагайте смелее и тверже, как огненные птицы, рвитесь вперед, не отставайте, не отставайте от поступи жизни).

Выç куçла ыранан вил пичĕ
Шур шаллан *пахать, пахать* куçран (128)

(Смерть из голодного завтра, скаля белые зубы, смотрит, смотрит мне в глаза).

Апла пулсан... *чĕрем хыпса çунтар,*
Чĕрем хыпса çунса, сив кĕл пултар (82)

(Коль так... огнем пусть сердце разгорится, пусть сердце разгорится, испепелится).

Типичный пример анафоры представляет собой концовка стихотворения «Далеко в поле желтый зной...», где одни и те же лексически тождественные члены предложения, выраженные личным местоимением первого лица, повторяются в начале четырех относительно законченных отрезков речи, объединенных в составе сложного синтаксического целого:

Кавар чĕрем — пин çын чĕри.
Эп пĕр çын мар — *эп* хам пин-пин,
Эп пин чаваш, *эп* пин-пин çын!
Чĕрем юрри — пин çын юрри (110)

(Мое огненное сердце — сердце тысяч людей. Я не один — я сам тысяча тысяч, я — тысячи чувашей, я — тысяча тысяч человек! Песня моего сердца — песня тысяч людей).

Наряду с анафорическим моментом здесь наблюдается и синтаксический параллелизм. Многократное повторение одних и тех же членов предложения и параллельных синтаксических конструкций способствует удержанию и закреплению в памяти читателя важнейшей части высказывания и, кроме того, усиливает звуковую гармонию стиха.

Как стилистический прием, способствующий созданию ораторской речи, Сеспелем использована присоединительная связь. Прием присоединения исходит из устного типа речи, где присоединяемая часть является дополнительным сообщением, вызванным содержанием первого предложения. При этом присоединительная связь осуществляется интонацией и паузой или же другими средствами. В художественной литературе этот тип связи представляет собой как типизированный стилистический прием, выполняющий ту или иную задачу. При помощи этого стилистического приема Сеспель ту или иную часть речи отрывает от основной части высказывания и оформляет как относительно самостоятельную синтаксическую единицу, а синтаксическую связь между основной и присоединительной частями сложного синтаксического целого осуществляет паузой и интонацией. Благодаря такому присоединению выделенная часть сложного синтаксического целого приобретает особую смысловую нагрузку, а предложение в целом — интонацию устной речи. Вот, например, стихотворение «Жизнь и смерть»:

Ĕç ачи вал. Çĕнĕ пурнăçа
Сыхласа вилнĕ вал — *çапăçса* (64)

(Сын труда он. Защищая новую жизнь, он погиб,— сражаясь).

Обстоятельство образа действия *çапăçса* «сражаясь», вынесенное за пределы основного предложения, выступает как относительно самостоятельная синтаксическая единица, присоединенная к предыдущей части посредством паузы и интонации. Благодаря своеобразному интонационному оформлению, оно стало более весомым.

Аналогичное явление наблюдаем и в стихотворении «Как умру...»

Тусамсем! Ун чух çул майан
Ман çине пырса,
Юра юрласа катартар,
Сава каласа (86)

(Друзья мои! Вы тогда, коль представится возможность, придите к моей могиле и спойте мне песни, и стихи прочтите).

Здесь сочетание *сăва каласа* «стихи прочтите», внесенное как дополнительное сообщение к тому, что сказано в основной части высказывания, выделяется особой, присоединительной интонацией и приобретает большую смысловую нагрузку.

Иногда, чтобы с особой силой подчеркнуть содержащееся в основном предложении утверждение, Сеспель прибегает к присоединению повтора, называемому в стилистике присоединительным утверждением. Подобная организация речи имеет место, например, в стихотворении «Сыну чувашскому»:

Тухсам кунта. Сана кĕтеççĕ.
Килсем! *Килсем!* Эс пур,— *çук мар!* (72)

(Выходи сюда. Тебя заждались. Приди! Приди! Ты есть, неправда, что нет).

Здесь присоединено сказуемое *çук мар* «неправда, что нет», представляющее собой синонимичный повтор сказуемого основной части предложения. Такое построение предложения позволило автору рельефнее выразить твердость убеждения. Ту же стилистическую функцию выполняет присоединение сказуемого в конце стихотворения «Сыну чувашскому»:

Шанатăп. Ĕмĕте усратап:
Эс килĕн. *Килĕн* тĕнчене! (72)

Я верю. Я мечту лелею:
Придешь ты в этот мир, придешь!

В системе речевых средств и стилистических приемов ораторско-декламационного стиля Сеспеля большую художественную ценность представляют речевые периоды. Речевой пери-

од — это сложноподчиненное предложение усложненного типа особой организации, где придаточные и главные предложения группируются отдельно, в порядке последовательного перечисления. «Под термином период,— писал проф. А. И. Ефимов,— принято разуметь синтаксическую конструкцию, построенную по принципу кругообразно замыкающихся и грамматически организованных частей, образующих в логическом и интонационном отношениях вполне законченную единицу речи»[6]. Введением подобных конструкций Сеспель стремился создать своеобразный эмоциональный синтаксис с декламационной интонацией, с острыми эффектами. Таково, например, начало стихотворения «Гаснет день...»:

Катаран каç килсен, каçхи кунан мĕлки
Уйсене ыйхапа хупласан,
Йĕркерĕн-йĕркерĕн тĕрлĕ шухаш йĕрки
Пуçама пуçтарна пуçласан,—
Ĕлекхи ĕмĕрсен ĕмĕлки-кĕлетки
Куçама куранать аякран (112)

(Когда угасает день, когда сумрак ночи погружает в дремоту поля, когда разные мысли одна за другой начинают сверлить голову,— тени прошлых столетий встают пред моими глазами).

Это временной период. Он состоит из трех однородных придаточных времени и главного предложения, представляющего собой заключение. Интонационное оформление данного периода характеризуется тем, что придаточные предложения произносятся с постоянно нарастающим голосом, после кульминационной точки, т. е. после третьего придаточного следует пауза, затем заключительная часть произносится с понижением голоса. Благодаря такой интонационно-синтаксической организации предложения, речь становится выразительной, музыкальной и очень эффектной. Такую же стилистическую функцию выполняет период в стихотворении «Памяти чувашского поэта Агаха», ср.:

Чаваш чĕлхи çеçке ярса чечекленсен,
Сан кĕвĕллĕ чĕлху кавларланса çитсен,
Чаваш çынни хана юратакан пулсан,—
Ĕмĕтсене тагса куçу хупанчĕ сан (90)

(Когда родной язык уже дал пышный цвет, когда зазвенел твой жаркий стих, когда тебя чуваши полюбили,— вдруг оборвав мечты, ты закрыл глаза).

Резюмируя все вышесказанное, можно прийти к следующему выводу. Творчество Михаила Сеспеля, несмотря на то, что поэт прожил всего неполных 23 года и сделал нашим достоянием весьма небольшое литературное наследие, в истории

[6] А. И. Ефимов. Стилистика художественной речи. М., Изд-во МГУ, 1957, стр. 438.

литературного языка оставило неизгладимый след. Опираясь на живую народно-разговорную речь и имеющуюся литературную традицию, выявив и показав потенциальные возможности языка, поэт обогатил литературный язык новыми лексическими образованиями, фразеологизмами, художественно-выразительными средствами и синтаксическими конструкциями. Мастерски пользуясь эмоционально-экспрессивными речевыми средствами — метафорами, эпитетами, сравнениями, повторами, риторическими обращениями, восклицаниями, вопросами, присоединительными конструкциями и периодами, Сеспель прокладывал путь к созданию ораторского стиля с декламационной интонацией и указал пути для дальнейшего развития и совершенствования национальной речевой культуры.

◆

ЧАВАШ АССР МИНИСТРСЕН СОВЕЧĔ ҪУМĔНЧИ
НАУКАПА ТЕПЧЕВ ИНСТИТУЧĔ

51 каларăм АСЛАЛАХ ҪЫРАВĔСЕМ 1970

ҪЕҪПĔЛ МИШШИ ПУЛТАРУЛАХĔНЧИ НАЦИЛЛИПЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛЛИ

И. Д. КУЗНЕЦОВ,
истори наукисен докторе, профессор

Тертленсе пуранакан чухан чăваш хресченĕн çемйинче шăп XX ĕмĕр пуçланас тĕле çурална Куçма Мишшин пурнăç çуле тăкăр пулман, чылай асаппа хĕн-хур тӳсме тивнĕ унăн. Çамрăклах ашшĕсĕр тарса юлнăскер, вăл епле те пулин çын ĕретне тăма тарашнă. Выçалла-тутăлла пурнăçран çаланас тесе, Мишша май пур таран вĕренме ĕмĕтленнĕ. Çава ăна хурлах пусса ӳкересрен хăтарнă кăна мар, Асла Октябрь революцийĕн ĕçне хăстарлан хутшăнма та вăй пăнă. 19 çул тултарнă тĕле Çеçпĕл — коммунист. Ленин партийĕ ретне вăл çĕкленнĕ кăмăлпа, хурçа шанчăкпа, пысăк ĕмĕтпе кĕрет. Çăкăн çинчен вăл хăй çăпла çырса хăварнă:

«...закончил я 1918 год... вступлением моим в компартию, когда я почувствовал себя таким вольным, сильным, свободным от всех... предрассудков, вместе с пролетариатом я почувствовал себя властелином жизни. С тех пор мое сознание ясно. Мысли могучи — я — коммунист!» [1].

Çав кунсенчех тата вăл çăпла çырать:

«...коммунист должен жертвовать для общества всем своим спокойным существованием, своим личным благосостоянием» [2].

Пурте пĕлеççĕ: совет çĕршывĕн малтанхи çулĕсем, ташман пур енчен те вăрçăпа килсе тапаннине пула, калама çук йывăр пулчĕç. Çитменнине Çеçпĕле тепĕр амак — ӳпке чирĕ пусса илет. Инкек çине инкек — Çеçпĕл Мишшин ирсĕр элеке чăтса ирттерме тивет. Çăпах та унăн ăс-пуçĕ, чун-хавалĕ паранмасть. Хăшпĕр самантра вăл аптраса ӳкесси патнех çитнĕ пулсан та, мĕскĕн чунлăх лачакине пурĕпĕр кĕрсе ӳкмен, найкашман, ӳпкелешмен. Тепри пур, ун чухне (самах май каласан, ун пекки-сем халĕ те тĕл пулкалаççĕ), пĕр çăпан тĕвви курсанах, çуха-

[1] Çеçпĕл Мишши. Çырнисен пуххи. Шупашкар, 1959, 250 стр.
[2] Çавăнтах, 173 стр.

рашса, куренсе айкашна. Çеçпĕл Мишши ун йышши пулман. Мĕншĕн тесен вал яланах, хай калашле, мелюн чере вайĕпе пуранна, чĕрĕлен халахран вай илсе тана.

* * *

Хашпĕр тĕпчевсĕсем Çеçпĕл Мишши романтик пулна теççĕ. Ун пултарулахĕнче чанах та романтика паларса тарать. Анчах вал шухашпа пуйса паспа сунекен пуш ĕмĕтлĕ поэт мар, хастарла, революциллĕ, пултарулла романтик пулна. Ĕметпе чанлах хушшинчи çыхăну епле пулса пыни çинчен В. И. Ленин мĕн каланине аса илер-ха. 1901—1902 çулсенче çырна «Мĕн тумалла?» ятла кĕнекинче вал Писарев самахĕсене аса илтерет:

«Разлад между мечтой и действительностью не приносит никакого вреда, если только мечтающая личность серьезно верит в свою мечту, внимательно вглядываясь в жизнь, сравнивает свои наблюдения с своими воздушными замками и вообще добросовестно работает над осуществлением своей фантазии. Когда есть какое-нибудь соприкосновение между мечтой и жизнью, тогда все обстоит благополучно» [3].

Кун çумне Ленин хай енчен çапла хушса çырать:

«Вот такого-то рода мечтаний, к несчастью, слишком мало в нашем движении» [4].

Эпĕпин, Çеçпĕл Мишшин романтизмĕ социализмла реализма хирĕç пыман, унан паларамĕсенчен пĕри пулна.

1920-мĕш çулсенче Çеçпĕл Мишшине хашпĕрисем националист тесе хартначчĕ. Çавнашкал йăнăша эпĕ 1928 çулта халах умĕнчех сибленĕччĕ.

Çеçпĕл Мишшине националист тесе шутлани мĕнрен килмĕ пултарна-ха? Паллах, национализма патриотизмпа пăтраштарнинчен. Ун чухне чăваш интеллигенцийĕ хушшинче патриотизма национализмран уйăрма пĕлеймен çынсем пĕрре кана мар тĕл пулатчĕç. Тен, кун салтавĕсенчен пĕри Никольский проф. словарĕнчен те килнĕ пулĕ. Унта вал националист самаха чăвашла ака мĕнле анлантарса çырна: «Националист — хай халăхшĕн тарăшакан», «Патриот — хай çурална çĕршывне, хай патшалăхне юратакан çын» [5].

Националиста патриотпа пĕр сак çине лартни, паллах, пысак йăнăш. Анчах çакна чухласах кайман çынсем тĕл пулатчĕç. Самахран, ак Г. И. Комиссаров-Вантер «Канаш» хаçатра пĕррехинче çапла çырначчĕ: национализмсăр пĕр халах та пуранма пултараймасть! Кунта та патриотизма национализмпа пăтраштарни куçкĕретех. Тепрехинче, 1928 çулта, А. М. Михайлов И. Я. Яковлев çинчен: вал пуç тулпинчен пуçласа ура

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 172.
[4] Сав.тах, 173 стр.
[5] Н. В. Никольский. Русско-чувашский словарь. Казань, 1909, стр. 391.

тупанне çитиех националист тесе çаварса хуначчĕ. Каллех патриот тесе хиселлес выранне националист тесе йанаш ят пани куранать.

Анчах патриотизмпа национализм хушшинче пысак уйрамлах пур. Чан-чан патриот вал нихçан та националист пулмасть, мĕншĕн тесен националист вал — пусмарлакан классене халах ячĕпе витĕнсе хутĕлекен, час-часах хай халахне сутакан, ана ытти халахсемпе хирĕçтерекен е вĕсене пĕр-пĕринчен ютшăнтаракан этем. Чан-чан патриотизм вал интернационализма çывăх, унпа сурасулла, унтан вай илсе тарать, ана çулерехе хурать.

Çеçпĕл Мишши чан-чан патриот — чăваш ĕсхалахне чунтан-вартан юратакан, ана пĕр иккĕленми шанакан, таван халахне сĕклесшĕн çунакан пысак чĕреллĕ сын пулна. Çаванпа пĕрлех эпир ана пĕр иккĕленмесĕрех çирĕп интернационалист тесе хаклатпăр. Унăн пултарулахĕн тĕп тупсамĕ, тĕп тĕллевĕ интернационал кĕперĕ урла чăваш халахне ытти халахсемпе пĕр тан ĕлкĕрсе, пĕр тан çĕкленсе пыракан тавасси пулна.

* * *

Анчах та, тейĕ тепĕр тиркеш çын, Çеçпĕл Мишши шăпах класс кĕрешĕвĕ хĕрсе пына вăхăтра час-часах чăваш, чăваш тесе кана çырна-çке, мĕн пур чăвашсене пĕр кĕреке хушшине лартнине, классен хирĕçлĕхне пытарнине пĕлтермест-и ку?

Çук, пĕлтермест. Мĕншĕн тесен пĕр самахах тĕрлĕ класс позицийĕ çинче таракан çынсем тĕрлĕ пĕлтерĕшпе каланине эпир пĕрре кана мар асăрхана. Алюнов, Юман, Милли пек этемсем чăваш тенĕ чухне пуринчен малтан наци буржуазийĕн, кулаксен интересĕсене хутĕлесе калана пулсан, Çеçпĕл Мишши чăваш тесе яланах чăваш ĕçсыннисене мала хуна.

Çеçпĕл Мишши — мĕн ачаранах чухансен хĕн-хурне, пуянсен пусмăрне тӳссе курна çын. Революци мĕн иккенне вăл лайăх пĕлнĕ. Ĕçсыннисем ирĕке тухнишĕн саванна, ирĕклĕх ялавне çуле çĕкленĕ.

Çеçпĕл Мишши произведенийĕсенче Ленина ятран асанса çырни куранмасть. Анчах та вăл яланах Ленинпа канаш тытса, унтан вĕренсе, унăн идейисемпе пуранни куçкĕретех. Çака вăл 1919 çул пуçламашĕнче Мускавра курсра пулна чухне Ленин курнипе итленинчен кана мар, унăн малтанхи ĕçĕсенченех куранса тарать. Ака витĕмлĕ пĕр тĕслĕх. 1918 çулхи январĕн 18-мĕшĕнче В. И. Ленин Пĕтĕм Раççейри Советсен III съездне хупас умĕн çапла калана:

«Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда челове-

ческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации. Мы это знаем,— и разве во имя этой величайшей исторической задачи не стоит работать, не стоит отдать всех сил? И трудящиеся совершат эту титаническую историческую работу, ибо в них заложены дремлющие великие силы революции, возрождения и обновления»[6].

Часах, 1918 çулхи апрелĕн 12-мĕшĕнче, Çеçпĕл пысак сава çырать, çав çулах вал «Тетюшские известия» хаçатра вырасла пичетленсе тухать. Унта ака мĕн вулатпăр:

Пĕрисем, ылтан тинĕсĕнче чухенсе,
Ĕçсĕрех саванса ыр куратчĕç;
Теприсем, ĕмĕрех çакаршан тертленсе,
Асапла нушаран тухаймастчĕç;
Иртĕ çав самана: Ирĕкпе чăн телей
Чурасен уплине те çутатĕ;
Хурла, сурĕк куна кивĕ ĕмĕрпеле
Тавранми аякка кунтан тартĕ.
Халь эпир, пур вая халаха пиллесе,
Выçа халахшан хатĕр вилмешкĕн;
Тавтапуç калĕç час çĕтĕк-çатак çынсем
Пирĕн паттăр та ыра ĕçсемшĕн...[7].

Кунта эпир Çеçпĕл Мишши В. И. Ленин самахĕсене аса илсе çырнине чухласа илетпĕр.

Коммунистсен партине кĕнĕ хыççăн, 1918 çул вĕçĕнче, Çеçпĕл Мишши «Иртнĕ самана» ятла сава çырать. Унта вал каллех ĕлĕк чухансене епле пусмăрланине витĕмлĕ те уçăмла катартса парса çапла чĕнсе калать:

Мĕскĕн юлташăм, çакна
Астуса ил те
Ĕлĕкхи саманана
«Тĕп пултар çав», те!
Ĕмĕрлĕх никĕс çине
Çĕнĕ çурт лартар!
Пур чухансен тĕнчипе
Вал çурта тавар;
Йалтар хĕвел çуттипе
Таррине тарлар![8]

Çеçпĕл Мишши çĕнĕ пурнăçа чăвашсем хăйсем халлĕн — пĕччен таваçса мар, пĕтĕм тĕнчери ĕççыннисемпе пĕрле таваçса ĕмĕтленнĕ.

1920-мĕш çулхи июнĕн 16-мĕшĕнче Çеçпĕл ала пусна, чăваш комсомолĕн Раççейри I съезчĕ В. И. Ленин патне яна телеграммăра ака мĕн вулатпăр: «Съезд... Сире — тĕнчери пролетариат çулпуçне саламлать, тĕнчери контрреволюци часах тĕп

[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 289.
[7] Çеçпĕл Мишши. Çырнисен пуххи, Шупашкар, 1959, 40—42 стр.
[8] Çавантах, 46 стр.

пуласса çирĕп шанса тарать. Чăвашсен коммунистла çамрăксем Коммунизм идеисене хутĕлемешкĕн, тĕнчери çăткансемпе хурахсен пусмăрĕсене ĕмĕрлĕхех пĕтерсе парахмашкăн мĕнпур ваине хума хатĕр».

1921 çулта, Крымри санаторире пулнă чух, Çеçпĕл Мишши «Çĕн Кун аки» ятлă саввине çырать. Вăл поэтăн йăлтăр çутă ĕмĕтне яр-уççăн катартса паракан тĕлĕнмелле илемлĕ сава:

Çĕн Кун акни шатма вăхăт çитсен,
Çĕн Кун умнĕ хура çĕр айĕнчен,
Хĕвел калчи пулса, хĕвеллĕн саралса, хаюллан
Чăваш çынни кунçулĕ тухĕ.
Укалла, ылтăн-кĕмĕллĕ хĕлхемĕ унăн
Кĕсле сасси пулса çĕр тарах шуххăн юхĕ.

Хăватла, çĕн чĕреллĕ çĕн ĕмĕр чăвашĕ,
Хулпуççипе кавак пĕлте пернисе,
Кунçул уйне тухса, хĕвел тумтир тумланĕ,
Çĕн Кун ана ыталĕ саванса, ачашшăн;
Умне, çĕн çул çине, çĕн чечексем чĕртсе,
Интернационал кĕперĕ анĕ[9].

Çеçпĕл Мишши чун-чĕрипе те, ĕçĕпе те интернационалист пулни ним чухлĕ те иккĕлентермест.

Çав хушăрах вăл чăн-чăн нациллĕ поэт, чăн-чăн патриот пулнă. Ку тĕлĕшпе уйрăмах çăкăна асăрхаттарас килет. Çеçпĕл Мишши чăваш халăхне юрататăп тесе авалхи киреметсене пуçăпман, халăха сĕмсĕр те тĕшмĕшлĕ аваллăха чĕнсе илĕртмен, унăн кая юлнăлăхĕпе мухтанман. Маркс сăмахĕпе калас пулсан, вăл ял идиотизмне хирĕç кĕрешнĕ. Поэт чăвашсене çĕнĕлле чĕрĕлсе, вăй-хăват илсе, ытти халăхсемпе пĕр ретре, вĕсенчен юлмасăр пыма чĕннĕ. Халăха сĕкленсе вăй илме кансĕрлекен салтавсене сирсе парахма тарашнă. Вăл яланах малалла пăхнă, пуласлăха шаннă, чăвашира хăйĕнче пур вайсене туллин еçе кĕртесшĕн, халăх хастарлăхне хăпартасшăн хыпса çуннă.

Ку тĕлĕшпе Çеçпĕл Мишшин «Чăваш! Чăваш!..» тесе пуçланакан савви уйрăмах интереслĕ:

Чăваш! Чăваш!..
Чăваш! Чăваш!..
Сан ыйăхла уюсене,
Сан лапка камалла, ачаш,
Йăваш-айван ялусене
Савмашкăн манан халăм çук.
Чăваш тĕнчи çывхарнă чух
Чăвашан чунĕ йăваш-ши?
Анасла ыйăхăн ашши —
Выранла-ши?.. Выранла-ши!..

Таван чăваш хаюллине,
Вăл вайлине курасчĕ ман.
Чăваш!.. Çĕклен те çунатлан!
Куçна тĕлле хĕвел çине.

. . . . . .

[9] Çавăнтах, 104 стр.

Чавашан асӗ — хураҫ пул,
Пар кас,— ак çирӗп чул —
Ăспа чул кас та, вут калар!
Чавашан асӗ! Вут-кавар,
Хӗртсе хӗретнӗ хураҫ пул!..

Чаваш чӗри! Хаюлах вучаххи
Пулса тар! Ылтан шаратан
Хуран пек чашкарса вӗре.

Чаваш чӗлхи, чаваш чӗлхи,
Хӗвел каварӗпе вутлан.
Çӗкле часрах таван çӗре...[10]

1920 çулта çырнӑ «Чаваш арăмне» ятла саввинче Çеçпел Мишши ĕççыннисене çапла чĕнсе калать:

Ĕмĕр чура пулма ситĕ,
Чура пулма намас!..
Ирĕклĕ кунçул тупмашкан
Тарар пурте харас!..[11]

Çеçпĕл Мишши чăваш ĕççыннисене, уйрăмах хĕрарăмсене, чуралăх таллисенчен, мĕскĕн чунлăхран, хаюсар айванлăхран, пуянсене кĕленес йăларан, тура парасса шанса пуранассинчен т. ыт. çавнашкал камал-тĕсĕлсенчен тасалма чĕннĕ. Ку тĕлĕшпе чăваш чĕлхи, чăваш писателĕсем, савăсисем пысăк ĕç тăвасса ĕметленнĕ.

Мĕншĕн-ха Çеçпĕл Мишши чăваш чĕлхи çинчен çав терӗх çунатланса çырна вара? — тейĕç хашпĕрисем. Анчах та виç пайĕнчен пери те çырăва ĕретлĕ пĕлмен халăх хушшинче тăван чĕлхепе калаçмасăр, анлантарса ӳкĕтлемесĕр, кăварла хĕмлентермесĕр, ĕççыннисен пултарулла хастарлăхне урăхла епле çеклентерме пулна-ха? Тăван чĕлхесĕр Ленин идеисене халăх чĕрипе ăс-пуçне урăхла мĕнле çитерме пулна-ха? Çеçпĕл Мишши тăван чĕлхен хăватне питĕ аван пĕлнĕ. Çăвăнпа вăл хăш чухне чăваш поэчĕсем юлхавларах ĕçленишĕн куренĕ, вĕсене ятлана. Çеçпĕл Мишши «Хураҫ шанчăк» саввинче хай ĕмĕтне çапла пĕлтернĕ:

Чĕрем, сик хаюллан, хавассан
Хаюлах юрри кĕвĕле —
Чаваш чĕрĕлнине курмалла сан,
Ăна тĕл пулса илмелле...

Курап: чĕрĕлет чаваш ячĕ,
Таçта аслатиллĕ сасспа
Юратна çĕршыван хавачĕ
Часрах варанасшан тапать...

Хастарла, хыт утамла пулар,
Çĕршыван хастар ачисем,
Вут кайаклан вĕçĕр, ан юлар,
Ан юлар кунçул уттинчен...

---

[10] Çавантах, 96, 98 стр.
[11] Çавантах, 76 стр.

Çĕршывам хĕвеллĕн çуталĕ,
Тапранĕ кавар кайакла.
Кам хирĕç калаçĕ,— улталĕ,
Кам «мар» тет, ун чунĕ — чалах [12].

Çеçпĕл Мишши, Ленин самахĕпе калас пулсан, халахри тĕлĕрсе таракан вай-хавата варатса çĕнĕ пурнаç тавас ĕçе кĕртесшĕн пулна.

Çеçпĕл Мишши хайĕн «Тинĕсе» ятла саввинче чăваш поэчĕсене çапла ченсе калать:

Йывăр тимĕр санчартан
Хатална чăвашсене
Паттăр та хаватла саслан,
Чĕрипе çунса, хăвассан
Çĕн тĕнчен çĕн пурнаçне,
Çĕн кунне, çĕн кунçулне,
Çенĕ пурнаç хĕвелне
Юратса тăма калатăр.
Лапка халах — пултăр паттăр.
Вал йăваш — йăвашлах çĕттĕр,
Чун кавар çунатлан вĕçтĕр
Кив çĕртен çĕн çул çине...

Кĕрешу вайне анчах
Камаллать ман вутла чунам... [13]

Çав кунсенчех тепĕр савăра вал çапла калать:

Ман юратна çĕршыв вилĕмрен чĕрĕлни,
Вал асапла хĕрес çумĕнчен çаланни
Пур енчен те савать куçама [14].

Ун чухнехи каткăс та йывăр саманара çак таран хĕпĕртеме пултарна Çеçпĕл Мишшин чăнласах та ĕнтĕ хурçă шанчăк пулна. Унан пысăк шанчăкĕ часах тăрре тухрĕ. Вăрçа хыççăнхи йывăрлăхсене çĕнтерсе, ытти халăхсемпе пĕрле социализм никĕсне хывса, чăваш халăхĕ 1935 çултах ĕçпе чапа тухрĕ, Ленин орденĕ илме тивĕçлĕ пулчĕ.

Каярахпа тесен ĕнтĕ, Çеçпĕл калашлех, хаватлă, çĕн чĕреллĕ, çĕн ĕмĕр чăваше — Андриан Николаев, хулпуççийĕпе кăвак пĕлĕте перĕнчĕ кана мар, космос уйне те тухса курчĕ, интернационал кĕперне çирĕплетсе, пĕтĕм тĕнчери тăрă чунла этемлĕхе çăвăнтарчĕ.

Ака мĕнле пулна пирĕн чунтан юратна кавар чĕреллĕ Çеçпĕл Мишшин генийĕ, вăл шанса ĕненнĕ интернационализм вайхăвачĕ.

◆

[12] Çăвăнтăх, 122, 124 стр.
[13] Çăвăнтăх, 108 стр.
[14] Çăвăнтăх, 112 стр.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

Вып. 51 УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ 1970

МИХАИЛ СЕСПЕЛЬ И ЧУВАШСКИЙ КОМСОМОЛ

Н. И. ИВАНОВ

Зачинатель чувашской советской поэзии коммунист Михаил Сеспель был одним из видных организаторов чувашского комсомола. Однако до сих пор достаточно не показана его роль в создании комсомольских ячеек в чувашских деревнях и селах, в оформлении Чувашской областной организации ВЛКСМ. Здесь постараемся в какой-то степени восполнить этот пробел [1].

Весть о победе Великой Октябрьской социалистической революции Михаил Сеспель встретил в маленьком уездном городе Тетюшах на Волге. В этом городе была открыта учительская семинария, учеником которой и стал осенью 1917 г. Михаил Кузьмич. Здесь он быстро втягивается в активную общественно-политическую работу.

Среди учащихся семинарии М. Кузьмин выделялся большой политической грамотностью, непримиримостью к идейным противникам, уменьем железной логикой разбивать их доводы. Некоторая замкнутость характера не мешала ему быть хорошим агитатором, умело и сердечно находить общий язык с молодежью. В семинарии, а затем и среди революционной молодежи города он стал признанным вожаком, будучи в то же время скромным товарищем. По заданию уездного комитета РКП(б) М. Кузьмин, П. Бекшанский, В. Дмитриев, М. Каштанов, П. Слесарев и другие осенью 1918 г. организовали в Тетюшах союз трудящейся молодежи. Этот союз потом стал ядром комсомольской организации уезда. Как заместитель председателя союза, Михаил Кузьмич нес на своих плечах большую часть работы этой организации. Близкие друзья Михаила вспоминают, что его очень хотели избрать председателем союза трудящейся молодежи города, но от этой должности тот решительно отказался, утверждая, что другие могут подумать о нем

[1] Работа написана на основе изучения воспоминаний П. И. Бекшанского, А. З. Орленко, З. П. Сусмет, Г. М. Титова, И. Е. Петрова, И. Д. Кузнецова и других, а также архивных материалов.

как о карьеристе. Все же душой союза оставался Михаил Сеспель.

В самой семинарии Михаил также продолжал вести большую общественную работу, по его инициативе здесь был организован совет учащихся, который наряду с педагогическим советом, а порой и вопреки ему, решал вопросы учебной программы, всего семинарского распорядка. Убежденный атеист, М. Кузьмин повел решительную борьбу с преподавателями религиозных дисциплин. Организовывались диспуты о религии, на которых М. Кузьмин, П. Бекшанский, В. Дмитриев, П. Слесарев добились единодушного решения об исключении из учебной программы религиозных предметов. Интересно, что революционная молодежь добилась этого еще до появления декрета об отделении церкви от государства. Руководимый М. Кузьминым, В. Дмитриевым и С. Андреевым (Семен Иванович ныне — профессор Чувашского сельскохозяйственного института) совет учащихся добился также снятия с работы директора семинарии О. Григорьева — реакционера и мракобеса. Совет учащихся всегда находил поддержку в уездном отделе народного образования, которым заведовал коммунист А. Ф. Федоров, а затем Я. А. Андреев, в дальнейшем известные партийные и советские работники Чувашской АССР.

15 декабря 1918 г. один из вожаков революционной молодежи города Тетюши Михаил Сеспель был принят в партию. Хорошо известны слова из дневника молодого коммуниста: «...закончил я 1918 год началом третьего периода — вступлением моим в компартию, когда я почувствовал себя таким вольным, сильным, свободным от всех семейных, религиозных и общественных предрассудков, вместе с пролетариатом я почувствовал себя властелином жизни. С тех пор мое сознание ясно. Мысли могучи — я — коммунист!» [2]

Буквально через несколько дней М. Кузьмин вместе с двумя товарищами выехал в Москву на курсы инструкторов-агитаторов при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете (ВЦИК). Здесь поэт пробыл с 22 декабря 1918 по 25 февраля 1919 г.[3]. Неизгладимое впечатление произвели на него выступления Владимира Ильича Ленина, о чем в дальнейшем он восторженно рассказывал своим товарищам.

Возвратившись с курсов, М. Сеспель с головой ушел в революционную работу. Партия направляет его в органы советского революционного правосудия: работал он следователем и председателем Тетюшской судебно-следственной комиссии. Одновременно являлся уездным корреспондентом Российского телеграфного агентства и редактором газеты РОСТА—«Плакатный вестник», а также организатором уездной библиотеки. Вел

---

[2] Михаил Сеспель. Собр. соч. Чебоксары, 1959, стр. 250.
[3] НА ЧНИИ, отд. V, д. 83, л. 155.

активную партийную работу, выезжал в села, организовывал там партийные и комсомольские ячейки и комитеты бедноты. «Однажды по заданию укома партии Миша Сеспель и я приехали в село Шимкусы (ныне Яльчикского района.— *Н. И.*) для организации комитета бедноты и коммунистической ячейки,— *пишет в своих воспоминаниях* П. С. Слесарев.— Собралась вся беднота деревни. Мы, получившие уже политическую закалку на курсах в Москве, рассказали о значении Коммунистической партии, говорили о революции, о коммунизме, призвали всех бедняков вступить в партию. Было уже совсем темно, когда мы закончили свою беседу, но никто не тронулся с места. Предстояло еще самое интересное — вопросы. Бедняки задавали самые злободневные вопросы: почему нет соли, почему допускается спекуляция, когда будет махорка и мануфактура...»

Далее П. С. Слесарев пишет, как обстоятельно ответил на все вопросы Михаил Сеспель, как повлияли на крестьян убежденность и вера в будущее молодого агитатора, подчеркивает положительные результаты беседы. «Михаил Сеспель,— пишет П. Слесарев,— был замечательный организатор с неиссякаемой энергией. Он был прекрасный пропагандист. Его любили как обаятельного, искреннего, непосредственного, честного большевика-энтузиаста» [4].

С особой любовью Михаил Кузьмич вел работу среди молодежи. Осенью 1919 г. в Тетюшах состоялся уездный съезд комсомола. Сеспель был избран заместителем председателя уездного комитета РКСМ. Во время болезни П. И. Бекшанского с 1 января по 1 марта 1920 г. он являлся ответственным организатором и председателем Тетюшской уездной комсомольской организации. Как заместитель председателя укомола, М. Сеспель ведал всей политико-просветительной работой и особо заботился об организации чувашской молодежи. По инициативе Михаила и других комсомольцев в Тетюшах была создана городская, затем и уездная библиотека. Михаил Кузьмич принимал непосредственное участие в издании партийных и комсомольских газет, выступал с докладами, руководил кружками политического самообразования, проводил в волостях работу по ликвидации политической неграмотности [5].

9 июля 1919 г. была создана чувашская секция при Симбирском комитете РКСМ во главе с А. М. Михайловым. Узнав об этом, М. Сеспель командировал в Симбирск активного комсомольца Василия Дмитриева. В. Дмитриев должен был ознакомиться с опытом работы этой секции. Через некоторое время Михаил Кузьмич с тем же В. Дмитриевым съездил в Казань. Здесь в беседе с секретарем Казанского губкома

---

[4] Там же, отд. V, д. 67, инв. 224, лл. 19—20.
[5] Там же, д. 83, л. 206.

РКСМ Х. Гарбером он настаивал на безотлагательной организации чувашской секции при Казанском губкоме комсомола, секции, подобной той, которая была создана при Симбирском губкоме. Во время этой беседы у Сеспеля, по словам П. И. Бекшанского, зародилась мысль о созыве губернского, а затем и всероссийского съезда комсомольцев-чувашей, а также активных работников ячеек РКСМ сел и деревень самого чувашского края [6].

2 октября 1919 г. была создана, наконец, чувашская секция при Казанском губкоме РКСМ. Ее руководителем стал Василий Дмитриев. Деятельное участие в ее работе принимал и сам Михаил Кузьмич. В начале 1920 г. на созванном Михаилом Сеспелем собрании в Тетюшах была организована чувашская секция укомола. Председателем секции избрали Михаила Каштанова. Много и плодотворно работали в секции Георгий Захаров, Андрей Сергеев, но душой секции, ее фактическим руководителем был Сеспель. Чаще других бывал он в чувашских селах, проводил собрания и беседы с молодежью. Под свое шефство поэт-коммунист взял отдаленный чувашский район уезда — Яльчикский. В создание первых ячеек РКСМ в этом районе вложен немалый труд основоположника чувашской советской поэзии. Вот что пишет об этих событиях доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории СССР Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова профессор И. Д. Кузнецов: «После изгнания белогвардейцев в Яльчиках создали высшее начальное училище, а в 1919 году преобразовали его в школу II ступени. Я начал учиться там. В 1919 году ученики начали втягиваться в политику. Большинство, конечно, было за Советскую власть, но были и такие (сынки купцов и кулаков), которые открыто выступали против Советской власти и даже пытались избивать тех, кто активно защищал коммунистов. Словом, в школу вошла классовая рознь. Она еще больше усилилась, как из Тетюш приехала группа молодых агитаторов-коммунистов и комсомольцев. В числе их были чувашский поэт Михаил Сеспель, Василий Дмитриев, Михаил Каштанов и другие. Они агитировали не только среди крестьян, но и в школах. Они призвали нас вступить в союз молодежи. Приезжал к нам и секретарь Тетюшского укома комсомола Павел Бекшанский. И вот настал желанный час. 8 мая 1920 года в Яльчиках мы организовали... первую комсомольскую ячейку. Записались сначала почти только ученики: братья Соловьевы, Л. Кедров, Н. Кедров, Н. Золотов, М. Орлов, А. Филимонова, Сергеевы. Организатором был Вася Сорокин. Скоро комсомольцы разошлись по деревням, и весь район покрылся сетью ячеек. В своей деревне 12 июня я был избран секретарем ячейки. Вступил в комсомол и

[6] Там же, воспоминания П. И. Бекшанского.

мой брат Федя. Ячейка организовалась при активной помощи Пети Дмитриева и Васи Соколова, которые еще до этого возглавляли сторонников «Красной Звезды» против сторонников «Белой Звезды» [7].

Строки из воспоминаний И. Д. Кузнецова помогают представить неутомимую деятельность комсомольцев-агитаторов М. Сеспеля, М. Каштанова и других по сплочению чувашской молодежи. Неустанная работа молодых агитаторов давала хорошие результаты. Летом того же года из Тетюш в Яльчики прибыло для организаторской работы чувашское бюро комсомола во главе с Юлией Сергеевой (подруга Сеспеля по семинарии, по работе в городском союзе молодежи, впоследствии доктор медицинских наук, профессор). К концу года в районе стало более 400 комсомольцев и их конференция сформировала райком комсомола, избрав его ответственным секретарем Зину Сусметову. Вся работа комсомольской организации направлялась в духе указаний В. И. Ленина на III съезде комсомола [8].

Комсомольское движение развивалось в условиях гражданской войны. На востоке Колчак, на западе Юденич, на юге Деникин пытались задушить молодую советскую республику. Все новые и новые силы для отпора врагу нужны были стране. Ленинский комсомол провел три мобилизации своих членов на гражданскую войну. По призыву партии и комсомола на борьбу с белогвардейцами и интервентами отряды коммунистов, комсомольцев, добровольцев из трудящейся молодежи уходили из чувашского края. Сеспель также вступил в один из комсомольских отрядов, готовившийся к отправке на Восточный фронт. Однако решительный отказ укома РКП(б) заставил его отложить это намерение и остаться на прежней работе. Эта работа тоже была во всем подчинена целям победы революции и выполнению ленинского лозунга: «все для фронта — все для победы». Насаждение революционного порядка в городе и деревне, мобилизация тыла — таково было содержание этой деятельности Михаила Кузьмича в данный период.

В первой половине 1920 г. Михаил Сеспель принимал деятельное участие в подготовке 1-го Всероссийского съезда чувашских секций, ячеек и активных работников РКСМ. Он состоялся 16—20 июня 1920 г. в Казани. Проходил съезд в актовом зале политехнического института. На него приехали делегаты из Казанской, Симбирской, Самарской и Уфимской губерний — всего 105 человек (из них 10 девушек). Персонально на съезд были приглашены К. Е. Шайбин — член бюро Чувашской секции Казанского губкома РКСМ, В. Д. Дмитриев—

---

[7] И. Кузнецов. Нас вырастил комсомол. Газ. «Советская Чувашия», 1968, 14 сентября.

[8] См. И. Кузнецов. Наш край возродится родной... Газ. «Молодой коммунист», 1969, 7 ноября.

председатель Чувашской секции Казанского губкома РКСМ, И. Ф. Филиппов — председатель Чувашского отдела Симбирского губкома РКСМ, В. И. Токсин — член Чувашской секции Казанского губкома РКСМ, А. З. Орленко — председатель Шихранского райкома РКСМ, М. К. Кузьмин — Михаил Сеспель — член Чувашской секции Тетюшского укома РКСМ и другие — всего 31 человек. Как один из организаторов этого съезда, Михаил Кузьмин был избран ответственным секретарем его президиума (наряду с А. И. Ивановым), а также выдвинут в бюро чувашской секции Казанского губернского комитета комсомола.

Перед началом съезда все делегаты заполнили специальные анкеты. Эти анкеты характеризуют каждого делегата со всех сторон. По ним видно, что на съезд чувашской молодежи собрались ее лучшие представители, уже успевшие организовать на местах партийные и комсомольские ячейки. К ним относятся В. Д. Дмитриев, М. Ф. Каштанов, Д. Я. Перов, М. А. Петронкин, Г. Т. Алендеев, В. И. Токсин, Ф. Т. Ложников, К. И. Пегасов, П. Ф. Сокольников, И. Д. Мельников, П. А. Пегасов, М. А. Волков, Н. Я. Золотов, Е. А. Федорова, З. П. Сусметова, А. З. Орленко, А. И. Иванов, Н. Т. Васянка, И. Ф. Филиппов, С. И. Андреев и другие. К ним в первую очередь относился и Михаил Сеспель. Ниже приведем комсомольскую анкету М. К. Кузьмина, которая хранится, наряду с анкетами других 94 делегатов (сохранились, видимо, анкеты не всех делегатов), в шестом фонде партийного архива Чувашского обкома КПСС:

«Анкета
для делегатов 1-го Всероссийского съезда чувашских секций, ячеек и активных работников РКСМ среди чувашской молодежи

1. Фамилия, имя, отчество — Кузьмин Михаил Кузьмич.
2. Делегирован (точное наименование орг.). Из Тетюшского укомола.
3. Сколько членов в организации, от которой делегирован (отдельно юноши и девушки) — не знаю.
4. Возраст (или время рождения делегата) — 1899 г. (20 лет).
5. С какого года и месяца состоите в РКСМ; с какого времени в РКП(б) — Член РКСМ с 19 июля 1919 г.; в РКП(б) с 15 декабря 1918 г.
6. Состоял ли в других партиях, каких именно, когда и сколько времени — нет.
7. Подвергались ли преследованиям за революционную деятельность, когда и каким именно — нет.
8. Какую и где несли партийную работу и занимали ли должность в учреждениях и организациях в нижеследующие периоды:
   а) с марта по октябрь 1917 г. — учился;
   б) с октября 1917 г. по настоящий момент — учился и советский работник.
9. Организовал ли, в какой мере и где:
   а) Советы рабочих депутатов — нет;
   б) Партийные комитеты — в Тетюшском уезде 15 партийных комитетов;
   в) кассы (больничные, взаимопомощи и безработных) — нет;
   г) Комиссариаты — нет;
   д) кооперативы — нет;
   е) Боевые части (полк, отряд) — нет;

ж) и другие учреждения гр. и военные — нет.
10. Приходилось ли выступать и председательствовать:
а) на больших и малых собраниях, в городах среди рабочих, красноармейцев и много ли раз — на больших и малых, в селах;
б) Или в селах среди крестьян и солдат и много ли раз — много раз.
11. На каких других языках говорите, кроме родного — на русском.
12. Какое получили образование и где, и какое желаете получить образование — 3 класса учительской семинарии; желаю в художественную школу.
13. Профессия до революции — учащийся.
14. Отбывал ли военную повинность, в каких частях, сколько времени и где — нет.
15. Какое и где получил военное образование — нет.
16. Занимал ли военные должности, когда и какие именно — нет.
17. В каких боях и когда участвовал — нет.
18. Не имеете ли ранений и физических недостатков и каково состояние здоровья — здоровье неудовлетворительное.
19. Какую должность занимаете в настоящее время — народный следователь.
20. Считаете ли настоящую должность подходящей для себя — вполне.
21. К какой работе чувствуете большую склонность — судопроизводство.
22. Семейное положение — холост.
23. Адрес семьи: деревня Казаккасы, Шихазанской волости. Цивильского уезда.

М. Кузьмин. 15 июня 1920 г.»[9]

Съезд комсомольцев-чувашей послал телеграмму основателю Коммунистической партии и Советского государства В. И. Ленину, Центральному Комитету РКСМ, одному из видных организаторов комсомольских ячеек К. Е. Шайбину, отбывшему добровольно на фронт, и другим. Все они написаны рукой Михаила Сеспеля (ныне также хранятся в партийном архиве Чувашского обкома КПСС). Вот текст телеграммы Владимиру Ильичу Ленину:

«Москва, Кремль. Ленину.

Первый Всероссийский съезд чувашских секций, ячеек и активных работников РКСМ приветствует Вас, вождя мирового пролетариата, и выражает твердую уверенность в близкой кончине мировой контрреволюции. Чувашская коммунистическая молодежь, как один, готова встать на защиту идей коммунизма и приложить все усилия к тому, чтобы раз и навсегда покончить с мировыми хищниками и грабителями.

Председатель съезда В. Дмитриев
Секретарь М. Кузьмин»[10]

«Помню,— пишет в своих воспоминаниях делегат съезда Анна Захаровна Орленко,— как взволнованно зачитывал Михаил Кузьмин съезду телеграмму. Слова телеграммы звучали как клятва всей чувашской молодежи. Голос Кузьмина срывался от волнения при чтении последних строк, на его глазах были слезы. Долго-долго аплодировали делегаты, приветствуя любимого Ленина»[11].

---

[9] ПАЧО, ф. 6, оп. 1, д. 19, л. 45.
[10] ПАЧО, ф. 1, оп. 1, д. 11, лл. 44, 46.
[11] НА ЧНИИ, воспоминания А. З. Орленко.

Несколько слов о работе самого съезда. С докладом «О текущем моменте» на нем выступил С. А. Коричев — член Чувашского отдела при Народном Комиссариате по делам национальностей. В единогласно принятом съездом резолюции говорится, что необходимо вести агитацию среди чувашской молодежи, среди чувашей вообще, призывать всемерно помогать фронту в борьбе против интервентов. Съезд призвал делегатов поехать на курсы красных командиров при ЦК РКСМ, вступить добровольцами в Красную Армию. Он также высказался за организацию Чувашской советской автономии.

Были заслушаны доклады с мест. Докладчиком от Чувашской секции Казанского губкома РКСМ выступил В. Д. Дмитриев. Он доложил, что секция связана с организациями комсомола в чувашских районах и руководит ими. Докладчик также подчеркнул создание при укомах РКСМ чувашских секций. Первая такая секция была создана при Тетюшском укоме в начале января 1920 г. по инициативе комсомольца Михаила Кузьмина-Сеспеля и других активистов — учащихся семинарии. В. Д. Дмитриев напомнил, что секция вплотную приступила к организации ячеек РКСМ в чувашских деревнях уезда.

Были заслушаны доклады и сообщения И. Ф. Филиппова, В. И. Токсина и других. Съезд обратился с воззванием ко всей чувашской молодежи еще активнее участвовать в строительстве новой жизни, сплотиться вокруг Коммунистической партии и коммунистического союза молодежи [12]. В строках призыва видна горячая вера Михаила Сеспеля в светлое будущее чувашского народа, вера в неиссякаемые силы молодежи, в ее преданность делу социалистической революции, Коммунистической партии.

В перерывах между заседаниями съезда М. Сеспель собирал комсомольских поэтов и писателей, читал им свои стихи, обсуждал вопросы организационного объединения молодых писателей, проблемы развития родной литературы и литературного языка. Интересно в этом отношении свидетельство комсомольского поэта Никифора Васянки. «По просьбе присутствующих,— пишет он,— Сеспель прочитал в этот день в общежитии три своих стихотворения: «Пуласси», другое стихотворение о комсомоле и еще одно на русском языке... Очень одобрительно отозвался он тогда о шагах, предпринятых по выпуску страниц молодежи в чувашской центральной газете, советовал помещать стихи и очерки молодых авторов, начинающих поэтов-комсомольцев» [13].

I Всероссийский съезд чувашских секций, ячеек и активных работников РКСМ сыграл, как известно, значительную роль в

---

[12] См. «Рождение комсомола Чувашии». Сб. воспоминаний. Чебоксары, 1961.

[13] Н. Васянка. Мои встречи с поэтом. Газ. «Красная Чувашия», 1939, 24 ноября.

организационном оформлении комсомола Чувашии, оживлении работы по созданию новых ячеек РКСМ на местах. Приняв самое живое участие в созыве и проведении этого съезда, Михаил Сеспель внес определенный вклад в развитие комсомольского движения на территории чувашского края.

Через четыре дня после съезда был обнародован декрет об образовании Чувашской автономной области. 16 августа 1920 г. М. Сеспель обратился в Революционный комитет Чувашской автономной области с письмом, в котором просил пригласить его на работу в область. «Когда создана Автономная Чувашская область, в горячую пору созидательной работы чувашской нации,— писал он,— которой нужны свои работники, в этот организационный период,— меня, как коммуниста-чувашина, тяготит сознание своей оторванности от Чувашской области, почему моя работа в Тетюшской организации РКП является не в достаточной степени плодотворной, т. к. не могу с достаточным увлечением предаться работе, когда я не имею возможности участвовать в строительстве революционной жизни чувашского трудового народа,—

посему обращаюсь к Ревкому Чувобласти с горячей просьбой отозвать меня в возможно скорейшем времени из Тетюшской организации РКП для работы в Чувобласти, причем сообщаю, что членом РКП состою с 15 декабря 1918 г.; политическую грамотность получил в Центр(альной) школе Советской работы при ВЦИК; с 22-го мая 1919 г. по 15-ое августа 1920 г. состоял следователем Тетюшск(ой) Судебно-следственной комиссии; с 4-го июля по настоящее время состою заведующим уезд(ным) РОСТА» [14].

Просьба коммуниста-патриота была незамедлительно удовлетворена. Однако Михаилу Кузьмину пришлось несколько раз обратиться в уездный комитет партии с просьбой освободить его от работы в Тетюшах и разрешить переезд в Чебоксары. Трудно было заменить Сеспеля на тех постах, которые он занимал, и уком каждый раз отклонял просьбу. Лишь в конце августа он переехал в столицу Чувашской автономной области в Чебоксары. 3 сентября 1920 г. Революционный комитет назначил его председателем вновь учрежденного революционного трибунала молодой области. Через полтора месяца Михаил Сеспель был назначен заведующим Отделом юстиции. На I учредительном съезде Советов автономной области он избран членом облисполкома, а затем утвержден в своей новой должности заведующего Отделом юстиции.

Весьма напряженная государственная работа Михаила Кузьмича сочеталась с не менее усиленной литературной и общественной деятельностью. 7 сентября он был кооптирован в состав

---

[14] См. Н. И. Иванов. Новое о Михаиле Сеспеле. «Уч. зап.» ЧНИИ, вып. XXI, Чебоксары, 1962, стр. 333.

временного Чувашского обкома РКСМ [15]. Временный обкомол был утвержден решением Центрального Комитета комсомола от 10 августа 1920 г. в составе И. Филиппова, В. Дмитриева, И. Агеносова, А. Зайцева и В. Миронова. Обком проделал определенную работу по сплочению комсомольских ячеек, по подготовке созыва первой областной конференции РКСМ. Однако вскоре член обкомола Миронов выбыл. Членом временного обкома РКСМ поэтому был кооптирован молодой коммунист Михаил Сеспель, который имел большой опыт работы среди чувашской молодежи.

На очередном заседании временного обкомола, состоявшемся 11 сентября, присутствовали А. Зайцев, М. Кузьмин, И. Агеносов и представитель от Чебоксарского уездного комитета РКСМ М. Каштанов. Михаил Кузьмин вместе с другими обсуждал вопрос об организации в области шишечного сбора [16]. Через два дня, 13 сентября, обкомол разобрал четыре вопроса:

1) Борьба с курением среди членов РКСМ;
2) Организация издательского дела;
3) О школе физической культуры;
4) Текущие дела.

По предложению Михаила Кузьмича было принято решение не продавать папиросы лицам, не достигшим двадцатилетнего возраста. Решено было всех курящих комсомольцев взять на специальный учет, а также усилить пропаганду против курения [17].

На очередных трех заседаниях обкомола, состоявшихся 20, 22, 26 сентября, Михаил Сеспель отсутствовал — находился в командировке в районах области. А 14 октября обкомол с участием поэта обсудил деятельность Чебоксарской городской организации РКСМ и принял развернутое постановление [18].

Накануне созыва первой областной комсомольской конференции М. Сеспель с другими членами обкомола обсудил организационные вопросы. 24 октября обсуждены вопросы о выборах мандатной комиссии конференции, намечены кандидатуры в состав президиума, определен регламент докладов и выступлений [19].

I областная комсомольская конференция состоялась 25—28 октября 1920 года. Она завершила сплочение разрозненных комсомольских ячеек в единую областную организацию РКСМ. К этому времени в Чувашской автономной области насчитывалось около 1500 членов РКСМ, в т. ч. 180 девушек [20].

На конференцию Михаил Сеспель был делегирован обкомо-

---

[15] ПАЧО, ф. 6, оп. 1, д. 11, л. 3.
[16] Там же, л. 4.
[17] Там же, ф. 6, оп. 1, д. 11, л. 5.
[18] Там же, лл. 6—9.
[19] Там же, л. 14.
[20] Там же, д. 6, л. 2.

лом. В списке делегатов приведены их некоторые анкетные данные. Здесь есть данные о вступлении Сеспеля в ряды Коммунистического Союза молодежи и Коммунистической партии, о национальности, возрасте, участии в общественной работе и т. п.[21]. Несмотря на занятость (тогда он работал заведующим Отделом юстиции), делегат Михаил Сеспель аккуратно посещал заседания конференции, активно принимал участие в обсуждении всех вопросов, радовался сплоченности юношей и девушек родного края. Работа конференции завершилась избранием нового состава областного комитета РКСМ. В него вошли Михаил Каштанов, Иван Леонтьев, Владимир Плаксин, Александр Щербаков, Андрей Сергеев, Дмитрий Перов и другие[22].

Работа на должности заведующего Отделом юстиции была чрезвычайно ответственной и трудоемкой. В свой дневник Михаил Кузьмич тогда записал: «...деятелем пролетарской юстиции вступаю в 22 год своей жизни. Карьеризма, бесчестности нет в моей натуре. Надеюсь — никогда не замарать звания коммуниста, но пожелаю себе, вступая в 22-ой год, — больше смелости в жизни!» [23]. С полным сознанием долга и ответственности коммуниста выполнял Сеспель порученное партией дело. Однако, несмотря на большую занятость, он продолжал оказывать областному комитету РКСМ всемерную помощь. Выезжая по делам Отдела юстиции в районы области, он выполнял поручения обкомола, проводил среди молодежи лекции и беседы, помогал создавать в деревнях все новые и новые ячейки РКСМ. Эту работу с молодежью он продолжал и впредь, когда являлся членом переводческо-редакционной комиссии при Чувашском областном Отделе народного образования. Здесь он сделал первые шаги по сплочению комсомольских поэтов и писателей.

Весной 1921 г. здоровье поэта-коммуниста ухудшилось. Некоторое время он лечился в госпитале в Нижнем Новгороде, а затем выехал в Крым. После лечения на юге Сеспель был призван в Армию и служил в Киеве. Но болезнь вынудила его оставить службу. По приглашению украинского поэта Федора Пакрышня весной 1922 г. он перебрался в село Волчья Гора на Черниговщине. Немного отдохнув у друга, Михаил Кузьмич поступил на работу в Остерский уездный земельный отдел. Здесь он снова включился в работу среди комсомольцев и молодежи. Сохранилась фотография, где Сеспель снялся с делегатами съезда комсомольцев Остерского района.

15 июня 1922 г. оборвалась жизнь замечательного сына чувашского народа. Похоронен он в городе Остре, где ему сооружен памятник.

---

[21] Там же, д. 13, лл. 2—3.
[22] Там же, д. 36, л. 24; д. 13, лл. 1—6.
[23] Михаил Сеспель. Собр. соч. Чебоксары, 1959, стр. 250.

Говоря о комсомольской деятельности Михаила Сеспеля, нельзя не отметить его черты характера. Ему были присущи лучшие черты человека, черты настоящего коммуниста. Все современники отмечают в нем принципиальность, исключительную честность, отсутствие любых признаков карьеризма и наживы, огромное трудолюбие. Михаил Сеспель во всей своей общественной деятельности непрестанно и неустанно боролся за то, чтобы вытравить из массы чувашских трудящихся пережитки рабской пассивности, поднять их на активное участие в строительстве новой жизни. Несмотря на чрезвычайно тяжелые условия жизни народа после империалистического разрушения производительных сил внутренней контрреволюцией и иностранной интервенцией, поэт-революционер был полон оптимизма, уверенно высказывал свои мечты о приближении счастливой жизни народа, призывая трудящихся к дружной работе для претворения мечты в действительность. Он был большим романтиком, но отнюдь не прожектером-пустомелей. Его мечты в то время забегали, как подчеркивает один из исследователей творчества Михаила Сеспеля проф. И. Д. Кузнецов, намного вперед от окружавшей действительности и вроде бы находились порой в разладе с тем, что было перед глазами. Но, как писал однажды В. И. Ленин словами Д. И. Писарева, «Разлад между мечтой и действительностью не приносит никакого вреда, если только мечтающая личность серьезно верит в свою мечту, внимательно вглядываясь в жизнь, сравнивает свои наблюдения с своими воздушными замками и вообще добросовестно работает над осуществлением своей фантазии...» [24].

Шагайте бодрее и тверже,
Отчизны любимой сыны,
Не можем отстать мы,—не можем!
От поступи нашей страны.

С такими словами обращался Михаил Сеспель к молодежи. Молодежь дважды орденоносной Чувашской АССР своими замечательными делами оправдала надежды основателя чувашской советской литературы, одного из создателей областной организации ВЛКСМ. На счету стотысячной комсомольской организации республики немало замечательных побед. Признанием огромных заслуг поэта Сеспеля перед чувашским комсомолом явилось и учреждение премии его имени. Накануне 50-летия Советской власти областной комитет ВЛКСМ учредил премии комсомола Чувашии имени Михаила Сеспеля в области литературы и искусства. Удостаиваются этих премий произведения высокоидейные, значительные по художественному мастерству, вдохновенно рассказывающие о мужестве и героических делах молодого поколения республики в борьбе за построение

[24] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 172.

коммунистического общества, раскрывающие богатый духовный мир и высокие моральные качества юношей и девушек, их стремление беззаветно служить партии, народу, Родине, делу Ленина. Премии присуждаются 29 октября — в День рождения Ленинского комсомола. Первыми лауреатами комсомола Чувашии имени М. Сеспеля стали заслуженный деятель искусств Чувашской АССР композитор Г. Я. Хирбю, Герой Советского Союза писатель Ю. О. Збанацкий, заслуженный деятель искусств Чувашской АССР писатель Л. Я. Агаков, заслуженная артистка республики Н. И. Григорьева, художник В. Д. Чураков, а также ансамбль песни и танца Чебоксарского Дворца пионеров (художественный руководитель В. А. Галкина). В 1969 г. лауреатом сеспелевской премии стал народный поэт Чувашии лауреат премии имени К. В. Иванова П. П. Хузангай, а в 1970 г. — поэт Г. Ф. Орлов и артист Чувашского академического театра им. К. В. Иванова Н. Д. Григорьев.

Комсомольцы и молодежь Чувашской АССР гордятся своим славным земляком, основателем чувашской советской поэзии, пламенным коммунистом, стоявшим у истоков областной организации ВЛКСМ, Михаилом Кузьмичом Кузьминым — Сеспелем, чье 70-летие со дня рождения осенью 1969 г. широко отметила советская общественность.

◆

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

Вып. 51 УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ 1970

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ СЕСПЕЛЯ

Г. Н. ВОЛКОВ,
доктор педагогических наук, профессор

Интерес и внимание Сеспеля к педагогическим проблемам объясняется рядом обстоятельств. Сеспель был партийным пропагандистом и агитатором, революционным просветителем и политическим организатором, а каждый коммунист, как отметил В. И. Ленин в работе «О смешении политики с педагогикой», объективно является педагогом. Это вытекает из того, что в деятельности партии всегда присутствует «элемент педагогики», который активно содействует успеху политической деятельности. По личным качествам Сеспель был человеком с ярко выраженными педагогическими чертами. Глубокое чувство советского патриотизма и любви к своему народу, верность в дружбе, возвышенное отношение к женщине, единство слова и дела делают Сеспеля учителем, воспитывающим подрастающее поколение личным примером. Огромная педагогическая энергия содержится во всем его облике, в его характере, в направлении всей его деятельности. Нельзя не брать во внимание и его профессионального образования: он учился в двух учебных заведениях, готовящих учителей. Сеспель и сам признавал, что более всего подготовлен к просветительской деятельности, всегда связанной с элементами педагогики: «...могу быть более полезным своей работой в области культурно-просветительной деятельности»,— писал он.

Вклад, внесенный Сеспелем в коммунистическую педагогику, несомненен. Не имея специальных педагогических работ, он оставил после себя материал большой педагогической ценности. В своем творчестве и эпистолярном наследии Сеспель так или иначе касается многих аспектов педагогической теории и практики — это проблемы родного языка и методики его преподавания, вопросы духовного богатства личности и ее нравственного совершенства, включающие в себя гражданское воспитание как воспитание коммуниста, ответственного за судьбы родного народа, своей великой родины, всего мира и человечества, а также предполагающие сочетание патриотического воспитания с парал-

лельно идущим интернациональным воспитанием, мысли о роли труда, трудовых традиций, трудовой подготовки и т. д. Все творчество Сеспеля пронизано интернационализмом, ему было доступно глубокое понимание общности интересов трудящихся всех национальностей. Сеспелем попутно ставятся многие вопросы, касающиеся отдельных сторон коммунистического воспитания: толкование самовоспитания и перевоспитания как сторон единого, целостного процесса формирования личности, раскрытие роли примера в воспитании, показ педагогических функций художественной литературы, вера в идейно-воспитательную силу революционной поэзии, проблемы семейного воспитания с освещением педагогической роли родителей, раскрытие великой миссии матери в процессе национального подъема и национального возрождения.

Как и для всех педагогов-демократов, для Сеспеля одной из кардинальных проблем была проблема родного языка. Эта проблема является стержнем всех раздумий революционного просветителя, мечтающего посредством применения родного языка обеспечить возрождение и расцвет родной культуры. Чувашский язык веками преследовался при царизме, колониальная администрация глумилась над ним, хотя он и чрезвычайно богат словарным фондом и изобразительными средствами. Колониальные миссионеры всемерно старались прививать народу пренебрежительное отношение к величайшему из своих духовных сокровищ, т. е. готовили его к национальному самоубийству. Этим, вероятно, и объясняется то обстоятельство, что для Сеспеля в народной культуре нет ничего важнее, ничего священнее родного языка. Каждая страница его сочинения, буквально каждое стихотворение дышат благородным гневом против колониальных душителей свободы нации. Стихотворение «Чувашский язык» до сих пор является непревзойденным образцом, воспевающим родное слово. Это — настоящий гимн родному духовному сокровищу. Каждая строка стихотворения дышит верой в будущее чувашского языка.

Если ни насильем, ни цепями время
Не смогло навеки в прах тебя стереть,
То и в новой жизни наравне со всеми
Языками мира будешь ты звенеть.

Не о привилегиях, а о равенстве пишет поэт: «наравне со всеми» — вот что было ему важно. Вне родного языка Сеспель не допускает появления ни «мыслителей великих — мудрых книг творцов», ни знаменитых поэтов.

И Чувашии родимой
Ласковый язык
Станет славным, души юных
Тронет, как призыв,—

пишет поэт в своем поэтическом завещании «Как умру...» И во всех других стихотворениях Сеспеля такое же благоговейное отношение к родному языку.

Поучительно в этом отношении стихотворение «Воистину воскрес!». Стихотворение интересно в социально-политическом, психологическом и педагогическом плане. Травлю языка, наличие помех в его употреблении Сеспель считает универсальным доказательством всеобщей дискриминации — экономической, политической и духовной. В преследовании языка он видит главный ужас колониальной политики и духовной экспансии колонизаторов. Поэт призывает:

О наши старцы-мудрецы!
Многострадальные отцы!
Вы расскажите молодым,
Что вынес наш народ, страдая,
И завещайте крепко им —
Любить язык родного края.
О старики! Мы всей душой
Вам благодарны в светлый час:
Страданья не сломили вас,—
И вот воскрес язык родной.

Как нетрудно заметить, Сеспель стоял за воспитание убежденных коммунистов — патриотов и интернационалистов — на исторических примерах. Для него история родного народа, в прошлом третировавшегося как неисторический,— это и история его языка. Огромную роль отводит поэт языку и в строительстве новой жизни. Он пишет:

Родной язык, как солнца жар,
Гори и освети огнем
Нелегкий путь родной земли.
А чтобы старое сразить,—
Раскатом яростной грозы,
Змеиным жалом стань, язык!

Воспевая расцвет родного языка, Сеспель всегда помнил о других народах и языках. Он подлинный интернационалист. Радуясь победе Великой Октябрьской социалистической революции, он пишет, что она принесла счастье всем народам.

В трактовке проблем родного языка и родной культуры Сеспель строго следует учению В. И. Ленина о национальной и интернациональной культуре: «Никаких привилегий ни одной нации, ни одному языку!» Путем возрождения родного языка он хотел лишь вести родных ему чувашей к подлинной культуре и образованности, хорошо понимал, что высококультурный народ, как и высококультурный человек, не отказывается ни от родного языка, ни от родной культуры. Поэт предвидит духовное оскудение личности, отошедшей от сферы родной культуры.

Идеи Сеспеля о родном языке убедительно показывают глубокое понимание им той важнейшей педагогической истины, что

обучение не может быть подлинно демократичным, если из его сферы исключен родной язык. Он был убежден в бессмысленности и утопичности рассуждений о национальной культуре вне расцвета родного языка, вне первенствующего и ведущего его положения в школьном обучении. В защите общественного и педагогического положения родного языка Сеспель высказывал идеи, сходные с идеями просветителя-демократа и педагога-гуманиста И. Я. Яковлева.

Необходимо отметить, что Сеспелю чужда узкая и изолированная трактовка проблемы родного языка и его места в национальной культуре: язык он рассматривает в совокупности, в гармоническом единстве с другими компонентами национальной культуры. Ему, например, близко понятие и дорого яковлевское триединство величайших духовных сокровищ чувашского народа: слово, песня и вышивка. Сеспелю дороги национальные праздники, на которых господствуют родной язык и родная песня:

А вы, хмельные от свободы,
Смуглянки девушки и парни!
Не позабыли ль вечерами
На игрищах и в хороводах
Родному языку отчизны
Хвалу воздать в напевах ваших?

Неудивительно, что поэт не забывает изумительные узоры, вышивания:

День Новый взял рукой своей стальной
Из красного лукошка тыщи звезд
И щедро сеет по чувашской пашне.
Зарница золотою бороной,
Как будто вышивая гладью холст,
Прошлась, ровняя плуга след вчерашний.

Статья Сеспеля «Стихотворение и правила ударения» представляет собой золотой фонд методики родного языка.

Идеи Сеспеля о родном языке, о его месте в формировании личности настолько актуальны, настолько современны, что каждое его слово должно навсегда сохраниться в памяти нашей молодежи. Отрывками из стихотворений Сеспеля о родном языке должны открываться учебники грамматики, хрестоматии и учебники родной литературы, начиная с первого по десятый класс. Нам сегодня мало академического изучения родного языка, а важно воспитание благоговейного к нему отношения, мало интеллекта, порожденного родным словом, а необходимы эмоции, чувства, сеспелевское воодушевление, сеспелевский пафос и готовность сказать его же словами:

Если край свой не возлюбит
Мой народ родной,
И пропасть чувашской речи
Суждено судьбой,

Не хочу я и бурьяна
На могилу, нет:
Пусть земля меня поглотит
И исчезнет след!

Много места в творчестве Сеспеля занимает проблема нравственного воспитания, вопрос о воспитании гражданина. Цель воспитания нового человека Сеспель понимает как воспитание коммуниста. Сеспеля-коммуниста мы видим в биографических деталях, письмах, в каждой строке стихов. Он подлинный патриот. Аксиомой является то, что любовь к Родине не может существовать без любви к родному народу, на этой любви, как на фундаменте, строится и любовь к великому Отечеству.

Любя родной народ, Сеспель с уважением относится к его тяжелой истории, находит в ней моменты, которые вызывают в нем чувство национальной гордости:

Слыша клич удальцов,
И чуваш из оков
Рвется, вечной мечтой окрылен.
Храбр и стоек в бою,
За свободу свою
Бьется в вольнице Разина он.

Совместная освободительная борьба чувашей с русскими в прошлом явилась залогом интернационального содружества народов в будущем.

В письмах и набросках Сеспель, постоянно повторяя слова преданности Родине, ставит и педагогические задачи: «Я разбужу горячими словами молодые души. Пусть все «увидят мир», пусть узнают красоту вселенной». Для Сеспеля забота о патриотическом воспитании подрастающего поколения была главной заботой. Патриотизм его связан с борьбой за будущее родного народа: «во имя будущности чувашского народа, во имя чувашского языка необходимо сплотить, собрать воедино людей с сердцами, полными любви к родному народу».

Патриотизм Сеспеля сочетается с презрением к равнодушным, к нигилистам, к национальным ренегатам. В этом отношении наброски пьесы Сеспеля «Чувашский поэт» — обличение чувашской буржуазии, которая пренебрегала интересами нации. В стихотворении же «Чувашское слово» мы читаем: «В ком нет веры, кто, гнушась чувашской кровью, посрамил честь народа,— таких по-чувашски пинком под зад отшвырнем мы прочь». В обоих случаях национальный нигилизм представлен как порождение векового национально-колониального гнета («Богатеи чужих народов старались уничтожить твой язык»).

При всей любви к чувашскому народу Сеспель был чужд национальной ограниченности. Он пламенный борец за победу коммунизма. Даже в элегических стихотворениях («Памяти чувашского поэта Агаха», «Жизнь и смерть» и др.), многие из

которых могли бы стать эпитафиями на могилах борцов за народное счастье, на первом плане интересы мирового коммунизма:

Мир праху твоему! Твой голос молодой
Тебя в твоих стихах переживет, родной:
Пока язык наш жив, горячие сердца
Не могут не любить родимого певца.

Слова Сеспеля о чувашских революционерах, героях-партизанах, красноармейцах — это символы благодарности им. Каждое слово восхищения, сказанное Сеспелем в адрес героев-революционеров, относится и к нему самому. Он — пример. И во всей чувашской педагогике, говоря об использовании примера в воспитании, трудно найти более яркий и впечатляющий пример, чем пример жизни, борьбы, горения Сеспеля. Данко — легенда. Сеспель — живой человек.

Интернационализм Сеспеля свободен от декларативности и политической трескотни. Единство слова и дела, лозунгов и поведения в жизни Сеспеля заслуживает самого высокого уважения и является примером, достигает своей вершины. Он не только призывает к интернациональному братству людей, но и сам дружит с русским Бекшанским, украинцем Пакрышнем. Им воспета Украина: «Весна сияющая, благодатная, животворящая с шумом лесов, с зеленью лугов и полей, с лазурными бездонными небесами раздольной Украины». Он восхищается творчеством Шевченко и Гоголя, Пушкина и Лермонтова. В статье «Так ли помогаете?» он называет родными братьями рабочих всех национальностей.

Сеспель умел рассматривать в тесном единстве педагогическую, культурно-просветительскую и политическую работу. В этом отношении интересен его доклад по итогам поездки для ликвидации политической безграмотности в Сюкеевскую, Янасальскую и Богородскую волости. Им дана точная характеристика уровня политического развития членов партячеек и намечены меры к ликвидации политической безграмотности. Очень дорого для современного поколения признание Сеспеля о том, что вне политической жизни «другой жизни теперь не может быть», ибо «бьется могучий пульс революционной жизни». Даже любимой женщине он признается: «...я никогда не думал брать свое счастье ущербом для партии». «...Какое мне дело до всех вне Революции»,—пишет он ей. Партия, революция, коммунизм для Сеспеля — сама жизнь.

В наследии Сеспеля очень много места занимает тема труда. Хотел бы прежде всего обратить внимание на чудесное по педагогическому смыслу стихотворение «В дни сева». Оно одинаково выражает чувства всего нашего поколения и многих предыдущих поколений. В стихотворении дана поэтическая картина трудовой атмосферы, в которую включались чувашские кре-

стьянские дети с раннего возраста. В этом произведении опоэтизированы трудовые традиции чувашского народа.

Сеспель восторженно писал и об освобожденном труде в будущем, о счастье свободного труда.

Там правда и священный труд,
Там жизнь светла, там жизнь прекрасна.
И в зеленях коммуны там
Так счастливы под небом ясным.

Как уже в начале отмечалось, в творчестве Сеспеля поднято очень много частных педагогических проблем. Ставилась им и проблема семейного воспитания. Педагогическая роль отца им раскрывается в субъективном плане, в связи с воспоминаниями об отце. Педагогическая роль матери Сеспелем раскрывается в объективном плане, на широком общественно-историческом фоне. Вот куплеты стихотворения «Чувашке»:

И детей своих учите,
Пусть растут свободно;
Пусть Чувашию полюбят
Крепко, благородно;

Пусть за свой язык готовы
Будут заступиться.
Пусть никто, как встарь, над нами
Больше не глумится.

Эти мысли очень сходны с мыслями И. Я. Яковлева, Я. С. Гогебашвили и др. Нельзя уважать того, кто сам себя не уважает. Чувашская женщина-мать не заслужит ни уважения мужа, ни любви детей, ни общественного признания, пока не научится уважать себя. Сеспель ставит проблему преодоления чувашскими женщинами глубоко закоренившегося в них чувства своей человеческой и национальной неполноценности. Весь пафос стихотворения «Чувашке» в том, чтобы помочь женщине-матери понять свою общественно-историческую роль. Не отдалять детей от родного народа, а теснее связать их с ним — такова основная морально-педагогическая идея Сеспеля. К этой идее он возвращается не раз.

Много других педагогических проблем ставит Сеспель. Среди них — проблема самовоспитания. Вот как формулирует Сеспель задачи самовоспитания применительно к самому себе: «Надеюсь никогда не замарать звания коммуниста, но пожелаю себе, вступая в 22-ой год — больше *смелости* в жизни!» Или еще: «Одного желаю, чтобы достало сил... среди всех гонений остаться коммунистом». «Неужели я наивно ошибался до сих пор, думая, что коммунист должен жертвовать для общества всем своим спокойным существованием, своим личным благосостоянием. Я знаю, глубоко уверен, что в данный момент достижение личной материальной обеспеченности справедливыми

путями — абсурд...» Сеспель помнит о примерах массового героизма, о трудностях борьбы и побед молодого Советского государства: «Когда миллионы красноармейцев терпят холод и голод, неужели я вправе пользоваться материальным довольствием?» — спрашивает он. И сам же решительным образом отвечает: «Нет! Тысячу раз нет...»

В письмах Сеспеля есть и общая трактовка некоторых проблем самовоспитания и перевоспитания: «Сознавать свое несовершенство следует, у большинства людей нет этого сознания, но бесплодные страдания от сознания своей несовершенности никогда не помогут, только нужно стараться впредь быть совершенным. Страдать по своей несовершенности это — та же несовершенность...». Сеспель для определения конкретных мер воздействия на личность требует предварительно изучить ее основательно: «Человек с первого взгляда всегда кажется хорошим; но чем ближе присмотреться к нему, тем больше в нем пороков». Изучение человека — дело трудное и сложное. Поэтому Сеспель предупреждает о вреде легкомысленных и преждевременных заключении о людях. Для перевоспитания и сочетания его с самовоспитанием необходимо открыть глаза человека на собственные недостатки и добиться самокритичного признания их самим воспитуемым: «Сколько людей порочных, грязных, не замечающих своего ложного пути». О себе он самокритично заявляет своей возлюбленной: «...Я никогда не был на той духовной высоте, какой Вы думаете, и меньше всего благородным». Таким был и таким оставался Сеспель до последнего дыхания: ни одного утверждения, ни одного благопожелания и призыва, не подкрепленного делом, личным примером революционного просветителя. Поэтому Сеспель и сегодня для нас является крупным авторитетом в вопросах педагогики и воспитания.

◆

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

Вып. 51 УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ 1970

О НЕКОТОРЫХ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ ТВОРЧЕСТВА М. СЕСПЕЛЯ И ПОЭТОВ «КУЗНИЦЫ»

Е. В. ВЛАДИМИРОВ,
кандидат педагогических наук, доцент

Общность исторического пути, пройденного народами Советского Союза, определила единство идейно-тематических мотивов и художественного метода в их литературах. Это единство чувствовалось уже в первые годы Советской власти, хотя национальные литературы по своему опыту и наличию в них художественно-эстетических традиций находились тогда на разных уровнях развития. В едином строю оказались передовые писатели разных народов в их восприятии Октябрьской революции, в оценке дореволюционной действительности, в стремлении к социалистическому идеалу.

В русской литературе выразителями трудового и революционного подвига трудящихся в первые годы Советской власти были пролетарские поэты. Их поэзия наполнялась новым содержанием, новыми мотивами. Как отмечает З. Паперный, «меняется самая тональность стихов. Они полны торжества, ликования, брызжущего через край оптимизма, нерушимой уверенности, что любые препятствия будут сокрушены. Грохот революционной переделки жизни, казавшийся гибельным, похоронным для писателей вроде Зинаиды Гиппиус, звучит для пролетарских поэтов веселой и радостной музыкой» [1].

То же наблюдается и в массовой чувашской поэзии первых пооктябрьских лет. В многочисленных стихотворениях, публикуемых в газетах «Канаш» (Совет), «Çĕнĕ пурăнăç» (Новая жизнь), «Чухансен сасси» (Голос пролетариата), чувашские поэты приветствовали победу революции, выражали готовность бороться до конца с угнетателями народа. Таковы стихотворения неизвестных авторов «Раненый солдат», «Крестьянин, родной», «Дума», «Богач Илюк», «В память Либкнехта» и др., Г. Казакова «Вперед», «Пусть солнце всходит, засияет» С. Альмендеева, «Труд» Л. Сергеевой.

---

[1] З. С. Паперный. Пролетарская поэзия первых лет Советской эпохи. Вступительная статья к сб. «Пролетарские поэты первых лет Советской эпохи», «Советский писатель», Л., 1959, стр. 11.

Произведения чувашских поэтов выражали извечные мечты народа о расцвете своей культуры, наступлении счастливых, светлых дней, справедливого строя на земле. Особенно ярко эти идеалы народа выражены в творчестве зачинателей чувашской советской поэзии Михаила Сеспеля, И. Ундрицова-Агаха, Г. Зайцева-Тал-Мрзы и др. В произведениях этих писателей находило отражение мажорно-приподнятое настроение народных масс, разбуженных революционным переворотом, романтически окрыленное духом эпохи. Героика революции, успешная борьба с белочехами и учредиловцами, с Колчаком и Деникиным, с интервентами, грандиозные перспективы нового являются истоком романтики этих поэтов.

В чувашской поэзии первых лет Советской власти Сеспель был явлением необыкновенным. Он выделялся своей исключительной одаренностью (к нему нельзя применить понятие простого таланта), политической зрелостью, глубиной понимания значения Октябрьского переворота, обостренным чувством нового. Все это определило его ведущее место в чувашской поэзии того времени. Наше сообщение посвящается уяснению общности мотивов и тематики поэзии Сеспеля и русских пролетарских поэтов.

По своим литературно-эстетическим взглядам состав пролетарских поэтов был не одинаковым. Поэтическая деятельность некоторых из них расходилась с теоретическими установками руководителей «Пролеткульта». Творчество Сеспеля перекликается с поэзией лучших представителей «кузнецов». Ему было чуждо нигилистическое отрицание старой дореволюционной культуры, требование автономного положения Пролеткульта среди учреждений Наркомпроса. Наоборот, поэт проявил глубокий интерес к культуре прошлого, к творчеству русских поэтов-классиков, кобзаря Тараса Шевченко. Это видно уже из его переводческой деятельности, метро-ритмических форм его произведений, заимствованных из русской классической поэзии, теоретического трактата «Стихосложение и правила ударения», где он писал: «Мы твердо верим, что... дождемся и своих, чувашских, пушкиных и лермонтовых. Настанет время!» [2].

Общие черты поэзии Сеспеля и пролетарских поэтов «Кузницы» прежде всего видны в возвышенно-романтическом восприятии действительности пореволюционного периода, оптимистическом отношении к будущему народа, вере в рождение нового человека, вдохновленного идеалами коммунистического завтра.

Перспективы развития чувашского народа в новых условиях, сложившихся с победой Октябрьской революции, невольно требовали сравнения дооктябрьской жизни народа с тем, что

---

[2] Все выдержки из произведений Сеспеля даются по кн.: Михаил Сеспель. Собр. соч. Чебоксары, 1959.

предстоит в будущем, при построении коммунизма. Тема контраста старой и новой России, широко распространенная в творчестве поэтов «Кузницы» Н. Полетаева, В. Кириллова, М. Герасимова, В. Александровского, С. Обрадовича, была одной из главных и в поэзии Сеспеля.

Контрастное изображение старого и нового мы видим, например, в стихотворении Сеспеля «Век минувший», идея которого — призыв к неустанному труду во имя грядущего:

Вата аслаçу пуртне
Йавантарса яр,
Емĕрлĕх никĕс çине
Çенĕ çурт лартар!

Опрокинь избу с гнилой
Крышею вверх дном.
Верь мне, скоро мы с тобой
Срубим новый дом.

Пур чухансем тĕнчипе
Вал çурта тавар;
Йалтар хĕвел çуттипе
Таррине тарлар.

Вместе строить, вместе жить
Всем нам, беднякам,
Светом солнца озарить
Дом всемирный нам!

Мир угнетения и бесправия, навсегда ушедший в прошлое после Октябрьской революции, поэт показывает через судьбу чувашки, для которой открылись теперь перспективы иной, свободной жизни, общественной деятельности («Чувашке», 1920):

Хĕрарамсем, эсĕр те халь
Этем шутне кĕрĕр,
Вучах умĕнче ан ирттĕр
Текех сирен ĕмĕр.

Встаньте, женщины! Отныне
Вы равны со всеми.
Люди вы! Не проводите
У печей все время.

Ĕмĕр чура пулма çитĕ,
Чура пулма намас!..
Ирĕклĕ кунçул тупмашкăн
Тарар пурте харас.

Хватит быть рабыней, стыдно
Быть прислугой мужней!
За великую свободу
Встаньте смело, дружно.

С темой Октября в творчестве поэтов Пролеткульта и «Кузницы» тесно связана тема освобожденного, творческого труда, созидания нового общества. Пролетарские поэты явились первооткрывателями темы труда в советской литературе. «Тема социалистического труда возникла в советской литературе не в середине двадцатых годов, а в дни Октябрьской победы,— пишет А. Воложенин, характеризуя творчество пролетарских поэтов первых лет советской эпохи.— Центральное место в их произведениях с первых же дней Октября заняла тема созидания нового общества. Почти все рабочие поэты, и старшие, и молодые, главную задачу свою видели тогда в том, чтобы, прославляя революцию, возвещать миру о наступлении эры вольного труда, о коренном изменении характера и содержания трудовой деятельности людей»[3]. Со свободным трудом, приносящим радость и счастье трудящимся, Сеспель, как и поэты «Кузницы», связывает тему новой жизни, строительства ком-

[3] А. Воложенин. Легенда и правда о пролетарской поэзии. Журн. «Русская литература», 1963, № 3, стр. 18.

мунизма. Вместе с поэтами «Кузницы» он писал о решающем значении свободного труда в построении новой жизни:

Сердца отвагою полны!
Корабль летит, бушует море,
Но берег счастья не далек,
Уж виден отблеск красных зорь.
Там правда и священный труд,
Там жизнь светла, там жизнь прекрасна
И в зеленях коммуны там
Так счастливы под небом ясным.
(В «Красном море», 1919)

В разработке темы труда Сеспель ближе к реальной жизни, чем поэты «Кузницы». Эта тема у Сеспеля дана конкретнее, она связана с определенной исторической эпохой, с задачами, стоящими перед народом. Он не просто поет гимн свободному труду, а призывает к борьбе с разрухой, с последствиями империалистической и гражданской войн, к труду за новую счастливую жизнь:

Взамен меча — ковать палицы,
Окопы в шахты превратить,
Светлей горят уже зарницы,
Смелей вперед врага разбить.
Остыл уж пыл Антанты-злюки,
Спешит блокаду снять скорей.
Смелей, товарищи, и руки
Для лучшей жизни не жалей.
(«На помощь братьям», 1920)

Сеспель рисует также реальные процессы труда в крестьянской семье («В дни сева»).

Поэты «Кузницы» показали, какие громадные перспективы обновления жизни раскрылись перед народом с победой революции. Они были охвачены романтикой быстрого изменения жизни, движением к новому, им рисовались невиданные горизонты будущего. Поэтому они призывали к борьбе и труду за завоевание новых побед в жизни, новых высот в знаниях, требовали не останавливаться на достигнутом. Эти настроения хорошо выражает А. П. Крайский в стихотворении «Бессмертие»:

Желаньям нет конца, восторгам нет предела:
Еще, еще узнать... еще, еще постичь...
Кто скажет: «Я достиг», тот — труп окаменелый,
Его не шевельнет кипящей жизни клич!

Такой душевный настрой, вера в лучшее будущее своего народа, в расцвет своей страны, готовность пожертвовать собой во имя ее счастья составляет особенность и поэзии Сеспеля. Это ярко выражено в стихотворении «Стальная вера»:

Çĕршыван пит-куçĕ çĕнелĕ,
Ыран-и, паян-и вал.— Час...
Кам «çук», тет, çав—суеç чĕлхеллĕ;
Кам «мар», тет, çав—суккар, чапрас.

Ыран-и, паян-и... тĕреклĕн
Вутланĕ çĕршывăм чĕри,
Каварла чечеклĕн чечеклĕ
Çĕре çĕн хĕвелĕн юрри.

Отчизны лицо посвежеет
И прошлому скоро конец.
Кто скажет «не верю»—ложь сеет,
Кто вторит ему, тот слепец.

Не нынче, так завтра... но пламя
Зажжет твое сердце, земля.
И новыми вспыхнут цветами
Под радужным светом поля.

Çершывам хевеллĕн çуталĕ,
Тапранĕ кавар кайакла.
Кам хирĕç калаçĕ,— улталĕ,
Кам «мар», тет, ун чунĕ—чалах.

Жар-птицею край мой воспрянет,
Свободой и солнцем дыша.
Кто скажет «неправда»—обманет:
В нем чахлая тлеет душа!

Для пролетарских поэтов «Кузницы» был характерен показ социальных перемен, успехов народа в борьбе за новое укрупненно, суммарно, в грандиозных размерах, что получило название космизма. Для выражения нови Октября они искали новые художественные средства. Личность в их поэзии теряла индивидуальные очертания, выступала обобщенно. Не довольствуясь земными просторами, она рвалась в небеса, в другие миры. Вот один из примеров «космической устремленности» поэтов «Кузницы»:

Я выпил сотни солнц. И все мне мало.
Все мало мне. Но сердце не грустит.

. . . . . .

Звенят шаги. Я дерзок и упрям.
Я — всеобъемлющий, чье имя Пролетарий,
Идущий к новым солнцам и мирам.
(В. Д. Александровский, «Я»)

Эмоциональная атмосфера первых лет революции оказала определенное влияние на творческую манеру Сеспеля, который также стремится выражать свои чувства укрупненно, преувеличенно. Если поэты «Кузницы» говорили от имени всего освобожденного пролетариата, то в ряде стихов Сеспель обобщает весь чувашский народ, получивший свободу для духовного и экономического развития в Октябре. Как бы сливая свою радость с радостью тысяч чувашей, он создает абстрактные олицетворения будущего (как, например, символический Новый День, который тысячной стальной рукой, огненной горстью сеет на поля тысячи, сто тысяч звезд, боронит чувашское поле, горящее этими звездами). Идейно-тематическая общность поэзии Сеспеля и поэтов «Кузницы» видна и в названиях ряда произведений. Вот наиболее характерные из них: «Грядущее» (И. Ионов, Н. Тихомиров, М. Сеспель), «Старому миру» (А. Колоколов) — «Век минувший (М. Сеспель); «На пашне» (С. Заревой) — «Пашня Нового Дня», «Дни сева» (М. Сеспель).

Элементы космизма Сеспеля появились, можно полагать, не без влияния пролетарской поэзии первых лет Советской эпохи. Причинные связи и сущность космизма достаточно ясно определены в статье А. Воложенина, который пишет: «Главным в этом методе было требование изображать действительность в романтическом плане, в образах и картинах будущего, представленных, разумеется, в самых общих чертах. Под космизмом и подразумевался именно показ жизни и труда свободных

людей после победы пролетарской революции»[4]. Такое понимание космизма помогает уяснению его наличия и в поэзии Сеспеля. Он связан у поэта именно с романтическим восприятием действительности, желанием показать народ, совершивший небывалые социальные перемены, исполином, а его дела — в грандиозных размерах. Здесь вполне уместно привести высказывание А. М. Горького о связи активного романтизма с революцией в его каприйских лекциях: «...Термином этим, за неимением другого, я определяю только повышенное, боевое настроение пролетария, вытекающее из сознания им своих сил, из все более усваиваемого им взгляда на себя, как на хозяина мира и на освободителя человечества»[5].

Критика 20-х гг. справедливо указывала на недостатки творчества поэтов «Кузницы». «С годами,— писал В. Брюсов,— «Кузница», застыв в традициях школы, оторвалась от жизни. Избегая индивидуализма, она впала в другую крайность — в отвлеченность. В громадном большинстве случаев она все берет в «мировом масштабе». Если революция, то не столько наша, Октябрьская, сколько Революция вообще, всемирная, вне времени и пространства... Вся реальная жизнь, все общественные и политические события, шумящие вокруг нас, проходят как-то мимо поэтов «Кузницы»[6]. Против абстрактности и увлечения «космическими далями» поэтов «Кузницы» выступал и А. Безыменский, который призывал «давать землю и живых людей», выводить не обобщенного «Человека Мира», а «какого-нибудь Федю на рабфаке». Но космизм поэтов «Кузницы» объясняется историческими условиями развития самой литературы, перед которой стояла задача воспроизведения нового материала в новых формах, соответствующих духу времени, но эти новые формы еще не были найдены.

Мы далеки от мысли считать, что поэзия Сеспеля развивалась под определяющим и постоянным влиянием поэтов «Кузницы», хотя это влияние и имело место. Известная общность объясняется здесь духом и атмосферой революционной эпохи. К тому же сам Сеспель в конечном счете освободился от следования поэзии «Кузницы» с ее «межпланетным» отвлечением от реальной действительности, вычурными поэтическими формами. Живой интерес к современности помог ему разобраться во всем этом.

◆

---

[4] А. Воложенин. Названная статья в журн. «Русская литература», № 3, 1963, стр. 26.

[5] М. Горький. История русской литературы. Гослитиздат, М., 1939, стр. 70.

[6] В. Брюсов. Среди стихов. «Печать и революция», 1923, кн. 7, стр. 83—84.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

Вып. 51 УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ 1970

РОМАНТИЗМ ЛИТЕРАТУРЫ ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И М. СЕСПЕЛЬ

М. И. МАЛЬЦЕВ,
кандидат филологических наук, доцент

Уточним прежде всего наши представления о романтизме в русской литературе предоктябрьской поры и первых лет советской власти.

В психологическом плане романтизм — это возбужденное состояние художника, уводящее его от конкретной реальности в область мечты. В социальном и идеологическом плане — это деятельность, направленная на достижение заведомых целей нравственно-политического и эстетического характера, стремление вызвать определенные понятия и представления о жизни, человеке и его морали, об экономике, политике и т. д. в сознании тех, кому адресуются произведения. Романтизм в искусстве и литературе неизменно отражает прогрессивные или консервативные (реакционные) явления общественной действительности; в его идеологических и политических течениях проявляется социально-классовая борьба. Это реакция сознания художника на явления окружающей его действительности социального значения. В этом отношении не следует смешивать его со смежным понятием романтики как свойства человеческой психики, обусловленной как возрастными данными (романтизм молодости), так и своеобразием условий жизни или трудовой деятельности (романтика труда, приключений и т. п.).

Романтические произведения и художественные образы, как правило, создают впечатление необычайного в жизни, возвышенно-героического или подчеркнуто уродливого. В целях более яркой выразительности романтик прибегает к резким контрастам света и тени, положительного и отрицательного, пользуются особыми изобразительными средствами. Жанр, сюжет, композиция, система художественных образов, поэтический язык — все подчинено у романтика цели выйти за рамки обыденного, вызвать впечатление исключительности изображаемых явлений или людей.

Эпоха кризиса капитализма и начала социалистической революции в России вызвала к жизни целую гамму романтиче-

ских явлений в литературе предреволюционной и революционной поры — от революционного романтизма Горького и первых русских пролетарских поэтов, в творчестве которых звучал гимн новой эпохе — эпохе социалистической революции,— до «букета» декадентско-модернистских литературных группировок («измов»), отражавших заупокойные настроения эксплуататорских классов.

В сложных явлениях романтизма этого периода, в его течениях и «школах» не сразу разберешься. Создается впечатление, что сознательно все перемешано и перепутано — старое и новое, революционное и консервативное, то, что отжило, и то, что принадлежит будущему. Эта сложность усугубляется известной близостью поэтики самых, казалось бы, непримиримых, враждующих между собою романтических группировок. Экзотика, гротеск, фантастика, условность и абстрактность художественных образов, космические или религиозные «покрывала», аллегории и символы, риторичность и метафоричность поэтической лексики и т. п.— все это свойственно романтикам различных идеологических течений и группировок.

Поэтическое творчество Сеспеля падает как раз на период острых схваток различных литературных течений и направлений, вызванных нарастанием социалистической революции. Однако не коллизиями литературной жизни и борьбы оно определялось. Вряд ли есть основание говорить о влиянии на Сеспеля имажинистов, поэтов «Кузницы» или другой какой-либо группировки, и если все же в его поэтике и обнаруживаются некоторые переклички с лозунгами Пролеткульта или с опусами имажинизма, то не во влиянии здесь дело. Стихотворение «Выдуманным глазам» с посвящением: «...Моей несравненной — поэзии имажинизма...» является исключением из всего того, что написано М. Сеспелем. Его не следует брать в расчет при определении поэтической ориентации чувашского поэта.

Вообще там, где в стихах Сеспеля обнаруживаются те или иные переклички с его предшественниками или современниками в русской литературе, их следует объяснять не иначе, как совпадением настроений поэта, его мироощущением, обусловливавшим соответствующие образы и поэтические средства изображения их. Космические образы революции, риторика, гуманное пролетарское «мы» и т. д. поэтов «Кузницы» тоже были вызваны самой революционной эпохой. Независимо от «кузнецов» и Сеспель создавал соответствующие образы, может быть, даже не будучи знаком со многим из того, что создавалось и печаталось в то время. У него не было ни времени, ни возможности читать огромную литературную продукцию хотя бы только русской литературы. Правда, по свидетельству А. Червяковой, во время жизни в Тетюшах, он поглощал большое количество книг в городской библиотеке, которой она за-

ведовала. Но, очевидно, это были книги самого разнообразного характера и не самые новые, может быть, и не произведения романтиков. Это, конечно, предположение. Но оно строится на очевидных посылках. Повторяю: в мироощущении поэта, в романтике революционных боев 1917—1921 годов, в неразрывных связях с настроениями своего пробужденного революцией народа, в жажде деятельности и в ней самой нужно искать истоки романтизма поэзии М. Сеспеля и объяснение специфических черт ее содержания поэтических образов, мотивов изобразительных и выразительных средств.

В этой связи целесообразно сделать экскурс в область биографии Сеспеля, чтобы подчеркнуть те объективные условия, которые сделали его поэтом и определили содержание и специфические черты стиля его произведений.

* * *

Украинский поэт Федор Пакрышень, хорошо знавший Сеспеля, на его могиле сделал следующую надпись (даю в переводе на русский язык):

Эта одинокая могила
Большого поэта схоронила,
С ним много новых песен
Будничная земля утеряла.

М. Сеспель умер на 23 году жизни. Ф. Пакрышень назвал его большим поэтом, обещавшим много новых песен, т. е. оригинальных поэтических произведений. Ф. Пакрышень, разумеется, чувашского языка не знал, следовательно, судил о поэтическом даровании чувашского поэта или по вольной передаче последним своих стихотворений, написанных по-чувашски, или по замыслам, которыми, должно быть, делился Сеспель со своим отзывчивым собеседником.

Ошибался ли Ф. Пакрышень в очень высокой оценке дарования Сеспеля? Вряд ли. Это подтверждается многими очевидными фактами. Некоторые из них заслуживают того, чтобы их особо выделить. До сих пор, насколько мне известно, они назывались как ординарные в биографии поэта.

Конечно, для историка чувашской литературы нет ничего необычайного в том, что Сеспель родился в бедной крестьянской семье, что у колыбели его дежурили такие «феи», как нищета и невежество глухой и бесправной чувашской деревни, что в этих условиях он сумел не только овладеть грамотой, преодолеть барьер нищеты на пути ко второй ступени образования, но и очень рано подружился с музой поэзии.

Но ведь речь идет о народном самородке. И об этом надо говорить особо. И ценить его, не забывая, что он едва ли

успел проявить себя в полной мере, ибо прожил всего 22 года! В условиях невежества, страшной нищеты и случившегося в семье несчастья с отцом Сеспеля кажется почти невероятным выход на широкую арену возвышенной интеллектуальной деятельности в 22 года. Говорить о Сеспеле надо так, как историки русской литературы говорят, например, об Алексее Кольцове, хотя последний все же находился в относительно преимущественном положении в сравнении с чувашским поэтом и прожил значительно больше его.

Сеспель, по общему признанию чувашского литературоведения, является родоначальником чувашской советской поэзии. Значит, мы имеем право сопоставлять его заслуги перед национальной чувашской литературой с теми представителями, скажем, русской литературы, которые стояли у ее истоков.

Русская письменная поэзия в своих основных художественных тенденциях развития формировалась в XVIII веке. В XVII веке ее зачинатели Симеон Полоцкий и Сильвестр Медведев культивировали еще силлабическую систему стихосложения, чуждую звуковому строю русского языка. Их вирши не отличаются ни музыкальностью, ни художественностью, хотя это были весьма образованные для своего времени люди. В начале XVIII в. талантливый поэт и образованнейший человек Антиох Кантемир тоже придерживался силлабического стихосложения. Только В. Тредиаковский и М. Ломоносов сумели вырваться из плена ложных для русской национальной поэзии традиций и в своей поэтической практике и теоретических трактатах обосновали закономерность силлабо-тонического стихосложения в русской поэзии. Их значение в истории русской литературы всем хорошо известно. Мы, однако, хорошо понимаем историческую ограниченность проделанной ими громадной работы. Она давала о себе знать уже в том же XVIII веке. Так, стихи Тредиаковского считались тяжелыми и устаревшими многими его продолжателями.

В. И. Ленин подчеркивал, что исторические заслуги людей надо оценивать по тому, что они сделали для своей эпохи и для своего народа, а не по уровню более поздних достижений.

Именно такого подхода требует к себе литературное наследие зачинателя чувашской советской поэзии Сеспеля. Уже хотя бы тот очевидный факт, что его поэзия оказалась революционной в области метрики чувашского стиха, говорит о его необыкновенном поэтическом даровании.

* * *

Для правильного понимания поэзии Сеспеля необходимо держать в поле зрения всю совокупность наследия поэта, включая такие его документы, как дневниковые записи и письма.

Серьезная поэтическая работа Сеспеля начинается вместе с событиями революции 1917 года. В поэзии его все время ощущается пульс развертывающихся событий Октябрьской социалистической революции. Ретроспективный аспект ряда стихотворений поэта обусловлен именно восприятием живой современности, в свете которой хорошо обозначился контраст безрадостного прошлого и светлого будущего чувашского народа.

В эмбрионе поэтическое творчество Сеспеля обнаруживается еще до революции 1917 года. На это указывают биографы поэта. Но это только творческие импульсы, которые свидетельствуют о незаурядности художественного дарования поэта, прорывающегося в условиях жалкого образования и нищенского существования. Эта незаурядность ощущается в очевидной способности к разносторонней художественной деятельности, подтверждаемой дошедшими до нас рисунками Сеспеля. Сеспель — художник от рождения. Революционные события благоприятствовали тому, что его дарование не осталось под спудом тяжелой жизни народа. О чем бы он ни писал, везде видна искренность поэтического видения мира, взволнованность чувств, моральная красота побуждений. Пусть это сказано не всегда так, как требовал современный уровень развития поэтической культуры, может быть, не совсем зрело и с точки зрения понимания окружающей действительности, но остается фактом, что его поэзия — это голос души, пробужденной бурными событиями социалистической революции, голос патриота своего маленького народа и великой страны Советов, голос гуманиста, Человека с большой буквы, отказывающегося от удобств личной жизни во имя счастья народа, во имя торжества великих идей, красоты человеческого существования.

Поэзия Сеспеля романтична своим пафосом, идущим от взволнованной души художника, воспринимающего и отражающего героику (романтику) самой действительности, вне подчиненности тому или иному романтическому течению в поэзии своего времени.

Прекрасными комментариями к романтическому содержанию лирики Сеспеля являются дошедшие до нас отрывки из его дневниковых записей, а также его письма. Позволю себе процитировать некоторые выразительные места из этих документов, чтобы затем говорить о его стихах.

В дневнике за 10 ноября 1920 г. М. Сеспель записывает:

«Невольно разбираю, какие условия окружают мою материальную жизнь. Десятилетняя болезнь вконец разрушает мой организм. Скоро я буду накануне смерти. Каково это чувствовать, когда хочется жить художественной жизнью, что-либо оставить от своего существования чувашской национальной культуре... Во время работы в учреждении не имею возможности раздеться — нет рубашки, а которая на теле, вся истлела. Тесная квартира вся забросана хламом. Спим с братом на голых досках, поедаемые клопами.

Хожу в рваной одежде... Тысяча чертей! Неужели я наивно ошибался до сих пор, думая, что коммунист должен жертвовать для общества всем своим спокойным существованием, своим личным благосостоянием. Я знаю, глубоко уверен, что в данный момент достижение личной материальной обеспеченности справедливыми путями — абсурд... Когда миллионы красноармейцев терпят холод и голод, неужели я вправе пользоваться материальным довольствием? Нет! Тысячу раз нет...

18 ноября 1920 г. М. Сеспель записывает в связи с исполняющимся 21 годом со дня рождения:

«Надеюсь — никогда не замарать звания коммуниста, но пожелаю себе, вступая в 22-ой год, — больше смелости в жизни!»

Оказавшись в опале, преследуемый за свою бескомпромиссную принципиальность со стороны тех, кого он называет в письмах к А. А. Червяковой (от 12 и 15 апреля 1921 г.) чиновниками, влезшими ему «в душу навозными ногами», Сеспель записывает в дневнике:

«Я уверен, буду втолкнут в тюрьму. Теперь уж постараются. По-видимому, я кончу очень плохо. Одного желаю, чтобы достало сил... среди всех гонений остаться коммунистом»[1].

В этих записях, выписки из которых можно было бы продолжить, перед нами во весь рост встает обаятельная и мощная фигура чувашского революционера-коммуниста, человека, к которому нельзя относиться равнодушно, поэзию которого нельзя толковать в холодном рассудке, разбирая ее формальные признаки.

В. И. Ленин указывал на «вершинное звание революционера». «Революционеры,— писал он,— вожди тех общественных сил, которые творят все преобразования...»[2]

Талантливый, трагически погибший юноша Сеспель своим бескорыстным служением высоким идеалам, презрением к мещанству, рядящемуся в тогу лояльных к революции деятелей, презрением к тем «ответственным работникам», которые используют революционные завоевания в интересах личного благополучия, всегда будет напоминать коммунистам об их долге. «Коммунист должен жертвовать для общества всем своим спокойным существованием, своим личным благосостоянием». Эта запись М. Сеспеля в дневнике сделана не ради саморекламы. Это исповедь коммуниста и вместе с тем лозунг социалистической революции, обращенной к ее руководителям. В нем выражен пафос поэта в наиболее яркой и понятной каж-

---

[1] Михаил Сеспель. Собр. соч. Чебоксары, 1959, стр. 248—249, 250, 251, 224, 226.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 179.

дому формуле. Эти слова являются главным ключом к пониманию идейного содержания его поэзии.

В лирике Сеспеля отчетливо различаются два пласта.

Первый — это стихи, которые непосредственно входят в его эпистолярное наследство или примыкают к нему по своему субъективно-биографическому характеру. Художественная ценность их относительно невелика. Сам поэт в этих стихах не ставил задачи художественного обобщения жизни. Он делился впечатлениями и настроениями со своими корреспондентами. Написаны они по преимуществу на русском языке.

Второй пласт — стихи общественной и объективно художественной значимости. Создавались они с этой осознанной установкой. Диапазон их содержания довольно широк. Субъективный элемент в них отступает на задний план. Пафос их подчеркнуто гражданский. Личность поэта хотя и обнаруживается в каждом стихотворении, но она лишь орган, через который воспринимается выдвигаемая на первый план изображения объективная действительность. Это прежде всего национальное самосознание пробужденного Октябрьской революцией чувашского народа и связанные с ним размышления поэта о прошлом, настоящем и будущем родного края. Значительное место занимает здесь вопрос о культуре, языке и литературе, волнующий поэта. Себя он мыслит как труженика в социальном и культурном возрождении своего народа. Нужно оговориться, что никакой националистической тенденции в стихах Сеспеля нет. Размышления поэта о судьбе чувашей идут вне противопоставления русскому или какому-либо другому народу. Если бы национального, т. е. конкретного, элемента в поэзии М. Сеспеля не было, она превратилась бы в бессодержательную риторику. Широко известна истина, что общечеловеческого значения художественное произведение достигает благодаря национальному его содержанию.

Основная тональность стихов М. Сеспеля генетически восходит к суриковским традициям. Но эта генетическая связь находится вне литературного влияния. Она обусловлена совпадением мироощущения поэта с теми настроениями, которые выражали в своих стихах поэты-суриковцы. Общей основой была сама действительность, как объект изображения — прежде всего деревня и жизнь крестьянина. Разумеется, ритмический строй стихов Сеспеля находится в прямой связи с русской стиховой культурой и, может быть, осознанно восходит к мелодии стиха, который культивировали вслед за А. Кольцовым, Никитиным и Некрасовым поэты-суриковцы. Но с такой же достоверностью можно говорить о том, что талантливый поэт, прекрасно чувствовавший музыку родной речи, шел тем же путем, что и русские поэты — к сближению звуковой природы народного стиха со стиховой культурой письменной литературы.

Теоретический трактат М. Сеспеля «Стихосложение и правила ударения» хорошо подтверждает это положение.

Типично «суриковскими» являются стихотворения Сеспеля «Скоро...», «Век минувший», «Волжская песня», «В дни сева», «Чувашке», «Гаснет день...». Нарисованные в них мягкими тонами картины деревенской жизни с лейтмотивом грусти, вызываемой незадачливой судьбой чувашских крестьян-бедняков, вместе с тем несут в себе освежающее чувство нравственной чистоты жизни и оптимистической устремленности в светлое будущее народа. В простых, без притязания на вычурную образность имажинистов, стихах, близких строю образности народной песни, заключена подлинная поэзия:

Облака проходят, облака...
Сиротлива степь и широка.
Наступает вечер. Ветер. Пыль.
До земли склоняется ковыль...
Насыпь одинокая видна,
Поросла крапивою она.
Человек хороший там зарыт,
Он за дело правое убит.

В стихотворениях суриковской тональности М. Сеспель стоит в стороне от романтизма советской поэзии на первом этапе ее развития.

В стихотворениях, прославляющих революцию («Воистину воскрес!», «Чуваш, Чуваш!..», «Пашня Нового Дня», «Море», «Гаснет день...», «Стальная вера», «Все старое исчезнет, все сгниет...», «Тьма. Мне душно...» и др.) романтика восприятия революционных событий налицо. Стихи эти звучат призывно, бодро, порою риторично и невольно напрашиваются на сопоставление с поэзией «Кузницы», с ее абстрактным, космическими и аллегорическими мотивами и образами. Особенно характерна в этом плане «Пашня Нового Дня»:

День Новый взял рукою своей стальной
Из красного лукошка тыщи звезд
И щедро сеет по чувашской пашне.
Зарница золотою бороной,
Как будто вышивая гладью холст,
Прошлась, ровняя плуга след вчерашний.

Разумеется, аллегории и метафоры этих и подобных им стихов так же закономерны в поэтике изображения героических событий и связанного с ними романтического пафоса поэта, как и предметно точный, избегающий употребления ярких тропов стиль стихотворений суриковской тональности. Т. е. идейная направленность творчества поэта и его содержание определяли выбор изобразительных, стилевых средств. Очевид-

но, поэтому резкой грани между обоими «циклами» стихов М. Сеспеля провести нельзя. Тематика их нередко сплетается в одно единое целое, да и создаются они в одно и то же время.

Те стихотворения, в которых совмещаются грустные размышления суриковского типа с оптимистической устремленностью в будущее, с революционными призывами, особенно выразительны и обладают большими художественными достоинствами. М. Сеспель как потенциально большой поэт хорошо угадывается именно в этих стихотворениях («Гаснет день...», «Тьма. Мне душно...», «Проложите мост!..»).

В этих стихах можно уловить реминисценции, например, из некрасовского «Рыцаря на час» («Если пасмурен день, если ночь не светла») или же есенинский «имажинизм» («И когда из росы отольет Утро бусы себе и серебряный звон»). Но большая поэтическая культура немыслима без усвоения лучших традиций предшествующих этапов ее развития. Подобные реминисценции в стихах М. Сеспеля лишь свидетельствуют о его, так сказать, поэтической чуткости и памяти. Подражания здесь нет. Чувашский поэт всякий раз создает свой оригинальный образ, разрабатывает свою тему, вкладывая в стихи другое идейное содержание, определяемое социалистическим пафосом. М. Сеспель — поэт-коммунист, и коммунистическим мироощущением проникнута вся его поэзия. Этого нельзя сказать ни о поэтах-суриковцах, ни о Есенине, ни даже о поэтах-пролеткультовцах в целом.

Несокрушимой верой в торжество коммунизма дышит стихотворение М. Сеспеля «Стальная вера»:

Проснется мой край и воспрянет
Жар-птицею над синевой.
Кто скажет «неправда» — обманет:
Калека душа у него.

Кровью сердца коммуниста написаны стихи «Проложите мост!» Это яркий образец сеспелевского революционного романтизма, своими источниками восходящий к революционной романтике раннего Горького, к мотивам и образам самопожертвования во имя возвышенных идеалов, во имя счастья людей (Данко, Сокол, Буревестник, Павел Власов).

Стихотворение «Проложите мост!» написано в 1921 г. Это было время тяжелых испытаний для молодой Советской страны. Голод, разруха, вызванные изнурительной империалистической и затем гражданской войной и интервенцией, ввергли многих людей в отчаяние, подрывали веру в торжество завоеваний революции. Стихи чувашского поэта являются, по существу, ответом той творческой интеллигенции, которая в панике перед трудностями революционной поры или бежала за

границу, или, не понимая происходящих процессов, отвечала на них произведениями типа «Голого года» Б. Пильняка и «Москвы кабацкой» Есенина. М. Сеспель оказался идейно выше этих признанных в то время литераторов, лояльных к революции:

Эй!
Вы,
Живые.
Через трупы, по грудам костей
К солнечному завтра
Мост резной перекиньте
Ах,
Мост перекиньте.
Если я
Упаду, обессилев,—
Вы дальше по мне шагайте,—
Железными ногами смело
На сердце мое наступайте.

Стихотворение звучит в духе «Левого марша» В. Маяковского. Очевидно, не случайно Сеспель в своем стихотворении переходит на ритм и «лесенку» русского поэта социалистической революции.

В научно-критической литературе о Сеспеле проскальзывает мысль, что в его поэзии обнаруживаются пессимистические ноты. Этот вопрос, однако, требует правильного истолкования.

Пессимизм — это качество мировоззрения человека, не преходящее, а устойчивое, постоянно проявляющееся в отношении к миру, в неприятии действительности, как таковой, не только в современных ее формах, но и в перспективе развития. Пессимизм — это неверие в возможность радикальных перемен. Он, с одной стороны, сродни фатализму с его идеей таинственной игры судьбы, с другой — эгоцентризму переживаний личности, отделяющей себя от общества. Пессимизм неизбежно сопровождается жалобами на беззащитность человека перед слепыми ударами судьбы, на одиночество его в мире. Пессимист воспринимает каждый отдельный случай, нарушающий гармонию жизни, как невообразимое проявление судьбы. Поэтому пессимистические настроения в поэтическом творчестве, как правило, сопровождаются тяжелыми раздумьями о бренности и бессмысленности человеческого существования, о смерти, увядании и т. п.

Ничего подобного в творчестве М. Сеспеля нет.

Обратимся хотя бы к процитированному стихотворению «Проложите мост!», написанному в критический момент житейских испытаний поэта.

Тема стихотворения вплотную перекликается с мотивами пессимистической поэзии предреволюционной и революционной поры, вызванными сложными катаклизмами истории. Как воспринимает последние М. Сеспель? Жалуется ли он на неумо-

лимость случая в его личной судьбе, глубоко травмировавшего его психику? Где мыслит он себя как личность в водовороте грозных событий революции и гражданской войны, разрухи и голода?

Ответ на эти вопросы ясен. В стихах чувашского поэта не обнаружим ни растерянности, ни испуга ни за себя, ни за человека вообще. Судьбы отдельных людей, в том числе и своя собственная, рассматриваются как испытание «на выносливость» в горниле драматических событий исторического процесса, несущего обновление миру. Драматизм, однако, отступает на задний план. На переднем плане — тема становления новой жизни. Она своим мажорным тоном заглушает мотивы страданий и смерти. Страшные образы мертвецов на дорогах не пугают юного поэта. Его сознание руководствуется иными критериями оценки происходящего, нежели у Б. Пильняка и подобных ему представителей литературы этих лет, остро переживавших негативную сторону событий.

Стихи Сеспеля «Проложите мост!» звучат бодрым аккордом утверждения пафоса революции. Никаких противоречий между этим объективным пафосом и субъективным его восприятием поэта нет. Стихотворение воспевает не только победное шествие исторического прогресса, но и бессмертие человеческого подвига, совершаемого во имя его. Созидаемый на «грудах костей» «резной мост» ведет «к солнечному завтра».

Разумеется, не все стихотворения М. Сеспеля написаны в мажорном тоне. Тема страданий и смерти вызывает и грустные размышления поэта. Но грусть нигде не переходит в пессимизм.

Никаких противоречивых тенденций в поэзии М. Сеспеля нет. Трудно заподозрить его в неискренности. Его стихам свойственна безусловная правдивость выражения чувств и мыслей. Опьяненный радостью приятия революции, принесшей освобождение его народу, он весь устремлен в будущее и в этой устремленности видит личное бессмертие (стихотворение «Как умру...»). Лирические эмоции юного поэта богаты именно принятием жизни в ее исторической перспективе движения от проклятого прошлого к прекрасному будущему («Пашня Нового Дня», «Стальная вера» и др.).

Поэзии Сеспеля, при всей повторяемости ее фактуры, свойственна масштабность истории, изображение жизни под знаком могучего ритма совершающихся революционных событий. Спокойный, повествовательный, порою торжественный рассказ о происходящем обусловлен революционным пафосом, в котором «я» поэта слибается с самим объектом изображения. Таким образом, в романтической приподнятости поэзии М. Сеспеля отражена коллективная психология разбуженного революцией народа. Эта концепция творчества совершенно чужда пессимизму и эгоцентризму личности.

Но как быть со стихотворениями-жалобами «Маки красные...» и «Отныне», в которых налицо надрывные ноты, разлад поэта с жизнью?

Их надо рассматривать как факты биографии М. Сеспеля, как своеобразный комментарий к печальным обстоятельствам его жизни, проясняющий ее трагический конец в психологическом плане. Измученный тяжелыми личными испытаниями поэт, очевидно, под воздействием какого-то аффекта поделился своей болью. Это жалоба, которую можно уподобить стону тяжело раненного человека, когда физические страдания превышают степень его терпения.

Это не пессимизм.

В творчестве Сеспеля утверждается победа жизнеутверждающего начала, и приходится только удивляться огромной личной выдержке поэта, буквально измученного свалившимися на него невзгодами.

В заключение укажем на постоянное качество поэзии М. Сеспеля — горячее чувство патриотизма, чувство любви к своему краю, к своему народу, к его национальной культуре и языку. Это чувство высказано в большинстве его поэтических созданий, и оно также делает их по-своему романтичными. Романтика здесь не в изображении необычайного, яркого, экзотического и т. д., а во влюбленности в свою родину, в ту среду, которая породила его. Это придает лирике чувашского поэта задушевность и роднит ее с есенинскими стихами о родине, о деревне.

М. Сеспель прожил короткую жизнь. Но он успел, как это свойственно выдающейся личности, сделать очень много для своего народа — он заложил основы чувашской советской поэзии.

◆

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

Вып. 51 УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ 1970

НЕКОТОРЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО РОМАНТИЗМА В ПОЭЗИИ М. СЕСПЕЛЯ

Ю. М. АРТЕМЬЕВ

Чувашская советская литература первых революционных лет имела свои романтические традиции в прошлом. Еще в поэзии К. В. Иванова, Тайра Тимки и Н. И. Шелеби достаточно отчетливо выразились тенденции романтического искусства. Однако революционный романтизм наиболее ярко выразился в поэзии М. Сеспеля. Романтизм Сеспеля — детище революционной эпохи, полной романтического пафоса.

До недавнего времени в литературоведческой науке имела место тенденция связывать романтизм со всякого рода вредными мечтами, отрывом от жизненной правды, уходом в вымышленный мир, противостоящий реальному. В настоящее время несостоятельность подобного понимания романтизма признана на дискуссии по романтизму бесспорной [1]. Тем не менее такие вопросы, как соотношение романтического и реалистического в искусстве, отграничение категории «романтизм» и «романтика» и др. до сих пор остаются не выясненными до конца. Немало противоречивых мнений и в вопросе о дальнейшей судьбе романтизма. Подавляющее большинство исследователей русской советской литературы утверждает, что в современной советской литературе, романтическое стилевое течение существует как неотъемлемая часть. Эти исследователи следуют Белинскому, который утверждал, что «романтизм есть общее духу человеческому явление, во все времена и для всех народов присущее» [2].

Следует отметить, что в ряде исследований выразилось стремление чрезмерно расширить рамки романтизма. Например, некоторые исследователи, не проводя грани между понятиями «романтическое» от термина «романтизм» и «романтическое» от категории «романтика», ищут романтизм в творчестве художни-

---

[1] См. Материалы дискуссии о романтизме. Журн. «Вопросы литературы», 1964, № 9, стр. 118—143.

[2] В. Белинский. Сочинения Александра Пушкина. Статья II. Избранное в 2-х томах. ГИХЛ, М., 1959, стр. 182.

ков, порой крайне далеких друг от друга по своим стилевым особенностям. При всей близости этих двух понятий было бы неверным отождествление их. Если под романтизмом понимается специфическое литературное направление, сложившееся на рубеже XVIII—XIX веков, то «романтика», как разъясняет Г. Поспелов,— это идейно-эмоциональный мир человеческой личности, который может находить свое выражение в художественной литературе и далеко за пределами романтического направления [3]. Такое уточнение термина «романтика» нам нужно для того, чтобы уяснить, что поэзия Сеспеля обильно впитала в себя не только героико-романтический дух первых пореволюционных лет, но и отразила многие принципы романтического отображения действительности.

Перед зарождавшейся чувашской советской литературой в первые же дни после Октябрьской революции встал ряд трудных проблем. Одно из главных среди этих проблем — невозможность развернуто показать тип нового человека в его реалистической полноте. В то же время новая действительность настоятельно требовала выражения своего эмоционального отношения к ней. Отсюда вполне понятно, почему в этот период в литературном опыте чувашских писателей (Сеспель, С. Хумма, Г. Зайцев-Тал-Мрза, И. Ахах и др.) преобладали произведения малого, в основном лирического, жанра (стихи, песни, новеллы и т. д.), позволяющие без широких эпических полотен, без особой сюжетной проработки, реалистических деталей, в укрупненных масштабах отобразить отдельные явления и события того времени. Этим же во многом объясняются субъективное осмысление действительности, эмоциональность в художественном освоении жизненных явлений и фактов. Ярко выраженное личностное начало, вызванное стремлением художников высказать свое понимание грандиозных событий и личное отношение к ним,— вот источник субъективности, романтического пафоса произведений чувашских писателей начала 20-х гг.

Субъективно-лирическую окрашенность, романтическую приподнятость образов мы видим и в произведениях ряда других чувашских писателей того периода. Но романтический характер эпохи как ни у кого из чувашских писателей многосторонне и многомерно запечатлен в поэзии Сеспеля. В основе поэзии Сеспеля лежит именно романтическое художественное мышление, характеризующееся доминированием субъективного начала над объективным, хотя это субъективное имеет реалистическую основу.

Можно ли установить круг наиболее постоянных тем, составляющих как бы основу поэзии Сеспеля? Безусловно, да.

---

[3] См. Г. Поспелов. Может ли быть романтизм без романтики? Журн. «Вопросы литературы», 1964, № 9.

В большинстве случаев доказательством этого являются сами названия стихотворений поэта. С темой дореволюционного прошлого связаны такие стихи, как «Скоро» (1916), «Обездоленных свет в непосильной борьбе...» (1918), «Век минувший» (1918), «Волжская песня» (1919), «Чувашке» (1920) и др. Одно из главных мест Сеспель уделяет теме революции, изображению новых сторон действительности, пришедших вместе с Октябрем в жизнь трудящихся. Это такие стихи, как «В Красном море» (1919), «На помощь братьям», «В дни сева» (1918), «Пашня Нового Дня» (1921) и т. д. Стержневая тема поэзии Сеспеля связана с раздумьями и переживаниями поэта за судьбу родного чувашского народа, его языка, литературы и искусства. Вот наиболее характерные в этом отношении стихотворения: «Чувашский язык» (1920), «Сыну чувашскому» (1920), «Чувашке» (1920), «Тяжелые думы» (1921), «Памяти чувашского поэта Агаха» (1921), «Воистину воскрес!» (1921), «Чуваш! Чуваш!..» (1921), «Или! Или! Лима савахвани!..» (1920—1921), «Далеко в поле желтый зной...» (1921), «Гаснет день. И когда сумрак ночи густой...» (1921), «Голодный псалом» (1921).

Постоянно устремляя свои лучшие мечты к светлому будущему, коммунизму, питая твердую веру в осуществимость и реальность своих надежд, Сеспель в ряде своих стихов дает изображение грядущего, подчас субъективно понимаемого и трактуемого («Все старое исчезнет, все сгниет», «Тьма. Мне душно...», «Стальная вера», «Проложите мост!» и др. Цементирующим началом цикла стихов поэта, охватываемых этой тематикой, является «Стальная вера», где поэт гордо заявляет:

Проснется мой край и воспрянет
Жар-птицею над синевой.
Кто скажет «неправда» — обманет:
Калека душа у него.

Нетрудно заметить, что весь этот круг поэтической тематики неразрывно связан с решением основного конфликта поэзии Сеспеля — борьбы двух миров — нового и старого. Нельзя не отметить и того, что Сеспель борьбу старого и нового понимает и изображает по-своему, подчас выходя далеко за рамки реалистического изображения характеров и обстоятельств. Так, в стихотворении «Пашня Нового Дня» мы нашли бы мало чтолибо от реалистического изображения действительности. Не укладываются в рамках реализма и такие стихотворения, как «В Красном море», «Или! Или! Лима савахвани!..» и ряд других.

Весьма интересен факт, что среди творений Сеспеля, рядом с указанными стихами, находятся такие реалистические вещи, как «Век минувший», «В дни сева». Это можно объяснить тем, что обобщенно-укрупненное изображение действительности не заслоняло у Сеспеля большой исторической правды об Октябре, которую он видел в повседневности.

Еще одна особенность поэзии Сеспеля. Поэт как никто из современных ему чувашских писателей стоит ближе к истории. Но исторические события не рисуются поэтом со стороны, тоном беспристрастного судьи. Он ни на минуту не переставал чувствовать себя участником происходящих событий, частичкой их движущих сил:

Горемычных защита! Измучась борьбой,
Не опустим главы пред врагами,
Развевайся, о знамя Свободы святой,
Развевайся ты гордо над нами.

В этих строках поэта, как и во многих других стихах, присутствует субъективно-лирическое «я» поэта, но как частичка широких трудящихся масс.

Нужно сказать несколько слов о Сеспеле-мечтателе в связи с романтическими тенденциями в его поэзии. С победой Октября в нашей стране впервые исчез один из главных источников романтизма — неудовлетворенность окружающей действительностью, антагонистическое противоречие между отдельной личностью и существующим миропорядком, общественным строем. Если лучшие мечты старших современников поэта (К. Иванова, Тайра Тимки, Шелеби и др.) были связаны с установлением в будущем справедливого социалистического общества через революционные преобразования, то романтическая мечта Сеспеля качественно отличается от этого: творческое начало романтической мечты Сеспеля прежде всего связано с совершившимся революционным преобразованием действительности, не только зовет к лучшему, но и в значительной степени преображает саму действительность, делает лучше реальное:

Не нынче, так завтра... но пламя
Зажжет твое сердце, земля.
И новыми вспыхнут цветами
Под радужным светом поля,—

заявлял поэт, зажигая своей стальной верой сердца современников. Таким образом, крылатая мечта Сеспеля не лишена новой реальной основы.

Особо нужно подчеркнуть место и значение романтической условности в поэзии Сеспеля, указать на некоторые особенности ее природы. Символика, поэтические ассоциации и другие условные формы впервые получили широкое признание среди романтиков. На рубеже XIX—XX вв. символ был поднят на щит символистами. Но последние, абсолютизируя роль символов в изображении предметов и явлений действительности, считали окружающий мир иллюзорной «видимостью», выступали с проповедью индивидуализма и мистицизма. В нашей критике указывалось на влияние символистов (и имажинистов) на поэзию Сеспеля. Но здесь нужна не только констатация, но и вскрытие тех причин,

которые заставили поэта обратиться к символизму и имажинизму. Оказывается, что отдельные точки соприкосновения поэзии Сеспеля с искусством декадентов можно искать только в некоторых принципах оформления его произведений. Но они ни в коей мере не затрагивали идейного содержания поэзии Сеспеля.

Далее, на основе конкретного анализа некоторых стихов, попытаемся объяснить место и роль художественной условности в поэзии Сеспеля. Возьмем для примера несколько строф из стихотворения «В Красном море»:

Мы выползли все из лачуг.
Долой нужду и гнет и горе!
Плывем, плывем в сторону коммун.
Товарищи, мы в Красном море!

Пусть много на пути преград,
Пусть наш корабль качают волны,—
Уж берег гнета позади,
Сердца борцов отвагой полны.

Уж берег мрака далеко,
С ним скрылся в прошлом безвозвратно
Век униженья, век раба,
Чья жизнь была так безотрадна...

В этом стихотворении все символично: сама обстановка, в которой происходит действие, образы и т. д. Но как зримо передает поэт через символы необычный подъем и энтузиазм широких трудящихся масс, освобожденных Октябрем, их революционный порыв к новой жизни. И корабль, плывущий в Красном море, и берег мрака, оставшийся безвозвратно позади, и люди, сидящие на этом, необычном корабле, и штормовые волны, кидающие корабль,— через все это поэту удается воспроизвести дыхание бурной эпохи первых пореволюционных лет. Это не игра в символы, которые у декадентов имели самодовлеющее значение, а проявление художественного мышления, основанного на конкретной реальности.

Внимание поэта постоянно направлено к тем новым веяниям, изменениям, которые происходили буквально на глазах. Стремлением передать их художественными средствами, обобщенно и зримо и объясняется использование поэтом условных форм. Художественная условность выступает как средство отображения правды жизни. Вот почему легко доступно содержание «Пашни Нового Дня», где крайне условно, предельно обобщенно, без реалистических конкретностей рассказывается о новом, свободном, творческом, созидательном труде и изображается сам процесс коренного преобразования жизни благодаря Октябрю.

Условно символические образы широко используются Сеспелем и в стихотворениях «Обездоленных свет в непосильной борьбе...», «Грядущее», «Чувашский язык», «Воистину воскрес!..» и др.

Среди элементов романтического образного отражения действительности в поэзии Сеспеля нужно выделить и прием контраста. Этот прием занимает в художественно-эстетическом арсенале поэта одно из главных мест. Часто поэт с помощью этого приема противопоставляет сгнившему, разрушенному и сметенному бурею Октября в России, эксплуататорскому строю созидаемое на его обломках новое социалистическое общество. Философски-отвлеченно и широко трактуя новый мир, поэт связывает с новым такие образы и выражения: «Свобода» (Ирĕклĕх), «Песня Свободы» (Ирĕклĕх юрри), «Знамя Свободы» (Ирĕклĕх ялавĕ), «Новый день» (Çĕнĕ кун), «Новый мир» (Çĕнĕ тĕнче), «Новое дыхание» (Сĕнĕ сывлаш), «Новый год» (Çĕнĕ çул), «Новая судьба» (Çĕнĕ кунçул), «Новый образ» (Çĕнĕ сан), «Новое солнце» (Çĕн хĕвел), «Новая песня» (Çĕн юра) и т. д.

Поэту свойственно философское осмысление многих процессов и явлений, происходящих в природе и обществе. Их он часто, не разрушая диалектического единства таких процессов и категорий, как горение и гниение, покой и движение, жизнь и смерть, возвышенное и низменное, добро и зло, свет и тьма и т. д., контрастно, в виде крайних, противоборствующих сил изображает в своих стихотворениях. Эти факты объясняют, насколько глубоко и многогранно осознал поэт наличие и необходимость той ни на минуту не прекращающейся борьбы, происходящей и в природе и человеческом обществе. Желанием показать ее как можно более осязаемо, образно, предельно обобщенно, крупными штрихами — вот чем можно объяснить наличие ряда существенных элементов романтически условного отражения действительности в стихотворениях Сеспеля.

Нельзя пройти мимо еще одной особенности романтического стиля Сеспеля. Она проявляется в том, что поэт и его лирический герой необыкновенно чутко прислушиваются к различным голосам природы — от самых тихих и нежных, едва уловимых до суровых, грозных. Здесь налицо продолжение Сеспелем традиций психологизации пейзажа, отчетливо проявившейся в творчестве К. Иванова. Даже в стихотворения, насыщенные социальным конфликтом и гражданским пафосом, поэт часто вводит элементы лирического пейзажа, которые способствуют психологизации пейзажа. Так, в поэзии Сеспеля часто можно встретить образ ветра. С одной стороны, ветер вводится поэтом для раскрытия сложного психологического состояния души лирического героя в определенный момент, с другой — как образ — символ, являющийся составной частью художественной концепции поэта, отражающей отношение автора к окружающей действительности. И начало и конец стихотворения «Жизнь и смерть» связаны с образом ветра, склоняющего до земли ковыль (в конце — крапиву). Не случайно стихотворение окаймляется образом стихии: ветер передает едва уловимое движение души героя, легкую грусть по умершему воину, сложившего свою голову

вдали от родины, защищая дело коммунизма. Аналогичную роль играет ветер в стихотворении «Тяжелые думы», где поэт пытается получить ответ на жизненно важный для него вопрос о том, что же ждет чувашский народ, его язык в будущем и явится ли настоящий талантливый поэт у чувашского народа. И если бесперспективно будущее чувашей, то, восклицает поэт в другом стихотворении: «Пусть пепел сердца поразвеет ветер».

Образ ветра как необходимый элемент для психологизации пейзажа используется Сеспелем и в стихотворениях «Скоро...», «Грядущее» и др. Но ветер не только помогает раскрывать психологическое состояние души лирического героя в определенный момент. Подчас образ ветра осмысливается шире, философски. Так в строках

Пронесется буря: теплой, нежной лаской
Наслаждаясь, мирно отдохнет природа.

поэт подразумевает революционную бурю, грозную стихию, всеразрушающую и обновляющую, не знающую никаких преград.

Среди образов природных сил в поэзии Сеспеля особое место занимает могучее море. Морю посвятил поэт ряд стихотворений («В Красном море», «Морю», «Экспромт»). Море для поэта и очищающая, и вдохновляющая, и всепобеждающая грозная сила стихии. Общение с этой стихией пробуждает различные эмоции в сердце поэта. Как к живому человеку, ближайшему другу обращается поэт к морю:

Море, море Черное,
Вечно непокорное!
Ты волнами, пеной белой
Об утесы бейся смело,
Рвись, мечись остервенело.
Я душою огнекрылой,
Сердцем жарким, что зовет
В обновленную страну,
Лишь борьбу могучей силы
Славлю выше всех красот.
(«Морю»)

«Лишь борьбу могучей силы славлю выше всех красот»,— вот поэтическое и гражданское кредо Сеспеля. И личная, длившаяся всего два с лишним десятка лет, зато удивительно яркая и насыщенная борьбой за счастье всех людей на земле, жизнь М. Сеспеля — лучшее тому свидетельство.

Думается, что принципы романтического изображения находятся в самом романтическом художественном мышлении поэта, в его субъективном мировосприятии и трактовке многих явлений, предметов и событий окружающей действительности. Внешним условием, благоприятствующим этим принципам, явилась романтика и героика самой революционной действительности. Романтическую возвышенность, условность, те особые изобрази-

тельные средства поэзии Сеспеля, романтический стиль, надо рассматривать как форму выявления и отображения правды жизни так, как ее понимал сам поэт.

Наконец заметим, что ярко выраженный субъективизм, новые формы и принципы обобщения, элементы романтического стиля поэта никогда не уводили поэта к воспеванию отдельной личности, противостоящей обществу. Сеспелю чужды были мотивы разрушения личности, уход в себя, широко распространенные в поэзии декадентов различного толка того времени. Новизна формы была продиктована необходимостью передать новое содержание эпохи. Вся поэзия Сеспеля насквозь пронизана революционным содержанием. Это гимн революции. Передовое, марксистское мировоззрение поэта активно влияло на его талант, организуя, поправляя его и оберегая от увлечения формализмом.

◆

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

Вып. 51 УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ 1970

ПРОИЗВЕДЕНИЯ М. СЕСПЕЛЯ НА ЯЗЫКАХ НАРОДОВ СССР И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В. Н. АБАШЕВ,
кандидат филологических наук, доцент

В стихотворении «Сыну чувашскому» Михаил Сеспель выразил твердую веру в то, что имя чувашского певца останется в народе навсегда, что звон его песен полетит «от Чебоксар до Ковалей». При всем оптимизме своего взгляда на жизнь поэт тогда и не предполагал, что его творения и вообще произведения чувашской литературы в недалеком будущем станут известными и любимыми не только в родной Чувашии, но и далеко за рубежом — от Чебоксар до Балкан, до бескрайних просторов Дальнего Востока и Севера.

Поэт-коммунист, патриот и интернационалист Сеспель еще в бурные дни революции провидел расцвет чувашской литературы, стальную мощь «очищенного пламенем свободы» родного языка:

По широкой Волге, по волнам-бурунам,
По лесам, долинам ты, язык родной,
Зазвенишь, подобно гуслям златострунным,
Заиграешь разом солнцем и луной.
(«Чувашский язык») [1]

Выдающуюся роль родного языка в развитии национальной по форме и социалистической по содержанию культуры Сеспель органически связывал с марксистским пониманием интернационализма, с революционной перспективой развития дружбы братских народов в новых, невиданных доселе условиях жизни, обеспечивающих гармонический расцвет свободной личности — борца, труженика, созидателя. Поэт хорошо сознавал, что чувашский народ, в прошлом угнетенный и бесправный, после социалистической революции сможет проявить себя всесторонне именно в тесном единении с русскими трудящимися и с представителями других братских наций. Сеспель воспринял лучшие традиции чувашской революционно-демократической поэзии, вдохновляясь

[1] Михаил Сеспель. Собр. соч. Чебоксары, 1959, стр. 69.

произведениями гражданской лирики Константина Иванова, Тайра Тимки и Полоруссова-Шелеби, обогащая свою революционную палитру яркими красками устнопоэтической сокровищницы родного народа. Вместе с этим его неспокойную музу питали живительные соки свободолюбивой поэзии русских классиков, в особенности Пушкина, Некрасова, и поэтическая заповедь великого украинского кобзаря Т. Г. Шевченко. Обращая внимание на нерасторжимое слияние национального и интернационального начал в лирике Сеспеля, чувашский поэт Аркадий Эсхель так писал в предисловии к русскому изданию сборника М. Сеспеля «Стальная вера»:

«...В каждом стихе поэта мы ощущаем его страстную, пламенную любовь к родному народу и великой стране Советов, где обрели счастье трудящиеся всех национальностей. Сеспель любил русских классиков — Пушкина и Некрасова. Его стихи «Морю» звучат в унисон с пушкинскими. Первые стихи Сеспеля написаны на русском языке. С особенным радушием он относится к украинскому народу и поэзии Шевченко. Как сообщает Пакрышень в своих воспоминаниях, Сеспель перевел почти половину шевченковского «Кобзаря» и поэму «Катерина». В целом ряде стихов Сеспеля мы ощущаем присутствие духа великого поэта Украины» [2].

Важно здесь подчеркнуть и мысль, что в творческом росте Сеспеля, в становлении его метода огромную роль сыграло обращение его к произведениям великого русского пролетарского писателя, основоположника социалистического реализма М. Горького: «Жизнеутверждающие образы произведений Горького, несокрушимая вера его в человека-борца совпадали с представлениями поэта о советской действительности как о жизни, при которой возможно превращение самой дерзновенной мечты в явь. Это органическое слияние реалистического и романтического в поэзии Сеспеля шло прежде всего от глубокого усвоения духа и характера творчества М. Горького» [3].

Однако усвоение революционно-романтического и реалистического наследия русских и украинских классиков не мешало Сеспелю оставаться самобытным, национально-чувашским поэтом. Напротив, это расширило его творческий диапазон и подсказало наиболее злободневную тематику и характеры. Национальная специфика поэзии Сеспеля — в ее интернационализме. Эти емкие понятия он соединил своим опытом художника и сердцем революционера в диалектически неразрывное единство, «единство многообразия».

Произведения Михаила Сеспеля, созданные в русле метода социалистического реализма и богатые национальным своеобразием, звучат и ныне интернационально; они понятны и дороги для множества других народов. Самоотверженная любовь

---

[2] Михаил Сеспель. Стальная вера. Чебоксары, 1949, стр. 23.

[3] М. Я. Сироткин. Очерк истории чувашской советской литературы. Чебоксары, 1956, стр. 114—115.

к Родине, к родному языку, вера в созидательные силы народа, прославление дружбы, мирной жизни, кипучего энтузиазма людей труда, призыв к преодолению трудностей и личный пример этого («Лишь борьбы передний край славлю я, душой горя...») — все это воодушевляет не только чувашей, но и сынов и дочерей других народов. Они с благодарностью читают строки Михаила Сеспеля, переведенные на их родной язык через посредство великого русского языка. Именно переводам произведений основоположника чувашской советской поэзии прежде всего на русский язык, прекрасно выполненным народным поэтом Чувашии Педерем Хузангаем, обязаны мы популярностью Сеспеля — подснежника, первенца весны чувашской советской поэзии.

Уникальным следует признать издание творческого наследия Сеспеля, подготовленное и осуществленное в 1959 г. Научно-исследовательским институтом при Совете Министров Чувашской АССР. В указанное собрание сочинений вошли почти все стихи и статьи поэта на чувашском и русском языках. Переводы поэтических текстов были сделаны П. Хузангаем, а Н. Ф. Данилов перевел прозу. Эта книга давно стала библиографической редкостью.

До этого, в 1949 г. под названием «Стальная вера» вышла первая книга стихов Михаила Сеспеля на русском языке[4]. Стихотворение, заглавие которого вынесено в название указанного сборника, уже тогда давалось в переводе Хузангая. В том же переводе были опубликованы стихотворения «Грядущее», «Далеко в поле желтый зной...», «Сыну чувашскому», «Чувашский язык», «Жизнь и смерть», «Век минувший», «Чувашке» и другие (всего тринадцать стихотворений). Стихотворения «Чуваш! Чуваш!..», «Морю» и «Воистину воскрес!» были переведены А. Ойслендером, «Пашня Нового Дня», «Гнет все старое...», «Взбунтовалось море» и «Настанет время» — Н. Евстафьевым, а «Как умру...» перевел В. Алатырцев. Всего в данный сборник вошло двадцать одно произведение. В таком же объеме и в тех же переводах он был переиздан в 1957 г. в Москве[5].

Хузангаю во всех его переводах Сеспеля удалось сохранить и точность передачи смысла, и силу художественного проникновения лирики поэта. Мы здесь наблюдаем предельно полное соответствие содержания и формы на обоих языках. А это в переводческой практике случается весьма редко. В таких стихотворениях Сеспеля, как «Волжская песня», «Жизнь и смерть», «Как умру...», «Памяти чувашского поэта Агаха», «Стальная вера», «Проложите мост!», передаче героико-романтического пафоса способствует, кроме лексических средств, сохранение своеобразной звуковой инструментовки, заданного размера стиха, ритмики,

---

[4] Михаил Сеспель. Стальная вера. Чебоксары, 1949, стр. 84. Тираж 6000 экз.

[5] Мишши Сеспель. Стальная вера. М., 1957, стр. 56. Тираж 5000 экз.

определенной рифмовки и тональности. Мотивы революционной борьбы и самопожертвования во имя народного идеала раскрываются в них в духе героико-патетической симфонии. Новаторские особенности сеспелевской поэтики — варьирование динамическими размерами, богатством интонаций, введение новых приемов звукописи наряду с сохранением народно-песенных традиций, широкое применение неологизмов для выражения новых понятий, вызванных революционной эпохой — всему нашел эквивалентное решение переводчик Сеспеля, сохранив глубину идейного содержания и всю систему образных средств подлинника. При этом Хузангай избежал какого бы то ни было буквализма и шаблонности. Приведем примеры для сравнения.

Пусмарти халахсем,
Пĕр çĕре пуханар,
Улпута йĕрлесе тытканлар!
Пуранна тарахса,
Çапаçар саванса,
Малалла, малалла çул хывар!

Подъяремным вставать,
Собирать свою рать,—
Окружим, уничтожим господ!
Жизнь постылой была,
Но борьба весела,
Так вперед же, смелее вперед!
(«Волжская песня») [6]

Здесь трудно отдать предпочтение какому-нибудь из двух текстов — чувашскому или русскому: оба они исключительно музыкальны, динамичны, в одинаковой степени обладают очарованием высокой поэзии и мобилизующей силой массово-революционного марша.

Чередование двустопного анапеста с трехстопным и определенная рифмовка придают этому произведению большую динамическую силу, воссоздают зримый образ волжских перекатов.

В стихотворении «Жизнь и смерть» элегические настроения продиктовали поэту иную архитектонику. Стихотворение звучит как единый аккорд, читается одним дыханием, и этому способствует отсутствие строфичности и смежная рифма. Романтический образ природы, оплакивающей погибшего за народное счастье борца, данный в экспозиции произведения в форме одного из компонентов устнопоэтического психологического параллелизма, непосредственно вводит читателя в реальную обстановку быта семьи героя, жены его и детей, ожидающих его возвращения домой. И в оригинале произведения, и в переводе устами поэта дается общенародная оценка подвига бойца революции:

Чухансемшĕн хайĕн кунçулне,
Çамрак ĕмĕрне вал хĕрхенмен.
Коммунизм хĕрлĕ ялавне
Чун тухиччен çĕре укермен.

Он за бедных шел в кровавый бой,
Не жалея жизни молодой.
До последнего, пока дышал,
Знамя коммунизма он держал...
(«Жизнь и смерть») [7]

[6] Михаил Сеспель. Собр. Соч., стр. 56—57.
[7] Там же, стр. 64—65.

Несколько слов о переводах А. Ойслендера. Местами они передают пафос оригиналов, однако многое теряют от поэтической прелести Сеспеля и подчас даже искажают содержание. В стихотворении «Чуваш! Чуваш!..», например, при сохранении общей архитектоники и ритмического строя переводчик внес дополнительные образы и выражения. От такого произвольного обращения искажается авторская мысль. Так, в первой же строфе А. Ойслендер неуместно использовал образ сада, применил эпитет «наивные» по отношению к полям, которых якобы не в силах «славить» поэт. В подлиннике ничего этого не находим:

	У Ойслендера:
Сан ыйхăлла уюсене,	Твои сады, твои поля,
Сан лăпка камаллă, ачаш,	Твои наивные края,
Йаваш-айван ялусене	Весь этот дремлющий пейзаж
Савмашкан манан халăм çук.	Не в силах больше славить я,
	Любить не в силах я...[8]

В переводе Хузангая та же строфа звучит более точно как в смысле передачи содержания, так и звуковой инструментовки:

Поля сонливые твои,
Деревни в дреме, колеи
И весь застывший твой пейзаж
Любить не в силах я, прости...

Две строки оригинала во второй строфе, несущие значительную идейно-смысловую нагрузку («таван чаваш хаюллине, вал вайлине курасчĕ ман»), совершенно опущены Ойслендером. А последняя строфа искажена окончательно. Здесь поэт сравнивает биение пульса жизни с яркими отблесками молнии, а в переводе эта романтическая деталь неоправданно заменена не столь уж новыми в поэзии образами восходящего солнца и поющего сердца. Сравните:

Сил-тавал килнĕ вахатра	Когда приходит в мир гроза,
Йар-яр çут çиçĕмĕн ури	Темнеет даль...
Сиксе çурет пĕлĕт хушшипе.—	Но вот, гляди,—
Çапла таван çĕршывамра	Сверкает молния в глаза,
Хаюллă пурнас тымарри	Путь освещая впереди!
Хаюлла пурнаç таппипе	Не так ли
Пĕр чаранмасар таптари!	Над страной моей
	Путь освещая впереди,
	Восходит солнце новых дней!
	Так пой же, сердце, пой в груди![9]

Едва ли можно признать удачным и перевод Ойслендером стихотворения «Морю», во многом описательный, лишенный художественной выразительности и менее динамичный по сравнению с оригиналом. Художественный промах переводчика осо-

[8] Михаил Сеспель. Стальная вера. Чебоксары, 1949, стр. 33.
[9] Там же, стр. 35.

бенно наглядно прослеживается по переводу последней строфы этого исключительно мелодичного, богатого экспрессивными средствами стихотворения. Ойслендеру не удалось передать в звуках «грозное пенье» моря, потому что он не учел внутреннюю рифмовку, ассонансы, аллитерацию и звукопись стиха, построенные на преимущественном применении звуков Р, Х, Л, М, Н, А, У. Сравним два текста:

Тинĕс, тинĕс, вайлараххан,
Хавартраххан, çамалраххан,
Чул пулсан — хаватлараххан,
Хыççан, хыççан хум хумла!
Эс хаюллан, вайла хумлан,
Йывар сасла, йывар чуллан,
Чулла çырана тулла.
Мĕкĕр, ахар, кар-карла,
Вайла суламлан, хаюллан,
Хыççан-хыççан хум парах:
Кĕрешу вайне анчах
Камаллать ман вутла чунам...

Море, море, если камень
Попадется на пути,—
Волн гремучими бросками
Раскроши его, смети!
Пой все громче, ветер с моря,
Чтобы в пене штормовой
Закачались скалы, вторя
Этой песне огневой.
Задыхаясь в мутной пене,
Вновь идет на штурм вода.
Сердце слышит в грозном пенье.
Гул борьбы и зов труда... [10]

Странно звучат в тексте А. Ойслендера и сочетания слов «**ропот** яростной борьбы» (II строфа), «**вырви** сердце из оков» (IV строфа), «волн **гремучими** бросками». Выделенные слова здесь использованы неуместно.

Обращаясь к морю, Михаил Сеспель сообщает ему, что в его душе старый мир оставил напев печали, и просит море «смыть с души былого плесень». А в переводе А. Ойслендера в третьей строфе говорится уже о том, что «след горьких дум» не в силах прогнать даже «гул прибоя». Ведь именно к морю обращается поэт как к очистительной силе! Он верит, что море способно выполнить эту миссию.

В предпоследней строфе к стихотворению Сеспеля от переводчика добавлено «до срока он расстанется с тобой», «в сад любимый», «в дни Октября». В этом не было необходимости.

Еще менее удачны поэтические переводы, осуществленные Н. Евстафьевым. Возьмем, к примеру, его перевод «Пашня Нового Дня», обратив внимание на интерпретацию переводчика:

Çĕн Кун пин-пин каварла аллипе
Сар-хĕрлĕ кунтăкран уйсем çине
Каварла ываçпа пин, çĕр пин çалтар
Ирхи шевле ун хыççан ылтăн сурене
Çĕр пин çалтарлан çунан Чаваш
Тĕр тĕрлесе, сурелесе парахрĕ.
Çĕн Кун акни шатма вахат çитсен,
Çĕн Кун умне хура çĕр айĕнчен,

Он звездами — не просто семенами—
Засеял пашню. В сотню тысяч рук
Из золоченых мер их брал горстями
И разбросал размашисто вокруг.
Хлебов бескрайних золотом сверкая,
Твои воспрянут, Новый День, поля,
И станет дивным урожайным краем

[10] Там же, стр. 54.

Хёвел калчи пулса, хёвеллён саралса хаюллан	Мой край родной—чувашская земля..
Чаваш сынни кунçулё тухё.	Колосьев тучных мерное шуршанье,
Укалла, ылтан-кёмёллё хёлхемё унан	
Кёсле сасси пулса çёр тарах шуххан юхё.	Как звон гуслярный, разнесут ветра [11]

У Николая Евстафьева почти ничего не осталось от столь выразительной сеспелевской развернутой метафоры, и вышло какое-то тяжеловесное, весьма далекое от оригинала произведение.

Об отсутствии достаточного поэтического мастерства и бедности словаря переводчика свидетельствуют троекратный повтор в первых строфах одного и того же выражения «То Новый Ден!», использование неточных оборотов речи и прозаизмов: «не кляча — солнце в упряжи идет», «под пласт кладет чувашскую недолю», «твои воспрянут, Новый День, поля», «Чуваш, обиженный еще вчера», «Новый День... торопится вперед» и др. А три стиха оригинала (16—18) в переводе Н. Евстафьева оказались совсем опущенными.

Шедевр Сеспеля «Пашня Нового Дня» на пятидесяти языках народов Советского Союза и зарубежных стран издан Чувашским книжным издательством в 1969 г.— к семидесятилетию со дня рождения поэта. В этом издании стихотворение вышло на русском языке в переводе Хузангая. Поэты других народов, кроме подстрочника, использовали именно русский текст Хузангая. В этом смысле его перевод стал как бы эталоном.

Союз писателей Чувашии и Чувашское книжное издательство не случайно избрали стихотворение «Пашня Нового Дня» для юбилейной книги Сеспеля. Оно является программным, характерным для всего творчества поэта.

Передать на другом языке несказанную красоту этого стиха, перевести точно все эпитеты и сравнения, сохранив полностью звуковую выразительность и идейный замысел автора, разумеется, очень трудно. Но переводчики — представители пятидесяти народов СССР и зарубежных стран свою работу выполнили высококвалифицированно, с любовью. И недаром в предисловии к книге составитель ее Педер Хузангай, знакомя читателей с переводчиками, резюмирует: «В этой книге представлено программное стихотворение Сеспеля «Пашня Нового Дня» на пятидесяти языках народов Советского Союза и мира. Стихотворение это затронуло струны сердца лучших поэтов» [12].

Книга Сеспеля «Пашня Нового Дня» явилась ценным подарком для любителей поэзии разных народов, и идея интер-

[11] Там же, стр. 42—43

[12] Михаил Сеспель. Пашня Нового Дня. Чебоксары, 1969.

национальной дружбы, заключенная преимущественно в последней строфе стихотворения, доведена переводчиками до сердца каждого далекого и близкого читателя. Сопоставим перевод заключительной строфы на некоторых языках; в оригинале она звучит следующим образом:

Хаватла, çĕн чĕреллĕ çĕн ĕмĕр чавашĕ,
Хулпуççипе кавак пĕлте пернсе,
Кунçул уйне тухса, хĕвел тумтир тумланĕ,
Çĕн Кун ана ыталĕ саванса, ачашшан;
Умне, çĕн çул çине, çĕн чечексем чĕртсе,
Интернационал кĕперĕ анĕ.

На русский язык изумительно точно перевел ее Педер Хузангай:

Чуваш с могучим сердцем, житель новой эры,
Плечами подпирая неба свод,
Шагнет в простор, одеждой солнечной сверкая;
Обнимет Новый День его с любовью, верой,
И путь, что впереди, цветами уберет
Интернационала радуга живая.

Эти же строки друг чувашской литературы, лауреат Димитровской премии Ангел Тодоров на болгарском языке передает так:

Чувашът със могъщото сърдце,
със нова ера в своите ръце,
ще тръгне към простора ярко-ален —
ще го обгърне Новият ни ден,
и сред цветя ще види, възроден,
дъгата жива на Интернационала!

Вот как звучат они на украинском языке в переводе лауреата Государственной премии Андрея Малышко:

Чуваш, могутній сердцем, син доби,
Плечем підперши неба синій вал,
Обійме простір, де жили раби,
Де загримі в Нового Дня хорал,
Зійде на шляху, де голуби,
Веселкою інтернаціонал.

На молдавский язык эти строки Богдан Истру перевел следующим образом:

Ши омул ноу, проптинд ын умерь черул,
Пе каля ноуэ ва пэши семец,
Ынвемынтат де-а разелор бетялэ:
Се вор дескиде друмуриле зэрий
Кынд ва сэ трякэ ел ын димінецъ,
Суб фламура Интернационалей.

На алтайском языке, родственном чувашскому, эта строфа в переводе Эркемена Палкина звучит так:

Кок айаска ıарды тийип,
Iаны ӳйдӧ ıалбыш ıуректу
аны чуваш ичкери базар.
Iаны Кун ого ıалакай ийип,
Ичкери юлында ıаркын чечекту
Интернационал солоны чагылтар.

Стихотворение «Пашня Нового Дня» переведено на восемь иностранных языков и вышло в указанной книге, кроме языков народов СССР, на болгарском, польском, сербском, словенском, хорватском, чешском, венгерском и финском языках.

Это не единственное стихотворение классика чувашской советской поэзии, опубликованное на иностранном языке. Так, в монументальном сборнике поэтических произведений русских и советских писателей, выпущенном издательством «Народна култура» в Софии на болгарском языке в честь пятидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции под знаменательным названием «Слушайте, другари потомци!» (1967) в ряду классических произведений опубликовано и стихотворение Сеспеля «Чувашский язык» в переводе Христо Черняева. Вот они, ставшие хрестоматийными чудесные строки и знакомый ритм сеспелевского шедевра:

Сладка за слуха си, родна реч засмяна!
По си жива днес след пътя си нелек.
Бляскащ като мълния, врящ като стомана,
поразяващ пламък ти ще си навек.

Над широка Волга въздуха целунал,
мой език, в гора и пъстра долина
ще звъниш подобно гусла златострунна
и ще пееш ти по слънце и луна.

Ще прославиш в песни края ни обширен
и на свободата ти ще бъдеш брат.
Ще възпееш Волга с плясъка неспирен,
Шубашкар, где твойте корени лежат [13].

Но вернемся к книге Сеспеля «Пашня Нового Дня». В ней стихотворение Сеспеля, кроме упомянутых иностранных языков, опубликовано также на сорока двух языках народов Советского Союза. Его перевели: на русский язык — народный поэт Чувашии Педер Хузангай, на азербайджанский — Алиага Кюрачайли, на армянский — лауреат Государственной премии Сильва Капутикян, на белорусский — Евдокия Лось, на грузинский — Морис Поцхишвили, на казахский — Жумекен Нажимеденов, на киргизский — Кубаныч Акаев, на латышский — заслуженный деятель культуры Латвии Юлий Ванат, на литовский — Пятрас Кейдошюс, на молдавский — Богдан Истру, на таджикский — Файзулло Ансори, на туркменский — Мамед

[13] Слушайте, другари потомци! Сборник. «Народна култура», София, 1967, стр. 145.

Сеидов, на узбекский — Таржимаси Миртемир, на украинский — лауреат Государственной премии Андрей Малышко.

Кроме того, стихотворение М. Сеспеля переведено на языки народов автономных республик и областей — на абхазский, аварский, адыгейский, алтайский, балкарский, башкирский, бурятский, еврейский, кабардинский, калмыцкий, каракалпакский, карачайский, коми, кумыкский, лакский, лезгинский, марийский, мордовский, осетинский, табасаранский, татарский, тувинский, удмуртский, хакасский, чеченский, эрзя (мордовский), якутский.

Этот интернациональный сборник — яркое свидетельство торжества ленинской национальной политики в нашей стране, монументальный памятник Сеспелю. Подобной высокой чести удостаивались до сих пор немногие национальные поэты — Тарас Шевченко, Шота Руставели... Книга Сеспеля издана усилиями многих друзей чувашской поэзии, и мы искренно разделяем то чувство безграничной благодарности, которое выразил ее составитель Хузангай переводчикам в своем предисловии: «Все, кто откликнулся на наш призыв, вызывают в нас чувство сердечной признательности. Это — бескорыстный акт взаимопонимания и дружбы народов. Всем поэтам, приобщившим нашего Сеспеля к большому миру общечеловеческого гения, мы желаем доброго здоровья и новых творческих взлетов» [14].

До настоящего времени произведения Сеспеля, помимо русского, более всего переведены на украинский язык. Это и понятно: Украина стала для Сеспеля второй родиной, он навеки остался в земле братской республики. Еще в 1952 г. издательство «Радяньский письменник» выпустило в Киеве сборник «Сталева віра», состоящий из двадцати шести стихотворений Сеспеля. Предисловие к этому изданию и ряд переводов («Стальная вера», «Век минувший», «Пашня Нового Дня», «Чувашский язык», «Сыну чувашскому», «Жизнь и смерть», «Чувашке», «Как умру...» и др.) принадлежат О. Новицкому. Среди других украинских переводчиков Сеспеля — виднейшие поэты Украины Павло Тычина («Морю»), Микола Бажан («Воистину воскрес!»), Максим Рыльский («Чуваш! Чуваш!..»), Андрей Малышко («Далеко в поле желтый зной...»), Олесь Гончар («Дни придут — жизнь наша будет...») и др. В дни семидесятилетия поэта (1969) тот же «Радяньский письменник» издал вторую книгу избранных произведений чувашского классика на украинском языке. Ее редактор — составитель Б. П. Степанюк, художник П. Чичканов, автор предисловия Лариса Кураколова.

В отличие от первого сборника Сеспеля на украинском языке данная книжка, названная «Поле Нового Дня» и красиво

---

[14] Михаил Сеспель. Пашня Нового Дня. Чебоксары, 1969, стр. 16—17.

оформленная, содержит и некоторые прозаические произведения поэта. В разделе «Разное» опубликованы «Дети леса» в переводе Героя Советского Союза писателя Юрия Збанацкого, драматический этюд, вошедший в академическое собрание сочинений Сеспеля «Чувашский поэт», названный здесь «Настанет час» (перевод Борислава Степанюка), статьи, наброски и дневниковые записи — «Чувашское слово» (перевод Олеся Гончара), «Разыгралось море» (перевод Олекса Новицкого), «Из дневника 1920 года» (перевод Ларисы Кураколовой).

В первом разделе нового украинского сборника — поэтические произведения Сеспеля; их всего тридцать, в том числе и те, что были написаны поэтом на русском языке («В Красном море», «Выдуманным глазам»).

Переводчиками поэзии Сеспеля на украинский язык, кроме упомянутых выше (П. Тычина, М. Бажан, М. Рыльский, А. Малышко, О. Гончар), выступают также известные поэты Платон Воронько, Иван Гончаренко, Петро Дорошко, Олекса Ющенко, Микола, Нагнибеда, Василь Швец, Валентин Бичко, Любовь Забашта, Иван Драч, Микола Упеник, Валентин Струтинский, Владимир Сосюра, Борислав Степанюк, Валентин Лагода и др.

Во вступительной статье к сборнику, названной «Сеспель — поэт-гражданин», Лариса Кураколова, занимающаяся исследованием чувашско-украинских литературных связей, знакомит украинского читателя с основными биографическими фактами и творческим путем Михаила Сеспеля. Особый интерес вызывает в упомянутой статье то, с какой любовью повествует Л. Кураколова о жизни и деятельности Сеспеля на Украине, о его дружбе с поэтом Федором Пакрышенем, о его постоянном интересе к литературе братского народа:

«Пребывание в Киеве, ознакомление со старинным городом, его историею, архитектурой вызвало в нем еще больший интерес к украинской культуре, прежде всего к литературе. Если в Чувашии в 20-х годах литературный процесс только развивался, то на Украине уже кипели бурные литературные волны. И, конечно же, они не могли пройти мимо внимания Мишши Сеспеля... Два украинских поэта более всего пришлись к сердцу Мишши Сеспеля и имели на него большое влияние. Это поэзия Тараса Шевченко, поэму которого «Катерина» он намеревался перевести на чувашский язык, и поэзия молодого Павла Тычины, которая была ему близка своими образами и тематикой (сборник «Плуг»)»[15].

Второе украинское издание произведений М. Сеспеля, значительно дополненное новыми переводами, явилось ценным вкладом в интернациональную культуру. Безукоризненно переведены в новом сборнике почти все стихи Михаила Сеспеля. Особенно хочется отметить мастерство переводчиков Павло

[15] Мишши Сеспель. Поле Нового Дня. Київ, 1969, стр. 13—14.

Тычины — «До моря» («Тинĕсе»), Андрея Малышко — «Поле Нового Дня» («Çĕн Кун аки»), Миколы Бажана — «Воістину воскресла!» («Чан чĕрĕлнĕ!»), Максима Рыльского — «Чуваш! Чуваш!..» («Чăваш! Чăваш!..») и др.

Лариса Кураколова заканчивает свою восторженную статью о чувашском классике утверждением о том, что Сеспель для украинских читателей навсегда останется поэтом молодости и вечного обновления:

«І хоч Сеспелеві було б на сьогодні уже сімдесят, для нас назавше він молодий, кипучий, сповнений світлих надій і пратнень».

Мы, чуваши, от всего сердца говорим украинским братьям и сестрам «тавтапуç» за нашего Сеспеля. Их забота об увековечивании памяти чувашского поэта, любовный уход за его могилой, и то, что писатель Юрий Збанацкий издал замечательный роман «Сеспель», и то, что киностудия имени Довженко снимает художественный фильм о Сеспеле и его родине, и то, что на Украине выпущены портреты и марки с изображением Сеспеля, и то, что по Днепру будет курсировать теплоход «Михаил Сеспель», а в Киеве на здании, где он жил, установлена мемориальная доска, и множество других благородных деяний украинских братьев никогда не забудутся трудящимися Чувашии.

Таким образом, имя основоположника чувашской советской поэзии Михаила Сеспеля стало дорогим и любимым не только для нас, чувашей, но и для тысяч и тысяч русских, украинцев, болгар, поляков, чехов, финнов, венгров и многих представителей других национальностей Советского Союза и зарубежных стран. В наши дни с еще большей убедительностью и силой звучат известные строки поэта из стихотворения «Далеко в поле желтый зной...» в переводе Хузангая:

Во мне стучит мильон сердец.
Я не один. Я сам — мильон.
Мильона чувашей певец.
Мильоном стих мой повторен!

◆

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

Вып. 51 УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ 1970

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАБОТЫ НАД АКАДЕМИЧЕСКИМ ИЗДАНИЕМ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ М. СЕСПЕЛЯ

В. Я. КАНЮКОВ,
кандидат филологических наук, доцент

Начиная с 1954 г. сектор литературы Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (как тогда он назывался) приступил к академическому изданию собраний сочинений чувашских писателей. В 1957 г. в результате продолжительной работы коллектива литературоведов вышло в свет Собрание сочинений К. Иванова, через два года появились сочинения М. Сеспеля, затем поступило в производство двухтомное собрание литературных и музыкальных произведений Ф. Павлова.

Научное, историко-литературное и художественно-практическое значение этих изданий бесценно. Прежде всего, они положили конец извращениям и искажениям авторских текстов и восстановили подлинное творческое лицо столь значительных для чувашской литературы писателей. Одновременно, как итог осуществленной научной идеи, выпуск этих томов в таком виде, в каком они ныне представлены читателю, принес положительное решение ряда проблем литературоведческих, научно-теоретических, методологических, общекультурных, в конечном счете — партийно-политических.

Прежде дело издания произведений М. Сеспеля представляло картину довольно безотрадную. М. Сеспель издавался сугубо избранно; он был представлен читателю крайне односторонне, т. к. в основном печатались только стихи, да и те выборочно; массовый читатель не знал творчества поэта в ряде других жанров. Сущей бедой было то, что все издаваемое переделывалось, сокращалось на вкус и лад редакторов, что приводило к искажениям и извращениям: М. Сеспель преподносился в купюрах, в ином лице, нежели он был и есть. Наконец, Сеспель мало переводился на русский язык, следовательно — и на другие языки, не издавалось написанное им на русском языке, что составляет значительную долю его произведений.

Все это мешало правильной оценке творчества поэта-коммуниста. Да и не только его. Этот порочный принцип обраще-

ния с текстами писателей простирался до теоретических умозаключений и выводов, так или иначе отражался на истории литературы, на практике творческой работы ряда поколений писателей.

Перед коллективом, взявшимся за подготовку академического Собрания сочинений поэта, естественно, встала задача: собрать воедино все его произведения, восстановить их по первоисточникам и выработать канонический текст, перевести все произведения на русский язык.

Каковы итоги решения этих задач?

Итог первый. Предпринятое Институтом в 1959 г. издание представляет собой наиболее полное собрание сочинений М. Сеспеля. В него входят, за незначительными исключениями, все выявленные к тому моменту оригинальные произведения поэта, написанные им как на чувашском, так и на русском языках. В томе этом М. Сеспель представлен теперь как поэт широкого профиля. В него вошли стихи, полные гражданского пафоса, беспредельной преданности делу пролетарской революции. В нем впервые нашла место и исключительно тонкая по характеру, полная страсти, чистоты и человечности интимная лирика поэта, осветив его творчество с новой, неведомой дотоле стороны. Кроме того в данном Собрании сочинений М. Сеспель теперь выступает как публицист и теоретик чувашского стиха, как прозаик и драматург, раскрываются многие стороны его общественной и государственной деятельности, т. е. в книгу вошли публицистические и литературоведческие статьи М. Сеспеля, образцы его прозы и драмы, письма, дневники и документы.

Поиски произведений поэта велись в различных направлениях по следам пребывания его, а также близких ему людей в Чувашии, Татарии, Ульяновске, на Украине и т. д. Значительную по объему работу такого характера выполнил покойный Н. Ф. Данилов. Тем не менее не все произведения М. Сеспеля вошли и в данный том.

Не вошла, например, имевшаяся в распоряжении рабочей комиссии статья под названием «Пирĕн вай» (Наша сила), впервые опубликованная в 1918 г. в газете «Хыпар» от 1 февраля в № 9 (67) и подписанная «Çеспĕл». Основным мотивом отклонения ее от включения в состав текстов поэта послужило то, что статья эта не является плодом собственного творчества М. Сеспеля. Много (если не целиком) к ней приложил руку редактор газеты А. Милли. Статья и начинается с сетования на то, что «русские из управы Казанской губернии отказывают в денежной субсидии газете «Хыпар». Далее, она проповедует идею «ограждения чувашей от русской ассимиляции», о «свободе церковного служения на родном языке — на радость души своей», призывает создавать «независимое чувашское войско» и «чувашский банк» и т. д. Короче говоря, статья еще раз все

по порядку перечисляет идеи постоянных в то время выступлений А. Милли. И изложена она стилем и лексикой А. Милли.

Много отличного в этой статье (или вернее назвать — в заметке) от произведений М. Сеспеля тех лет. Статья явно в духе Милли замазывает разграничение между русским трудовым народом и русским эксплуататорским классом, русским самодержавием и ополчается против всего русского. Врагом чуваша (опять-таки чуваша вообще, без классового различия) в статье выступает всеобщий «вырас» (русский), тогда как даже в самых ранних произведениях М. Сеспеля четко разграничивается «царь», «трон», с одной стороны, а с другой — «народ», который «поднимается грозною волною, смоет грязный царский род с черною бедою...» («Скоро...», 1916); у него четко стоят по одну сторону «обездоленные», «оборванный голодный люд», а по другую — «вампиры, утопающие в золотом, полном благами, море...» («Обездоленных свет в непосильной борьбе...», 1918); по одну сторону — «старшинатпа тиек», «пуп», «улпут» (старшина, дьяк, поп, барин), по другую — «сухапуç сынни», «Степан Разин çарĕ» (землепашец, войско Степана Разина — в стихотворениях «Иртнĕ самана» и «Атал юрри», 1919) и т. д. М. Сеспель никогда не мечтал о романтическом «чувашском служении» в церкви. Напротив, он в самых ранних стихах яростно выступал против всего поповского и церковного. В упомянутом стихотворении «Скоро...» (1916) он видит подъем народного духа в том, что «вера в бога вянет...». А в стихотворении «Обездоленных свет...» (1918) первыми идут такие строфы:

Обездоленных свет в непосильной борьбе
О Свобода и алое знамя!
Объявляют войну, объявляют тебе
На собраньях, в золоченном храме.

Поднялись! Поднялись и, как змеи, шипят
На тебя золотые мундиры,
И, взбесившись, тебе, зубы скаля, грозят
Чернецы и попы и вампиры... (41)

Во всех стихотворениях, воспевающих «воскресение чуваша» под пролетарским знаменем свободы, М. Сеспель видит чувашское будущее только через интернациональную перспективу (см. «Чăваш чĕлхи», «Чăваш ачине», «Çĕн Кун аки» и др.). Он совершенно недвусмысленно заявляет:

Чуваш с могучим сердцем, житель новой эры,
Плечами подпирая неба свод,
Шагнет в простор, одеждой солнечной сверкая;
Обнимет Новый День его с любовью, верой,
И путь, что впереди, цветами уберет
Интернационала радуга живая. (105)

А в оригинале:

Умне, çĕн çул çине, çĕн чечексем чĕртсе,
Интернационал кĕперĕ анĕ. (104)

Словом, стихотворениям М. Сеспеля совершенно чужды понятия, термины и взгляд на действительность, которыми проникнута статья из газеты «Хыпар».

Можно предполагать, что М. Сеспель прислал в газету всего лишь заметку о случившейся в Тетюшском уезде схватке между крестьянами и вооруженными солдатами, что в перефразировке «вырас салтакесем» упоминается в статье. Вокруг этого сообщения «нарастил» все остальное А. Милли.

Вызывала некоторое сомнение поставленная под статьей подпись «Çеçпёл», ибо в 1918 г. все свои публикации поэт подписывал «М. Кузьмин», а позже — «Çеçпёл Мишши» или «М. Çеçпёл», хотя, кажется, здесь мало основания для сомнений, ибо другая, двумя неделями раньше опубликованная в той же газете статья его подписана также «Çеçпёл».

Вот эти мотивы заставили тогда воздержаться от приема статьи «Пирён вай» в число текстов М. Сеспеля. Наверное, специалистам следует глубже присмотреться к тексту статьи, полностью разобраться и окончательно уяснить здесь степень авторства М. Сеспеля.

В Собрание сочинений не полностью, а лишь в купюрах вошли письма М. Сеспеля к А. А. Червяковой, хотя основное содержание их здесь охвачено целиком. Диктовалось такое решение тогда идеей издания этих писем отдельным томом, от осуществления которой, мне кажется, отказываться не следует и теперь.

Но многие из произведений М. Сеспеля не вошли в его академическое Собрание сочинений потому, что они не были тогда найдены. Известно, что Сеспель писал поэмы, роман, рассказы, имел много переводов. Эти произведения перечислены в разделе обзора и источников Собрания сочинений (см. стр. 265—271, 273—279). Считается, что все это пропало безвозвратно.

Однако теперь есть основание усомниться в таком категорическом мнении, есть необходимость возобновления поисков. Средства и методы поисков в пятидесятых годах были довольно несовершенными. Более всего полагались на переписку с современниками поэта или их наследниками. Надо бы еще раз фронтально изучить фонды государственных, редакционных, частных архивов и хранилищ.

Что поиски тех лет не исчерпали возможного, говорят находки, последовавшие вскоре по выходе тома М. Сеспеля.

Оказалось, что в Центральном государственном архиве хранится заявление М. Сеспеля от 16 августа 1920 г. в Ревком Чувашской автономной области о своем желании работать в Чувашской области. Этот документ проливает свет на то, что М. Сеспель был переведен из Тетюш в Чувашскую область по его собственной инициативе, а прежде, по некоторым письмам

поэта, можно было думать, что такой инициативы с его стороны и не было.

Оказалось также, что в научном архиве нашего Научно-исследовательского института, в фонде бумаг Г. Зайцева-Тал-Мрзы хранится адресованное ему письмо М. Сеспеля с приглашением участвовать в готовящемся сборнике поэтических произведений чувашских поэтов. По содержанию письмо следует датировать мартом 1921 г.

Оказалось, наконец, что в 1927 г. Н. Золотов дважды опубликовал свое предисловие к книге Д. Юмана, где цитируется фрагмент статьи М. Сеспеля (или приписываемой ему статьи) с чувашском языке. В свою очередь в 1930 г. В. Г. Егоров брал из него цитату в качестве эпиграфа книги «Введение в изучение чувашского языка».

Ряд материалов опубликован в «Ученых записках» НИИ, вып. XXI, 1962, стр. 328.

Все это заставляет думать, что далеко не все исчерпано в поисках сочинений М. Сеспеля.

Второй итог работы по подготовке Собрания сочинений М. Сеспеля касается принципов научного редактирования его текстов.

Тексты всех произведений, вошедших в книгу, проверены по первоисточникам. Источники это следующие: 1) автографы; 2) публикации поэта при его жизни; 3) наиболее авторитетные копии, сделанные различными лицами при жизни поэта и в позднейшее время; 4) сборники, газеты, журналы и альманахи, в которых появились его посмертные публикации.

В конечном счете тексты М. Сеспеля критически установлены и канонизированы. Отклонения от канонического текста представлены в своде вариантов к ним. В результате оказались восстановленными и получили первоначальное звучание ряд произведений, донельзя искаженных в печати. Например: стихотворение «Дни придут — жизнь наша будет...» («Вăхăт çитĕ, вăхăт пулĕ...») ранее печаталось как продолжение и конец стихотворения «Век минувший» («Иртнĕ самана»), в Собрании сочинений оно восстановлено как самостоятельное произведение и обрело новое звучание. А стихотворение «Как умру...» («Эпĕ вилсен...») во всех поздних публикациях давалось с отсечением последних восьми строк. Между тем, как раз в них и заложена идея произведения поэта:

Çершывăма таван халăх
Хăвасламасан,
Чун савна чăваш чĕлхийĕ
Пĕтмелле пулсан,—

Усал курак та ан шаттăр
Ман тăпра çине:
Çер çуралтăр та çĕр çаттăр
Вил шаммамсене.

Перевод:

Если край свой не возлюбит
Мой народ родной,
И пропасть чувашской речи
Суждено судьбой,

Не хочу я и бурьяна
На могилу, нет:
Пусть земля меня поглотит
И исчезнет след! (89)

Эта же идея и эти же образы ярче и весомо повторяются в стихотворении «Тяжелые думы» («Йывар шухăшсем») [1], но и это произведение после 1928 г. не включалось в число произведений М. Сеспеля.

Подобные примеры не единичны.

Однако даже в данном Собрании сочинений не все удалось издать в восстановленном виде: том подписывался в свет в то время, когда ведающие этим инстанции еще не перестали руководствоваться старыми привычками, и тексты писем М. Сеспеля к Ф. Пакрышню и А. Ласточкину, а также дневниковых записей остались пестреть отточиями.

Итог третий — издание произведений М. Сеспеля для русского читателя. Кроме публикации всех произведений поэта, написанных им на русском языке, в Собрании сочинений все его чувашские сочинения представлены в переводе на русский язык, что дало читателям братских народов возможность полного ознакомления с творчеством нашего славного поэта. При этом для издания избран был принцип художественного перевода с предельным приближением к лексике и поэтическим образам оригинала, т. е. с предельно точным сохранением особенностей стиля поэта, что в иных случаях приводило почти к буквализму. Более целесообразно было бы, быть может,

---

[1] ...Таван çĕршыв, е сан та ваю пĕтрĕ?
Е чаваш чĕлхин хават çĕтрĕ?

Е ют чĕлхесем уснĕ майĕ
Чаваш чĕлхи çĕтсе, пĕтсе кайĕ?

Е чаваш çынни, чаваш ялĕ
Сарлака çĕр çинчен çухалĕ?..

Апла пулсан... чĕрем хыпса çунтăр,
Чĕрем хыпса çунса, сив кĕл пултăр.

Сив кĕл хаяр çилпе вĕçсе пĕттĕр,
Сивĕ çапна чуна вилĕм кĕтĕр.

Ват асатте çиллĕ тавал витĕр
Мана масар çине кайса чиктĕр.

Тăпрам çинче ĕмĕр çил улатăр,
Вата йываçсене суллатăр.

Вил тăпри вĕлтрен тахантăр,
Пуçам çинче çĕлен шахартăр. (82)

иметь параллельно и академический и художественный переводы. но практические цели издания подсказывали, как тогда казалось, именно тот принцип, который осуществлен.

Эти три основных итога работы по подготовке и изданию текстов Собрания сочинений М. Сеспеля оказали воздействие на ряд других, отчасти перечисленных в начале данного сообщения. Детальная же их конкретизация коснулась бы темы суждений другого, более широкого плана.

Что же касается Собрания сочинений М. Сеспеля, то вероятнее всего возникает вопрос о переиздании его в более полном виде.

◆

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

Вып. 51 УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ 1970

ДРАМАТУРГИЧЕСКИЙ ОПЫТ МИХАИЛА СЕСПЕЛЯ

(Наброски его пьесы «Чувашский поэт»)

Ф. А. РОМАНОВА

За короткую творческую жизнь Михаил Сеспель успел проявить себя во всех трех родах литературы. Отдавая предпочтение поэтической музе, он пробовал перо в прозе. Подавал он надежды и как драматург.

На сегодня мы располагаем только одной пьесой Михаила Сеспеля, вернее — набросками, которые были обнаружены уже после смерти поэта. Название пьесы — «Чаваш поэчĕ» (Чувашский поэт) было дано критиком В. А. Долговым, благодаря которому она была впервые опубликована в альманахе «Таван Атал» (Родная Волга) в 1957 г.

В однотомном собрании сочинений поэта отрывок занимает 6 неполных страниц. Этот объем в полнометражной пьесе может представлять одну картину (цифра «2», поставленная автором в начале рукописи, может обозначать начало второй картины или второго акта). Но и этих страниц вполне достаточно, чтобы оценить драматургические возможности поэта.

Содержание картины (будем считать, что это — картина) сводится к рассказу об истории из жизни чувашского юноши Яхрава. Момент выбран самый критический: Яхрав исключен из университета. Всего три дня назад у него произошло столкновение с одним из профессоров. Поводом явился спор о том, имеют ли право чуваши издавать свою газету («чăвашла хаçат каларасси çинчен...»). Профессор усмотрел в этом стремление Яхрава и ему подобных противопоставить чувашей русским, обвинил его в «сепаратистских направлениях», чуть ли не в подстрекательстве к бунту. В Яхраве же заговорило чувство национальной гордости, и он высказал профессору все, что думал: придет время — и чуваши сумеют отомстить своим притеснителям, поднимут головы.

Хозяйка квартиры участливая, сердобольная Анук пытается успокоить Яхрава, который не может понять, почему она живет в таком постылом городе. Анук, рассказывая историю

своей жизни, заканчивает, что она не видит разницы между русскими и чувашами. А вот Яхрав, оскорбленный в своих самых светлых порывах служения народу, готов всех обвинить в том, что представители его народа находятся в неравном положении с русскими. К тому же становится известно, что по предписанию губернатора он в 24 часа должен покинуть город. Сначала Яхрав падает духом: сколько препятствий на пути к достижению цели, а он-то мечтал стать поэтом чувашского народа, восславить родной чувашский язык!..

С приходом друзей, после горячего обсуждения событий, в Яхраве воскресают силы, у него вновь появляется уверенность в том, что он и его товарищи сумеют найти свое место в общей борьбе за духовное, культурное развитие своего народа.

При разборе набросков пьесы некоторые авторы были склонны обвинить Михаила Сеспеля в политической незрелости и даже в национализме. Действительно, в дошедшем до нас отрывке заметна некоторая тенденциозность в рассуждениях Яхрава. Так, фраза, которую бросает Яхрав: «...аста курна эс чăваш ирĕклĕ пураннине. Вырăсла чăваш пĕрех пулнаран мана университетран каларса ячĕç-и?» (...Где ты видела, что чуваши жили свободно. Разве потому, что чуваши и русские на одном положении, исключили меня из университета?) — действительно не может не вызвать возражения. Но это только в том случае, если взять ее изолированно от всего произведения. Однако на это мы не имеем права. Прежде всего, мы не знаем, как по замыслу автора развивался дальше образ Яхрава: остался ли он с этими же суждениями до конца, или новые обстоятельства, общение с другими персонажами пьесы помогли ему понять односторонность его выводов. Кроме того, позиция автора в значительной степени отличается от позиции героя. Устами других персонажей он говорит, что истинная причина угнетенного, униженного положения чуваш — в социальном строе, в царском режиме. Да и сам Яхрав в начале же пьесы бросает реплику: «Чăваш та пусмăрсăсене хирĕç тăварма пĕлĕ» (И чуваши сумеют отплатить своим притеснителям). Пришедший же вместе с товарищами к Яхраву Петр Федоров с возмущением рассказывает не о русских вообще, а о русских чиновниках, которые распространяют слух, будто бы чуваши хотят отделиться от русского государства. Он рассказывает о шпионах, многие из которых одеты в поповские рясы и засылаются из Питера для того, чтобы найти повод к обвинению чувашей в бунте. Довольно ясно, о каком «Питере» говорит Петр Федоров: это — царский самодержавный строй. Ниже тот же герой убежденно говорит, что настанет время и народ сумеет вырваться на свободу из-под царского гнета: «Вăхат çитĕ, чăваш патша ури айĕнчен ирĕке тухĕ» (Настанет время, чуваш вырвется на свободу из-под пяты царизма).

Думается, что совсем не случайно автор именно в уста Анук, которая общается в кругу простых городских тружеников — рабочих, мастеровых, мелких служащих—вкладывает слова, что нет разницы между русскими и чувашами («Вырасси—чаваши пĕрех маншан», т. е. «Что русские, что чуваши — все едино для меня»). Простой трудовой народ всех национальностей всегда находил общий язык, его всегда объединяли общие трудности, общая цель. И проносит эту мысль Сеспель тонко, ненавязчиво, но и жизненно-убедительно.

Таким образом, можно говорить о нечеткой, не до конца определенной позиции Яхрава по отношению к русской нации. Но неверно было бы обвинять в этом автора, т. к., повторяем, мы не имеем права делать такой вывод по отрывку, не зная, как был бы развит образ героя дальше; кроме того, через других персонажей автор выражает свою позицию более определенно.

В связи с этим возникает вопрос, когда была написана пьеса и что побудило поэта обратиться к новому для него жанру литературы. В комментарии издания произведений М. Сеспеля (стр. 301) мы читаем: «По содержанию пьесы можно полагать, что написана она ...не позднее времени вступления в партию в конце 1918 г.». Такая категоричность возникла вероятно из желания «оградить» М. Сеспеля — члена партии — от ошибок в национальном вопросе. Будем считать, что он свободен от таких заблуждений (к тому же безотносительно к Сеспелю закономерен вопрос: разве 19—20-летний коммунист совершенно гарантирован от заблуждения?).

Считаем, что наброски пьесы относятся к 1919—1920 гг. или даже к более позднему сроку. Известно, что «драма, комедия — самая трудная форма литературы,— трудная потому, что пьеса требует, чтобы каждая действующая в ней единица характеризовалась словом и делом самосильно, без подсказываний со стороны автора» (М. Горький, «О пьесах»). Следовательно, писатель должен знать законы драмы, специфику театра, быть знакомым с произведениями сценического искусства, иметь начальный импульс для обращения к драматургическому творчеству. Таким импульсом могло стать знакомство М. Сеспеля с «Чувашским Советским передвижным театром», который был образован в Казани в 1918 г. Из биографии поэта мы знаем, что ему не раз приходилось бывать в Казани в период наиболее активной деятельности этого театра, а именно в сезон 1919—1920 гг. Быть в это время в Казани и не видеть спектаклей чувашского театра он не мог, т. к. это не вяжется со взглядами и интересами поэта — большого патриота своего народа, мечтавшего о его культурном возрождении. Весной 1920 г. Сеспель знакомится в Казани с одним из активных чувашских театральных деятелей — драматургом, актером, режиссером и переводчиком Георгием Тал-Мрзой. Из ряда писем Сеспеля

можно установить, что зимой 1919—1920 гг. в Тетюшах, где в это время жил и работал поэт, часто ставились любительские спектакли. Вполне вероятно, что это были не мещанско-бытовые пьесы, но и произведения, поднимающие социальные вопросы (о спектаклях в Тетюшах Сеспель упоминает, например, в своих письмах к М. Червяковой от 24 ноября 1919 г. и 2 февраля 1920 г.). Можно полагать, что к созданию своей пьесы Сеспель приступил более или менее подготовленным, в определенной степени посвященным в тайны сценического искусства.

Об этом же говорят и драматургические достоинства набросков «Чувашского поэта». Несмотря на то, что отрывок довольно мал по размеру и, по-видимому, является средней картиной пьесы, в нем четко выражена идея, постоянно волновавшая поэта,— идея возрождения национальной культуры своего народа. Сеспель неоднократно высказывал свое стремление отдать всего себя делу развития чувашской культуры и искусства. «...хочется жить художественной жизнью, что-либо оставить от своего существования чувашской национальной культуре»,— записывает он в дневник 10 ноября 1920 г. Полны заботой о развитии национальной культуры его письма к Н. Т. Васянке (III-1921 г.). Нужно взять во внимание и то, что Сеспель был всесторонне одаренным человеком и еще не известно, какие из его способностей получили бы в дальнейшем наибольшее развитие. Поэт обладал и талантом рисовальщика, о чем свидетельствуют сохранившиеся рисунки и собственное стремление получить образование в художественном учебном заведении, слагал песни (например, на текст собственного стихотворения «Пурнăспа вилĕм»). Все это дает основание думать о высокой компетентности Сеспеля в вопросах культуры и искусства. Сохранившиеся наброски пьесы также проникнуты мыслями о развитии чувашской национальной культуры, и можно полагать, что эти наброски хронологически совпадают со временем усиленных размышлений поэта о судьбах своего народа, а это и нашло отражение в приведенной дневниковой записи. Вряд ли может вызывать сомнение и тот факт, что непосредственным поводом к работе над набросками послужила деятельность Чувашского театра в Казани.

Интересна композиция пьесы, в которой тоже сказываются талант драматурга и темперамент автора. Начинается отрывок с кульминации: Яхрав приходит с известием, что он исключен из университета. Атмосфера напряженности и тревоги возрастает, когда приходит жандарм с предписанием губернатора Яхраву немедленно покинуть город. Для усиления драматизма событий автор умело пользуется приемом контрастов. Например, когда Анук слышит шаги Яхрава, то радостно замечает: «Самах çинех пулчĕ, ыр хыпарпа килет пулмалла» (Легок на помине, знать, с добрыми вестями идет). А приходит Яхрав

с тяжелой вестью. Он пытается взять себя в руки, даже запевает песню. Когда раздается стук в дверь, он говорит: «Юлташсем килес тетчёç. Çавсем пуль, уç-ха, кинемей» (Друзья хотели придти. Наверное, заявились, открой-ка, тетушка). Анук открывает дверь, но вместо ожидаемых друзей в комнату входит жандарм. Одно событие драматичнее другого. Напряжение растет, соответственно растет и интерес читателя к судьбе Яхрава. Поэтому, когда его друзья обсуждают, как поступить Яхраву дальше, куда поехать, читатель заинтересован в исходе разговора. И завершается отрывок мечтой друзей о будущем, она уносит и героев и читателя в то светлое завтра чувашского народа, в неизбежности которого убеждены автор, персонажи пьесы. Невелик отрывок пьесы, но он впечатляет своей композиционной стройностью.

Удивительно мастерство поэта в умении двумя-тремя штрихами талантливого рисовальщика дать законченный портрет героев пьесы. Он ставит рядом людей очень разных характеров, разного темперамента, хотя и объединенных одной общей идеей. Горячим поборником чувашского языка выступает в пьесе Яхрав. Ничто не может свернуть его с дороги, отстранить от борьбы за развитие чувашской литературы. Он рассудителен и как-то, пожалуй, старше своих друзей. Его юношеская порывистость подчеркнута резкими переходами от трагического к романтике будущего. Мечтателен, несколько тоже романтичен Михаля — будущий художник. Очень лиричный, он без труда воссоздает красоту симбирских пейзажей — стройные ряды берез, Волгу, сады. Мечтательно рисует он будущее Чебоксар. По живости мироощущения Убик готов сравнить его с наивной Чиберче. Совсем другой Петр Федоров, энергичный, задорный, но вместе с тем деловой, с трезвым, практическим взглядом на жизнь. Он чем-то напоминает, судя по описаниям И. С. Максимова-Кошкинского, Петра Федорова из самой действительности — первого администратора чувашского театра, друга и соученика Максимова-Кошкинского по Казанской художественной школе. У нас нет доказательств, что Сеспель писал портрет с реального знакомца чувашского драмартурга, но о нем (друзья называли его Пьером), погибшем во время временного захвата Казани белочехами, мог рассказать поэту Тал-Мрза. Немногословен, но полон природного чувства юмора Убик. Он немногим старше 17-летней Чиберче, но в кругу друзей авторитетен своей определенностью взглядов. Всего несколько слов предоставляет автор Чиберче, но перед нами — рельефно обрисованная личность очень юной, наивной, непосредственной в выражении своих чувств девушки.

За ремарками, за субъективным состоянием героев можно разглядеть и намечающийся конфликт в личных взаимоотношениях. Так, когда становится известно, что Яхрав вынужден покинуть город, автор в двух ремарках замечает, как глубоко

Чиберче переживает предстоящую разлуку (видно, что она неравнодушна к Яхраву). В то же время заметно особое внимание к девушке Убика, пусть она и постоянно поддразнивает его.

Невелик сохранившийся драматургический опус Михаила Сеспеля, но он дорог нам как свидетельство разносторонних и многообещавших дарований поэта-революционера. Историко-литературное значение набросков состоит и в том, что они еще раз подтверждают социальную содержательность первых опытов пооктябрьской чувашской драматургии, что наметилось уже в творчестве зачинателей чувашской драмы К. В. Иванова и М. Ф. Акимова.

◆

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

Вып. 51 УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ 1970

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ М. СЕСПЕЛЯ

И. И. ОДЮКОВ,
кандидат, филологических наук, доцент

История свидетельствует, что в зарождении и развитии литературы основополагающее значение имела устная поэзия. Народная мудрость была почвой, которая породила искусство слова, животворным источником, откуда лучшие представители этого искусства черпали для своих творений темы, идеи, образы, сюжеты, сокровищницей, на богатстве которой учились и писатели, и поэты мастерству языка, изображения событий и людей. На большое значение фольклора в развитии профессионального искусства, письменной литературы не раз указывали классики марксизма-ленинизма и литературы. Карл Маркс, определяя роль фольклора в развитии греческого профессионального искусства, писал: «Известно, что греческая мифология составляла не только арсенал греческого искусства, но и его почву»[1]. На эту же родственную связь литературы с фольклором указывал и великий пролетарский писатель А. М. Горький. «Начало искусства слова — в фольклоре»,— говорил он в своем заключительном слове на I съезде Союза советских писателей в 1934 г.[2]. Горький призывал советских писателей собирать и изучать произведения устной поэзии в целях развития самой письменной литературы. «Собирайте ваш фольклор,— говорил он, — обрабатывайте его. Он очень много дает материала и вам, и нам, поэтам и прозаикам Союза»[3].

Правильность этого положения подтверждается и историей чувашской литературы. Как это уже неоспоримо доказано, она зародилась на двух началах: на устном поэтическом творчестве родного народа и на классической русской литературе. Оба эти фактора постоянно оказывали животворное влияние на развитие всей чувашской литературы с первых лет её зарождения до наших дней. Все лучшие её представители прош-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 12. М., Госполитиздат, 1958, стр. 736.
[2] М. Горький. О литературе. М., 1953, стр. 729.
[3] Там же, стр. 64—67.

лого и настоящего учились и учатся на богатстве устной поэзии своего народа. Ярким примером влияния чувашских фольклорных традиций на развитие письменной литературы является творчество И. Я. Яковлева, Игн. Иванова, М. Ф. Федорова, К. В. Иванова, Н. В. Шубоссинни, Н. И. Полоруссова-Шелеби, Ф. П. Павлова, П. Н. Осипова, С. В. Эльгера, И. Н. Ивника, И. С. Тукташа, П. П. Хузангая, Я. Г. Ухсая и многих других.

В чувашском литературоведении вопрос о роли устной поэзии в зарождении и развитии чувашской литературы изучен совершенно недостаточно и только в связи с изучением творчества отдельных писателей. В этой области перед чувашскими исследователями стоят большие задачи: обобщить опыт благотворного влияния устной поэзии не только на творчество отдельных писателей, но и на литературный процесс в целом. В этой связи представляет большой интерес мысли профессора М. Я. Сироткина [4], что у чувашских писателей в подходе к богатствам фольклора, в способах отбора и целях использования устнопоэтических традиций в литературном творчестве имелись и имеются отличия и своеобразия, связанные с мировоззрением и творческой манерой каждого отдельного автора. Например: И. Я. Яковлева и Игн. Иванова как педагогов-просветителей больше интересовали пословицы и поговорки, загадки и прибаутки, малые нравоучительные народные рассказы. М. Ф. Федоров в целях показа забитости и темноты чувашского крестьянства 60—70 гг. XIX в. использовал верования и побывальщины. К. В. Иванов и Н. В. Шубоссинни, боровшиеся за освобождение личности от гнета капитала, использовали сказки, легенды и другие устнопоэтические жанры или мотивы и образы. С. В. Эльгер больше стремился к изображению исторической борьбы чувашского народа за национальную независимость и широко использовал легенды об улыпах, исторические предания о выступлениях чувашей против русского самодержавия. Н. И. Шелеби обрабатывал чувашские исторические предания и легенды, в своих стихотворениях широко использовал образы и мотивы, строфику и ритмику чувашских народных песен и т. д. Однако все это требует дальнейшей работы по уяснению этого вопроса на основе соотнесенности с чувашским литературным процессом в целом, и работы тут — непочатый край.

При изучении материала о традициях в творчестве того или иного писателя небезынтересно выяснить и вопросы об отправных пунктах этого творчества: приходит ли писатель в большую литературу через изучение опыта устнопоэтического творчества своего народа или же через изучение опыта русской

---

[4] М. Я. Сироткин. Очерки дореволюционной чувашской литературы. Чебоксары, 1967; Очерки истории чувашской советской литературы. Чебоксары, 1956 и др.

или родной литературы. У каждого писателя пути прихода в литературу разные. Для одних (например М. Акимова, Т. Семенова (Тайра Тимки), М. Сеспеля) этим трамплином послужила русская классическая и революционная поэзия. Другие (например И. Я. Яковлев, К. В. Иванов, Н. В. Шубоссинни) в развитии своего литературного творчества одинаково пользовались и опытом родной устной поэзии, и опытом русской классической литературы. В истории чувашской литературы было много примеров, когда тот или иной писатель, отправляясь от одного опыта (фольклора), в ходе развития своего литературного творчества приходил к изучению другого опыта (русской литературы) или наоборот. Так, к использованию в своем творчестве фольклорных традиций уже в более зрелом периоде пришли поэты С. В. Эльгер, П. П. Хузангай, И. С. Тукташ и некоторые другие.

М. К. Сеспель принадлежит к числу поэтов, пришедших в литературу через ознакомление с опытом русской литературы, главным образом революционной поэзии. Но революционно-романтически настроенный поэт обращался и к устной поэзии родного народа, широко использовал в своих произведениях её примеры, сюжеты, мотивы, образно-художественные средства самых разнообразных жанров: пословиц и поговорок, песен и сказок, примет и заклинаний, преданий и легенд. Устнопоэтические элементы поэт включает в свои произведения для выражения своего революционного настроения, критики и отрицания дореволюционных социально-политических и эстетических норм жизни, утверждения новых, революционных.

Фольклорными традициями Сеспель одинаково пользуется во всех жанрах — в поэзии, в драме, прозе.

Два стихотворения полностью написаны поэтом на основе использования фольклорных сюжетов («Судьба солдата» и «Волжская песня»). Устнопоэтические жанры, мотивы и образы, фразеологические обороты Сеспель вплетал в сюжетную и строфическую ткань своих произведений, подчиняя их раскрытию идейного содержания. Поэтому часто устнопоэтические примеры в произведениях М. Сеспеля принимали другое идейное звучание, получали иную интерпретацию. Например, уже в первом своем произведении «Час...» («Скоро...», 1916)[5] написанном в ученические годы, поэт использовал образ грозы в качестве символа революции, низвергающей царский трон и уничтожающей царское самодержавие.

В старых народных поверьях и мифологии под громом подразумевается божественная сила, карающая нечисть. Поэт же грозу противопоставляет образу бога и рисует, в духе А. М. Горького, синонимом народного гнева, народной мести

[5] Михаил Сеспель. Собр. соч. Чебоксары, 1959, стр. 39.

царю и царскому трону за развязанную империалистическую войну:

Отнимают лошадей,
Вера в бога вянет.
И когда же на царей
С неба буря грянет?

Поднимается народ
Грозною волною.
Смоет грязный царский род
С черною бедою.

Особенно часто обращался Сеспель к богатству народной песни. Отдельные примеры, мотивы или образы изустной песни поэт использовал в стихах «Век минувший», «Жизнь и смерть», «Чувашский язык», «Судьба солдата», в повести «Дети леса», в драме «Чувашский поэт» и т. д. Как теперь установлено, Сеспель с детских лет полюбил песни своего народа (большую роль в этом сыграла его мать Агафья Николаевна). Свою любовь к песне он выразил в целом ряде произведений. Поэт лелеял мечту о создании народом и поэтами новой песни о счастливой жизни. Так, в публицистической статье «Çапла пулашатăр-и?» (Так ли помогаете? 1918), описывая жизнь и быт чувашей родной ему деревни Шугурово он отмечает исполнение народом грустных песен в годы империалистической войны [6]. В стихотворении «Чаваш чĕлхи» (Чувашский язык, 1920) [7] выражена уверенность поэта в расцвете песни нового содержания:

Ты прославишь в песнях край наш обновленный
Светлую свободу сердцем возлюбя.
Ты прославишь Волги плеск неугомонный,
Шупашкар, что нежно вынянчил тебя.

Любовь к народной песне, восхищение неповторимой её красотой автор нередко передает через героев своих произведений. Например, в набросках драматического этюда «Чувашский поэт» (1917—18) хозяйка квартиры чувашского поэта, студента Яхрава, тетушка Анук о нем и его друзьях отзывается так: «Как запоют по-чувашски, право, заслушаешься. Хороши ребята! Хоть и студенты, а не забывают, что они чуваши» [8].

Главный герой драмы Яхрав с удовольствием исполняет чувашскую молодежно-хороводную лирическую песню «Çĕмĕрт сеçки çурăлать те» (Цвет черемухи распускается) [9]:

Цвет черемухи распускается,
Цвет черемухи распускается
И виднеется сквозь лесок...

[6] Там же, стр. 144—145.
[7] Там же, стр. 68—69.
[8] Там же, стр. 179.
[9] Там же, стр. 181.

Горячая любовь поэта к народной песне, его вера в её будущее ярко выражена в стихотворениях «Эпё вилсен...» (Как умру..., 1921 г.) [10], «Чан чёрёлнё!» (Воистину воскрес!, 1921) [11] и др.

Сеспель не только любил и восхищался народной песней, но и мастерски использовал её богатства в идейно-художественных целях. В стихотворении «Салтак шăпи» (Судьба солдата, 1917), он подвергает осуждению бессмысленную бойню в первую империалистическую войну. Для этого он пользуется сюжетом и мотивами чувашских солдатских песен о ненависти трудящихся к солдатчине, к войнам, затеянных ради интересов господствующих паразитических классов. Такие песни поэту не приходилось разыскивать: в 1916—1917 гг. они исполнялись постоянно в каждой деревне.

В произведении описывается отправка солдат на фронт. Поезд уходит на Запад. В вагонах — «люди в серых шинелях». Один из них, совсем еще молодой, «склонив голову на грудь, грустит по родине далекой» и размышляет о солдатской судьбе. Само рассуждение о несчастливой доле солдата передано в стихотворении в форме солдатских песен, которые автор несколько видоизменил, усилив их протестующий против войны дух. Мотивы и образы, собранные поэтом из разных песен в одно стихотворение, составляют в нем единое и неразделимое сюжетно-образное целое и создают печальную картину тяжелой солдатской жизни:

Ах, мама, мать моя родная,
Зачем на свет ты родила,
Судьбой несчастной наградила,
Шинелью серой облекла?

Сюжет, образы и мотивы этого стихотворения взяты автором из солдатских песен, широко исполнявшихся в годы первой мировой войны: «Вăрçа вылять, вут таканать» (Разыгралась война, разгорелась огнем), повествующей о вступлении в войну «десяти тысяч» солдат; «Садра чие хăвисем» (В саду вишневые кусты), в которой рассказывается о раненом солдате (...а зеленый юнец бежит, истекая кровью); «Резань хирĕнче» (В степи Рязанской), где говорится о медленной смерти израненного солдата; «Инçет Карпат ту çинче» (В горах Карпатских),— о помощи сестры-санитарки раненым солдатам во время перевозки их с передовой линии в госпиталь и т. д.

К образам солдатских песен М. Сеспель обращался и в других стихотворениях, например, в «Пурнăçпа вилĕм» (Жизнь и смерть, 1920) [12], но уже в сочетании с образами и мотивами

---

[10] Там же, стр. 84—89.
[11] Там же, стр. 92—95.
[12] Там же, стр. 65—67.

других устнопоэтических жанров. В стихотворении говорится о значении жизни и борьбы молодого революционера:

Сын труда, он голову сложил,
Чтобы мир счастливой жизнью жил.
Он за бедных шел в кровавый бой,
Не жалея жизни молодой.
До последнего, пока дышал,
Знамя коммунизма он держал...

Но революционер погиб, был похоронен вдали от родных мест, а его могила поросла крапивою. Поэт призывает помнить таких добрых (ыра) людей, уважать их, продолжать начатое ими дело.

Для характеристики образа такого борца, выражения тоски по безвременно погибшему революционеру поэт использует мотивы и образы солдатских песен в сочетании с мотивами и образами чувашских поговорок и похоронных причитаний.

Заброшенность могилы борца изображается песней о гибели солдата вдали от родины: Насыпь одинокая видна, поросла крапивою она.

Над могилой борца поэт произносит старинную формулу—пожелание покоя в загробной жизни: «Тапри çамал пултăр» (пусть земля будет пухом). Невозможность встречи погибшего борца с родными, тяжесть утраты поэтически раскрывается слиянием мотива солдатской песни (о расспросах детьми погибшего солдата у своей матери о причинах долгого отсутствия их отца) с мотивом песни-причитания по умершему:

Милый брат, стряхнуть бы этот сон!
Так безвременен и тяжек он.
Дома ждет жена твоя любя,
Спрашивает сын твой про тебя.
Эх, родимый, прошлой жизни путь
Кто бы мог обратно повернуть?
Ты не выйдешь в поле, чтоб опять
С песней землю тучную пахать;
Не увидишь, как блестит апрель,
Не услышишь жаворонка трель;
А когда все будут жать свой хлеб,
Не возьмешь ты в руки острый серп[13]...

Поэту-революционеру были близки по духу и лирические песни философского размышления о смысле жизни, в которых ярко запечатлелся не только протест трудящихся против социальной несправедливости, но и мечта о будущем, о лучшей жизни. Сеспель или полностью переносит такую песню в свое стихотворение, или же использует отдельные её части и образы.

---

[13] Сравните стихотворение М. Сеспеля с народной песней-плачем по умершему: Солнце всходит и алеет, ты же не румянишься, не возвращаешься. Ласточка прилетает, песню поет, ты же не идешь, не поешь и т. д.

В стихотворении «Иртнĕ самана» (Век минувший, 1919) [14], призывающем к революционному преобразованию жизни, для показа социально-неравноправной жизни чувашских трудящихся в прошлом Сеспель пользуется мотивом чувашских гостевых-пировых песен о классовом неравенстве родственников:

Никогда не поднесет
Ковш тебе богач,
Хоть с женой ты круглый год
На него батрачь.

Стихи «никогда не поднесет ковш тебе богач» по содержанию во многом созвучны со строками народной песни: «Дождь все льет и льет, не переставая, везде ли в мире он так ровно выпадает? В этом доме собралась вся близкая родня, всем ли ковши с пивом с уважением подносятся?»

В рассказе «Вăрман ачисем» (Дети леса, 1918) повествуется о жизни и быте чувашей, жителей леса, об их участии в экономической жизни России.

Автор изображает чувашей дикими, забитыми, национально-угнетенными, но в то же время вольнолюбивыми и гордыми, имеющими многовековые национально-героические традиции. Герои рассказа, едучи лесом на строительство железной дороги, с гордостью исполняют эпическую песню о легендарном герое своего народа Адыл батыре [15]. «Люди, едущие верхом, родились и выросли в этом лесу — знают они этот лес на пятьдесят верст в окрест, как свой двор. Долго ехали они молча. Лишь Сеспель мурлыкал себе под нос песню о родной деревне, о том, как они едут на работу в чужедальнюю сторону. Все остальные ушли в невеселые думы. Неожиданно лес зазвенел. Селдор (Çăлтăр—Звезда,— *И. О.*) запел громкую песню:

Э-э-эй! Встарь, говорят,
Адал-батор жил... Э-э-эй!

И тут же дружно подхватили песню остальные:

Адал-батор был
Славным молодцом.
Добрый киреметь
Был ему отцом...

Лес отозвался эхом. Всадники пели о боевых походах Адал-богатыря, о том, как выпалывал он на своем пути огромные дубы, словно полынь».

Песня, эпическая по содержанию, исполняется как воспоминание об Адыл батыре, о его ратных делах. Но Сеспель приводит только начало и конец песни, а содержание главной её части пересказывает своими словами. Поэтому нам сейчас

[14] Михаил Сеспель. Собр. соч., стр. 47.
[15] Там же, стр. 166—169.

трудно судить о её особенностях, тем более, что у чувашей подобных эпических песен былинного характера о подвигах древних богатырей не сохранилось. Возможно, подобные эпические песни раньше в народе бытовали, и Сеспель, может быть, слышал такую песню и воспроизвел её в своем рассказе. Но в записях фольклористов XIX—XX веков подобных песен пока не обнаружено. У чувашского народа о древних богатырях существуют легенды, предания и сказки. Например, широко бытуют легенды об Улыпе (Великане), предания о болгарских князьях, сказки об Иване батыре, Юмане батыре (Дуб батыр), Çĕр батыре (Земля батыр) и т. д. Но об Адыл батыре не обнаружено ни одной легенды. Поэтому, если и предположить что поэт сам составил эту песню, остается фактом что Сеспель использовал устнопоэтическое богатство, мотивы и образы народных легенд и преданий.

Содержание начала песни о большом росте и могучей силе Адыл батыра прямо напоминает чувашскую ленгенду «Улап тапри» (Курганы Улыпа).

В рассказе, кроме этой эпической песни, дается только упоминание о другой песне, исполняемой одним из героев Сеспеля, в которой, как пишет сам автор, передается мечта «о родной деревне, о том, как люди едут на работу в чужедальнюю сторону» [16]. По-видимому, поэт говорит здесь о способности чувашей создавать песни путем импровизации. В том же рассказе в целях раскрытия лирического настроения героев, вызванного красотой родной природы, автор приводит лирическую песню о соловье. «В чаще послышалось пение соловья,— пишет он.— Сеспель ответил на его песню своей:

Соловей, соловей,
Птаха малая,
Хоть и мал соловей,
Песней полнит он лес [17].

Характерно для творческой манеры Сеспеля, как и других поэтов и писателей, использование пословиц и поговорок, образно формирующих мысль. В драму «Чувашский поэт» наряду с песнями включены такие пословицы и поговорки: «Чувашскую книгу корова съела»; «Недоля по пятам человека ходит», «Женщину бог создал из козы». Первой поговоркой подчеркнута необходимость развития после революции письменной и книжной культуры. Вторая поговорка подчеркивает трудность жизни людей труда в условиях классового неравенства. Третья поговорка употреблена как образная шутка в речи одного из героев, Убика, по отношению к любимой девушке Чиберче. Особенно интересно использование первой поговорки «Чувашскую книгу

[16] Там же, стр. 167.
[17] Там же, стр. 169.

корова съела». Поговорка вставлена в речь тетушки Анук, сочувствующей стремлениям поэта — студента Яхрава — к развитию чувашской культуры: «Что, спрашиваю, пишешь ты все, Яхрав? «Эх,— говорит,— тетушка! Ведь у чуваш книги нет, книгу хочу создать для чуваш...» Ах, Яхрав, Яхрав, давно сказано, что книгу чувашскую корова съела, а новую создать бог не велел» [18]. Поговорка звучит не отрицанием необходимости письменной культуры чувашей, а утверждением её необходимости.

Новаторски разнообразны цели использования пословиц и поговорок и в стихотворении «Чаваш арамне» (Чувашке, 1920) [19]. Бесправную, забитую и безрадостную жизнь чувашской женщины при эксплуататорском строе поэт характеризует поговоркой «телей çĕре уксе юлна» (оброненное, потерянное счастье), усилив ее указанием на рабское положение чувашки:

Чья, упав на землю где-то,
Затерялась доля?
Кто веками был несчастней,
Чем батрак в неволе?

Оскорбление человеческого достоинства женщины, несущей на своих плечах двойной гнет, автор отмечает другой поговоркой — «У бабы волос долог, ум короток». Но Сеспель как революционер, страстно желавший видеть освобождение женщины, употребляет эти поговорки не для утверждения ее рабской доли, а для отрицания социальных и моральных норм старого общества, приведших к закрепощению женщины. Призывая женщину к сознанию своего достоинства, своего законного права на равенство с мужчиной во всех сферах социально-экономической жизни общества и в семье, поэт дополняет поговоркой «выходи из мусорного угла».

Хватит! Встаньте, выходите
Из лачуг спокойно.
Человек — вот ваше званье,
Вы его достойны!

В ряде произведений Сеспель пользуется мотивами и образами исторических преданий легенд и сказок. Например, стихотворение «Атăл юрри» (Волжская песня, 1919) [20], можно полагать, полностью написано на основе русских и чувашских исторических песен и преданий о Степане Разине. Поэт революции, боровшийся за свободу и счастье народа, обращался к событиям освободительной борьбы родного народа против русского самодержавия.

---

[18] Там же, стр. 178—179.
[19] Там же, стр. 75—79.
[20] Там же, стр. 56—57.

Воспевание разинского крестьянского движения в годы гражданской войны было созвучно революционной борьбе народных масс за упрочение Советской власти.

В «Çĕн Кун аки» (Пашня Нового Дня, 1921) [21] освободившегося из-под гнета вольного чуваша поэт называет человеком «с могучим сердцем», «жителем новой эры», плечами подпирающим облака. Автор не дает прямого сравнения нового чуваша с легендарным великаном Улыпом. Но само гиперболически преувеличенное изображение свободного чуваша, поднявшегося выше облаков, говорит о том, что автор для романтически возвышенной характеристики нового человека пользовался образами легендарных героев.

Социально-экономический и культурный расцвет чувашского народа в условиях советской действительности в стихотворении «Пуласси» (Грядущее, 1919) [22] поэт сравнивает со сказочным образом подземных серебряных дворцов:

Пронесется буря: теплой, нежной лаской
Наслаждаясь, мирно отдохнет природа.
Серебром хоромин из волшебной сказки
Мир нам засияет, обновлен свободой.

Трудовой энтузиазм и героизм народа и молодежи, их борьбу по обновлению жизни он сравнивает с красочным взлетом и парением сказочной жар-птицы в стихотворении «Хурăс шанчăк» (Стальная вера, 1921):

Шагайте бодрее и тверже,
Отчизны любимой сыны,
Летите жар-птицей, спешите
За поступью нашей страны [23].

Все приведенное выше говорит о том, что поэтическое творчество Сеспеля не стоит в стороне от фольклорных традиций, что в его лирике, драме и прозе устнопоэтические сюжеты, мотивы, образы и художественные средства нашли широкое применение, послужив революционно-романтическому восприятию жизни.

---

[21] Там же, стр. 54—55.
[22] Там же, стр. 55.
[23] Подстрочный перевод автора статьи.

◆

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

Вып. 51 УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ 1970

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ МИХАИЛА СЕСПЕЛЯ

В. А. ДОЛГОВ

Литературное наследие основоположника чувашской советской литературы Михаила Сеспеля дошло до нас не полностью: некоторые его рукописи навсегда пропали [1], попав в руки тех, кто в декабре 1920 г. возбудил против него «дело» по обвинению в поджоге здания отдела юстиции; часть произведений, созданных М. Сеспелем в период работы в земельном отделе Остерского уисполкома Черниговской губернии, была взята после его смерти в уездное отделение милиции и погибла во время фашистской оккупации Черниговщины.

Перед нами несколько стихотворений Сеспеля, созданных им в последний год его жизни. Этот период для поэта был одним из трудных: он, как отмечает проф. М. Я. Сироткин, болезненно переживал отрыв от родного края, неустроенный быт, неудачную любовь, тяжелую болезнь, трудности, связанные с разрухой и голодом [2]. Мрачное впечатление на Сеспеля произвел голод 1921 года в Поволжье.

Под впечатлением всего этого и возникли отдельные стихотворения, резко диссонирующие с характерным для творчества поэта оптимизмом.

Говоря об этом, мы имеем в виду недавно обнаруженные стихотворения Сеспеля «Весна», «На дне дня», «В солнечную Мань синевы...», «Дальний путь...» и уже известные стихи этого периода, как «Жизнь моя, за какими холмами...» и «Выдуманным глазам».

Автографы названных произведений М. Сеспеля были присланы в Чувашию в 1947 г. украинским журналистом Иваном Григоренко, автором очерка «Çирĕп туслăх» (Крепкая дружба),

---

[1] В 1931 г. Н. Т. Васянка, по-видимому, не без основания писал: «Çеçпĕл произведенийĕсенчен киле юлнисем пĕтĕмĕшпе пĕрех вута, е урах ирсĕртерех сĕре те кайна» («Трактор», кн. 1-я, 1931, стр. 153).

[2] М. Я. Сироткин. Михаил Сеспель (Очерк жизни и творчества). Издание Чувашской республиканской организации «Знание» РСФСР, 1969, стр. 19—20.

опубликованного в альманахе «Таван Атал» (книга 30, 1947 г., стр. 80—84). В этом очерке И. Григоренко пишет о днях, проведенных Сеспелем на Украине, рассказывает о людях, с которыми общался в то время чувашский поэт. Из очерка И. Григоренко видно, что свои стихи Сеспель писал на русском и чувашском языках. По просьбе Ф. Н. Пакрышня чувашские стихи он переводил на русский язык, «несколько оригиналов которых сохранились у Наталии Николаевны» [3]. Можно сделать предположение, что рукописи стихов, о которых мы пишем, И. Григоренко получил от Н. Н. Рубис, хранившей их в своем личном архиве.

Стихотворения «Весна», «На дне дня», «Дальний путь...», «Жизнь моя...» и «Выдуманным глазам» написаны на страницах, равных четверти большого стандартного формата бумаги (размер страниц: 16,5 на 20,5 см). Рукопись стихотворения «В солнечную Мань синевы...» равна одной восьмой части названного листа бумаги. Почерк автора почти во всех случаях одинаков: четкий и красивый.

Стихотворение «Весна» как по форме, так и по содержанию,— одно из законченных произведений остерского периода. В нем ярко отображены картины весны 1922 г. Поэт в начале стихотворения пишет об оживлении природы под весенним солнцем, о том, как в зеленом мире звенит песня вешних дней, как «рдеют, пламенеют цветики-огни...» Однако внимание автора тут же останавливается на другой картине, вызванной огромным бедствием тех лет — страшным голодом в Поволжье. Взору поэта предстают рваные и босые странники, несущие в себе горе и кручины. В поисках куска хлеба они дошли до места, где чувашский поэт, уже испытавший муки голодных дней, нашел приют у своих новых друзей.

Стихотворение «На дне дня», под которым стоит дата «25 мая 22 г.», первоначально было названо «Вечер». Но это название автор зачеркнул и написал «День прочь»; затем, зачеркнув и это название, наконец, дал новое название — «На дне дня». В рукописи имеется ряд исправлений, сделанных рукой поэта. Текст написан черными, чуть-чуть синеватыми чернилами. Некоторые исправления сделаны чернилами другого цвета, которыми написаны рукописи остальных стихотворений.

В первой строфе третья строка первоначально имела такую редакцию: «Шепчет грусть в тишине: прости...». Слова «грусть в тишине» заменены выражением «кто-то во мне». В четвертой строфе имеются два исправления: в первой строке вместо слова «сушью» было «грязью»; во второй строке вместо «киснуть» первоначально было «плакать».

В отдельных строфах этого стихотворения поэт описывает свою тяжелую жизнь, испорченную его недругами — бюрократа-

[3] Названный альм., стр. 82.

ми, властолюбцами и националистами. Вспоминая это, он впадает в грусть, однако тут же себя прерывает, говоря:

Все равно: не грустишь, грустишь —
Юность чьей-то пятой попрана.

Стихотворение «Дальний путь...» написано на обороте рукописи стиха «На дне дня». Оно, по-видимому, является первоначальным наброском какого-то задуманного стихотворения. Стихотворение не закончено. Последняя строфа, начинающаяся словами «Дорожкой пыль...» не получила продолжения. Почерк крупный и небрежный, однако разборчивый. Даты нет, но на полях слева рукой другого человека чернилами другого цвета написаны слова «Протокол» и «1922 года».

Следует сказать несколько слов также о стихотворении «Жизнь моя, за какими холмами...». Как известно, фотокопия рукописи этого стихотворения опубликована в Собрании сочинений М. Сеспеля [4]. В комментариях к нему сказано, что публикуется по автографу, присланному в Чебоксары из Киева на имя народного поэта Чувашии С. В. Элыгера в 1941 г. По мнению П. И. Бекшанского, читаем мы там, стихотворение посвящено А. А. Червяковой, которую поэт именует «жизнью моей» и датируется временем, когда поэт жил в Чебоксарах или на Украине, т. е. 1921—1922 гг., но стихотворение адресату отослано не было. Наконец, сообщается, что оно «впервые опубликовано в журнале «Сунтал» № 10(10) за 1927 г.» (Это неточно: в действительности оно опубликовано в №№ 7—8 (37—38) этого журнала за тот же год).

В помещенном в Собр. соч. тексте стихотворения «Жизнь моя...» имеются исправления. Кроме того, четвертая строфа целиком зачеркнута. Дата написания и подпись автора не проставлены. Можно сказать, что это лишь черновик. Текст же, который публикуется здесь, несколько отличается от черновика: вместо зачеркнутой строфы в нем стоит отточие, означающее зачеркнутую, в данном случае самим автором, строфу. В этой строфе в то же время имеются стилистические исправления, внесенные автором. Слово «Тенью» почему-то в обоих случаях написано с прописной буквы, с большой буквы написано также слово «Тебе». Важно еще то, что под стихотворением стоит точная дата написания — «27/V-22».

В копии данного стихотворения, присланной Ф. Н. Пакрышнем в 1927 г. и опубликованной в «Сунтале» №№ 7—8 (37—38), названная строфа сохранена. Вот она:

Жизнь моя, синевой васильковой
Глаз твоих я к тебе пригвожден,
Взгляд их тянет всегда жгучим зовом...
Но куда, но куда кличет он?

[4] Михаил Сеспель. Собр. соч. Чебоксары, 1959, стр. 224—225.

По нашему мнению, в этом стихотворении речь идет о жизни самого автора, попранной теми, кто оклеветал поэта в Чебоксарах в 1920 г.

Дата стихотворения убедительно говорит о том, что стихотворение «Жизнь моя...» — одно из последних произведений поэта: оно написано в Старогородке за 19 дней до его смерти.

В рукописи стихотворения «В солнечную Мань синевы...» нет даты. Имеются исправления: в последней строке третьей строфы вместо слова «торговать» в начале было «излечиться». Оно написано, как было уже сказано, теми же чернилами, что и рукописи стихов «Весна», «Дальний путь...», «Жизнь моя...» и «Выдуманным глазам», поэтому можно предполагать, что оно создано в те же майские дни 1922 г. Это было время тяжелых переживаний поэта, когда, как сказано в стихотворении, он упал «в топкую глушь», где в ухо прошипел ему уж: «больше не встать».

Многие из этих произведений подписаны одним псевдонимом. «М. Забытый». Почему избрал поэт этот псевдоним? По-видимому, М. Сеспель, находясь вдали от родины, хотя и среди новых друзей, чувствовал себя одиноким и забытым. Он жил творческой жизнью, думами о родной литературе, имел творческие планы, писал новые произведения, посылал их в редакции чувашских газет и журналов, но отдельные работники проявляли к нему невнимательность. Сеспель писал письма в редакции газет и журналов, но бывшие «друзья» не отвечали на его письма. Только таким отношением к нему можно объяснить его слова из письма к Ласточкину в декабре 1921 г.: «Умоляю тебя, не оставить эти строки без ответа»[5]. К редактору газеты «Канаш» Сеспель обращается: «Дорогой товарищ, если ты жив, будь добр: ответь мне». Далее он просит сообщить, где работает тот или иной товарищ, как он живет и т. д. В конце письма опять такой же мотив: если вы не можете написать подробное письмо, «то хотя бы ответьте: как с моей родиной? Не совсем ли она погибла?.. Каково состояние чувашской поэзии?»[6].

О том, что многие «дорогие товарищи» оказались такими безучастными в судьбе поэта, говорит и такой факт: ни один исследователь творчества М. Сеспеля пока не обнаружил в архивах какое-либо письмо, адресованное М. Кузьмину (Сеспелю), или строки в многочисленных воспоминаниях, где бы говорилось о том, как такой-то товарищ в то время написал ему письмо...

При аресте Сеспеля по делу, состряпанному его противниками — националистами, бюрократами и честолюбцами — в связи с пожаром в Чебоксарах был отобран его партийный билет. Как теперь известно, в августе 1921 г. это «дело» за отсутствием состава преступления было прекращено. Сеспель, состоявший в рядах

---

[5] Там же, стр. 239.
[6] Там же, стр. 242.

Коммунистической партии с декабря 1918 г., глубоко преданный ей, считал несправедливым удаление его из партии. Не раз обращался он в соответствующие партийные органы области с просьбой восстановить его в правах члена РКП. Однако на его письма и заявления никто не отвечал. Это было в то время, когда тяжелые картины страшного голода 1921—1922 гг. надломили душу поэта, когда его давнишняя болезнь — туберкулез костей — обострилась до предела, это были годы новой экономической политики, которую Сеспель недопонимал,— вот все эти обстоятельства, вместе взятые, видимо, и привели поэта к выводу, что он в Чувашии забыт. В результате этого и появился псевдоним «Михаил Забытый».

В стихотворениях остерского периода М. Сеспеля, написанных весною 1922 г., чувствуется некоторое влияние поэзии имажинизма. Кому сейчас не известно, например, одно из последних его произведений «Выдуманным глазам», имеющее эпиграф «...Моей несравненной — поэзии имажинизма...» (Кстати, оно прислано в Чувашию тем же И. Григоренко в 1947 г. вместе со стихотворениями, о которых мы здесь пишем. Утверждение о том, что оно разыскано и переслано в Чебоксары поэтом Василием Васькиным перед началом Великой Отечественной войны, не соответствует действительности).

Образы и идеи данного стихотворения свидетельствуют, что М. Сеспель в известной степени симпатизировал поэзии имажинизма, иногда пользовался приемами этого литературного течения. В этом, конечно, ничего странного, непонятного, тем более страшного нет. Из истории советской литературы первого периода революции мы знаем, что даже известные русские поэты и писатели в поисках средств и приемов для выражения новых чувств и мыслей иногда пытались писать так, как писали поэты-имажинисты. Не побоялся открыто сказать об этом такой известный писатель-коммунист, как Александр Фадеев. В статье «Мой литературный опыт — начинающему автору», имея в виду первый период своей литературной деятельности, он пишет: «В то время в литературе имело место некоторое влияние школы «имажинистов». Важнейшей задачей художественного творчества имажинисты считали изобретение необыкновенных сравнений, употребление необыкновенных эпитетов, метафор. Под их влиянием и я старался выдумать что-нибудь такое «сверхъестественное» [7].

Ниже печатаются неизвестные стихотворения Михаила Кузьмича Сеспеля. Они, как видит читатель, литературно далеко несовершенны, но представляют определенный историко-литературный интерес.

---

[7] Александр Фадеев. За тридцать лет (Избранные статьи, речи и письма о литературе и искусстве). М., 1957, стр. 907.

ВЕСНА

Под весенним солнцем, под лазурью синей,
Над зеленым миром песня вешних дней.
Светлая дорожка ясною долиной
Вьется, исчезает в зелени полей.

Вдоль дорожки светлой, меж кустов зеленых
Рдеют, пламенеют цветики-огни.
Серебристой змейкой ручеек студеный
В зелень убегая радостью звенит.

Светлая дорожка, ясная долина...
По дорожке тихо странники бредут:
Пахари Поволжья горе и кручины
В даль полей чужбины на сердце несут.

Лица почернели, губы посинели,
А в глазах потухших темной ночи жуть.
Рваные, босые идут еле-еле,
Свеся безнадежно головы на грудь.

Без родного края, без родного крова
Голодом томимы идут и идут.
А весна пред ними шелковым покровом,
Жгучими цветами устилает путь.

М. ЗАБЫТЫЙ

НА ДНЕ ДНЯ

Соловьиная синь и тишь.
В синей выси божия свечи.
Шепчет кто-то во мне: прости,
Мой зеленый, весенний вечер.

Шлю свое прости синеве,
Поутру мне проснуться рано.
Вот захлопнута дверь —
И еще день мой в вечность канул.

И зачем перед сном гадать...
Жизнь бесцелья штыком пронзена.
Поутру побрести опять
В земотдел мне походкой сонной.

И в чернильнице сушью душа
Будет киснуть весь день,— и только

Мне в ответ целый день в ушах
Реминггон будет скукой щелкать.

Будут все мостовой стучать
Нагруженных телег вереницы,
Лошади головой качать,
Понукаемые возницей.

. . . . . .

Но дни будут идти, плестись,
На конце не поставишь точки,
Лишь в ушах вся истыкана жизнь
Реминггона щелканьем четким.

Все равно: не грустишь, грустишь —
Юность чьей-то пятой попрана.
Соловьиная ночь, прости:
Поутру мне подняться рано.

Поплестись поутру в отдел,
Чтоб чернилами жизнь узорить.
Жизнь ты, жизнь моя, где же, где
Мед твой стал нестерпимо горек.

Соловьиная синь и тишь
В синей выси звезд четких свечи.
Сердце тихо звенит: прости,
Мой зеленый, весенний вечер.

М. ЗАБЫТЫЙ

25 мая 22 г.

* * *

В солнечную Мань синевы
Ветер Дерзанья меня вознес,
Но сиянием жгучим высь
Растопила крыльев воск.

И упал я в топкую глушь,
Где журчали все реки вспять,
Где мне в ухо дней плоских уж
Прошипел, что больше не встать.

И, когда захотел я в даль
К синеве пешком итти,
Друг любимый меня послал
Торговать в кооператив.

М. ЗАБЫТЫЙ

* * *

Дальний путь сумеречных скитаний
Идет пустырем тоскующих полей,
Тоскуя о тебе, щеках твоих румяных
И голубях твоих девических грудей.

У серого плетня на солнце твоя песня
Мелькнет, и пропадает кумачовый платок,
Но не заглянешь ты зарей в мой угол тесный,
И в сердце тихий плач о розовости щек.

И шепчет вечер мне, что рук твоих сплетенья
Мне шею не ожгут, лелея на плече,
И на пути мои степных и скорбных теней
Не плеснешь никогда зарницею очей.

Дорожкой пыль...

* * *

Жизнь моя, за какими холмами
Твой с уютною кровлею дом?
Тихой Тенью, побитой камнями,
На распутьи стоишь босиком.
Стан твой юный, медвяные плечи
Выпила непогоды пурга,
И устам обескровленным нечем
Поцелуев огни возжигать.
И когда-то упругия груди
Рассекла ветра хлесткая плеть,—
Все же... кто же меня, кто же нудит
Жгучей жаждой к Тебе пламенеть.

. . . . . .

Жизнь моя! За какими холмами
Твой с уютною кровлею дом.
Тихой Тенью, побитой камнями
На распутьи стоишь босиком.

М. ЗАБЫТЫЙ

27/V 22.

◆

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

Вып. 51 УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ 1970

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СЕСПЕЛЯ

М. Ф. ЧЕРНОВ,
кандидат филологических наук, доцент

I

Идейно-тематическая направленность творчества Сеспеля находила свое выражение в языковых средствах, в том числе и в своеобразии использования фразеологизмов различных типов, утвердившихся в языке, а также в создании новых фразеологических выражений.

В исследовании фразеологии каждого писателя очень важно определить источники, из которых автор черпает фразеологический материал, установить, для чего и при помощи каких приемов использует он фразеологию общенародного языка, что нового вносит в нее сам, как развивает и обогащает ее стилистические функции.

М. Сеспель был замечательным знатоком родного языка. В каждом своем произведении он с особым упорством подбирал такие слова и фразеологизмы, которые бы в наилучшей степени выражали его мысли. Это хорошо видно из того, как поэт работал над текстами своих стихов. Например, в первой редакции стихотворения «Пуласси» (Грядущее), опубликованном в газ. «Канаш» в 1919 г., мы встречаем в третьей строфе выражение *Уйрăмлăх, чуханлах, хĕсĕклĕх, пуянлăх ирĕкпе çĕнелнĕ пуранăçран тарĕ* (258) [1].

Во второй редакции этого стихотворения (1928 г.) в этом выражении сокращаются однородные члены, вместо них вводится фразеологизм *уйрăмлăх йăранĕ* «межи собственности», и таким путем социальный смысл высказывания значительно усиливается: *Чуханлах, пуянлăх, уйрăмлăх йăранĕ ирĕкпе çĕнелнĕ пуранăçран тарĕ* «Бедность, богатство и межи собственности уйдут навсегда из жизни страны, обновленной свободой» (54).

В этом же стихотворении во фразе *Çăмаллăхшан вилнĕ таванăмсен юнĕ чечек пулса ларе, чĕрĕ чечек пулĕ* слово *çăмал-*

[1] Выдержки из произведений Сеспеля даются в статье по кн. Михаил Сеспель. Собр. соч., Чебоксары, 1959. В дальнейшем будут указываться лишь страницы издания.

лахшăн заменяется *ирĕклĕхшĕн,* форма *таванамсен* — формой *тăвансенĕн,* во фразе *Юмахри çап-çута ахах çурт евĕрлĕ сут тĕнче çуталĕ, канаçса лапланĕ* словосочетание *çап-çута ахах çурт евĕрлĕ* заменяется словосочетанием *илемлĕ çут кĕмĕл çурт майла.* Эти изменения в стихотворении помогли глубже выразить его идейные задачи.

Примеры замен обычных слов и свободных словосочетаний фразеологизмами можно привести еще. Так, во второй редакции стихотворения «Чăваш ачине» (Сыну чувашскому) во фразу *Вут-каварла чĕре! Кавар чĕлхеллĕ чăваш ачи, аçта, эс, аçта* (первая редакция) Сеспель вместо повторяющихся вопросительных слов *аçта эс, аçта* включает *сассуна пар* «дай голос»; этим сила высказывания приобретает более образный характер:

Кавар чĕре! Кавар чĕлхеллĕ
Чăваш ачи, сассуна пар!

Жаркое сердце! Дай голос
Сын чувашский, с огненным языком! (70)

В некоторых случаях поэт изменяет форму тех или иных компонентов фразеологизмов, или заменяет их компоненты Так, в одном случае фразеологизм *таван çĕршыв* «родная страна, родина» автор ставит в форме 1 лица (*таван çĕршывам* «родная моя страна, родина моя») вместо обычной формы в первой редакции, и это усиливает экспрессию всей фразы, ср.: *Таван çĕршыв, кала, пĕлтер* «Родина, скажи, поведай» (первая редакция) — *Пĕлтер мана, таван çĕршывам* «Поведай мне, страна моя родная» (вторая редакция).

В первой редакции стихотворения «Пашня Нового Дня» (Çĕн Кун аки) поэт употребляет фразеологизм *хулпуççипе кавак пĕлте тивсе* «плечами задевая небосвод», во второй редакции компонент тивсе «задевая» заменяется компонентом пернсе «подпирая». Это помогло автору более возвышенно и полно раскрыть образ нового человека:

Хăватла, çĕн чĕреллĕ çĕн ĕмĕр чăвашĕ,
Хулпуççипе кавак пĕлте пернсе,
Кунçул уйне тухса,
Хĕвел тумтир тумланĕ.

«Чуваш с могучим сердцем, житель новой эры,
Плечами подпирая неба свод,
Шагнет в простор, одеждой солнечной сверкая». (105)

В словесной ткани произведений Сеспеля основное место занимает устная народная речь, богатая фразеология общенародного языка. Общенародная фразеология произведений Сеспеля включает в себя: а) фразеологизмы, утвердившиеся в ли-

тературном языке; б) фольклорно-эпические фразеологические выражения; в) просторечные фразеологизмы; г) иноязычные фразеологизмы.

Самую многочисленную группу в произведениях Сеспеля составляют фразеологизмы, утвердившиеся в литературном языке. Приведем примеры: *хура кунсем валли* «на черный день» (144), *чун пахи* «отрада души» (84), *пуçне чиксе* «с поникшей головой, опустив голову» (92), *пуçа çĕкле* «поднимать голову» (76), *çул хыв* «прокладывать дорогу» (56), *мĕне кирлĕ* «что за дело, на что» (76), *чун тухиччен* «до последнего вздоха» (65), *куçу хупăнчĕ* «закрылись глаза» (90), *арман чулĕ* «жернов» (в смысле тяжести, которая давит, 136).

Среди фразеологизмов, получивших распространение в литературном языке, особое место занимают сравнительные обороты. Ими поэт пользуется как важным стилистическим средством художественной и экспрессивно-эмоциональной характеристики явлений общественной жизни, чувств и переживаний героев. Наиболее употребительными в сеспелевских произведениях являются фразеологизмы-сравнения, образованные с помощью частицы *пек* «подобно, как»; например, *вилес пек* «будто при смерти» (46), *хурçа пек* «как сталь» (156) и др.

Другой важный источник фразеологии Сеспеля — фольклорно-эпический материал. В широком применении фразеологических выражений устного поэтического творчества народа выразилось стремление поэта приблизить свой поэтический язык к разговорному, желание в наибольшей степени выразить думы и чаяния простого народа.

Особенно широко применяет Сеспель пословицы и поговорки. Они придают языку произведений Сеспеля живость, остроту, меткость и неповторимую самобытность: *чăваш кĕнекине сне çине, теççĕ* «говорят, чувашскую книгу корова съела» (178), *хĕрарăм çӳçĕ варам, асе кĕске, тетчĕç* «у бабы волос долог, да ум короток» (76), *усал ура тупанĕнчен сиксе тухать* «Недоля по пятам человека ходит» (180), *выççа тутти мар, высси анчах паллать пуль* «голодного разумеет лишь голодный, а не сытый» (146) и т. п.

Круг идиоматических выражений, привлеченных поэтом в язык произведений из устнопоэтического творчества, незначителен. Он ограничивается, на наш взгляд, фразеологизмами *çичĕют* «чужеземец, враг, чужие люди» (68), *çитмĕл çич чĕлхепе* «на семидесяти семи языках» (100), *йывăр ыйха* «тяжелый сон» (64). Однако и эта группа во фразеологическом составе произведений Сеспеля свидетельствует о том, что он стремился обогащать литературный язык за счет ярких, красочных выражений общенародного языка.

Просторечие для поэта было источником, откуда он отбирал разнообразные идиомы (об этом ниже).

Фразеологизмы, заимствованные из других языков, в творчестве Сеспеля занимают весьма незначительное место. К ним всего относятся два: *чăн чĕрĕлнĕ* «воистину воскрес» и *Или! Или! Лима савахвани!* Первый заимствован из русского языка путем калькирования, *Или! Или! Лима савахвани!* — из древнееврейского языка без перевода. Это фразеологическое выражение, выступающее как название стихотворения, является евангельским изречением, приписываемым Христу. В переводе на русский язык означает: «О боже, боже! Что же ты меня оставил?» Сеспель использовал это изречение по примеру некоторых дореволюционных поэтов.

Второй фразеологизм — *чăн чĕрĕлнĕ* «воистину воскрес» представляет церковно-библейское изречение. В стихотворении он приобретает совершенно новое содержание — характеризует большие и глубокие перемены в жизни чувашского народа, наступившие после Октября:

Кавак хуппи пĕлĕт тарĕнчен	Чувашию с разверзнутых небес
Чăваш çĕрне çутатса ячĕ.	Заря сплошная осветила,
Тăван çĕршыв чĕлхи хавачĕ	И языка родного сила
Чĕрĕлсе тачĕ вилĕмрен.	Воспрянула: язык воскрес. (92—93)

Следовательно, родной язык, устное поэтическое творчество и родная литература были неиссякаемыми источниками творчества поэта.

II.

Фразеологический материал в языке Сеспеля разнообразен и в стилистическом отношении, что определяется идейно-тематической основой его произведений.

Стилеобразующим ядром в системе фразеологических средств сеспелевского языка является разговорно-бытовая фразеология. Этот стилистический пласт фразеологии Сеспеля особенно тесно связан с изображаемой общественно-политической средой и идейной основой его творчества. Сказанное можно проиллюстрировать на примере. В очень богатом по содержанию стихотворении *«Чăваш арăмне»* (Чувашской женщине) на 232 словоупотребления содержится 21 фразеологизм. Каждый фразеологизм удивительно точно и всесторонне создает и обобщает картину тяжелой участи чувашской крестьянки до революции. Так, фразеологизм *вучах умĕнче* «возле печки» ярко характеризует бесправное и забитое положение чувашки в прошлом.

С большой точностью показывается бесчеловечное отношение к женщине при старом режиме употребленным поэтом выражением *Хĕрăман çӳçĕ варăм, ăсĕ кĕске,— тетчĕç,— Унăн çут тĕнчене курмашкăн мĕне кирлĕ? — тетчĕç* «Говорили, у бабы волос долог, да ум короток; на что им выходить в мир» (76).

Описание несчастливой доли чувашской крестьянки приобретает большую выразительность и убедительность использованием фразеологизмов *хура-шур кур* «испытать горе и нужду» (*Хура-шур анчах курмашкăн кам çуралса ӳснĕ?* «Кто родился и вырос лишь испытывать горе и нужду?», 74).

Во второй части стихотворения «Чувашской женщине» автор обращается к чувашской женщине, освобожденной Октябрьской революцией, с призывом быть активной участницей новой жизни. Эта идея выражена фразеологизмами *этем шутне кĕрĕр* «выходить в люди» (*Хĕрарамсем, эсĕр те халь этем шутне кĕрĕр* «Женщины, и вы теперь выходите в люди», 26).

Как видно из примеров, фразеологический состав стихотворения характеризует социальную среду (тема тяжелого положения чувашской крестьянки до революции), соответствует идейной направленности произведения (призыв к чувашской женщине быть активным строителем новой жизни).

Социалистический мир набирал силы в острой классовой борьбе с врагами революции. Это глубоко понимал Сеспель. Поэтому в его творчестве видное место занимает тема критического изображения жизни старого мира со всеми его ужасами.

Так, муки и изнурительная жизнь трудящихся ярко показываются употреблением фразеологизмов *вилес пек* «при смерти» (*Сапкара та пĕр ачу вилес пек выртать* «В колыбели твой меньшой при смерти лежит», 46). Униженное и оскорбленное положение народа образно запечатлено выражением, состоящим из сочетания двух фразеологизмов *хываттăмăр çĕлĕке çурă çухрăмран* «обнажали лоб за полверсты» (*Старшинапа тиеке е пупа курсан, хываттăмăр çĕлĕке çурă çухрăмран* «Старшина ли проходил, писарь или поп — мы за полверсты обнажали лоб», 44).

М. Сеспель употреблял фразеологизмы, удачно раскрывающие психическое состояние героев произведений. К ним, например, относятся *çăварна карса парах* «разинуть рот» (*Пурте çăварĕсене карса парахрĕç* «Все разинули рты от удивления», 170), *пĕççине шарт çапать* «ахнув, всплескивает руками» (*Анук пĕççине шарт çапать* «Анук, ахнув, всплескивает руками», 182).

Чувство неудовлетворенности, которое иногда овладевало поэтом в минуты переживаний за судьбу родного народа, его языка воплощено во фразеологизмах междометного характера. Особенно широким употреблением этих фразеологических выражений отличаются стихотворения «Тяжелые думы» (Йывăр шухăшсем) и «Как умру...» (Эпĕ вилсен...). Характерные из них: *усал курак та ан шăттăр* «Пусть даже поганая трава не прорастет», *çĕр çăттăр* «пусть проглотит земля», 88), *сив кĕл пултăр* «пусть превратится в холодный пепел» и т. п.

Другие просторечные фразеологизмы характеризуются больше наличием таких слов и словосочетаний, которые отсутствуют в литературном языке, редко употребляются и в разговор-

ной речи. Это так называемые собственно просторечные фразеологизмы. В произведениях Сеспеля они представляют весьма небольшой слой.

Среди собственно просторечных встречаются два субстантивных фразеологизма как ярлыки, выражающие отрицательное отношение к лицу. Это *шуйттан çӳрисем* «чертовы сыны» *(— Эй, шуйттан çурисем, эсир килтӗр те пӳтрешчӗк сасарка хак ӳкерчӗ* «Притащились вы сюда, чертовы сыны, вот подрядчик сразу и взвинтил цену», 170), *чаваш çапати* «лапоть чувашский» *(Ах, чаваш çапати, аçта хыпаланан!* «Ах ты лапоть чувашский, куда ты торопишься», 168).

К группе собственно просторечных фразеологизмов относятся также поговорка *пӗр кут та пӗр пуç* «одна голова — не бедна» (*Йахрав: Чанах та! Мӗн хуйхӑрмалла. Пӗр кут та пӗр пуç «Яхрав:* И правда! Что горевать? Одна голова не бедна», 180), бранное *мӗн шуйттан тума* «на кой черт» (170) и глагольное *кутран тап* «дать пинком под зад» (156).

III.

Сеспель плодотворно пользуется фразеологическим богатством, веками созданным чувашским народом. Однако сложившийся чувашский фразеологический фонд уже не в состоянии был отразить революционные перемены в жизни народа во всей их полноте, и Сеспель создает новые фразеологические выражения.

Для создания величественного образа революции поэт привлекает словосочетание терминологического характера *кавак хуппи* «северное сияние», которое в стихотворении «Чăн чӗрӗлнӗ!» (Воистину воскрес!) приобретает фразеологизированное значение:

Кавак хуппи пӗлӗт тарӗнчен
Чаваш çӗрне çутатса ячӗ.

Северное сияние с небес
Чувашскую землю осветило. (92)

В стихотворении «Пашня Нового Дня» (Çӗн Кун аки) образ революции сравнивается с богатырем-пахарем из волшебных сказок по имени *Çӗнӗ Кун*. На основе сравнения собственное имя *Çӗнӗ Кун* получает значение фразеологизма и служит для образной характеристики революции, давшей народу счастье и свободу:

Çӗн Кун аки пуçӗн хӗп-хӗрлӗ тимӗрри
Касса-касса уй урла кас тавать.
Кас-кас айне чавашан иртнӗ ӗмӗрри
Вилсе вырtса пытаранса пырать.

Лемех плуга Нового Дня
Оставляет в поле борозду за бороздой,
Под этими бороздами
Ложится прошлое чувашского народа. (104)

Поэт вместе со всеми радуется первым успехам страны. В своих стихах, наполненных революционной романтикой, он

призывает идти вперед, побеждая трудности, выражает твердую уверенность в том, что завтрашний день будет еще прекраснее.

В ряде стихотворений новая жизнь, наступившая после Октября, образно характеризуется субстантивными фразеологизмами-неологизмами, первый компонент которых выражается именем прилагательным *çĕнĕ* «новый». Это слово Сеспелем выбрано не случайно. Оно, сочетаясь в языке произведений со словами *ĕмĕр* «эра», *пурнăç* «жизнь», *çĕр* «страна», *кун* «день», *çурт* «дом», *тĕнче* «мир», *кунçул* «судьба», *çурт* «дом», *çул* «год», позволило автору показать коренные изменения, которые произошли в жизни трудового народа после революции, например, *çĕнĕ ĕмĕр* «новая эра» (104), *çĕнĕ пурнăç* «новая жизнь» (64), *çĕн сывлăш* «свежий ветер» (110), *çĕнĕ çĕр* «обновленная страна» (106), *çĕнĕ кун* «новый день» (110), *çĕнĕ çурт* «новый дом» (46), *çĕн тĕнче* «новый мир» (106), *çĕн кунçул* «новая судьба» (108), *çĕн хĕвел* «новое солнце» (124).

В поэтическом языке среди образных средств, созданных поэтом, особое место занимают фразеологизмы-сравнения, образованные синтетическим путем (с помощью аффиксов *-лăн(-лĕн), -ла(-лĕ), -ла(-ле), -па(-пе)*. Специфической особенностью фразеологизмов этого типа, в отличие от образованных с *пек* «подобно, как» является то, что они в большей степени приспособлены для показа бурно развивающихся событий, стремительного движения тех или иных явлений общественной жизни. Например, *вут кайăкăн* «жар-птицей»: *Вут кайăкăн вĕçĕр, ан юлăр* «Летите жар-птицей, не отставайте» (124); *кăвар çунатлăн* «огнекрылою душой»: *Чун кăвар çунатлăн вĕçтĕр кив çĕртен çĕн çул çине* «Огнекрылою душой отправляйся со старой земли в новый путь» (108); *пĕр чун-чĕреллĕн* «дружно, как один человек»: *кĕсле кĕввиллĕ* «подобно струнам гуслей» (110), *кăвар кайăкла* «жар-птицей, огненной птицей» (124), *кĕсле сассипе* «подобно струнам гуслей» (156) и т. д.

Исследованный материал показывает, что для образования фразеологических оборотов Сеспель пользуется теми же способами, какие утвердились в общенародном языке, причем в языке поэта, как и в общенародном языке, само образование фразеологизмов-неологизмов основано на использовании тропов.

Новые фразеологизмы в произведениях Сеспеля образуются:

1) на иносказании: *аш енĕ* «теплый край» (со зн. счастливая жизнь (122); *кивĕ кун* «старые дни» (со зн. гнет старого мира (126), *кивĕ çĕр* «старая земля» (со зн. старый мир (108); *хĕрес çумне пăтала* «пригвоздить к кресту» (со зн. поставить перед смертью (126); *йывăр ыйха* «тяжелый сон» (со зн. смерть (64); *вĕри чунсем* «горячие сердца» (со зн. молодежь (94); *кăвар чунсем* «огненные сердца» (со зн. молодежь (94); *çĕлĕк тăрри çĕтĕкки* «тот, у кого тулья шапки дырявая» (со зн. бедняк (144);

2) на метафоре: *аслаçу пӳрчӗ* «изба старого деда» (со зн. старая жизнь (46); *çӗнӗ пурт* «новый дом» (со зн. новая жизнь (46); *çаруранла* «босоногий» (со зн. переживание разрухи, голода (100);

3) на гиперболе: *хулпуççипе кавак пӗлте пернсе* «плечами подпирая небосвод» (со зн. величественно (104); *ылтан тинӗсӗнче чӳхенсе* «утопая в золотом море (в значении жизни богачей (49);

4) на сравнении: *хурçа пек* «как сталь» (156); *ылтан шаратан хуран пек* «подобно котлу, где плавят золото» (в значении мужество в борьбе) (96), *Атал хумӗ пек* «как волны Волги» (158), *шарçа пек* «как бусы» (112), *хайсен килкартине пӗлнӗ пек* «как свой двор» (166), *хӳме пек* «стеною», букв. как забор (191), *кӑвар пек* «пламенем» (174), *армути çамлана пек* «словно полынь выпалывал» (168), *чакӑт пек* «как сыр» (188) и т. д.

Сеспель — автор многих образных выражений, которые стали афористичными. Например, *Шанчак пуррисем—телейлӗ* «Кто верит — тот счастлив» (156), *Чӑваш ачи, сассуна пар* «Чувашский сын, дай голос» (72), *Уйрӑмлах йӑранӗ* «Межа собственности» (54), *Малалла, малалла çул хывар* «Вперед же, смелее вперед» (56), *Коммунизм хӗрлӗ ялавне чун тухиччен çӗре ӳкермен* «До последнего вздоха он держал знамя коммунизма» (64), *Эп вилсен — мана пытарӑр çӳлӗ ту тарне* «Как умру — похороните на горе крутой» (84) и т. п.

IV.

В заключение рассмотрим приемы использования фразеологических оборотов в поэтическом языке Сеспеля.

Можно выделить следующие стилистические приемы употребления фразеологизмов в произведениях поэта.

1. Сеспель нередко прибегает к созданию контрастных картин и образов прошлого и советской современности. Это с наибольшей яркостью достигается привлечением антонимичных фразеологических оборотов: *пыл-сӑра юхать* «льется пиво-мед» — *пӗр курка тивмест* «ни одного ковша не достается»; *кивӗ ӗмӗр* «мрачный век» — *çӗнӗ ӗмӗр* «новый век, новая эра»; *кивӗ кун* «старый день» — *çӗнӗ кун* «новый день»; *тӗттӗм пурт* «лачуга» — *çӗнӗ çурт* «новый дом»; *пуç ус* «склонять голову» — *пуç çӗкле* «поднимать голову»; и т. п.

2. В целях усиления экспрессии Сеспель иногда обновляет семантические связи фразеологических оборотов. Сохраняя грамматическое единство фразеологического несвободного сочетания слов, поэт или в состав фразеологизма вводит новое слово, или какой-нибудь из компонентов заменяет новым. Например:

а) В состав фразеологизма *курак ан шаттăр* «пусть трава не прорастает» поэт включает в качестве определения к компо-

ненту *курак* «трава» слово *усал* «поганая», и таким путем эмоционально-экспрессивная функция оборота значительно увеличивается:

Çĕршыва таван халах
Хавасламасан,
Чун савна чаваш чĕлхийĕ
Пĕтмелле пулсан,—
Усал курак та ан шаттар
Ман тапра çине.

Если край свой не возлюбит
Мой родной народ,
И пропасть суждено чувашской
речи,—
Пусть поганая трава не прорастет
На моей могиле. (88)

б) В фразеологическом обороте *кĕл пултар* «пусть сгорит, пусть испепелится» поэт добавляет к слову *кĕл* «пепел» определение *сив* «холодный», что вызывает большую степень выразительности фразеологизма:

Е чаваш çынни, чаваш яле
Сарлака çĕр çинчен çухалĕ?..

Апла пулсан... чĕрем хыпса çунтар,
Чĕрем хыпса çунса, сив кĕл пултăр.

Неужели с земли широкой
Исчезнет чуваш с его деревней?..
Коль так... огнем пусть сердце
разгорится,
И пусть сгорит оно, превратится
в холодный пепел. (82)

в) У фразеологизма-термина *асамат кĕперĕ* «радуга» Сеспель заменяет первый компонент *асамат* словом Интернационал и образует совершенно новый фразеологизм *Интернационал кĕперĕ* «Интернационала радуга». Этим новым выражением поэт очень образно предсказывает, что интернациональные связи чувашского народа будут крепнуть и расцветать.

Подобных примеров у Сеспеля много.

ВЫВОДЫ

1. Фразеологизмы — важнейший элемент стиля М. Сеспеля. Основным источником фразеологии поэта является общенародная фразеология. Из богатейшего и неисчерпаемого источника живой народной речи он отобрал наиболее жизненные, яркие и меткие.

2. Между употребляемыми поэтом фразеологическими единицами и идейно-тематической направленностью произведений Сеспеля существует неразрывная связь. Фразеологизмы, входя в ткань произведений, в значительной степени усиливают силу идей поэта. Высокая идейность поэзии Сеспеля, в свою очередь, придает фразеологизмам стилистическую активность и целенаправленность.

3. Состав использованных Сеспелем фразеологизмов обусловливается еще и особенностями стиля его поэтического творчества. Он у поэта характеризуется большей частью революционной страстностью, динамичностью и агитационностью. Именно поэтому фразеологизмы в произведениях его или возвышают, или снижают изображаемые явления и события. Этим

же объясняется и то, что в языке Сеспеля весьма незначительное место занимает нейтральный слой фразеологии.

Новаторские черты поэтического творчества Сеспеля ярко выражены и в употреблении фразеологического богатства чувашского языка. Они заключаются, во-первых, в решительном сближении фразеологии литературного языка с фразеологией живой народной, обиходно-бытовой речи, во-вторых, в том, что поэт своим творчеством значительно обогатил фразеологический фонд чувашского литературного языка.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

Вып. 51 УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ 1970

СЕСПЕЛЬ МИШШИ — ХУДОЖНИК

А. Г. ГРИГОРЬЕВ,
кандидат искусствоведения, доцент

Творчество Сеспеля Мишши как художника еще совершенно не исследовано. Его работы никем не собирались, не систематизировались. Между тем, как можно судить по его сохранившимся рисункам, он обладал незаурядным и разносторонним дарованием в области изобразительного искусства. Талант свой он сознавал, дорожил им, и есть основание думать, что, несмотря на замечательные достижения в поэзии, своим главным делом он считал художественное творчество, мечтал о профессиональном обучении рисованию и живописи, представлял свое будущее не иначе как в роли художника.

Правда, профессиональным художником Сеспель не стал, вернее не успел. Уже в двадцатидвухлетнем возрасте ему предоставилась было возможность осуществить свою мечту. «По приезде в Киев,— писал он своему верному другу Ф. Н. Пакрышню 30 октября 1921 г.,— я поступил в художественную школу. Но только неделю пришлось поучиться, взяли в Красную Армию»[1]. Однако через восемь месяцев после этого его жизнь трагически оборвалась.

Откуда в рисунках юноши та художническая хватка, та спокойная уверенность, которые приходят лишь в результате длительной практической работы?

Родные, друзья детства, одноклассники Сеспеля постоянно подчеркивают, что он, возможно, из-за болезни, которая мучила его с юных лет, или потому, что слишком рано пришлось ему познать нужду и горе, не был шаловливым, не участвовал в играх своих сверстников. Он всегда стоял чуть поодаль, смотрел, наблюдал, переживая игры других детей, и все запоминал, подмечал смешное, особенности характера каждого

[1] Михаил Сеспель. Собр. соч. Чебоксары, 1959, стр. 235. Здесь и в последующем все цитаты из наследия поэта даются по этому изданию. В дальнейшем указываются только страницы.

человека и мог быстро показать это в рисунках[2]. Рисунки он делал с тончайшим сходством, выделяя главные черты модели. Художником его признали в деревне и школе задолго до того, как он проявил себя в поэзии.

В воспоминаниях об увлечении Сеспеля рисованием и живописью интересно прежде всего то, что они раскрывают творческие поиски Сеспеля-художника, его внимание к живой натуре как главному источнику мастерства изобразительного искусства. Имея природные способности, каждый художник самостоятельно находит свои пути в искусстве, свои средства выражения, но очень важно, чтобы его волновала живая современность, чтобы он жил одной жизнью со своим народом. В своем трудном, мучительном, но быстром творческом развитии Сеспель был именно таким художником.

В жизни каждого художника важное значение имеют впечатления детских лет, лишний раз подтверждая дидактическую аксиому «Все начинается с детства». С этой точки зрения ошибочно было бы утверждать, что в ребяческой поре Сеспеля совершенно отсутствовали какие-либо стимулы к художественному восприятию мира. Конечно, отец его имел крайне вспыльчивый и необузданный характер, сложившийся в условиях «идиотизма деревенской жизни», но все же он был добрым и отзывчивым человеком. Он покупал для своих детей книжки с картинками, научил их читать, возбудил интерес к рисованию. Это он зажег в детских сердцах мечту, рассказывая о первых образованных чувашах, которые прославили свой народ. Большую роль в воспитании Сеспеля сыграла мать, одаренный в художественном отношении человек. Дети любили в ней светлое, созидательное начало, которым отмечены были все ее поступки. В деревне не было воды, и по ее настояниям соорудили пруд, в пруд пустили мальков рыб, после чего родной уголок стал и краше, и полезнее. В деревне мало было зелени, и по примеру матери Сеспель и его братья стали озеленять все вокруг. Она знала множество песен, сказаний, обычаев и обрядов, была весела, добра, тверда в обещаниях и неизменно последовательна в своих действиях. Нет нужды доказывать, что эти качества матери оказывали на формирование художественной натуры Сеспеля благотворное влияние.

Надо отметить и то, что Сеспель хорошо знал богатое художественное наследие своего народа, видное место в котором занимали резьба по дереву и вышивка по ткани. Эти виды прикладного искусства служили у чувашей своего рода мерилом духовной зрелости юношей и девушек, их подготовленно-

[2] См., напр., Н. Николаев. Халĕ те умрах (И сейчас перед глазами). Газ. «Коммунизм ялавĕ» (Знамя коммунизма), 1969, 3 октября, а также В. Давыдов-Анатри. Кĕскен, Мишша ывалам çинчен. Çеспĕл Мишши амашĕ каласа пани (Коротко о сыне Мише. Рассказ матери Сеспеля Мишши). Журн. «Ялав» (Знамя), 1969, № 11.

сти к самостоятельной жизни. Обращение к народному изобразительному творчеству было хорошей школой искусства для Сеспеля. Точность и строгость рисунка, бесконечное разнообразие в мотивах, ювелирная отделка чувашских орнаментов служили серьезным, дисциплинирующим началом в этой школе.

Сеспель не оставил после себя каких-либо материалов, в которых проанализировал бы свои взгляды на изобразительное творчество чувашского народа. Все же можно смело утверждать, что он очень любил народное вышивальное искусство. Еще будучи в родной деревне, он научился вышивать и носил рубашки, вышитые им самим. При чтении сеспелевских слов: «Во время работы в учреждении не имею возможности раздеться — нет рубашки, а которая на теле, вся истлела» (стр. 248),— кажется совершенно не случайным, что эта истлевшая рубашка была вышитой, с чувашским национальным орнаментом.

Разумеется, знание одного только орнамента, даже такого прославленного, как чувашский, недостаточно для профессионального овладения станковыми формами изобразительного искусства, в чем проявился талант Сеспеля. Нужна была школа, впитавшая в себя достижения мирового реалистического искусства, но в такой школе, как мы знаем, Сеспелю не пришлось учиться. Однако во времена ученичества Сеспеля рисование и чистописание в общеобразовательной школе были поставлены так, что изобразительная грамота, полученная здесь, для талантливых людей могла стать основой для самостоятельного творческого развития. В самой Чувашии в то время, за исключением иконописцев, не работало ни одного профессионального художника из своего народа, но стремление иметь своих национальных художников было весьма велико. Это стремление непосредственно связано с ростом национального самосознания, с бурным общественным развитием конца XIX—XX вв., с неумолимым движением истории к победе социалистической революции. Без уяснения этого трудно понять и появление Сеспеля как поэта и художника.

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство, связанное как с его революционным мировоззрением и национальным самосознанием, так и с направлением его художественных склонностей. Мечтая о будущем своего народа, он всегда старался узнать о тех чувашах, которые выделились как деятели национальной культуры. Он хорошо знал поэму «Нарспи» К. В. Иванова и чувашский букварь, иллюстрированный его рисунками, просветительство И. Я. Яковлева, о деятельности которого в Симбирской чувашской учительской школе любил расспрашивать. Знал он и о Казанской художественной школе, Академии художеств в Петербурге, куда хотел поступить учиться и где получили образование А. А. Кокель, М. С. Спиридонов, Н. К. Сверчков, М. А. Адрианов, А. А. Александров и другие юноши, ставшие основоположни-

ками чувашского профессионального изобразительного искусства. Особенно внимательно следил Сеспель за творческими успехами А. А. Кокеля, ставшего первым чувашским профессором-художником, произведения которого экспонировались на выставках передвижников и за границей. Картина А. А. Кокеля «В чайной» заслужила высокую похвалу И. Е. Репина и большевистской газеты «Правда». Нет оснований не верить, что между Кокелем и Сеспелем завязались дружеские отношения. По воспоминаниям жены А. А. Кокеля, Анны Афанасьевны, в 1921 г. Сеспель прислал ее мужу письмо, в котором призывает его объединить усилия образованных чувашей ради культурного подъема родного народа.

Ко времени поступления в Шихазанскую второклассную учительскую школу осенью 1914 г. Сеспель имел довольно обширное представление о рисовании и живописи. В школе он проштудировал книги как в ее библиотеке, довольно солидной по тем временам, так и вообще все, что можно было достать в окрестных деревнях. Через его руки прошли многие книги и популярные журналы того времени, к иллюстрированию которых привлекались известные художники и в которых давались репродукции шедевров русского и мирового изобразительного искусства, сообщались обширные сведения о художественной жизни русского государства и зарубежных стран. Немаловажное значение имела и техника печатания произведения искусства (способ репродуцирования и оригинального печатания) — гравюра на меди (классическая гравюра) и ксилография (гравюра на дереве). Техника этих видов гравюр всем доступна, хотя и весьма трудоемка, требует особых навыков, четкого штриха и уверенно проведенной линии, безошибочного рисунка. Приблизительные знания здесь не допускаются, ибо малейшая ошибка губительна для всей работы. Все это было удобно, поучительно для художественного самообразования. Без такого самообразования не обходится ни один художник.

Эти первоначальные творческие секреты были уже доступны Сеспелю, поэтому, думается, не было нескромностью, когда его рисунки были предложены в качестве наград молодым литераторам, которые должны были присылать свои творческие пробы в литературный рукописный журнал «Звездочка», первый номер которого был выпущен в Шихазанской учительской школе в 1917 г., до отъезда Сеспеля в Тетюши.

Конечно, эти рисунки носили пока ученический характер, автор еще не умел говорить обо всем своим языком, не имел своего творческого почерка. Однако техникой рисования он владел вполне свободно, имел точно поставленный художнический глаз и твердую руку, и вслед за ученичеством должно было последовать серьезное самостоятельное творчество, имей он для этого время и соответствующие условия.

Этих условий и времени для систематических занятий изобразительным искусством у Сеспеля не оказалось. В Тетюшах, где он занялся общественной работой вскоре после Октябрьской революции, он мог показать свои художественные способности лишь в писании лозунгов на полотне и оформлении стендов при помощи карандаша и чернил, хотя и для таких видов художественных работ требуется высокое мастерство и большой эстетический вкус. Начавшаяся гражданская война и иностранная военная интервенция в России потребовали от партии коммунистов величайшего напряжения сил и неустанной организаторской работы среди населения, в которой принял активное участие и Сеспель. Эта работа настолько поглощала его, что не оставалось времени на отдых и сон. Недоставало времени даже на встречи с людьми, с которыми он был дружен и близок. «Как преступно в эти дни множества работы отвлекаться мальчишескими чувствами,—писал он в дневнике 12 ноября 1920 г.,— но нет-нет и захочется отдаться мечтам, личным переживаниям...» (стр. 249—250). Однако, по мнению Сеспеля, не эти переживания должны заполнять сердце революционера, когда страна находится в опасности. Это обостренное чувство общественного, партийного долга заставило его отказаться от поездки на учебу в художественную школу, хотя такая возможность в одно время была. На Всероссийском съезде комсомольцев-чувашей, проходившем в Казани 16—20 июня 1920 г., в организации которого видную роль сыграл Сеспель, на вопрос анкеты для делегатов съезда, где бы он хотел учиться, Сеспель ответил, что он хотел бы поступить в художественную школу [3]. «Зачем я приехал сюда? Почему прямо из Тетюш не поехал в художественную школу? — пишет он А. А. Червяковой 12 апреля 1921 г. из Чебоксар, когда у него после ареста по ложным обвинениям были очень тяжелые переживания (стр. 224). Судя по этому признанию, вопросы в анкете задавались не только для выяснения социального состава съезда, для общего представления о том, что за люди собрались сюда, но и для размещения кадров. Видимо, Сеспелю была дана возможность сразу же поехать в художественную школу, стать художником, но он не поехал потому, что не мог оставить комсомольскую работу в столь трудное для страны время.

Человек редкой чистоты, честный и преданный делу революции, Сеспель остро и болезненно переживал свой арест. Порою ему казалось, что дело, которому он посвятил себя, загублено его врагами, что родной народ, ради светлого будущего которого он жил и работал, не осознал еще своей силы, своей великой цели. «За родину встревожен я душою»,—пишет он в стихотворении «Тяжелые думы» (стр. 81). Если же чувашскому краю

---

[3] Н. Иванов. Çеспĕл тата чаваш комсомоле (Сеспель и чувашский комсомол). «Хĕлхем» (Искорка) — приложение к газ. «Пионер сасси» (Пионерский клич), 1969, ноябрь.

суждено с земли широкой исчезнуть, а чувашскому языку суждено быть мертвым и безликим, думает Сеспель, то не будет смысла в жизни поэта и художника. И желает он себе тогда смерти скорой и бесславной:

Пусть старый дед, под бури завыванье,
Меня в могиле похоронит ранней.

Пусть вечно воет буря, в страшном гневе
Раскачивая старые деревья.

Пусть насыпь зарастет крапивой злою,
Пусть змеи зашипят над головою... (83)

Тем не менее в самые трудные для него минуты, часы, дни и месяцы, Сеспель не потерял веры в партию, в торжество справедливости, в счастливую жизнь, в свое призвание художника. В письме к А. А. Червяковой от 23 марта 1921 г., в котором так много не свойственных ему жалоб на тяготы жизни, он признается: «...как всегда, не напишу строчки, чтобы не проскользнула нотка мечтательности» (стр. 218). В другом письме он возмущается: «Люди в 20 лет такие дельцы, а я — черт его знает что — ребенок и баста» (стр. 229). «Ребенок», «нотка мечтательности» — неотъемлемые черты поэтической натуры Сеспеля, но это черты активного человека наступательного характера, твердо стоящего на реальной почве, прямо смотрящего правде в глаза, способного работать в любых труднейших условиях, умеющего видеть светлое будущее даже сквозь отрепья настоящего времени. «Я живу в какой-то конуре, одет в лохмотья, хожу в лаптях»,— сообщает он А. А. Червяковой (стр. 225). «Раздет, разут я и голодаю»,— пишет А. Т. Ласточкину (стр. 239). «Конца моему ужасному существованию не видно» (стр. 235), — делится со своим другом на Украине Ф. Н. Пакрышнем. «Думаю после суда все забыть — и искусство и книги» (стр. 228),— решает в минуты отчаяния Сеспель. «Так далек теперь от меня мир искусства» (стр. 228),— с горечью отмечает он в дни, когда голодал особенно сильно и сил у него не оставалось даже для того, чтобы подняться с постели. Однако даже под тяжестью жестоких испытаний, которые градом сыпались на него, он находит силы написать А. А. Червяковой, которой были сделаны самые завет-ные признания, сказано все, что он думал, которой были известны все переживания поэта и художника: «Мои старые письма уничтожь, бог с ними. Пусть не будет на свете ни одной точки, ни одной черточки, что бы доказывало дни бесплодных страданий, ненужных мук и т. д.» (стр. 230). Как ни тяжело было ему лично от несправедливости по отношению к нему, как ни горестно было сознавать, что силы уходят и так хочется себя пожалеть, он уверен: «Время — не для нежностей» (стр. 131).

Так мог написать лишь боец революции, прошедший через все горнила страданий и мук.

Как коммунист и художник, Сеспель не отвергает страданий, но хочет знать, во имя чего они должны быть, какие плоды они могут принести революции, родному народу:

Отчий край пригвожден палачом.
Я хочу, состраданием ранен,
Проложить путь к спасенью стихом... (101)

Путь этот Сеспель проложил не только стихами, но и всей своей жизнью. И он никогда не забывал об искусстве, никогда, даже в предчувствии смерти. «Скоро я буду накануне смерти. Каково это чувствовать, когда хочется жить художественной жизнью, что-либо оставить от своего существования чувашской национальной культуре» (стр. 248),— как последний вздох вырывается у Сеспеля горькое признание. И этому признанию можно до конца верить, ибо он подчеркивал: «Мне даже в шутку не хочется говорить неправду» (стр. 208), «Я никогда не говорил лести и ложь, и этим я могу гордиться» (стр. 206).

Какие замечательные качества для политического работника и деятеля искусства!

Со смертью Сеспеля Мишши ушел от чувашского народа человек, в котором так счастливо сочетались качества политического деятеля, революционера, гражданина и нежного лирика, ушел пламенный трибун с голосом для миллионов людей и тончайший художник, в творчестве которого могли засверкать миллионы оттенков красок.

Если мы хотим глубоко понять, откуда у Сеспеля, не учившегося в художественной школе, не имевшего профессионального художественного образования, столь большая художническая зрелость и смелость, то надо подходить к нему прежде всего как к пламенному трибуну-революционеру, как к человеку, который вслед за В. Маяковским мог бы сказать: «Улицы — наши кисти, площади — наши палитры». В этом, в революционной направленности, в массово-агитационном характере — сила искусства Сеспеля. Искусство такого художника не может не быть сильным, профессиональное мастерство такого художника куется и выковывается не в тихих мастерских, а в борьбе масс.

Наверное, Сеспель мог бы написать большие картины, создать крупномасштабные произведения изобразительного искусства. Для этого надо было лишь время, возможность уединиться и глубоко, без помех, обдумывать свои творения. Но такое уединение не могло быть Сеспелю по душе, он был борец, человек дела, и ему надо было, чтобы его искусство действовало и давало свои результаты сегодня, сейчас, без промедления. То, что он делал как художник, по своей форме, по своей направленности походило скорее всего на «Окна Роста», на искусство, которое в легко доступной образной форме моментально доводило до трудящихся масс все политические шаги партии коммунистов. Если, как отмечают авторы воспоминаний, Сеспель в чувашских

деревнях легко и правильно достигал успехов в пропагандистской работе, то этим он обязан и своему таланту художника, умению применять свой талант в конкретной партийной работе среди масс.

За исключением «Портрета брата», «Головки», нескольких виньеток и других рисунков, мы не располагаем какими-либо другими оригинальными произведениями Сеспеля, хотя, по воспоминаниям его современников, он работал в различных жанрах изобразительного искусства весьма успешно. В период учебы в школе он постоянно рисовал портреты одноклассников, родственников, всех, кто соглашался позировать. Позировать соглашались обычно охотно, поскольку портреты он делал с хорошим сходством и дарил бесплатно. Рисовал он часто и пейзажи родной деревни, хотя они получались у него, так сказать, обобщенными в его вкусе, с видами романтических далей. По прочитанным книгам он обязательно делал иллюстрации, порой они были копиями рисунков известных художников. В Тетюшах Сеспель оформлял стенды, сцены для проведения митингов и любительских постановок. Выезжая в чувашские районы для пропагандистской работы, Сеспель помогал и в оформлении помещений, где начинали свою деятельность организованные им комсомольские ячейки. Есть сведения, что Сеспель написал даже портрет В. И. Ленина, который его друзья на Украине высоко оценили и носили с собой на праздничные демонстрации.

В воспоминаниях отмечается, что Сеспель чаще всего рисовал атрибуты революционной символики — красное знамя, пятиконечную звезду и т. д. Видимо, это были графические работы, наброски, кратковременные рисунки или произведения плакатного, агитационного характера. Сохранившиеся же рисунки предназначались для интимного пользования, для близких Сеспелю людей, на память о дружбе, о верности в личном плане. Выполнялись они в минуты душевного покоя, в редкие минуты и часы досуга. Такова «Головка», специально нарисованная для А. А. Червяковой по гипсовому образцу. Сама по себе она не представляет большой художественной ценности. Сеспеля она привлекла, по всей вероятности, потому, что она по внешним чертам была похожа на А. А. Червякову, для которой делался рисунок. Рисунок хорошо скомпонован, смело вылеплен, штрихи ложатся строго по форме, обволакивая головку как-то ласково, нежно. Художник умело передал мягкость характера прототипа.

«Портрет брата» нарисован 12 февраля 1921 г., после освобождения Сеспеля из-под ареста, видимо, непосредственно с натуры, а возможно, и по памяти (кстати, сверстники Сеспеля отмечают его тренированную, цепкую память и умение воспроизводить все, о чем он думал или что наблюдал в жизни когда-либо). На рисунке мы видим крупные, уверенно и точно положенные штрихи, хорошее портретное сходство, живое движение лица с чуть-чуть раскосо поставленными умными глазами, про-

фессиональное ощущение всей работы. Судя по портрету, Сеспель мог решать и сложные психологические задачи, которые так или иначе встают перед художником. А это и есть высокий профессионализм.

Хорошая подготовленность Сеспеля к творческой работе в изобразительном искусстве видна во всех его письмах, записках, во всех документах, которые нам известны. По этим документам можно проследить, какой интенсивной художественной жизнью жил Сеспель, как хорошо он знал историю искусства, как глубоко понимал задачи современного искусства, в особенности задачи, стоящие перед чувашской национальной культурой. И это, надо учесть, при том положении, когда для специальных занятий искусством у него не было ни времени, ни какой-либо другой возможности.

Видимо, совершенно не случайно, что в набросках пьесы «Чувашский поэт» Сеспель одного из главных героев сделал художником и назвал по своему имени — Михала. Взгляды Михалы на будущее, на свой народ, на его богатые возможности несколько абстрактны, как это было и у самого Сеспеля в ранние годы. Поэта Яхрава исключили из университета за участие в революционном движении. Встал вопрос: куда теперь поехать? «Только в Симбирск!»,— говорит Михала: в Симбирске есть Чувашская учительская школа, там работал И. Я. Яковлев, собрались лучшие представители чувашской национальной культуры. Если проследить за всем ходом беседы молодых героев пьесы, особенно Михалы, то можно понять, каким представлялось искусство будущего самому Сеспелю. А оно виделось ему могучим, возвышающим чувашский народ, делающим его сильным, сознающим свою свободу.

В письмах к А. А. Червяковой Сеспель признается: «...каждая буква, прежде чем она была написана,— дрожала, трепетала в моем сердце» (стр. 212), «Никогда я не могу писать того, чего не чувствую, и пишу только тогда, когда живыми звуками чувства мои просятся к Вам» (стр. 211). Это признание можно отнести не только к интимным письмам, а и ко всему художественному творчеству Сеспеля. Оно — признание большого и честного художника.

Большой интерес представляют следующие строки из письма Сеспеля к А. А. Червяковой: «...взял в комит[ете] союза краски-акварели и ушел домой... Сидел долго, забыв все окружающее, уносясь к Вам, и чертил пером — вышел портрет Пани (Бекшанского.—*А. Г.*) — с его фот[ографической] карточки. Неожиданно вышло очень удачно. Сходство было очень удовлетворительное. Старательно вывел под рисунком имя, отч[ество] и фамилию изображенного, написал под этим заслуги его, как обыкновенно пишется под портретом знаменитостей... и отнес в комитет, где поместил рядом с портретами известных революционеров» (стр. 215—216). Здесь комментарии едва ли нужны, ибо хорошо

видно, как любил Сеспель своих товарищей по революционной работе, как их ценил, как ими дорожил, как тонко понимал великую важность их повседневной, будничной работы. Для нас важно и то, что Сеспель весьма внимательно приглядывался к своим творениям и мог оценивать их самокритично, с пониманием качества сделанного.

Свое творчество Сеспель всегда связывал с работой партии по переустройству мира. В его понимании, искусство не только признак, показатель высокоразвитой национальной культуры, но и величайшее средство воспитания у родного народа чувства собственного достоинства, обеспечения ему равенства среди других народов, интернационального воспитания, убеждения в том, что чуваши, коль они желают быть уверенными в своей счастливой судьбе, не могут и не должны отставать от «поступи нашей страны». В его творчестве много раз и настойчиво повторяется мысль, наиболее четко и убедительно высказанная в стихотворении «Чуваш! Чуваш!..»:

Чуваш! Чуваш!..
Чуваш! Чуваш!..
Поля сонливые твои,
Деревни в дреме, колеи,
И весь застывший твой пейзаж
Любить не в силах я, прости:
Сегодня новое в пути. (97)

И желая победы новому, он указывает место художника в современной жизни:

...пусть
Он в боях за наше дело
Будет бодрым, будет смелым.
Пусть борьбу, а не покорность,
Славит он, людьми любим;
Пусть отвагу, труд упорный
Солнцем сделает своим. (109)

Сеспель — певец будущего. Ему видится чувашская культура, достойная родного народа. В пьесе «Чувашский поэт» он вкладывает в уста Михалы: «Да здравствует чувашское искусство!» (стр. 187). Но для приближения этого счастливого времени требуется борьба, ибо — время «не для нежностей», требуются великие жертвы:

Если я
Упаду, обессилев,—
Вы дальше по мне шагайте,
Железными ногами смело
На сердце мое ступайте...
Эй, живые! Через павших
К светлому завтра
Мост перекиньте. (131, 133)

Таков был Сеспель в своем понимании светлого Завтра. Чувствуя свою смерть, он занят мыслями не о своей судьбе, а о судьбе родного народа, о судьбе его культуры, которая в новой жизни не может не быть счастливой.

В развитии чувашского изобразительного искусства продолжают играть свою роль книги и стихотворения самого Сеспеля, которые иллюстрируются лучшими нашими мастерами. Художники В. Филиппов, П. Сизов, А. Миттов, П. Чичканов, М. Ильин, Э. Юрьев и многие другие создали работы, которые можно считать удачным началом в оформлении сеспелевских произведений. Внимание все большего круга живописцев, графиков и скульпторов привлекает и образ самого Сеспеля. Живописцы Р. Федоров, Н. И. Яковлев, графики П. Чичканов, Э. Юрьев, А. Миттов, М. Ильин, скульпторы И. Кудрявцев, В. Бажинов, Э. Агаян, А. Брындин и многие другие создали произведения, которые несомненно обогатят чувашскую сеспелиану. Пусть эти произведения еще не все удачны, пусть они еще не могут равняться произведениям Сеспеля, но все они помогают лучше понять жизнь Сеспеля, павшего в революционных боях. И эпиграфом к этим работам чувашских художников, посвященным Сеспелю, всегда будут проникновенные слова:

Насыпь одинокая видна...
Человек хороший там зарыт,
Он за дело правое убит.
Сын труда, он голову сложил,
Чтобы мир счастливой жизнью жил.
Он за бедных шел в кровавый бой,
Не жалея жизни молодой.
До последнего, пока дышал,
Знамя коммунизма он держал... (65)

◆

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

Вып. 51 УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ 1970

НАСЛЕДИЕ МИХАИЛА СЕСПЕЛЯ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Д. Е. ЕГОРОВ,
кандидат педагогических наук

Воспитание подрастающего поколения в духе советского патриотизма является органической частью единого процесса коммунистического формирования личности. В этом многогранном процессе применяются все разнообразные средства воздействия на молодежь, которыми располагают советская педагогика, школа и семья: преподаваемые в школах учебные предметы, различные внеклассные, внешкольные мероприятия, общественно полезный труд, подчиненный задачам коммунистического воспитания, биографии великих людей, рассказы из жизни и деятельности борцов за Советскую власть, за Родину, жизненный и творческий путь классиков литературы, художественные произведения и т. д.

В воспитании чувашского юношества велика роль личности и творчества поэта, родоначальника чувашской советской поэзии Михаила Сеспеля. Наша молодежь, как и весь чувашский народ, с большой любовью относится к творческому наследию Сеспеля. Изучение наследия Сеспеля предусмотрено программой чувашской школы. Стихотворение поэта «Чувашке», например, включено в программу для внеклассного чтения под руководством учителя уже со II класса. С III класса начинается обязательное чтение и изучение стихов Сеспеля. Согласно школьной программе в III классе учащиеся обязательно должны изучить его «Волжскую песню». В VI классе подробно изучается стихотворение «Стальная вера» и читается «Век минувший». Учащиеся VII класса знакомятся с краткой биографией поэта и изучают стихотворения «Сыну чувашскому», «Жизнь и смерть». В IX классе предусмотрено изучение жизни и деятельности поэта и стихотворений «Пашня Нового Дня», «Гаснет день...», «Далеко в поле желтый зной...», «Морю», «Грядущее», стихотворения «Морю», «Жизнь и смерть» подлежат заучиванию наизусть.

В целях ознакомления с творчеством поэта его наследие широко пропагандируется в музеях республики, изучается в литературных кружках и т. д. Только в дни, посвященные 70-летию со дня рождения поэта, сотни школьников побывали на его

родине, в Шихазанской школе, в которой он учился. Пионеры средней школы № 6 гор. Чебоксар еще в 1962 г. под руководством учительницы чувашского языка и литературы В. И. Иванбсевой съездили на могилу Сеспеля на Украине. Один из пионерских отрядов этой школы назван именем Сеспеля. Учащиеся школы выпустили не один литературный журнал под названием «Çеçпёл çеçкисем».

Михаил Сеспель был «поэтом с пылающим сердцем», как называют его в народе, поэтом-коммунистом, трибуном, творчество которого от начала до конца пронизано идеями советского патриотизма. Патриотизм был решающим, доминантным началом всей жизни и деятельности чувашского поэта. Он лучше своих предшественников и современников в чувашской литературе понимал, что поэзия — могущественное средство широкого распространения и внедрения идей, волнующих общественность. Поэтому в чувашской литературе именно в творчестве Сеспеля, как справедливо подчеркивает член-корреспондент АПН СССР профессор М. Я. Сироткин, идея советского патриотизма впервые получила широкое звучание.

О значении поэзии в духовном воспитании молодежи, в строительстве новой жизни поэт писал: «Революция вдохнула в нашу жизнь новый, животворный дух. Всюду и во всем — Возрождение. Стала развиваться и **чувашская поэзия, призванная освещать путь чувашского народа и вдохновлять его»**[1] (подчеркнуто нами — *Д. Е.*). Среди заметок, относящихся к украинскому периоду его жизни, есть одна, которая звучит как клятва родной Чувашии: «Когда я вернусь в свою Чувашию,— свою силу, силу сердца отдам чувашской земле. Я разбужу горячими словами молодые души. Пусть все «увидят мир». Пусть узнают красоту вселенной»[2].

Михаил Сеспель был первым чувашским советским поэтом, в творчестве которого по-новому зазвучала традиционная тема чувашской литературы — тема патриотизма. В его наследии звучит не просто любовь к Чувашскому краю, а к краю обновленному, новой Чувашии, строящей вместе с другими братскими народами социализм.

Подчеркивая огромную силу патриотизма в борьбе с внешними врагами и строительстве новой жизни, В. И. Ленин в 1920 году говорил: «Патриотизм человека, который будет лучше три года голодать, чем отдать Россию иностранцам, это — настоящий патриотизм, без которого мы три года не продержались бы. Без этого патриотизма мы не добились бы защиты Советской республики, уничтожения частной собственности... Это — лучший революционный патриотизм»[3].

---

[1] Михаил Сеспель. Собр. соч. Чебоксары, 1959, стр. 149.
[2] Там же, стр. 191.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 124.

Именно таким революционным патриотизмом обладал чувашский поэт — коммунист Сеспель.

Работая в Чебоксарах, он писал: «Более месяца не был в бане и не менял белья. От меня несет ужасной вонью... По телу ползают вши... Во время работы в учреждении не имею возможности раздеться — нет рубашки, а которая на теле, вся истлела... Спим с братом на голых досках, поедаемые клопами» [4]. Однако он заключает, что в тяжелое для страны и народа время «коммунист должен жертвовать для общества всем своим спокойным существованием, своим личным благосостоянием».

В то же время Сеспель не только своим личным трудом, но и стихами вдохновлял народ, помогал ему заглянуть в будущее, во имя которого велась самоотверженная борьба с многочисленными врагами. Непоколебимой верой в победу советского народа, советского строя проникнуты многие его призведения, в частности стихотворение «Пашня Нового Дня», «Грядущее». «Стальная вера» и др.

В поэзии Михаила Сеспеля с особой силой проявляется патриотическое отношение к родному языку, к его преобразующей роли в строительстве новой жизни и социалистической культуры чувашского народа. Он понимал, что родной язык — боевая сила, мобилизующая народ на борьбу за светлое будущее. Родное слово, по его мнению, помогает «пламенем чистейшим сердца людей зажечь». Родной язык он рассматривал, как и великий русский педагог К. Д. Ушинский, лучшим народным наставником. Во многих отношениях его идеи о родном языке перекликаются с высказываниями великого чувашского просветителя-педагога И. Я. Яковлева.

Любя свой язык, как и родину, высоко оценивая ее роль в формировании личности и патриотическом воспитании молодежи, Михаил Сеспель никогда не допускал неправильного отношения к языкам других народов. Он высоко ценил культуру, язык русского народа, украинский и другие языки. Известно, например, что поэт прекрасно владел русским языком, многие свои стихи писал на русском языке, переводил на чувашский язык произведения Л. Толстого, М. Лермонтова. Будучи на Украине, он полюбил украинский язык.

Служа своей современности, Михаил Сеспель верил в то, что его произведения послужат и потомкам, с которыми он говорит как живой с живыми. И он не ошибся. До сих пор не ослабевает его голос — голос поэта — трибуна, коммуниста, патриота с пламенным сердцем:

Шагайте бодрее и тверже,
Отчизны любимой сыны,
Не можем отстать мы,—
не можем!—
От поступи нашей страны [5].

[4] Михаил Сеспель. Собр. соч. Чебоксары, 1959, стр. 248.
[5] Там же, стр. 123, 125.

Личный пример Михаила Сеспеля, все его творчество служили и служат мощным оружием в воспитании чувства патриотизма у подрастающего поколения. Черты нравственного облика Сеспеля — советский патриотизм, самоотверженное служение своему народу, родине, верность своим убеждениям, стойкость и неуклонность в борьбе за свободу и счастье народных масс. На произведениях поэта-коммуниста Сеспеля воспитывались сыны и дочери чувашского народа, показавшие беспримерное мужество и героизм в годы Великой Отечественной войны. Чувашская молодежь учится на них тому, как надо любить свой народ и свою родину, как надо учиться, работать, чтобы вместе с другими братскими народами нашей страны достойно нести Знамя коммунизма и во всеуслышание повторить слова народного поэта Чувашии Петра Хузангая:

Сеспель с нами! Сгоревший во имя свободы,
Он шагает в строю наших лет,
Он — увидевший радугу братства народов,
Коммунизма воспевает рассвет.

◆

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

Вып. 51 УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ 1970

ГУМАНИЗМ ПОЭТА МИХАИЛА СЕСПЕЛЯ

Н. С. СИДОРОВ,
кандидат педагогических наук

В Сеспеле есть та нетленность, высокая человечность в многогранном ее проявлении, сильная любовь к родному народу и его языку, в сочетании с непримиримостью к угнетению и неравенству, которая может служить образцом для современной молодежи. Стихи Михаила Сеспеля рождают у нашей молодежи чувства социалистического гуманизма: сочувствие и сострадание тяжелому прошлому своего народа, уважение, доброжелательность и гордость за старшее поколение, одновременно ненависть ко всему, что заставляет страдать, ко всем, кто живет на страданиях сотен миллионов людей.

Мы видим, как поэт глубоко переживает горе, бедность и нищету народа. Под впечатлением бедствий, вызванных первой мировой войной, Михаил Сеспель складывает свое первое стихотворение «Скоро...», проникнутое чувством сострадания к людям и ненависти к войне, к царскому самодержавию. Его стихотворение «Чувашке» проникнуто чувством высокого гуманизма к женщине и непримиримости к ее социальному неравноправию.

Пусть не льются больше слезы.
Сгинь, тоска-кручина!

. . . . . .

Встаньте, женщины! Отныне
Вы равны со всеми[1].

Далее он торжественно утверждает, что женщина — человек, и это звучит гордо.

Поэт живет одним дыханием со всем народом. Стремление деятельно участвовать в общей борьбе, пристальное внимание к его тогдашним нуждам и запросам — все это конкретное свидетельство гуманизма в поэзии Сеспеля. В его творчестве гуманизм тесно переплетается с патриотизмом и коллективизмом в труде на общую пользу. Мы это ярко видим в стихотворении «На помощь братьям», отражающем гражданскую войну:

[1] Михаил Сеспель. Собр. соч. Чебоксары, 1959, стр. 77.

Итак, друзья, на помощь фронту!
Мужчины, женщины, юнцы!
И в добрый час — все за работу,
Вперед на фронт, вперед, бойцы![2]

М. Сеспель хорошо понимал, что революция совершается не ради революции, а ради счастья бедных и обездоленных. Революция воспринимается поэтом как титаническая сила, обновляющая мир, человека с его высокими чувствами добра, равенства и любви:

Загорится пламя равенства и братства,
И любви высокой в сердце человека[3].

Сеспель мечтал о новых людях с богатой душой и сам стремился быть таким. В этом плане он и к себе подходил самокритично. В стихотворении, посвященном другу Пане Бекшанскому, писал:

И бросишь в даль ты укоризны
Мне, друг, за то, что не богат
Я был душой...
Не виноват
Я, Паня, что удары жизни
Эх... были слишком тяжелы,
Души богатство унесли...[4]

Эти строки ярко характеризуют исключительно высокую требовательность поэта к себе и его удивительную скромность. В жизни Сеспель был исключительно душевным, добрым и чутким молодым человеком. Он был глубоко убежден, что гуманность — это не только прекрасное нравственное качество, что оно определяет жизненные цели людей, их деятельность, участие в борьбе за счастье людей.

Юным вышел Сеспель на жизненный путь и приступил к поэтическому творчеству в очень сложный период, когда старые понятия человечности ломались, а новые гуманистические понятия и отношения нужно было установить в борьбе со старым:

Дни придут — жизнь наша будет
На земле иной:
Перестанут плакать люди
От недоли злой,
Вспыхнет солнце новой жизни —
Ясное навек![5]

Исключительно печально и в то же время гуманно звучит стихотворение «Жизнь и смерть». Все стихотворение состоит

---

[2] Там же, стр. 61.
[3] Там же, стр 55.
[4] Там же, стр. 63.
[5] Там же, стр. 49.

из человеколюбивых мотивов, поэт утверждает, что доброе дело человека остается в памяти людей.

Человек хороший там зарыт,
Он за дело правое убит.
Сын труда, он голову сложил,
Чтобы мир счастливой жизнью жил.
Он за бедных шел в кровавый бой,
Не жалея жизни молодой.
. . . . . .
Пусть земля сырая над тобой
Станет пухом, добрый человек! [6]

Чувство личного достоинства человека, связанное с осознанием своего долга перед народом, есть одно из гуманнейших чувств. У Михаила Сеспеля действительно есть высокое чувство личного достоинства и гордость за то, что он чуваш и может гордиться званием человека.

Действительно велик гуманизм поэта, выраженный в любви к своему народу и его языку, в статье «Чувашское слово». Он писал:

«Каких страданий, каких мук он не вынес, защищая свой язык... Боясь глумлений, он говорил шепотом».

Но его сострадание не немощно и не пассивно: а оно переходит в действенный гуманизм на основе сильного оптимизма. Далее он писал:

«Доселе не слышно было чувашского слова,— ныне услышат чувашскую песню, чувашский стих, чувашская речь взыграет как волны Волги, зашумит как лес, зазвенит, как струны гуслей. Чувашский язык разрубит железо, станет острой сталью.

Будет время! Настанет время!» [7].

Настало время. Поэзия счастливого чувашского народа звучит на пятидесяти языках народов СССР и мира.

Поэт мечтал чувашский народ пробудить от вечного сна темноты и навсегда уничтожить народное горе и печаль. Сила убеждения его, смелость и энергия, с которыми он их отстаивает, исходят из любви к чувашскому народу.

Он писал:

Хочу я видеть мой народ
Отважным, сильным.
Встань, чуваш!
Глаза на солнце! Рвись вперед!
Пришел он, день желанный наш [8].

Гуманизм в поэзии Сеспеля подлинно пролетарский. В его поэзии нет фальши, искажений и приспособлений, она уверена в будущем, призывает к борьбе.

---

[6] Там же, стр. 65.
[7] Там же, стр. 157, 159.
[8] Там же, стр. 97.

Михаилу Сеспелю характерно то, что он судьбу Родины и свою судьбу связал воедино. Разруху, голод и страдания людей он считал своим личным горем и страданием. Он считал, что, лично страдая и голодая с людьми вместе, будет достоин звания коммуниста и поэта.

В стихотворении «Голодный псалом» он писал:

Телерь я нем... Коль край мой умирает,
Кому нужна ты, песнь моя? Кому? [9]

Далее в стихотворении «Проложите мост!». Он безжалостен к себе ради будущего счастья других.

Если я
Упаду, обессилев,—
Вы дальше по мне шагайте,
Железными ногами смело
На сердце мое ступайте [10].

О себе заботиться поэт не умел. Современница поэта пенсионерка Р. Золотова пишет: «Он совершенно не заботился о себе, об удобствах жизни, испытывал большие материальные лишения. Будучи кристально чистым коммунистом, открыто, не взирая на лица, наносил он противнику сильные удары, а в душе был добряком и готов был снять рубашку для ближнего (бедного)» [11]. В отношениях Михаила Сеспеля к родителям проявляется его глубокая гуманность. Яркие высказывания поэта о любви к своему отцу мы находим в письмах Михаила Сеспеля к А. А. Червяковой, например, в одном из них поэт пишет: «Если бы вы знали, как я любил отца... если бы знали всю прелесть далекой, светлой моей жизни с отцом, с которым мы вместе мечтали, строили планы будущей жизни, смотрели так радостно на лежащую пред нами жизненную даль» [12].

О своей любви к отцу так пишет поэт в другом письме к А. А. Червяковой: «...После моего отца, кроме Вас, у меня никого близкого человека не было. Отец любил меня, но любовь его ко мне, родственная любовь, закончилась трагично. Я Вам не говорил: отец мой каторжанин. Я остался после отца один» [13].

Удивительная скромность и высокая человечность поэта раскрываются при знакомстве с его интимной перепиской с А. А. Червяковой. В письмах поэта любимой женщине мы ощущаем его чуткость, внимательность, нежность и искренность. Ни малейшего признака эгоизма — готовность на любые лишения ради любимого человека. Он писал: «...я знаю Вас, знаю,

---

[9] Там же, стр. 127.
[10] Там же, стр. 131.
[11] Газ. «Советская Чувашия», 1969, 14 ноября.
[12] Михаил Сеспель. Собр. соч. Чебоксары, 1959, стр. 119—120.
[13] Там же, стр. 217.

знаю, на какой высоте совершенства Вы стоите и ничто не сможет заставить меня сознательно обидеть и оскорбить вас»[14].

Сеспель со всеми невзгодами личной жизни старался бороться один. Он не хотел, чтобы люди страдали за него, а сам за людей готов был страдать сколько угодно и как угодно. Однако он допускал сострадание близкого и любимого человека. В одном из писем мы читаем: «В сострадании людей не нуждаюсь, но Ваше дружеское сострадание мне безобидно и мне нужно. Я несчастлив, но счастлив тем, что у меня есть такой хороший, добрый друг»[15].

В письме от 16 сентября 1919 года мы находим: «Я бы отдал все для того, чтобы Вы уважали себя, перестали быть плохого мнения о себе. Сознавать свое несовершенство следует, у большинства людей нет этого сознания, но бесплодные страдания от сознания своей несовершенности никогда не помогут, только нужно стараться впредь быть совершенным»[16]. В этом же письме звучат очень ценные мысли поэта о нормах гуманных взаимоотношений людей: «О людях тоже не нужно делать необдуманных, легкомысленных заключений»[17].

Друг юности и товарищ по совместной работе в отделе суда и следствия Тетюшского уезда П. И. Бекшанский вспоминает: «Мы поехали вместе с Мишей на лошади в отдаленные селения уезда по следственным делам. По дороге рассказывал, как пахал и сеял в родной деревне, о своей любви к земле и земледельцам. До сих пор помню, как Миша с чувством человека, любящего лошадь, держался за вожжи и легонько погонял ее. Доехав до намеченного места, мы разошлись по разным деревням, уговорившись встретиться утром в сельском Совете. Жду Михаила, жду, а его все нет. Прибежали мальчики из соседней деревни и сообщили мне, что мой товарищ — Михаил Кузьмич всю ночь пахал участки сирот и еще на день остался допахивать»[18]. П. И. Бекшанский вспоминает еще один случай из этого же периода совместной работы: «Михаил очень внимательно и всесторонне изучал дела по обвинению подследственных. Кроме характера преступления он изучал состав семьи, материальное положение, состояние здоровья жены и детей обвиняемого. Однажды был такой случай, когда Михаил Кузьмич женщине — многодетной матери, достал из кармана только полученную всю свою зарплату и сказал: «Это вам пособие от государства, а в дальнейшем будете получать в сельском Совете, так как вы инвалид». Освободить мужа из-под заключения не нашел возможным»[19].

---

[14] Там же, стр. 205.
[15] Там же, стр. 206.
[16] Там же, стр. 207.
[17] Там же, стр. 208.
[18] «Хёлхем» — приложение к газете «Пионер сасси», 1969, ноябрь, стр. 6.
[19] Там же.

На I учредительном съезде Советов Чувашской автономной области, который состоялся в ноябре 1920 года, Михаил Кузьмин был избран членом областного исполкома и назначен председателем Ревтрибунала. Будучи председателем Ревтрибунала, Кузьмин очень внимательно, с чувством подлинной человечности подходил при разборе дел крестьян или бедных горожан. Он допускал мысль, что эти люди совершали преступления без злого умысла, по непониманию политической и экономической обстановки в молодой советской стране. Одновременно он был беспощаден к карьеристам, стяжателям — врагам советской власти, которые сложную политическую обстановку и трудные экономические условия в стране пытались использовать в личных целях.

Во время нахождения в Крыму на лечении Сеспель познакомился с гуманным человеком с Украины Федором Пакрышнем. В письме от 30 октября 1921 года ему поэт писал: «...Только теперь я понял окончательно, что ты редкий человек. Такого доброго, любвеобильного, человеколюбивого и любящего жизнь я не встречал на этом свете»[20]. Такие слова мог написать человек, сам обладающий этими качествами. На Украине Михаил Сеспель жил в очень тяжелых условиях. Кроме того, он каждый день видел на станциях голодных, с страшными исхудалыми лицами, в лохмотьях беженцев с Волги. Приехав в г. Остер Черниговской губернии, Михаил Сеспель поступил на работу инструктором Остерского уездного земельного отдела. Сам голодал, на нем расползлась единственная рубашка, но не переставал думать о том, как бы помочь голодающим. Здесь он принял самое активное участие в организации помощи переселенцам из голодающих губерний Поволжья, что оставило добрые воспоминания о нем у украинских друзей. Сеспелем лично был разработан план проведения месячника помощи голодающим по Остерскому уезду, и в чрезвычайно трудных условиях поэт старался претворить в жизнь намеченный план сбора хлеба.

Жизнь поэта оборвалась в борьбе с нищетой и голодом людей. Перед нами он предстает как человек, следующий принципам социалистического гуманизма, непримиримого к врагам и любящего людей труда.

---

[20] Михаил Сеспель. Собр. соч. Чебоксары. 1959, стр. 235.

◆

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

Вып. 51 УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ 1970

ВОИНСТВУЮЩИЙ АТЕИЗМ СЕСПЕЛЯ

Ю. С. ГУРОВ,
кандидат философских наук

Михаил Сеспель был воинствующим материалистом, атеистом, активным борцом с поповщиной и религиозной идеологией. В своем литературном творчестве он оставил значительное атеистическое наследие, которое отражает не только общественную жизнь своего времени, но и национальные особенности атеистической мысли передовых представителей республики, а также бытовавшие на территории Чувашии религиозные течения, формы и содержание их деятельности, состояние и характер религиозности населения и молодежи, специфику и направление зарождавшихся безрелигиозных обычаев и традиций и т. д.

Цель данного исследования — попытка обобщить и оценить некоторые антирелигиозные мотивы в произведениях Сеспеля, показать атеистические взгляды и убеждения поэта, уровень его научно-атеистического мировоззрения.

* * *

В преддверии социалистической революции, в период гражданской войны и в первые годы Советской власти поэтический голос Сеспеля призывал к борьбе против реакционных старых порядков, против остатков капиталистического прошлого, против всего, что мешало трудовому народу строить новую жизнь. Одной из тем его произведений является борьба против церкви и ее защитников, против религиозного мировоззрения и религиозной морали.

В стихотворении «Обездоленных свет в непосильной борьбе...» Сеспель называет попов и всех эксплуататоров «зверями», которым «не впервые... кровь народную лить из-за мерзкой своей подлой цели». Сеспель хорошо сознает, что церковь и царское самодержавие шли единым фронтом против народа:

Поднялись! Поднялись и, как змеи, шипят
На тебя золотые мундиры,

И, взбесившись, тебе, зубы скаля, грозят
Чернецы и попы и вампиры [1].

Любя свой народ и вместе с ним переживая «черную годину» царской эксплуатации и религиозного угнетения, Сеспель не был равнодушным наблюдателем социальных несправедливостей: он призывал к свержению несправедливого строя, а вместе с ним и власти церкви и ее прислужников:

И когда же на царей
С неба буря грянет? —

восклицает он в стихотворении «Скоро...» [2].

Но буря грянула не с неба, а с земли. Восстал народ и сверг ненавистный строй угнетения и зла:

Но, осеннюю тьму разрывая,
Грянул гром над пустыней глухой.
И дошло до родимого края:
«Встаньте все на борьбу, кто живой!»

От креста не осталось и следа.
Открывает страдалец глаза:
Рать несметную с песней победной,
Торжествующей движет гроза [3].

Веру в земные, а не в «небесные» силы своего народа можно обнаружить в каждом поэтическом произведении Сеспеля. Ибо Сеспель, сам выходец из простой крестьянской семьи, живший нуждами и горем народных «страдальцев», глубоко чувствовал материальную силу родного народа, его мощь и умение, явился живым свидетелем назревания революционных настроений. Простые люди не могут уже больше терпеть обиды и несправедливости, и они больше уже не надеются ни на царя, ни на бога. В том же стихотворении поэт пишет:

Вера в бога вянет

. . . . . .

Поднимается народ
Грозною волною,
Смоет грязный царский род
С черною бедою [4].

Революционные настроения народа сливаются вместе с антирелигиозными, делают борца за народное счастье сильным и свободным от излишних религиозных пут, от предрассудков мракобесия и реакции. В годы приближающейся революции

[1] Михаил Сеспель. Собр. соч. Чебоксары, 1959, стр. 41.
[2] Там же, стр. 39.
[3] Там же, стр. 101.
[4] Там же, стр. 39.

передовые представители чувашского народа восставали не только против «царя», но и против «бога». Из истории известно большое количество фактов подобного содержания.

Когда на землю Чувашии хлынула освободительная волна Октябрьской революции, главное место в творчестве поэта стали занимать мотивы борьбы с остатками прошлого, тема укрепления социалистического строя и созидания светлого будущего — без бога и без царя. Это будущее могли построить люди сильные, свободные от бессмысленных надежд на сверхъестественные силы. Именно таких, сильных духом, земных борцов и прославляет Сеспель в стихотворении «Морю».

Не божественная, а земная вера в нового человека, в свой народ, в его талант и счастливое земное будущее составляет главную линию научно-материалистических, атеистических взглядов Сеспеля. В стихотворении «Пашня Нового Дня» Сеспель воспевает человека «новой эры»:

Чуваш с могучим сердцем, житель новой эры,
Плечами подпирая неба свод,
Шагнет в простор, одеждой солнечной сверкая;
Обнимет Новый День его с любовью, верой... [5].

Тема раскрепощения человека от пут религии, освобождения сознания людей от религиозных предрассудков раскрывает позитивные, созидательные, а не только критические, разрушительные, черты атеистической направленности творчества Сеспеля. Эти черты выражаются в том, что сверхъестественным силам поэт противопоставляет земную жизнь, земные стремления, земных людей, борцов за революцию, за дело народа. Пахари, рабочие, революционеры, люди со «стальной верой» в светлое будущее своей страны, своей республики, своего народа, в правоту своего дела — вот основные герои Сеспеля. Это не боголюди, а люди из плоти и крови, выступающие против аскетизма и религии. Эти люди гибнут, но они, умирая, не обращаются к богу, не просят божьей милости, не думают о рае на небе. Они — эти народные, земные герои Сеспеля — умирают за то, чтобы их дети жили счастливо и свободно не на небе, а на земле:

Насыпь одинокая видна,
Поросла крапивою она.
Человек хороший там зарыт,
Он за дело правое убит.
Сын труда, он голову сложил,
Чтобы мир счастливой жизнью жил [6].

Сеспель от имени своего народа дает клятву сохранить и укрепить новый, социалистический строй в Чувашии и навсе-

[5] Михаил Сеспель. Собр. соч. Чебоксары, 1959 стр. 105.
[6] Там же, стр. 65.

гда покончить с рабством во всех его проявлениях — и в экономическом, и в политическом, и в духовном:

Обнимают друг друга, жмут руки,
Возглас дружбы на всех языках.
Расплетись, оборвись, плетка муки,—
Мы не будем отныне в рабах [7].

Большое место в творчестве поэта занимает тема освобождения женщины от семейного и религиозного гнета.

Оценивая жизнь чувашской женщины при царизме, Сеспель писал в стихотворении «Чувашке»:

Кто со дня рожденья в мире
Знал одни печали?
Скорбь, тоска кого на свете
Больше всех терзали?

Чья, упав на землю где-то,
Затерялась доля?
Кто веками был несчастней,
Чем батрак в неволе?

Кто в бездонной жил кручине?
Отвечайте, люди.
Если это не чувашка,
Кто же это будет? [8]

Антигуманные отношения к женщине в дореволюционной Чувашии освящались именем бога, религии, поддерживались и насаждались церковью и ее служителями.

Революция принесла освобождение чувашской женщине. И Сеспель призывает чувашек сбросить с себя оковы тяжелого прошлого, порвать с религией, стать равной с мужчиной в борьбе «за великую свободу», за духовное раскрепощение:

Встаньте, женщины! Отныне
Вы равны со всеми.
Люди вы! Не проводите
У печей все время.

Хватит жить рабыней, стыдно
Быть прислугой мужней!
За великую свободу
Встаньте смело, дружно [9].

Общественные мотивы уважительного отношения к женщине, к ее достоинству и чести у Сеспеля соединяются с личными и становятся глубоко осознанными, наполняются оптимизмом, приобретают жизнеутверждающее начало. В противоположность религии и церкви, которые считают женщину греховным

---

[7] Михаил Сеспель. Собр. соч. Чебоксары, 1959 стр. 101.
[8] Там же, стр. 75.
[9] Там же, стр. 77.

существом с самого рождения, Сеспель подчеркивает нравственную чистоту женщины, ее талант, ее великую созидательную силу. Так, письма Сеспеля к А. А. Червяковой наполнены словами любви к женщине, веры в ее «высокий и чистый идеал человечности». Поэт негодует, когда женщина не может сбросить с себя груз пережитков прошлого. Сеспель призывает женщину всегда быть полноценным человеком. «Будьте жизнерадостны,— пишет он А. А. Червяковой...— Не унижайте себя! Все зависит от Вас, быть живой, жизнерадостной — вообще человеком» [10].

Антирелигиозными мотивами пронизаны и другие важные вопросы строительства новой жизни. К ним относятся проблемы возрождения национальной культуры «родного края» и чувашского языка, задавленных ранее царизмом и христианской православной церковью.

Известно, что царское самодержавие в XVI—XIX веках проводило насильственную христианизацию чуваш. Это не могло не отразиться на развитии национальной культуры вообще и родного языка в частности. В. И. Ленин указывал на то, что религия всегда играла роль идейного угнетателя, палача народа, являлась орудием господствующих эксплуататорских классов: «Идея бога *всегда* усыпляла и притупляла «социальные чувства», подменяя живое мертвечиной, будучи *всегда* идеей рабства (худшего, безысходного рабства). Никогда идея бога не «связывала личность с обществом», а всегда *связывала* угнетенные *классы* верой в *божественность* угнетателей» [11].

Культуру, внедряемую царским правительством среди национальных меньшинств, В. И. Ленин называл «культурой помещиков, попов, буржуазии» [12]. Это была «культура», выгодная эксплуататорским классам и духовенству царской России, помогавшая экономически и духовно закабалять трудовой чувашский народ.

Именно против русификаторства, христианизации и культуры, окрашенной религией, поддерживаемой и защищаемой православной церковью, выступает Сеспель. Патриот своего народа, поэт верит, что его родина, ее национальная культура воскреснут:

Проснется мой край и воспрянет
Жар-птицею над синевой.
Кто скажет «неправда» — обманет:
Калека душа у него.

Пока — непригляден край милый,
И дремлет чувашский народ.

---

[10] Михаил Сеспель. Собр. соч., Чебоксары, 1959, стр. 207.
[11] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 232.
[12] Там же, т. 24, стр. 121.

Пускай, но бурлят уже силы,—
Воскреснет отчизна вот-вот [13].

Сеспель верит, что «воскресение» родной культуры, края отцов и дедов «из мертвых» произойдет скоро. В стихотворении «Гаснет день...» поэт пишет:

Гаснет день . . . . . .
. . . . . .
Минет ночь. И когда из росы отольет
Утро бусы себе, и серебряный звон
Вдруг раздастся, и все запоет,—
Это значит — край милый из мертвых воскрес,
Оставляет тяжелый страдальческий крест
И свободу приветствует он! [14].

«Тяжелый страдальческий крест» — это и есть тот «христианский крест» (христианство), который царское самодержавие навязало Чувашии и народам Среднего Поволжья. Этот крест в течение четырех столетий подавлял национальное самосознание чувашского народа, игнорировал его культуру и язык. Вместе с христианизацией среди чувашского народа стала внедряться религиозная литература, издаваемая на русском языке. Чувашская речь в христианских храмах все более вытеснялась русской. Ибо в большинстве церквей богослужение проводилось на русском языке. И только позже царское правительство решило готовить священников из числа чуваш.

Вспоминая это тяжелое время, Сеспель писал в стихотворении «Воистину воскрес!»:

О люди старые, что жизни дни
В тяжелых муках провели!
Вы помните ль, как был гоним
Язык чувашский искони?
Припомните, как вместе с ним
Вас на страданье обрекли!

Чуваш с поникшей головой
По жизни молча пробирался,
В пути он даже пня боялся...
Язык чувашский — под пятой
Насилья — еле был живой... [15]

Пришло новое время, и чувашский язык вновь зазвучал в родном крае. Сеспель вместе с народом прославляет это время и от имени молодого поколения благодарит стариков за то, что они отстояли и сохранили свою культуру, чувашский язык:

О наши старцы-мудрецы!
Многострадальные отцы!
Вы расскажите молодым,
Что вынес наш народ, страдая,

---

[13] Михаил Сеспель. Собр. соч. Чебоксары, 1959, стр. 123.
[14] Там же, стр. 113.
[15] Там же, стр. 93.

И завещайте крепко им —
Любить язык родного края.
О старики! Мы всей душой
Вам благодарны в светлый час:
Страданья не сломили вас,—
И вот воскрес язык родной [16].

При этом Сеспель умело использует религиозную терминологию, тем самым усиливает поэтическую образность мысли, противопоставляет свет революции, свет свободы тьме религии:

Чувашию с раззернутых небес
Заря сплошная осветила,
И языка родного сила
Воспрянула: язык воскрес.
Живет отныне слово наше:
Язык воскрес, в нем солнца блеск.
Воскликнем радостно, чуваши:
— Воистину воскрес! [17].

В другом стихотворении — «Чуваш! Чуваш!..» — эта безрелигиозная поэтическая образность нагнетается еще больше; она сливается с неукротимой стихией природы — свободной от «божьих законов»:

Родной язык, как солнца жар,
Гори и освети огнем
Нелегкий путь родной земли.
А чтобы старое сразить,—
Раскатом яростной грозы,
Змеиным жалом стань, язык!

Когда грохочет в небе гром,—
Распарывая темень туч,
Сверкают молнии кругом.
Пусть так же, дерзок и могуч,
Бьет новых сил напор большой
Неудержимою волной
И будоражит край родной [18].

Воскресение не мифического Христа из мертвых, а воскресение чувашского языка для новой жизни было особенно важно для дальнейшего развития национальной культуры. И Сеспель в первую очередь обращается со словами надежды к молодым, к тем, кому в будущем предстоит продолжить и развить безрелигиозные традиции своего народа:

О юные! Душой воспрянем:
Язык чувашский сбросил крест,
Воскрес язык! Дружнее грянем:
— Воистину воскрес! [19].

---

[16] Там же, стр. 93.
[17] Там же, стр. 93.
[18] Там же, стр. 99
[19] Там же, стр. 95.

Борьба Сеспеля с религиозными взглядами и настроениями своего времени велась не с узких позиций противника лишь христианства, православной религии. Поэт-атеист ясно сознавал реакционную сущность религиозной идеологии в целом, а не отдельных ее компонентов. Он хорошо понимал, что не только православие, но и любая религия приносит вред, отвлекает трудящихся от активной борьбы за социальное переустройство общества на справедливых началах. Поэтому поэт выступает не только против христианизации чуваш, но и против древних религиозных верований, против язычества, киремети, религиозных суеверий, традиций и обычаев, праздников и обрядов, против религиозного обучения детей в школе.

В наброске «Дети леса» Сеспель явно высмеивает как киреметь, так и православие и их представителей, высказывает резко отрицательное отношение к религии и ее служителям:

«Все киреметь да киреметь тебе, старый! Вот нагрянут русские с колокольцами, чем расплатимся за подати? Жертвы, поминки... Как примется дьяк жарить розгами, хороши будут жертвы!» [20]

И в то же время Сеспель с удовлетворением отмечает, что религиозные традиции и обычаи предков постепенно забываются и вытесняются новыми безрелигиозными обрядами:

«О боже! боже! О великий дуб у опушки леса, о бог лугов... Забыли обычаи дедов...» [21].

С особой яростью Сеспель обрушивается на систему религиозного обучения в школе. Сеспель на себе испытал эту систему, обучаясь в школах церковно-семинарского типа. В них одними из основных предметов считались «закон божий», церковное пение, молитва и другие. За малейшее неповиновение в вопросах религиозной веры учеников строго наказывали или исключали. Та же система религиозного обучения царила и в других учебных заведениях царской России, о чем рассказывает Сеспель в набросках «Чувашский поэт» [22].

Внимательное изучение стихотворений, заметок, набросков и писем Сеспеля показывает, что поэт прекрасно был знаком с библейскими легендами и религиозными догматами. Это знакомство Сеспель использовал для разоблачения ханжества и лицемерия «священного» писания, религиозной морали. Умело используя религиозную терминологию, Сеспель высмеял ряд библейских легенд и мифов: миф об Иисусе Христе, его воскресении из мертвых [23], легенду о создании женщины «из козы» [24],

---

[20] Там же, стр. 163.
[21] Там же, стр. 165.
[22] Там же, стр. 179—189.
[23] Там же, стр. 95.
[24] Там же, стр. 189.

о распятии Христа[25] и др. Все это усиливает атеистические мотивы в произведениях Сеспеля, делает их запоминающимися, неповторимыми, своеобразными, производящими сильное эмоционально-психологическое воздействие на сознание и чувства верующих и неверующих людей.

* * *

Михаил Сеспель не только в своем литературном творчестве, но и в своей общественной деятельности и повседневной личной жизни боролся против остатков бескультурья и невежества, против религиозных предрассудков и суеверий. Его короткая жизнь — яркий пример подлинного материалиста, убежденного атеиста, настоящего коммуниста.

Первые антирелигиозные выступления Сеспеля относятся ко времени его обучения в Шугуровской церковно-приходской школе. В одном из рукописных номеров школьного журнала «Звездочка» Сеспель поместил заметку на атеистическую тему под названием: «Фальсификация святых мощей»[26], в которой вскрыл обманные действия попов и монахов. Как видно, первая литературная проба была направлена против религии и церкви. Это антирелигиозное сочинение показало социально-политическую, революционную, атеистическую направленность мировоззренческих взглядов молодого Сеспеля. Атеистический заряд, так ярко проявившийся еще в школьные годы, Сеспель сохранил до конца своей жизни.

Не раз житейские условия сталкивали юношу с церковью и религией. И всякий раз Сеспель выходил из этого идеологического столкновения победителем, еще более возмужавшим и окрепшим в борьбе с религиозными предрассудками. Исследователи творчества Сеспеля вспоминают такой случай. Однажды верующая мать пригласила Сеспеля помолиться в церковь. Молодой человек окинул взглядом широкие, бескрайние просторы родных мест и ответил: «Душно и тошно. Лучше помолюсь солнцу, как наши предки, голубому небу и зеленым травам, как дед...»[27].

Революционные, атеистические взгляды Сеспеля привели его в ряды коммунистической партии, где он окончательно освободился от всех пережитков прошлого, в том числе и от религиозных. В его дневниковой записи от 18 ноября 1920 года мы читаем: «Прошлая жизнь моя разделяется на 3 периода — 1-ый до 1911 года июня м-ца, протекавшее хотя и в ужасной бедности, но светлое, яркое детство. 2-ой же период — начавшийся жестоким ударом, ужасной драмой в семейной жизни,

[25] Там же, стр. 101.
[26] Там же, стр. 325.
[27] Из личных воспоминаний проф. Г. Н. Волкова. Воспоминания составлены на основе беседы с матерью поэта.

потерей отца — период мрачный и самый мрачный в моей жизни; полный материального и духовного гнета буржуазного общества — закончил я 1918 год началом третьего периода — вступлением моим в компартию, когда я почувствовал себя таким вольным, сильным, свободным от всех семейных, религиозных и общественных предрассудков, вместе с пролетариатом я почувствовал себя властелином жизни. С тех пор мое сознание ясно. Мысли могучи — я — коммунист!» [28].

На формирование атеистического мировоззрения Сеспеля большое влияние оказало то, что в 1919 году, когда он обучался вместе с другими коммунистами в Москве на курсах партийных и советских работников, ему посчастливилось видеть и слышать В. И. Ленина. Это дает возможность предположить, что Сеспель глубоко изучил основные статьи В. И. Ленина, в которых рассматривались одновременно и вопросы литературы, и вопросы атеизма и религии [29]. По всей вероятности, на формирование атеистических взглядов Сеспеля оказали влияние и выдающиеся советские атеисты тех лет: Н. К. Крупская, Е. М. Ярославский, В. Д. Бонч-Бруевич, И. И. Скворцов-Степанов, А. Г. Лукачевский, А. В. Луначарский и другие.

Несомненно, что прежде всего научно-атеистическое мировоззрение Сеспеля формировалось под влиянием всей революционной обстановки, активного участия в деятельности партийных и комсомольских организаций, в строительстве социализма. Однако, атеистическая пропаганда, широко развернувшаяся в те годы, не могла не воздействовать на уровень его сознания и поведения.

Больной телом, но здоровый духом, Сеспель никогда не обращался к теме загробной жизни, не проявлял мимолетной слабости даже на пороге своей смерти. В личном дневнике 10 ноября 1920 года Сеспель записывает: «Десятилетняя болезнь вконец разрушает мой организм. Скоро я буду накануне смерти. Каково это чувствовать, когда хочется жить художественной жизнью, что-либо оставить от своего существования чувашской национальной культуре» [30]. В другом месте дневника Сеспель еще более прямо сознает свою трагедию: «...мое тело скоро может стать трупом... я гнию» [31]. И в то же время

---

[28] Михаил Сеспель. Собр. соч. Чебоксары, 1959, стр. 250.

[29] К таким статьям В. И. Ленина можно отнести написанные им до 1922 г., т. е. до года смерти Сеспеля (даются по полн. собр. соч. В. И. Ленина): «Лев Толстой, как зеркало русской революции», т. 17; «Л. Н. Толстой», т. 20; «Л. Н. Толстой и его эпоха», т. 20. М. К. Сеспелю, возможно, были хорошо знакомы и другие статьи В. И. Ленина, касающиеся вопросов религии и атеизма: «К деревенской бедноте», т. 7; «Об отношении рабочей партии к религии», т. 17; «Социализм и религия», т. 12; «Классы и партии в их отношении к религии и церкви», т. 17; «Задачи союзов молодежи», т. 41 и другие.

[30] Михаил Сеспель. Собр. соч. Чебоксары, 1959, стр. 248.

[31] Там же, стр. 250.

поэт говорит: «Хочу, я жить... Я коммунист. Для коммуниста нет невозможного»[32]. Вот яркий пример подлинного атеиста, влюбленного в жизнь, в людей труда. В стихотворении «Как умру» Сеспель с еще большим оптимизмом, присущим только человеку земному, пишет:

Как умру — похороните
На горе крутой,
У могилы посадите
Ветлы надо мной...

Вы, друзья мои, придите
К насыпи моей;
Надо мною песни спойте,
Песни новых дней[33].

Богоборческие и антирелигиозные мотивы литературного творчества Сеспеля продолжены и развиты в произведениях современных чувашских поэтов и писателей, ученых[34].

* * *

М. К. Сеспель пришел к атеизму не случайно, а вполне закономерно. Эта закономерность была обусловлена всем ходом исторических событий, литературными склонностями и интересами поэта, его общественной деятельностью, связанной с коммунистической партией и комсомолом, его личными чертами характера. Атеистические мотивы его произведений носят элементы не стихийного, а целенаправленного, зрелого, осознанного атеизма. Можно с уверенностью считать, что публичная пропаганда атеизма на страницах печати в Чувашии берет свое начало от Сеспеля. В этом состоит историческая заслуга Сеспеля в деле развития атеизма в Чувашии, его вклад в атеистическое просвещение чувашского народа и всех тех, кто еще был знаком с литературным творчеством талантливого чувашского поэта.

* * *

Содержание данной статьи не вскрывает в полном объеме атеистических мотивов и тем более атеистического мировоззрения Сеспеля в целом. Будущим исследователям атеизма Сеспеля будет интересно познакомиться с такими проблемами, как

---

[32] Там же, стр. 249.

[33] Там же, стр. 85, 87.

[34] См. М. Я. Сиротки н: Очерки дореволюционной чувашской литературы. Чебоксары, 1948; Очерки истории чувашской советской литературы. Чебоксары, 1960. А. И. Петрухин. Материализм и атеизм в устном народном творчестве чуваш. Чебоксары, 1959. Г. Е. Кудряшов. Чувашские писатели о религии. «Блокнот агитатора». Чебоксары, 1966, № 13. И. И. Одюков: Чувашские народные пословицы в борьбе с религией. На чув. яз. Чебоксары, 1961; Чувашские народные пословицы в борьбе с суевериями и религией. На чув. яз. «Таван Атал», 1959, № 2. Н. Р. Романов. Чувашские пословицы, поговорки и загадки. Чебоксары, 1960.

антиклерикальные мотивы творчества поэта, разоблачение библейских легенд и религиозных догматов, стремление утвердить в сознании людей коммунистическую мораль и нравственность, научно-материалистическое мировоззрение. Неизученной является проблема влияния атеизма Сеспеля на развитие атеистической мысли в Чувашии за годы Советской власти, а также влияние на творчество поэта атеизма мыслителей, деятелей, поэтов и писателей Чувашии, которые были его современниками. Весьма полезным в деле научно-атеистического воспитания молодежи является разработка проблемы об атеистической деятельности Сеспеля в комсомоле, о пути самого поэта к атеизму. Изучение всех этих и других проблем, связанных с вопросами атеизма и религии, поможет глубже познать историческую закономерность отхода верующих от религии и церкви, выработать более эффективные средства, формы и методы атеистического воспитания в современный период, обогатит историю атеизма Чувашии.

◆

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧУВАШСКОЙ АССР

Вып. 51 УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ 1970

РЕВОЛЮЦИЯ И ИДЕЙНЫЙ МИР ПИСАТЕЛЯ

(М. Сеспель и С. Чавайн)

А. М. АЛЕКСАНДРОВ,
сотрудник НИИ при Совете Министров Марийской АССР

«Печально настоящее этой народности, печально прошедшее и ещё печальнее будущее. До настоящего времени, а может быть и до конца существования этого племени, что очень вероятно,— одна только неприглядная темь беспробудной ночи, и впереди не сияет спасительный луч зари новой жизни» [1].

Эти слова, написанные доктором медицины М. Кандаратским о марийском народе, отражали трагическую судьбу всех малых народов царской России. Но словам М. Кандаратского не суждено было сбыться. Народы мари и чуваши, уделом которых в течение многих веков были только темнота и невежество, не только не вымерли, но, пробужденные революцией, за короткое время проделали гигантский шаг в своем социальном, духовном и культурном развитии. Закономерным результатом этого процесса явилось рождение марийской и чувашской советских литератур.

Одна из специфических черт рождающихся национальных литератур состояла в том, что они с самого начала развивались как неотъемлемая составная часть единой многонациональной литературы. Но Октябрьская революция не только создала благоприятную почву для всестороннего развития различных национальных культур. Завоеванием социалистической эпохи явилось начало разностороннего творческого сотрудничества, братской дружбы национальных литератур, активного обмена духовными ценностями, что относится и к марийскому и чувашскому народам.

Процесс взаимного художественного обогащения и творческого взаимодействия — явление сложное и многогранное. Он не ограничивается художественными переводами, творческими контактами между писателями и освоением художественного

---

[1] М. Ф. Кандаратский. Признаки вымирания луговых черемис Казанской губернии. Типография императорского университета, Казань, 1889, стр. 1.

опыта другой литературы. За последние годы наши литературоведы все чаще и чаще обращают внимание на такие сложные формы творческого взаимодействия, когда на основе сходства разных по облику творческих личностей находится общность, возникшая на почве единства исторических жизненных условий.

В этом небольшом сообщении, основываясь на творчестве одного из зачинателей чувашской советской поэзии М. Сеспеля и основоположника и классика марийской литературы С. Г. Чавайна, обращается внимание на основные моменты именно такого типа творческого взаимодействия между марийской и чувашской литературами. Мы не случайно решили сопоставить этих двух авторов. Ведь творчество настоящего поэта — пульс эпохи. Думы, стремления, чаяния народа — вот круг волнующих его проблем.

Поэтому творчество М. Сеспеля и С. Чавайна — это единая нить, две страницы жизни двух возрожденных революцией соседних народов. С другой стороны их творчество — это как раз пример «эстетической схожести, возникшей параллельно на основе осмысливания одних и тех же сторон одной и той же действительности при полной самостоятельности»[2] (Г. Ломидзе).

Высокая гражданственность и лиризм, внутренняя убежденность и художественная выразительность, крылатая романтика и суровый реализм, органическое соединение личного с общественным, глубокие раздумья о прошлом, настоящем и будущем своего народа — вот что объединяет этих неповторимых по своим индивидуальным творческим обликам М. Сеспеля и С. Чавайна.

Все это в наибольшей полноте проявляется в их понимании основной эстетической категории — категории прекрасного. Прекрасна жизнь, прекрасна революционная действительность, и нет никакого возврата к старому — единодушно провозглашают поэты.

В то же время Сеспель и Чавайн утверждают не пассивное созерцание прекрасных сторон новой действительности, а требуют активного вторжения каждого в кипучие события эпохи:

Я слышу: как гром отдаленный,
Народная сила гудит,
Гудит над землей обновленной,
Что в светлое завтра глядит.

Утроим усилья, умножим
Отвагу, Отчизны сыны,—
Не можем отстать мы,—не можем!—
От поступи нашей страны,—[3]

---

[2] Сб. «Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур. (Материалы дискуссии)». Изд-во АН СССР, М., 1961, стр. 147.

[3] М. Сеспель. Стальная вера. Чебоксары, 1949, стр. 32.

провозглашает чувашский поэт М. Сеспель, а с другого берега Волги ему вторят пламенные слова марийца С. Чавайна:

Гордо голову несешь
Ты теперь, народ мари.
Ты проснулся, ты идешь
Прямо на огонь зари.

Ты силен, мари народ,
Силу покажи свою!
Ты умен, мари народ,
Сметку покажи свою![4]

«Революция и народ» — вот главное содержание творчества М. Сеспеля и С. Чавайна в первые послеоктябрьские годы. Их поэзия этого периода насыщена романтическими мотивами. Не случайно в первом произведении М. Сеспеля на тему революции под названием «Пашня Нового Дня» революция уподобляется великому Сеятелю, кладущему под пласт «чувашскую недолю», т. е. стихотворение имеет аллегорический характер. Именно такое изображение революции присуще в этот период и С. Г. Чавайну:

Черные тучи клубятся вокруг,
Как в бурю, взвыл ветер неистовый вдруг,
Синие молнии в тучах снуют,
Что молний ищут, чего не найдут?

Гром не смолкает, злобно гремит,
Земля, замирая от страха, дрожит.
Нет, ты не бойся, земля! Из-за туч
Пробьется на волю, сверкнет яркий луч[5].

Первоначальное изображение революции М. Сеспелем и С. Чавайном в символике-романтических и аллегорических образах совершенно неправомерно рассматривать как слабость в идейно-эстетическом осмыслении реальности. Не только для М. Сеспеля и С. Чавайна, но для всей советской литературы на первых порах было характерно восприятие революций как «титанической силы», «всеочищающего пламени», «яркой зарницы», «огненной бури» и т. д.

Конечно, постепенно Сеспель и Чавайн начинают обращаться к изобразительным средствам, более соответствующим конкретно-историческому показу революционных событий. Но символико-романтическая форма не была временной слабостью их творчества, она объективно соответствовала конкретному содержанию их идейно-художественного видения мира на определенном историческом этапе. Поэтому не правы те литературоведы, которые

[4] С. Чавайн. Я песни новые пою. Стихотворения и поэмы. Йошкар-Ола, 1968, стр. 56. Перевод с марийского А. Казакова. (В дальнейшем все ссылки будут приводиться по даному изданию).

[5] Там же, стр. 60.

говорят об утверждении реализма в творчестве Сеспеля и Чавайна на «ненужных обломках романтизма». Еще в 30-х годах марийский литературовед А. Асылбаев, например, высказал мысль, согласно которой «творчество Чавайна развивалось из столкновения его внутренних противоречий, из борьбы реализма и романтизма, основанных на его мировоззрении» [6].

Теоретическая база таких суждений весьма проста: если в основе реализма лежит материалистическое мировоззрение, то корни романтизма, очевидно, в идеализме. А отсюда, перенося проблему романтизма из сферы художественного мышления в область социально-философских категорий, легко делается соответствующий вывод, ибо идеализм — враждебное и чуждое нам философское направление.

Что касается проблемы романтизма в творчестве М. Сеспеля, то нам кажется, что наиболее верный тезис выдвинул М. Я. Сироткин, утверждающий, что насыщенная романтическими мотивами поэзия Сеспеля не оторвана от жизненной основы. «Уже в первых стихотворениях Сеспеля видно по-горьковски романтизированное изображение нового человека,— отмечает исследователь.— Показательно даже то, что поэт прибегает к тем же эмоционально-речевым средствам, какие характерны для революционно-романтических поэм М. Горького» [7].

Конечно, М. Сеспель стал романтиком не в результате связей с другими литературами романтического типа художественного мышления, а, наоборот, сами эти связи возникли потому, что он был романтиком по существу своему. Творчество Сеспеля было взращено прежде всего родной национальной действительностью определенной эпохи, и романтизм собственного творчества обусловил его связи с конкретными явлениями других литератур.

Иное дело, что в результате движения жизни и изменения кругозора, идейного мира писателя изменяется сам характер романтического образного отражения. Но это движение сложного характера. Марийские и чувашские писатели приходят к реализму не через преодоление романтизма, не через простое отрицание, а само отрицание совершается только путем перехода к новому, более высокому качеству. А для предшествующего этапа объективно соответствовало именно отрицаемое в данный исторический период.

Проблема революции и идейного мира писателя органически включает в себя проблемы гуманизма и эстетического идеала писателя.

Каждое стихотворение М. Сеспеля — гимн Октябрю, гимн

---

[6] А. Асылбаев. Творчество М. Шкетана. Журн. «У вий» («Новая сила»), 1935, № 7, стр. 101.

[7] М. Сироткин. Очерк истории чувашской советской литературы. Чебоксары, 1956, стр. 115.

новой жизни; это отрицание старого во имя торжества светлого, рождающегося. Говоря о своей судьбе, поэт размышляет о судьбе всего чувашского народа:

Во мне стучит мильон сердец.
Я не один. Я сам — мильон.
Мильона чувашей певец.
Мильоном стих мой повторен [8].

Что касается С. Чавайна, то его мировоззрение в первые революционные годы проходит сложную эволюцию. Начав создавать произведения в 1905—1907 гг., Чавайн сразу же свое искусство посвятил служению народу. Но проблема эстетического идеала в этот ранний период нашла у него специфическое решение. С. Чавайн в целях подъема национального самосознания своего народа воспевает славные страницы его исторического прошлого, период борьбы марийского народа против ига татарского ханства. Но положительным героем произведений Чавайна этого периода выступает не весь марийский народ, а отдельные личности. Это герои-титаны, герои-великаны, созданные под непосредственным воздействием положительных образов устнопоэтического творчества марийского народа (исторический рассказ «Иыланда» (1908), стихотворения «Могучий дуб» (1908), «Богатыри» (1910) и др.). В 20-х гг. Чавайн через сложные поиски приходит к сознанию роли народных масс как творцов истории, и подлинным общественным и эстетическим идеалом его произведений становится не былинный богатырь, а обыкновенный человек — труженик. Революция — человек, — созидательный труд — такова общественная и идейно-эстетическая концепция Чавайна.

Мотив созидательного труда — один из основных новаторских мотивов и поэзии М. Сеспеля. Идеалом поэта выступает человек, красота которого заключается в его умении трудиться творчески и вдохновенно. Своей концепцией труда М. Сеспелю с самого начала удалось ввести принципиально новое содержание не только в чувашскую советскую литературу первоначального периода. Поэтизацией созидательного, социалистического труда, формирующего в своем процессе нового человека, освобожденного от морали покорства и смирения, М. Сеспель шагнул значительно дальше многих представителей соседних литератур. Труд у Сеспеля, имеющий общественную созидательную цель, неразрывно связан с концепцией гуманизма поэта.

У М. Сеспеля и у С. Чавайна пафос нового, революционного труда обычно утверждается через художественный контраст, через сопоставление старого, поверженного, и нового, рождающегося. Отрицание старого для страстного утверждения нового—

---

[8] Сб. «Чувашская лирика». ГИХЛ, М, 1961, стр. 59.

это один из своеобразных аспектов проявления эстетики гуманизма М. Сеспеля и С. Чавайна. Конечно, отрицание у каждого из писателей находит специфическое индивидуальное и национальное решение, ибо в центре их произведений размышления о судьбах народа — чувашского у Сеспеля и марийского у С. Чавайна. Но общая социалистическая идейная направленность придает их творчеству при всем национальном своеобразии органическое идейное единство, внутреннюю однозвучность:

Пронесется буря. Под горячей лаской
Молодого солнца отдохнет Отчизна.
И цветущим садом станет край чувашский,
После доли тяжкой возродившись к жизни [9].

Так пишет М. Сеспель. Такие же наполненные историческим оптимизмом строки мы находим у С. Чавайна:

Будем жить одной семьею.
Эй, мари, друзей держись!
Вместе справимся с нуждою,
И прекрасной станет жизнь [10].

Размышления о судьбе своего народа у Сеспеля и Чавайна никогда не замыкаются в узконациональные рамки. Ведущая идея их произведений — пролетарский интернационализм. Их народ — равноправный член многонациональной семьи народов СССР.

Говоря об идейном мире М. Сеспеля и С. Чавайна, необходимо затронуть еще одну проблему: поэт и общественное назначение его поэзии. В определении концепции поэта и назначении его поэзии у Сеспеля и Чавайна обнаруживается очень много общего. Главную цель искусства они видят в служении народу, исходя при этом из марксистско-ленинского понимания проблемы народности. Своим пламенным словом поэт должен освещать своему народу дорогу в будущее — эту мысль С. Чавайн выразил еще в 1910 г. в стихотворении «Зачем я рожден», являющемся его поэтическим кредо:

Мир еще окутан тьмою,
Но неведом сердцу страх.
Ночь не властна надо мною:
Свет горит в моих глазах.

Мрак ночной я разгоняю,
Для меня преграды нет,
Я горю не угасая,
Я несу народу свет [11].

---

[9] Сб. «Чувашская весна». Гослитиздат, М. 1950, стр. 17. Перевод с чувашского П. Хузангая.

[10] С. Чавайн. Я песни новые пою, стр. 64.

[11] Там же, стр. 50—51.

Силу поэта новой эпохи М. Сеспель также видел в его единстве с народом:

Пусть борьбу, а не покорность,
Славит он, людьми любим.
Пусть отвагу, труд упорный
Солнцем сделает своим;
Пусть поэт и землю пашет,
Рубит лес и сено косит,
Пусть в работе песню сложит,
А на свадьбе— пусть он пляшет,
Пусть смеется, веселится...[12]

Но свою задачу как поэтов — глашатаев новой эпохи М. Сеспель и С. Чавайн видят не только в том, чтобы призывать, важным они считают призыв к просвещению, как к одному из важнейших условий строительства новой жизни. Это и понятно. Ведь до сих пор чувашам известна лаконичная поговорка: «Чувашскую книгу корова съела». Такая же поговорка на протяжении многих веков бытовала и среди марийцев. Не случайно в 1910 году в стихотворении «Книга» Чавайн с горечью писал:

Книга! Книга! Ты сильна,
Света, мудрости полна,
Возвышаешь ты людей,
И уже давно, любя,
Люди всюду чтут тебя.
Лишь мариец до сих пор
От тебя отводит взор,
Оттого в избе курной
Дни влачит, худой, больной.
Голод, холод сносит он,
И работой изнурен[13].

После революции социалистическая идея просвещения становится одним из основных мотивов творчества С. Чавайна. В 1918 г. поэт пишет:

О народ — мари родимый!
Дети — твой весенний цвет.
Коль плодов хороших ждешь ты,
Дай впитать им знанья свет[14].

М. Сеспель же своим творчеством сложил подлинный гимн возрожденному родному языку, его преобразующей роли в строительстве социалистической культуры чувашского народа. Проблему языка М. Сеспель ставит в самом широком аспекте. Для него судьба языка неразрывно связана с судьбой народа:

---

[12] Михаил Сеспель. Собр. соч. Чебоксары, 1959, стр. 109.
[13] С. Чавайн. Я песни новые пою, стр. 44.
[14] Там же, стр. 55.

Навсегда очищен пламенем свободы,
Новый день сияет над моей страной.
Дышут полной грудью братские
народы,
Волен и раскован ты, язык родной![15]

Таким образом, проблема революции и идейного мира писателя должна решаться не только в плане осмысления характера революции представителями национальных литератур. На примере творчества М. Сеспеля и С. Чавайна мы постарались показать и такие его аспекты, как гуманизм, отрицание старого как пафос утверждения нового, социалистическая эпоха и назначение искусства.

Невелико поэтическое наследие Михаила Сеспеля. Но разве количеством исписанной бумаги оценивается талант писателя? Если его творчество любимо народом, если на его примере учатся десятки и сотни молодых и маститых авторов,— значит, выполнил он свою миссию поэта-гражданина.

М. Сеспель был первопроходцем в чувашской советской поэзии. Поэтическому творчеству он учился у своих старших товарищей известных поэтов Тайра Тимки, Константина Иванова, он впитывал благоуханный нектар родного фольклора и живительный сок русской поэзии. Однако он и смелый новатор.

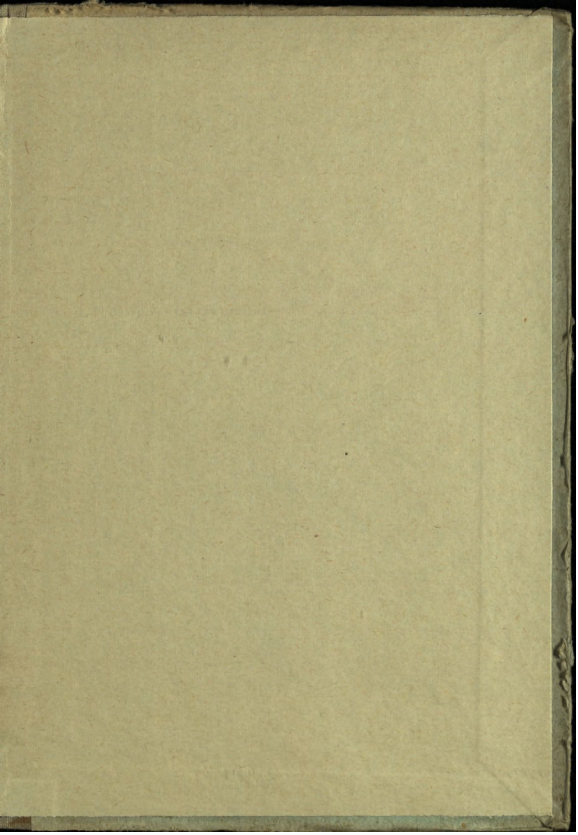
Трагически оборвалась жизнь М. Сеспеля. В зените своей славы и творческой энергии погиб С. Чавайн. Многое они сделали для родной литературы.

Их творчество явилось фундаментом, на котором выросли чувашская и марийская советская поэзия.

---

[15] М. Сеспель. Стальная вера. Чебоксары, 1949, стр. 60.

◆



Цена 1 р. 09 коп.